

Сергей Недоруб
Горизонт событий

S.T.A.L.K.E.R. – 68

<http://electrobooks.3dn.ru/>

«Горизонт событий / Сергей Недоруб»: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-071231-1, 978-5-271-35092-4

Аннотация

В то время как военные и ученые пытаются взять Зону под свой контроль, возникает небольшая группа специалистов, которая преследует собственную цель — уничтожить Монолит любой ценой. У них есть возможности, поддержка самого могущественного клана, уникальное оружие, способное разрушить Монолит, и подходящий исполнитель. В их лице человечество впервые бросает вызов Зоне, чтобы победить. Против них выступили все — свободные сталкеры, группировки, бывшие товарищи из Коалиции и сама Зона. Но наибольшую опасность представляет тот, кто разработал для них план. Тот, кто теперь использует свои способности, чтобы помешать осуществлению справедливости.

Продолжение книг «Песочные Часы» и «Тайна Полтергейста», завершающее трилогию. История о глобальном противостоянии в Зоне, где в схватке железной воли и абсолютного зла двух победителей не будет.

Сергей Недоруб

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Глава 1 Искра

Вначале была искра.

Металл ощутил приближение источника пламени и стал плавиться, пропуская во тьму яркие вспышки, которые оставляли за собой след, распространявшийся тонкой оранжевой линией по периметру тяжелой двери. Низкое гудение становилось громче, постепенно переходя в отрывистое шипение. Запах сварки вторгся в плотное пространство подземелья. Наконец шипение стихло, и дверь с трудом начала поворачиваться на петлях.

Яркое пятно дневного света ворвалось в укрытие, описав по контуру тени прищельцев. Дуло автомата медленно нацелилось на металлические перила, к которым был привязан конец троса со следами застывшей крови. Вошедший мягко переступил порог. Зашел внутрь, отходя в сторону и пропуская остальных.

Облаченные в комбинезоны фигуры выстроились на небольшой площадке. От них не исходило ни звука, не считая еле слышного свиста фильтров противогаров. Зажглись пристроенные к оружию фонари. Бойцы начали цепочкой спускаться вниз, ведущий время от времени подавал условные знаки.

Лучи фонарей выхватывали из темноты обрушенные балки, обломки лестничных пролетов — и висящие на тросах трупы.

— Эрагон, — произнес человек, шедший первым. — Я нашел их. Все мертвы.

Его голос по радиосвязи звучал вполне разборчиво. Он поежился, чувствуя, как рядом с ним встал лидер «Монолита», казавшийся еще более безмятежным в герметичной маске. Энергия подавления, исходившая от Эрагона, бросала в холод даже его ближайших помощников, которые отлично понимали, на что способен этот человек.

— Воздух? — спросил лидер.

— Чист.

Словно доказывая лишний раз свое спокойствие, Эрагон снял маску. Боевики не видели его лица, на которое и без того старались лишний раз не смотреть. Он оглядел висящие тела «монолитовцев», долго смотрел на обрубок троса, переплавленный каким-то химическим составом, и наконец остановил взгляд на трупе, скрючившемся в нелепой позе на полу шахты.

— Соберите гильзы, — приказал он. Номер Третий направился вниз, по проржавевшим ступеням, стараясь не вступить в зеленоватую дымку бурлящего «студня». Аномалия была свежей, в ее центре плавал обломок шлема.

Оставшиеся наверху бойцы расположили лучи фонарей таким образом, чтобы лидер мог видеть как можно больше пространства.

— Эрагон? — обратился к нему стоявший рядом Номер Четвертый.

Это было нарушением субординации. Если Номер Третий был занят, Четвертый имел право напрямую обратиться разве что ко Второму. И речи не могло быть о том, что кто-то случайно перепутал номера, наклеенные на рукава и четко различимые в полумраке благодаря салатовому цвету, не говоря уже про имя. А личное знакомство с лидером клана, пусть и состоявшееся недавно, снижало вероятность до исчезающей величины. Следовательно, новичок попросту забыл правило не разговаривать с боссом либо пренебрег им.

— Что? — бесстрастно произнес Эрагон.

— Когда мы сможем отомстить?

Голос звучал яростно, но настоящей энергии в нем было не больше, чем в тьяканы городской шавки. Эрагон почувствовал, как все бойцы со второго по восьмой слегка отступают назад. Когда сможем отомстить? Когда Зона будет нашей, когда мы поднимем восстание против Барьера, когда эмблема «Монолита» появится на карте мира под видом флага нового государства? Было время, когда Эрагона забавляли такие вопросы. Порою они вводили его в бешенство. Теперь же не осталось ничего. Лишь осознание простого факта, что молодняк с годами не умнеет.

— Терпение, мой юный друг, — ответил Эрагон и повернулся всем телом. Матовое лезвие ножа не отразило ни единого луча света от фонарей. Войдя в горло Четвертого, оно задержалось там на мгновение и тут же вылетело обратно. Эрагон вытер нож о рукав, вернул на место и снова повернулся к перилам. Прежде чем труп Четвертого замер на побитой решетке пола, лидер клана уже стоял в прежней позе.

Бойцы коротко переглянулись. Все понимали, что только что случилось. Хотя вряд ли бы они сумели разъяснить, что именно и почему. Номер Седьмой склонился над мертвецом и принялся снимать с него важное снаряжение. Теперь оно было его боевым трофеем. Восьмому номеру достанется имущество следующего же покойника, которого клан встретит на своем пути. Мародерствовать у «Монолита» разрешалось свободно и за счет чего угодно, но только начиная с седьмой ступени и дальше, то есть рядовым бойцам. Как полагается, в порядке очереди. Офицерский же состав местного разлива имел совершенно иные привилегии, бонусы и мировоззрение, чтобы опускаться до желания шмонать трупы.

Хотя, как оказалось, даже до Четвертого порою повышались самые неподходящие люди.

Эрагон продолжал стоять в задумчивости, словно думая о чем-то постороннем. Когда ему принесли гильзы, он лишь коротко взглянул на них и разжал руку, высыпав их обратно вниз. Все до единой упали в «студень» и начали медленно тонуть, покрываясь пузырями ржавой пены.

— Набери мне Кунченко, — сказал он, щелкая переключателем на микрофоне. Теперь остальные не могли слышать входящие реплики.

«Монолитовцы» начали обыскивать шахту тщательнее. Двое вернулись к двери и прикрыли ее изнутри, не запирая. Третий занялся карманным компьютером, выполняя приказ командира.

— «Тайкун» на связи, — отрапортовал бодрый голос в наушнике.

Эрагон повернулся и наклонил голову.

— Здравствуй, друг мой, — сказал он. — Узнал меня?

— Генерал?! Вы?! Не может быть! Какими судьбами в наши края?

Лидер клана стиснул рукоять короткоствольного автомата, висящего на плече.

— Я в «Икс-шестнадцать», — произнес он. — Ты ничего мне не хочешь сказать?

— Нет. А что случилось? Что там, генерал?

— Мои люди мертвы. Я хочу знать почему.

— Примите соболезнования. Даю слово, что при первой же возможности...

Ударив по металлическому поручню, Эрагон сломал его. Звонкая трель пронеслась по шахте лаборатории, эхом отразившись от сырых стен.

— Еще одна шутка, и я убью десять первых встречных вояк с Барьера, — тихо произнес Эрагон.

Некоторое время собеседник не говорил ни слова.

— Намек понял, умолкаю, — вздохнул он. — Почему ты решил выйти на меня?

— Ты убил моих людей.

Короткая пауза.

— Что заставляет тебя так считать? — спросил «Тайкун».

— На них напали или же устроили засаду. Организованно.

— Сталкеры. Ваша братва сталкерам не по нраву. Думаю, объяснять не нужно.

— Дверь была заварена. Знакомая работа. И это не ручной резак.

«Тайкун» снова помолчал.

— Ты меня поймал, — признался он. — Да, шахту заварили мы. Но с «Монолитом» я не воевал. Куда мне, грешному? Когда я прибыл по наводке, тут уже висели трупы. Во избежание рецидивов я распорядился перекрыть вход.

— Кто навел?

— «Долг».

Эрагон даже не моргнул.

— По-твоему, «долговцы» объявили нам войну? — спросил он.

— Войну? Вряд ли. Скорее борьбу за мир, но такую, что во всей Зоне камня на камне не останется.

— Ты не снял моих людей. Оставил их висеть.

— Ну да. Я и не сомневался, что тебе они мертвые ближе, чем живые.

— Это не имеет значения. Но мне не нравится, что их не снял именно ты.

— Я берегу свои нервы, Эрагон.

Лидер «Монолита» снова посмотрел на обрезок пережженного троса, в то время как его люди продолжали искать улики.

— А как-то странно все выходит, — продолжал собеседник. — Суть развода ведь не в том, что кто-то порубил твоих ребят в капусту. А в том, где это случилось. Мы же вроде по-хорошему договорились: «Монолит» южнее Рыжего леса не суется. Взамен на вас никто не охотится. Какие предъявы ты хочешь кинуть и кому? Давай соберем Совет кланов, и ты выступишь с речью. Дескать, по какому праву не то сталкеры, не то «долговцы» мочат моих вооруженных пацанов, забравшихся в чужую лабораторию за тридевять земель от нашей базы? Да беспредел творится!

— Все равно кто-то за это ответит, — сказал Эрагон. — Я очень хорошо подумаю над тем, кто именно. Круг подозреваемых не ограничен. Слышишь меня?

— Слышу. Думай сколько хочешь, конечно. Мне добираться осталось секунд девять.

Эрагон отпрянул от перил и сорвал с себя наушник.

— Все на выход! — заорал он, переполошив своих людей. Метнувшись к двери, он толкнул ее и выскочил наружу.

Черный вертолет, вынырнув из-за холма, оглушил его свистом соосных винтов.

— Поздно, сволочь, — сказал Клинч, вдавив заветную кнопку на рычаге.

Подвешенная под днищем вертолета тридцатимиллиметровая пушка извергла огненное приветствие. Эрагон отпрыгнул вправо, упал в высокую траву и перекатился до ближайшего укрытия, оцарапавшись о валяющуюся проволоку. Двоих «монолитовцев» скосило очередь, как только они выбежали из лаборатории, — одному оторвало руку, голова второго не разлетелась на

части только благодаря сжимающему ее противогазу, вмиг оросившемуся красным.

Ка-54 крутился из стороны в сторону, поливая огнем стены лаборатории. Эрагон, стиснув зубы, смотрел, как каменные и железные осколки разлетаются перед его глазами подобно шрапнели, блокируя все возможные пути отхода. Истошный рев одного из «монолитовцев», лежащего где-то рядом, был ужасным, но не мог лишить его самообладания.

Не все бойцы успели выбежать из лаборатории — некоторые отстреливались изнутри, хотя из своих коротких автоматов они не могли не то что пробить кабину Ка-54, но даже попасть в нее.

— Хватит, — произнес Клинч. — Мы сегодня и так потратились.

От правого крыла отделился длинный снаряд и направился к лаборатории, оставляя за собой пышный белый след. Эрагон зажмурился и открыл рот. Громкий взрыв сотряс его, вопль раненого «монолитовца» оборвался.

Вход в «Икс-шестнадцать» был завален обломками. Поднялось огромное облако пыли. Пользуясь моментом, Эрагон выкатился обратно, вскочил и перемахнул за накренившуюся плиту, ранее служившую фрагментом забора. Добравшись до заднего заброшенного двора, он перевел дух.

— Клинч, — произнес сидящий рядом с пилотом худощавый мужчина со здоровым цветом лица, что было редкостью. — Эрагон скрылся.

— Спасибо, Рубин, вижу, — ответил майор.

— Применим тепловое?

— Нет.

Клинч бросил быстрый взгляд на третьего человека в салоне, сидящего сзади и следящего за боем.

— Готов? — спросил он.

Тот кивнул. Расправил шею, взял лежащий на сиденье шлем и надел на голову.

Вертолет медленно направился вперед, облетая заводской комплекс.

Прислонившийся к стене Эрагон с ненавистью вслушивался в размеренный шум винтов, восстанавливая дыхание. Беспольный автомат висел мертвым грузом, казалось, прибавив в весе в десятки раз. Левое ухо полностью заложило, местность дрожала перед глазами.

Сзади послышался топот, и Эрагон быстро поднял автомат. Один из «монолитовцев» сумел выбраться из лаборатории до взрыва, избежав осколков. По торчащему за его спиной стволу Эрагон с внезапным остервенением понял, что это был именно гранатометчик.

— Куда бежишь?! — крикнул он. — Снимай ствол, тварь!

«Монолитовец» стащил с себя разорванный противогаз и уставился на Эрагона окровавленными глазами.

Эрагон не испытал ровным счетом ничего. Выхватил нож, добил раненого метким ударом в сердце, выдернул лезвие, быстро очистил о край комбеза, спрятал в ножны. Простой комплекс привычных движений. Сняв с «монолитовца» гранатомет, лидер приготовил оружие к бою и стал искать удобное место.

— Следы, — предупредил Клинч, направляя вертолет левее. — Гранатометчик побежал на голос командира. Сейчас наш генерал себя покажет.

Человек в шлеме проверил винтовку и занял позицию у закрытой боковой двери кабины.

«Тайкун» не торопясь пролетел через облако пыли. Сверкнув на солнце острой кабиной, вертолет чуть сменил траекторию.

— Так, Консул, полная готовность! — громко сказал Клинч. — Мы будем мишенью размером пять на пятнадцать. Не подведи.

Рубин нервно зашевелился, но не произнес ни слова.

Севший на колени в кустах Эрагон припал к прицелу гранатомета, ловя момент. Вертолет висел прямо перед ним, вызывая шумя лопастями, словно не имел отношения к случившемуся обстрелу. Немного поведив носом по сторонам, «вертушка» развернулась боком.

В ярости спустив снаряд, Эрагон заметил, что вертолет взлетел чуть повыше с небольшим упреждением. В этот момент дверь кабины открылась, и в проеме возник снайпер в шлеме.

Дернувшись в сторону, лидер «Монолита» почувствовал острую боль в левой части головы. Он взвыл от приступа боли, выронил опустевший гранатомет и схватился за то, что осталось от его уха.

— Отлично! — сказал Клинч, тут же уводя машину в сторону.

— Может, стоит добить? — предложил Рубин, перекрикивая ветер.

— Да. Консул, десантируйся. Я не сяду, пока не будет тихо.

Человек в шлеме поднял широкое сиденье, вытащил «Абакан», закинул за спину, добавил пару рожков в карманы разгрузки. Пристегнул карабин бортового троса к пряжке на поясе, закрепил страховочный фал. Конец троса упал вниз, шелестя по земле. Схватившись за «сур», Консул заскользил вниз, переориентируясь в пространстве. Когда он добрался до земли, то уже психологически не являлся частью экипажа вертолета — он был один на вражеской территории. Консул отстегнул карабин и фал, извлек автомат из-за спины.

Клинч ударил по кнопке над головой — трос начал сматываться обратно.

— Зачем ты послал его? — спросил Рубин, следя за Консулом. — Зачистил бы с воздуха.

— Ему пешком топать до Припяти, — ответил Клинч. — Пусть не всю дистанцию, но самую сложную часть. А если карта ляжет, то и полностью. Если не сумеет навести порядок сейчас, то он в этом деле не нужен вообще.

— Майор, не гони волну. Без него нам не справиться.

Кунченко немного повернул кабину относительно оси.

— Знаю, Рубин, — подтвердил он. — Но я хочу быть в нем уверен. Иначе не пойдет.

Консул бегом добрался до относительно безопасного участка — бетонной будки, за которой затаился, произведя молниеносный анализ ситуации. Для него было очевидно, что «Тайкун» нарочно остался над местом боя, чтобы выманить новых потенциальных гранатометчиков, перенаправить их внимание на себя. Никто не показался. За эти секунды Консул быстро составил в голове наиболее детальную карту местности с учетом предыдущего обзора с воздуха и немалой доли интуиции. Тело одного из «монолитовцев» лежало прямо перед ним. Консул выстрелил ему в голову одиночным, склонился, перевернул на спину и, обшарив карманы, вытащил КПК. Прикрыл экран ладонью в перчатке, пряча от солнца, чтоб разглядеть показания. Карманный компьютер сразу высветил карту подходящего масштаба и несколько маяков с цифрами. Некоторые из них шевелились.

Консул добрался до ближайшего. Скрюченный труп бойца клана лежал так, что одного взгляда на позу было достаточно, чтобы понять: этот человек мертв. Человек в шлеме все же произвел контрольный выстрел в голову и отошел в сторону. Он не имел собственного маяка, однако в данный момент его трофейный компьютер издавал такой же сигнал, как и остальные идентификаторы. И в данный момент кто-то к нему направлялся. Консул ждал.

Выстрел пришел с той же стороны, с которой и должен был. «Монолитовец» выпрыгнул из кустов — убедиться в смерти нападавшего. И замер, с изумлением глядя на Консула, продолжавшего стоять на месте. За несколько мгновений Консул успел заметить, что враг выглядел невредимым и, стало быть, не спускался в лабораторию с братьями по клану. Он был из группы прикрытия. Значит, могли быть и другие.

Боец выстрелил еще дважды и шагнул вперед, прежде чем понял, что между ним и мишенью есть что-то, меняющее траекторию пуль. Поздно. Он не заметил легкий пылевой вихрь, расположенный по центру чистого, свободного от растительности круга. Не придавал значения самому факту существования пустого пространства. И уж точно не успел осознать, что попал в «карусель».

Аномалия подняла «монолитовца» на несколько метров, перекрутила и разорвала на множество частей, которые тут же стали распадаться на красноватую, моментально иссушающуюся пыль. Крика не было слышно, но Консул знал, что он был. При расплющивании легких крика не может не быть из-за принудительного выдыхания, аномалия лишь поглотила его чавкающим звуком раздираемой плоти.

В центр освобожденного от энергии круга свалился артефакт. При данной комбинации действий — редкость. Консул даже не посмотрел на него. Это для сталкеров.

Если, конечно, к будущей неделе в радиусе Барьера останется хотя бы один сталкер.

Консул бросил взгляд на экран. Больше никто не шевелился.

— Достаточно, — сказал голос Клинча в ухе. — Повышенная аномальная активность. Не расхаживай там, оставь остальных в покое.

Человек в шлеме так и намеревался поступить. Оставить остальных «монолитовцев» на волю

судьбы.

Всех, кроме маяка с цифрой «1».

Эрагон был впереди, метрах в пятидесяти. Консул двинулся в нужном направлении, перешагивая через горящие доски трухлявого забора.

— Он когда-нибудь научится рапортовать о своих решениях? — спросил Рубин.

— Зачем? — пожал плечами майор. — Он не давал нам присяги на верность.

Рубин провел ладонью по гладко выбритой голове.

— Вся операция упирается в этот фактор, — пробурчал он. — Слишком ненадежно.

— Руб, ты всегда можешь соскочить, если захочешь, — убедил Клинч. — Я не буду в обиде, ты же знаешь.

Консул добрался до места. Эрагона нигде не было. Вместо него на камне лежал чудом не разбившийся КПК. Наклонившись, Консул подобрал его, выключил и сунул в карман, надежно закрыв «липучкой». Быстро подняв ствол автомата, он посмотрел в дальние заросли, явственно ощущая чье-то присутствие.

Враг напал на него со спины, как Консул и предугадал в последний момент. Для этого ему не понадобились ни рисунок теней, ни маяк. Следы на земле говорили Консулу намного больше. Он не стал тратить время на то, чтобы повернуться лицом к нападавшему, просто перекатился и выстрелил из пистолета, который уже держал в левой руке.

«Монолитовец» упал навзничь. И без того окровавленный лоб приобрел аккуратную дырочку чуть правее центра. Удачное попадание.

— Консул, отправляйся на сто метров к востоку, — сообщил Клинч, отводя вертолет в сторону. — Сажусь у разбитой пожарной машины.

Через три минуты Консул уже сидел в вертолете. Он закрыл дверь, снял шлем и вытер лицо.

— Я не убил Эрагона, — доложил он, глядя в узкое окно. — Не нашел никаких следов.

— Тем лучше, — ответил Клинч, описывая круг. — Он вернется и поднимет всю свою империю. Нельзя давать крысам забиться в нору. Иначе какие из нас коты?

— Что, таков был план? — спросил Рубин.

— У плана куча разветвлений, — пояснил майор. — Злой Эрагон может лучше расставить фигуры на доске, чем Эрагон мертвый. По крайней мере он предсказуем.

— Что будет с теми, кто остался внутри? — спросил Консул, глядя на покореженный заводской корпус, в котором располагался вход в лабораторию.

— Да, точно, — согласился Клинч, щелкнув парой тумблеров. — Нельзя оставлять их в таком положении.

Зависнув на миг напротив лаборатории, «Черная акула» выпустила четыре «нара», которые превратили небольшое здание в груды развалин, оставив стоять лишь одну из стен.

— Нет ничего забавнее, чем стрелять с воздуха ракетами, рассчитанными на наземное применение, — ухмыльнулся майор. Поймав растерянный взгляд Консула, он добавил: — Не беспокойся. В нашем деле без чувства юмора никуда. Это и отличает меня от Эрагона.

Ка-54 накренился сильнее и направился прочь от места боя.

— И это уже не шутка, — произнес Клинч.

Консул глубоко и неторопливо дышал, приходя в себя. Он сжимал и разжимал кулаки, чувствуя внезапный приступ клаустрофобии.

Раздался громкий гудок — на приборной панели замигал красный огонек.

— Что это? — спросил Консул.

— Ничего особенного, — нахмурился Клинч. — Хотя... Погоди немного.

Он скорректировал направление.

— Что случилось? — Рубин с опасением взгляделся вперед.

— Маяк тревоги, — сказал Клинч. — Заскочим к одному человеку, посмотрим, что там у него стряслось. К нему, так или иначе, есть вопросы. Будьте готовы ко всему.

Консул снова надел шлем и взял винтовку.

«Тайкун» пролетел через всю Свалку, направляясь к южному входу в Зону. Маяк стал пищать чаще.

— Падишах не у себя, — выговорил Клинч, глядя то на показания экрана, то снова вперед. — Не понял. Он что, на мосту? Какого черта он там забыл?!

— Проблемы? — вытянул шею Рубин, стараясь рассмотреть, что находится внизу. Консул взгляделся в окно на двери. Вертолет пронесся над разрушенным мостом.
— Клинч, там какие-то разборки, — сказал Рубин. — Падишах под дулом пистолета.
— Вижу, — мрачно сказал майор. — Вот же пакость. Консул, успеешь снять уroda?

Рокочущий «Тайкун» пролетел над мостом и описал круг над головами торговца и сталкера.
— Присоединяйся к нам! — повторил Падишах, протягивая толстую руку. — Это лучший выбор, Борланд! Используй возможность остановить Зону.

— Пристрели его! — рявкнул Клинч. — Этот хрен уже наделал делов!

Борланд только сейчас посмотрел на вертолет, медленно разворачивающийся в полусотне метров. Сталкер видел, как распахнулась дверца увеличенной кабины, и прямо в него нацелилась винтовка снайпера в шлеме.

— Остановить Зону? — произнес он. — Да, я воспользуюсь шансом. Зона — это мы. И она будет уничтожена.

— Консул, не тупи! — крикнул майор.

Подняв пистолет, Борланд нажал на спуск, и воющего Падишаха тяжелой пулей отбросило к задней стенке вагона. Сталкер продолжал стрелять, глядя, как на теле торговца появляются новые и новые отверстия. Падишах сполз в угол вагона, и ржавая конструкция наконец покачнулась.

Консул почувствовал, как винтовка медленно выскользывает из его рук. Сжав ее покрепче, он нервно спросил:

— Кто этот сталкер? Зачем его убивать?

Клинч словно не услышал его. Борланд спокойно отошел назад, не смотря, как покореженный вагон, ускоряясь, наклоняется все дальше к обрыву. Жалобно затрещали куски арматуры и металлические укрепления, вагон с мертвым телом торговца сорвался и упал с пятнадцатиметровой высоты, с диким грохотом разлетевшись на части.

— О-хо-хо! — протянул Клинч. — Шумный какой попался.

— Он убил его, — произнес Консул.

— Есть немного, — согласился Клинч. — Ладно, невелика потеря. Кончай с этим.

Маяк продолжал подавать звуковой сигнал. Как только Клинч выключил его, следом загорелся другой индикатор.

— Что еще?! — сказал он. — Консул, смотри не вылети наружу... Да, «Тайкун» на связи! Что у вас случилось?

Снайпер убрал винтовку, глядя на сталкера.

— Куда ты, Карлсон недобитый? — кричал Борланд, медленно шагая по шпалам к обрыву. — Лети сюда! Ты хочешь нового сэра? Так приди и возьми, падаль!

Клинч, прослушав сообщение по радио, двинул вертолет с места и зашел на круг.

— Ястреб мертв, — мрачно сообщил он.

— Что? — переспросил Консул, словно очнувшись.

— То. Конец нам, ребята, настал. Полный.

В бешенстве Клинч разразился бранью. Рубин глубже врос в кресло, и было от чего. Не каждый день увидишь, как майор авиации лупит кулаком по панели новейшего вертолета, который любит больше, чем родного пса.

Консул не отводил взгляда от стоящего на мосту сталкера, который держался за голову и раскачивался, словно находясь в состоянии нервного срыва. Казалось, его вообще не волновал враждебный вертолет.

— Клинч, ты в порядке?

— Да, детали по прибытии, — сухо ответил Клинч. — Твою же мать... Рубин, у тебя «сайгак» с собой?

— Конечно, — быстро сказал Рубин, повернувшись к Консулу. — Под сиденьем найдешь. Заряженный.

Консул, словно только этого и ждал, отложил винтовку в сторону и вытащил другую.

— Осторожнее, — предупредил Рубин. — Это на псевдогиганта рассчитано.

— Не бойсь, — отчеканил Клинч. — Тот крендель внизу от него недалеко ушел.

Вертолет завис на прежнем месте. Борланд повернулся к нему, и зловещая улыбка

проступила на его лице.

Консул тщательно прицелился и нажал на спуск.

От точности пущенного снаряда зависело многое. При недостаточной сноровке стрелка он мог убить. При еще более слабой — пролететь мимо. В любом случае данная разработка Коалиции не была рассчитана на выстрел с воздуха, тем более в человека. Но Консул был мастером. Дротик с транквилизатором летел навстречу цели, сверля воздух толстой иглой, неся в себе трубку с гелем, противовес и оперение.

Со стороны «Тайкуна» раздался свист, мягко украсивший однообразный шум винта. Борланд почувствовал сильный удар в шею, перед глазами мелькнуло небо, и свет померк.

— Спи, сахарный, — сказал Клинич, сажая машину на ровное пространство на холме. — Ну, тащи его сюда.

Консул отцепил страховочный ремень и подбежал к Борланду. Игла вонзилась тому в шею, изрядно запачкав сталкера его же собственной кровью. Подняв Борланда на плечи, Консул понес его к вертолету.

— Смотри не напачкай мне тут, — предупредил Клинич, когда Консул закрыл дверь кабины. — Готов?

— Коли ему антидот, не то отбросит копыта прямо здесь, — посоветовал Рубин. — Майор мне обещал, что в этом вертолете никто не умрет.

Ка-54, экспериментальный вертолет под кодовым названием «Тайкун», поднялся вверх и взял курс за северо-запад.

— Да, чуть не забыл, — опомнился Клинич. — Если будешь летать, никогда не паркуйся там, где это сделал я только что. Это опасно.

Консул снял шлем. Взяв со стены кабины аптечку, раскрыл ее, вытащил шприц. Тихий шепот отвлек его.

— Что? — спросил он, наклоняясь к сталкеру поближе.

Борланд еле заметно шевелил губами. Консул наклонился ниже и услышал, как сталкер раз за разом шепчет:

— Литера...

Глава 2 Брифинг

Он услышал пение задолго до того, как непроизвольно замедлил шаг. Майор Кунченко, облаченный в защитный костюм, подождал, пока коридор опустеет. Быстро взглянув по сторонам, он убедился, что за ним никто не наблюдает. Скрытность в месте, ставшем ему домом, наделяла его странным ощущением, будто он делает что-то запретное.

Впрочем, в определенном смысле это было недалеко от истины.

Пластиковый четырехугольник прошел через щель, и загорелась зеленая лампочка.

«Не экономят на замках, навесной был бы надежнее», — совсем некстати подумал Клинич, вытаскивая ключ-карту и отступая на шаг в сторону.

— Приветствую, — сказал он, заглядывая в проем. — Все в порядке?

Сидящий на полу в синей пижаме Борланд смотрел на него, не говоря ни слова.

Клинич вошел в отсек.

— Это на каком языке было? — спросил он.

— На их языке, — ответил Борланд. — Боевая песня Сенатора.

— Понятно, — сказал Клинич, осторожно присаживаясь на край кровати. — А поешь ты хреннее некуда. Значит, сегодня мы уже мебель не бросаем?

Борланд обвел глазами комнату, по которой были раскиданы обломки пластикового стола.

— Ремонтировать долго, — тихо ответил он.

— Ну да, молотка тебе не выдали, — добавил Клинич утвердительно.

Майор снова поднялся, закрыл дверь с помощью той же карты и оперся об нее спиной, почесывая подбородок.

— Давай в этот раз обойдемся без взаимного мордобития, — сказал он. — А то у нас тут

проблемы со страхованием челюсти. Ты здесь уже пять дней и, по данным костоправов, вполне пришел в форму. У тебя было физическое и моральное истощение, а настроение и вовсе аховое. Впрочем, это все понятно. Но тогда — это тогда, а сейчас — это сейчас. Мой друг пожертвовал жизнью, чтобы ты занял его место. Мне этого не понять, но Ястребу я доверяю, даже мертвому. Если он в тебе не ошибся, то мы с тобой договоримся, и ты примешь важное участие в нашем деле. А если упруешься рогом в какие-то личные проблемы, то они вместе с тобой и уйдут. Наше время подошло, я сейчас иду на очень интересное совещание и сюда уже не вернусь. Никогда. Либо ты со мной, либо я передаю тебя очкарикам в белых халатах, которые начнут ставить на тебе опыты как на сталкере-ветеране. Обычно они ребята хорошие, даже постирали твою бандану. Стоит мне просто в один прекрасный день не нагрузить их работой, как они найдут ее сами. И эта комната уже запирается не будет.

Клинч вытащил черную бандану из внешнего кармана костюма и бросил ее сталкеру.

Аккуратно взяв ее, Борланд встал с пола. Выпрямившись, он отошел к противоположной от Клинча стене, на которой висело небьющееся зеркало, и взгляделся в свое отражение. На него смотрел знакомый изможденный мужчина с недельной щетиной, однако еле уловимый блеск в глазах был ему неизвестен.

— Какие проблемы? — сказал Борланд, повторяя слова вслед за отражением, произносящим их. — Обычное дело. Выбраться из одной проблемы и угодить в другую. Убить человека и быть убитым самому. Просто обычная жизнь в Зоне. Можно сказать, аномалия. Подумаешь — попал в аномалию. Ну, потрепало немного. Скажи спасибо, что не насмерть. Друзья умирают, ты живешь. Так?

Клинч покивал с умным видом.

— Слушай, эта штука в самом деле помогает? — спросил он, показывая на зеркало. — Надо бы себе такую же завести. Обставить все стены, познавать дзен... Что думаешь?

Борланд провел рукой по зеркалу, словно стирая отражение. Затем отвернулся.

— Думаю, что можно и помочь ребятам, которые сделали мне столько хорошего и постирали мою бандану, — ответил он. — Ладно, я тебя выслушаю. Может, я и не захочу делать ваши проблемы моими личными, но уверен, что не стану делать свои личные проблемы вашими. Я не собираюсь делиться с тобой своими мыслями о людях, которых потерял. Ты не заслуживаешь этого, майор.

— Вот как?

— Да, вот так. К тому же месть — это не для сталкеров, верно? И мстить некому, ведь Ястреб мертв.

Клинч нетерпеливо взмахнул.

— Когда мне понадобится пафос, я приволоку пафосную корзину, — сказал он. — Ты выболтался?

Борланд кивнул в сторону двери.

— Открывай уже, — буркнул он. — Я последнего слова не сказал еще. Оно всегда остается за мной.

— Тогда держи его при себе.

Клинч протянул руку к замку и чуть повернул голову.

— Прыгать на меня со спины на этот раз не советую, — предупредил он. — Я на визиты с тобой оружия не ношу, а заложник из меня плохой.

— Ты хочешь об этом поговорить?

Майор с раздражением провел ребром карты по считывателю.

— Выходи, — приказал он, отступая в сторону.

Борланд не торопясь прошел мимо него, схватился рукой за панель и оглянулся на Клинча. Майор Кунченко смотрел на него с опаской.

— А зачем мне твой пистолет? — спросил Борланд, постепенно ухмыляясь. — Можно просто отпинать тебя и оставить здесь. И будешь беседовать с зеркалом, познавать дзен, ждать, пока прилетит добрый волшебник на черном вертолете и бесплатно покажет кино.

Клинч побагровел.

— Попробуй, — сказал он, не двигаясь с места.

Борланд прищелкнул зубами и вышел из отсека, оглядываясь по сторонам.

Он оказался в тускло освещенном коридоре с грубыми пластиковыми стенами и кучей дверей. По всей видимости, это был один из спешно построенных бункеров Коалиции.

— Я же все понимаю, майор, — сказал Борланд. — Ты в последние дни ко мне старался не заходить без лишней причины. Оно и понятно — кому охота в третий раз подряд получить по хребту? Вот и я решил заняться самообучением пению. Чтобы ты чувствовал, что я далеко от двери. Согласись, это добавило мне харизмы.

Клинч сердито засопел в ответ.

— Послужишь мне еще какое-то время, — решил Борланд вслух. — Видишь, я на любое сотрудничество могу посмотреть по-своему.

— Зараза, еще одно слово...

— Молчу, майор. Ты только учти: изучая меня, ты раскрываешь себя.

— Может, тебе и череп раскрыть?

Борланд потер голову.

— Ты уже пытался, в доме Доктора, — произнес он, идя впереди Клинча. — Даже с воздуха не сумел. Думаешь, сейчас у тебя шансов больше?

— А по-твоему, где мы, хороший ты мой? Тебе не кажется, что у нас здесь права чуточку разные?

— Я не видел бумажки с подписью, где это было бы написано.

— Знал я, что сталкеры долбанутые на голову, но чтобы настолько...

— Ну, давай, Клинч. Раскрой мне стратегически важную информацию. Где мы? Я уже понял, что в лагере Коалиции. А конкретнее?

— Скоро сам увидишь. Пройдемся немного.

Борланд рассматривал стены коридора, простирившегося далеко вперед. Похоже, бункер был вытянут в прямую линию. Не иначе как одноэтажное укрытие, основой для которого послужил прорытый ров. Скорее всего широкий окоп идет вдоль длинного участка Барьера.

— Хорошо сделано, — признал он.

— Что?

— Я про бункер. Продольная ориентация. Я бы не догадался. Наверняка разбит на отдельные сегменты по уровням допуска и имеет аварийные перегородки. Построить можно за месяц.

— Слушай, у тебя какое «ай-кью» в детстве было?

— А что, детство уже кончилось?

Они дошли до широких двойных дверей, в которых Борланд угадал лифт.

— Стой, — сказал майор, и Борланд послушно остановился. Клинч снова вытащил карточку, и через несколько секунд открылся один из отсеков в стене.

— В таком виде тебе нельзя наверх, — произнес Клинч, заходя внутрь. — Выбери себе костюм по размеру.

Борланд зашел следом за ним, осматривая обшитую листовым железом комнату размером восемь на десять. Вдоль стен висели защитные комбинезоны разного назначения. В воздухе чувствовался стойкий аромат краски.

— Это еще зачем? — спросил он. — Наверху очаг радиации?

— Просто маскировка, — недовольно бросил Клинч. — Или думаешь, я тебя поташу наверх в пижаме?

— Ты хочешь сказать, тут таких мутантов еще не видали?

Борланд влез в желтый изолирующий костюм из полиамидной ткани. Сам Клинч был в сером герметичном комбинезоне, разработанном специально для силовых структур.

— Шлем цепляй сразу, — велел Клинч, надевая собственный.

Сталкер надел на себя шлем, который со щелчком захлопнулся на креплениях. Желтая защита больше напоминала портативный скафандр.

— Воздуховоды тоже подсоедини, — сказал Клинч. — Это лишним не будет. Как настраивать радиосвязь, думаю, знаешь.

— Наверху загрязнение? — спросил Борланд в микрофон.

— Сейчас увидишь все сам, — ответил Клинч. — Насчет радиоэффира не волнуйся. Канал у меня собственный. Никто нас не услышит.

Через минуту они уже ехали в просторном грузовом лифте на верхний уровень.

— Это действительно одноэтажный бункер с номером «02», — сказал Клинч, пользуясь тем, что собеседник временно молчит. — Они понастроены по всему Барьеру. Доступ вниз есть только у научного состава и у меня. Сейчас это просто склад оборудования. Наверху народу мало, лишь несколько ребят из контрактников. Ты здесь человек новый. Лучше им тебя не видеть без костюма, а то могут возникнуть вопросы.

Двери лифта раздвинулись в стороны. Борланд удивился сразу нескольким вещам. Во-первых, шахта выходила прямо на поверхность посреди огороженной территории. Порыв ветра взметнул ему навстречу облако грязных листьев, однако внутри шлема поселился лишь кислый запах резины.

Во-вторых, стояла темная ночь, так что Борланд не смог осмотреть базу Коалиции полностью. Прожекторы на вышках светили на ворота базы, за которыми пролегла дорога, ведущая к внешней линии оцепления. Еще один освещал участок кирпичной стены, на первый взгляд, ничем не примечательный. Сзади протянулась стена Барьера. За ней была Зона.

Но больше всего его удивило обилие народа на территории. Клинч явно имел иные взгляды на понятие «мало народу». У ворот стояло два крытых фургона, из которых шесть человек выгружали тяжелые ящики с оборудованием. Еще десятка полтора фигур в герметичных комбинезонах расположились в разных участках базы с приборами замеров и другой электроникой. Светоотражающее покрытие делало их хорошо различимыми. Мимо проехал джип с тремя солдатами, одетыми тем не менее в обычную форму, из чего можно было сделать вывод, что костюмы в данный момент излишни.

— Это называется секретность? — спросил Борланд. — Или вы никогда не спите?

— Выброс, — коротко ответил Клинч.

Борланд все понял. Ну конечно! Он и позабыл, что, по его подсчетам, с момента его последнего прихода в Зону до выброса оставалось чуть больше недели. А он примерно столько и провел в поисках Призрака и в отсеке бункера «02». Хотя Борланд всегда четко разделял обитателей Барьера и сталкеров, он не мог не оценить свежим взглядом огромную разницу в их мышлении. Было невозможно представить, чтобы сталкер перед выбросом полез изучать это явление Зоны вместо того, чтобы наглухо забаррикадироваться в подвале. Однако он уже не мог сказать, кто больший реалист — ученый или сталкер.

— Еще не ухнуло? — спросил Борланд.

— Нет, — сказал майор, давая знак идти за ним и направляясь к грузовикам. — Сейчас весь научный отдел бункера занимается сбором данных об окружающей среде. В этот раз потянуло раньше срока. Выброс, вероятно, будет долгим и тяжелым. Тебе повезло, что у тебя зубы целы. Не позавидую тем, у кого они не в порядке — ныть будут жестоко.

Борланд только сейчас ощутил легкие толчки земли. Другие признаки выброса в его костюме не чувствовались — ни перепады давления, ни покалывание в кончиках пальцев. Тем не менее ему удалось угадать время до кульминации.

— Ты созвал совещание сэров за пару часов до выброса, — догадался Борланд. — Хороший ход. В самом деле хороший. Все кругом страшно заняты или забились по укрытиям.

— Да, и еще нам нужно будет срочно выступать, как только Зона отгремит, — продолжал Клинч. — Нам нужно в другую секцию бункера, до которой можно добраться лишь наземным путем. Все ребята здесь, если Консул уже добрался. Только бы успел, прежде чем все грянет.

— Расскажешь мне про Консула?

— Скоро сам познакомишься. Без него не было бы и нас, — произнес Клинч, поворачиваясь к сталкеру для пущей убедительности.

Пятно прожектора прошло по территории плавной дугой, поймав их в свои границы. Никто не обратил на них внимания. Ученый в костюме, поглощенный в свои исследования на зеленоватом экране небольшого измерителя, даже не обернулся. Борланд снова взглянул на странный участок стены, на который был направлен прожектор.

— Это наша местная достопримечательность, — пояснил Клинч, поправляя шлем. — Стена поросла какой-то плесенью. Первая аномалия, которая проникла за стену Барьера, пусть даже наполовину. Тут долго все стояли на ушах.

— Да, нехорошо, — поморщился Борланд. — Хотя странного ничего нет. Наоборот, непонятно, почему Зона раньше не расширялась.

— Мы все надеемся, что не начнет. Впрочем... — Клинч откатил ногой камень, лежавший на его пути. — Если все пойдет по плану, Зона исчезнет уже к завтрашнему вечеру.

— Хотелось бы, — искренне согласился Борланд. — А зачем вы подсвечиваете эту серую дрянь? Неужели недостаточно было просто оградить?

— Недостаточно. Это пятно при освещении не так быстро растет.

Прожектор вернулся обратно, на этот раз поймав висящее в воздухе нечто, похожее на лопасть. Борланд тут же догадался, что это она и была.

— Красивая «вертушка», — похвалил он, надеясь сделать Клинчу приятное.

Судя по звуку, майор чуть со злостью не сплюнул. Вероятно, его удержал лишь шлем.

— Параша, — мрачно прокомментировал он. Борланд едва не споткнулся.

— А я думал, ты любишь «камовские» гелики, — удивился он, глядя на огромную летающую машину.

— Я свой люблю, — ответил майор. — Я летаю на «Тайкуне».

— А вот это что такое?

— «Тунец».

— Прости, я не совсем понял твой юмор.

Клинч прошел мимо вертолета чуть поспешнее, словно не хотел его видеть.

— У нас их два, — объяснил он. — «Тайкун» и «Тунец». «Тайкун» — действительно вертолет. А «Тунец» — конструктор для малолетних зеков, собранный молдаванами.

Борланд попытался рассмотреть вертолет при скудном освещении. Никакой разницы со знакомым ему Ка-54 он не заметил.

— Полагаю, это была негативная характеристика, — предположил он. — Мне они кажутся одинаковыми. Явно из общей партии.

— Ты не пилот. В «Тунце» от родных инженеров остался только каркас. Начинкой занимался субподрядчик, которого я тебе не назову, потому что мне плохо при одной мысли о его существовании.

— Пусть я не пилот, но... Зато у меня была «Ламборджини». Спорю, что я разогнался бы на ней быстрее, чем ты на «Тайкуне». Кстати, где он?

— На противоположном конце Зоны, — ответил Клинч с еле слышимой досадой. — Пришлось оставить. Важный стратегический маневр. Глок не поверит, что я намерен двигать куда-нибудь на «Тунце».

— Значит, нам все же придется лететь?

— Если эта рухлядь заведется.

Борланд услышал в голосе Клинча едва уловимую горечь.

— Мы почти дошли, — послышался голос Клинча в наушнике. — Бункер «04».

— А третий?

— Нечетные номера на основной базе.

— И где это?

— С западной стороны Зоны.

Проходя мимо трех научных, Клинч хлопнул одного из них по плечу и, когда тот обернулся, показал ему большой палец. Ученый, находящийся, как и все, в наглухо закрытом комбинезоне, двинулся за Клинчем.

— Он с нами? — спросил Борланд.

— Да, — ответил Клинч, подходя к новому лифту. — Бывший сталкер Мармадок, принес однажды один из новых артефактов и остался на Барьере, помогать в изучении. Хороший паренек, со своей позицией. Наш специалист по артефактам.

— Тоже хочет, чтобы Зона исчезла?

— Конечно.

Мармадок зашел с ними в лифт и, когда двери закрылись, снял шлем. Борланд заметил, что ему чуть за двадцать. Спадавшие до подбородка волосы обрамляли молодое лицо с полными живого интеллекта глазами.

— Все на месте, Клинч, — доложил он звонким голосом, когда майор и Борланд тоже избавились от шлемов.

— Консул не появлялся? — спросил Клинч.

— Нет, — мотнул головой бывший сталкер. Он с любопытством посмотрел на Борланда, который стал ощущать легкую тяжесть в ушах. Выброс набирал силу.

— Закладывает, да? — улыбнулся парень.

— Есть немного, — ответил Борланд, потирая ухо.

— Пересидим под землей, пока все не стихнет, — произнес Клинч, выходя из лифта.

Борланд предпочел молчать и слушать. Мармадок не выдержал долгого путешествия по коридору в тишине.

— Клинч, все так необычно, — сказал он, даже не пытаясь скрыть волнения. — Столько ждать момента, и вот он наступил. Я ожидал, что все будет более... торжественно.

— Как на любой войне, — отозвался майор. — Всегда ждешь, что последний удар наполнит твою руку мощью небес, и все вокруг соберутся, чтобы поставить только на тебя последнюю копейку. Но так не бывает. Нам предстоит рейд на север, который не отличается от предыдущих. С той лишь разницей, что на этот раз он определенно последний.

— Ты был на севере? — спросил Борланд Мармадока.

— Дважды, — ответил парень с ноткой гордости. — Один раз в прошлом году, как был сталкером, и второй — несколько недель назад, специалистом по электронике при военном отряде. Но не заходил дальше Припяти.

— Солидно, — вырвалось у Борланда. — И многие из вас ходили туда?

— Почти все, — сказал Мармадок. — Кроме Клинча и еще кого-то. Я и сам знаю не всех ребят. Но сейчас мы со всеми познакомимся.

Навстречу троице двигался человек. Кивнув майору, он тут же пошел обратно и скрылся в боковом отсеке.

— Почему стены из такого дешевого пластика? — спросил Борланд.

— Успокойся, — осадил его Клинч.

Борланд зашел последним, исподлобья взглянув на встречавшего их человека — накачанного парня под метр девяносто пять с двумя ножевыми шрамами на щеке. Тот бесстрастно закрыл дверь.

Комната, очевидно, представляла собой оружейную. В ней находилось несколько грязных столов, на которых были разложены разобранные автоматы. Вдоль стен стояли узкие шкафы, к которым прислонились человека четыре. Еще трое расселись на столах. К Борланду обратилось множество изучающих взглядов. Все присутствующие были одеты в разные виды военной формы охранных сил Барьера.

— Я приветствую всех вас, — сказал Клинч, присаживаясь на край стола. — Не буду отдельно представлять всех друг другу, так как в ходе разговора вы всех узнаете.

Борланд встал так, чтобы видеть всех в комнате сразу, и постарался по возможности не привлекать внимания. Ему стало немного лучше при мысли, что он не единственный в помещении, по которому видно, что он ничего не понимает. Мармадок остался у входа.

Клинч глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Никто не произнес ни слова. Все ждали.

— Сразу обращаю внимание на желтого парня, — начал Клинч. — Его зовут Борланд. На нем завязан последний этап операции.

Атмосфера сразу стала гуще. Сталкер ощутил предательское желание исчезнуть без следа, раствориться на фоне грязных шкафов, мимикрировать, подобно кровососу. Не привлекать внимания не получилось. Два человека переглянулись, еще один в задумчивости почесал щеку. Для Борланда было совершенно ясно, что хотя бы половина присутствующих о нем знает. Черт знает, какие корни пустила его деятельность в Зоне в прошлые годы.

— Все вы знакомы с теми или иными деталями плана, — продолжал майор. — Я коротко опишу все, над чем мы работали столько времени и что нам еще только предстоит сделать. И я прошу вас задействовать максимум внимания.

У Борланда появилось неистовое желание расхохотаться, разрядить напряжение. И все же он не выдержал бы, если бы стал первым в комнате, кто нарушит концентрацию. Не было никаких сомнений, что его дальнейшая судьба будет зависеть от отношения к нему каждого из сэров в отдельности. Каждый из этих людей в чем-то его превосходил, и в этом он мог у них поучиться. Так что сталкер приказал себе собраться и успокоиться.

Клинч на миг прикрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Меня зовут Владимир Кунченко, — сказал он. — Я майор российской авиации, один из летчиков-испытателей КБ «Камов». Служу в войсках Коалиции с первого дня ее создания, занимаю руководящую должность с 2008 года. В течение всего времени, что я провел здесь, я не переставал искать способы уничтожить Зону.

Он сделал паузу, чтобы все присутствующие смогли принять информацию.

— Когда-то об уничтожении Зоны можно было говорить во всеуслышание. Более того, я неоднократно подавал собственные проекты по разрешению этого вопроса. И некоторые из них были претворены в действие. Нас постигали неудачи одна за другой.

За это время ситуация успела видоизмениться до жесткого и крайне опасного положения. Я не стоял у истоков зарождения сталкерства, однако определенно был первым, кто придал ему относительно организованную форму. Торговые сети, рост «Долга» до уровня самого влиятельного клана Зоны и практически готовой военизированной структуры, как и множество иных нововведений, — дело моих рук. Конечно, все это оплачивалось не из моего кармана, и были люди, которые приглядывали за тем, чтоб все было сделано как следует, — но в любом случае очень многое пошло с моей подачи.

Я был тем, кто создал «Монолит» — совокупность вооруженных отрядов у самой границы с Заслоном. Отряды формировались из заключенных, и они должны были заниматься охраной местности к югу от купола. Все же считаю нужным сказать, что никогда не разделял убеждений «монолитовцев», хотя поддерживал их в деятельности и даже иногда прикрывал с воздуха во времена конфликтов.

Сейчас, оглядываясь назад, я могу признаться, что делал все это не затем, чтобы Зона превратилась в сугубо коммерческую структуру, как сейчас. Мне было нужно лишь сохранить контроль над максимумом того, что в ней происходит. Я не могу контролировать выбросы и аномалии, но делал все, чтобы влиять на один из самых важных факторов, относящихся к Зоне, — на людей.

Ситуация резко осложнилась, когда Заслон исчез. Путь к центру был открыт, чем и воспользовались очень многие сталкеры. Немногие, которые побывали в Саркофаге, дали описание того, что там происходило. К моему изумлению, в центре действительно оказался самый настоящий монолитный камень.

Последствия не заставили себя долго ждать. «Монолитовцы» оказались на удивление склонны к религии. Они тут же решили, что все было предначертано, а им суждено охранять камень от посягательств, в том числе и от наших. Они вышли из-под контроля, обосновались в Припяти, превратились в отдельный клан, живущий почти на самообеспечении. Я хотел перекрыть им кислород, лишив поставок нужных для жизни ресурсов, однако наш начальник, Глок, стал этим заниматься вместо меня. Более того, он поддерживал их легенду на самом высоком уровне, поставляя солидное количество снаряжения и психотропных препаратов для распространения пропаганды. Дело дошло до того, что в «Монолит» стали стекаться и свободные сталкеры. А я получил жесткое указание смириться с этим.

Поэтому, чтобы не упустить последние нити правления, я перевел внимание на «Долг», вплоть до того, что вступление в иные кланы, кроме «Долга», могло караться смертью. Это породило войны группировок, но с этим ничего нельзя было поделать. Я недооценил тягу сталкеров к свободе и независимости, однако «Долг» разросся в достаточной степени, чтобы стать мощной фигурой на любом поле боя, даже если дело дойдет до прямого противостояния не только с «Монолитом», но и со всей Коалицией. Конечно, в полномасштабной войне никакой клан не выстоит, к тому же война эта окажется крайне недолгой. Однако это будет стоить Глоку потери всей системы сталкерства и политического краха проекта. Могу заверить, что он никогда на это не пойдет.

Клинч на мгновение умолк, на его лице отразилась глубокая сосредоточенность. Борланд внезапно обнаружил, что снова сильно напрягся, и приказал себе расслабиться.

— Теперь я перехожу к непосредственной сути того, ради чего мы все встретились, — произнес Клинч. — Во время разработок новых типов оружия я случайно вышел на одного из научных консультантов, работающих в третьем бункере уже несколько лет. Мы быстро нашли общий язык, и я убедился, что он разделяет мои взгляды на Зону. Он называл себя Консулом. Но самое главное — этот человек обладал огромным запасом уникальных знаний о Зоне.

— Откуда? — поинтересовался ближайший сэр.

Майор развел руками.

— Это самое интересное, — ответил он. — Через несколько суток после исчезновения Заслона он первым двинулся на ЧАЭС в составе исследовательской группы. Там угодил под внеплановый выброс. Пробыл недолго, его удалось спасти. Но получил побочный эффект. Полный набор знаний о Зоне и Монолите, черт знает с какого источника. Очевидно, это так на него повлияло, что он радикально сменил свои настроения и теперь ратует за то, чтобы Зона исчезла.

— Можно угадаю? — неожиданно заговорил Борланд, и все взгляды обратились к нему. — Консул разработал план по уничтожению Зоны?

— Верно, — отчетливо подтвердил Клинч. — План операции под названием «Горизонт событий».

Отсек слегка тряхнуло. Надвигался выброс.

— План, прямо скажем, необычный и на первый взгляд ничем не обоснованный, — продолжил майор. — Чтобы до такого додуматься, нужно действительно знать о Зоне практически все. Выражаясь прямо, Зона порождена Монолитом, поэтому для ее уничтожения нужно деактивировать и сам камень, обладающий мощнейшим запасом энергии. А сделать это можно лишь с помощью устройства, имеющего энергетический потенциал, не уступающий камню.

— Оно у нас есть?

— Есть. Предмет, когда-то телепортировавшийся в наш мир за счет камня. Вот это.

Клинч отстегнул боковой карман, вытащил небольшой прозрачный футляр и аккуратно положил его на стол.

Все подошли поближе, глядя на кинжал с необычной линией лезвия.

— Нож контролера, — пояснил Клинч. — Настоящего контролера, из «Монолита». Его звали Сенатор.

— А откуда Консул знает и это? — вырвалось у Борланда.

— Если тебя это утешит, — ответил Клинч, — то Консул и сам далеко не рад своим знаниям. По правде говоря, они сильно мешают его самочувствию. Иными словами, он не может объяснить, откуда ему все это известно.

Кинжал пошел по рукам: каждый стремился рассмотреть его повнимательнее. Борланд сел на край стола рядом с Клинчем.

— Значит, нам нужно попросту ударить Монолит ножом? — спросил он.

— Не совсем, — ответил майор, не глядя на него. — Тебе нужно будет ударить Монолит ножом. Именно тебе, и никому другому.

Сэры, которые до этого тихо переговаривались, умолкли. Нож вернулся на место. Борланд смотрел на него как на змею, чувствуя внезапное отвращение.

— Почему я? — тихо произнес он. — Я что, избранный?

— Не льсти себе, — поморщился майор. — Избранным был Ястреб. Имеет значение не только то, чем бить в камень, но и то, кто производит удар. В момент столкновения энергетических источников происходит мгновенная взаимная аннигиляция их зарядов, основывающаяся на волевом противостоянии. Видишь ли, Монолит будет сопротивляться.

— Как это? — спросил кто-то из толпы.

— Как объяснил Консул, внутри Монолита сконцентрирована энергия обитателей мира, из которого выпал камень. Это был неудачный эксперимент по телепортации, произведенный чужой расой.

Борланд мысленно выстраивал элементы мозаики воедино. Консул явно обладал большой долей знаний Сенатора.

— Напоминаю вам, что мутанты исходят из самого Монолита, — добавил Клинч. — Впрочем, это уже давно установлено. Не нужно быть гением, чтобы понять, что камень сам по себе является огромным энергетическим хранилищем. И ему не меньше нас хочется иметь контроль над происходящим в Зоне. Правда, извлекать души из самого себя он как следует не способен — по какой-то причине эти смиренные творцы выходят из камня не такими, какими заходили. В процессе расконсервирования мы имеем мутировавших уродцев вроде кровососов, контролеров и еще какой-то чертовщины.

По какой-то причине. Борланд с интересом кинул на майора короткий взгляд. Действительно

ли он не знает, в чем тут причина? И знает ли Консул о том, что у Монолита прямо сейчас недостает небольшого куска, размером с пол-литровую пластиковую бутылку?

Вслух он произнес:

— И как Монолит намерен сопротивляться?

— Известно как, — неожиданно ответил один из присутствующих. — Искушать начнет.

— Верно, — кивнул Клинч. — Относительно реакции человека на Монолит установлено одно. Любой, кто к нему приблизится, теряет волю. Начинает верить, что камень исполнит любое его желание. Может, от камня в самом деле исходят особые флюиды, но это все мелочи. Главное то, что противостоять прессингу может только...

— Человек, ненавидящий Зону, — тихо закончил Борланд.

Клинч щелкнул пальцами в воздухе.

— Лучше не скажешь, — согласился он под молчание сэров. — Все мы провели в Зоне какое-то время, но вместе с тем все мы желаем чего-то. За исключением Борланда, который вынужденно занял место Ястреба, пошедшего ради этого на убийство и самопожертвование. Буду с вами откровенен, друзья мои. Борланд не выбирал для себя такой участи. Это дело ему навязали, и отнюдь не дипломатичным путем. Я не настолько наивен, чтобы верить, будто Монолит в самом деле что-то исполняет. И все же нам следует подстраиваться под эту модель как под окружающую реальность: Монолит можно разрушить ножом Сенатора, и в этой комнате Борланд единственный, кто способен это сделать.

Небо сгущалось, становясь таким вязким, что казалось, самое время тащить огромную консервную банку, чтобы упаковать его на черный день. Порывы ветра стали более внезапными, принося с собой резкий запах безнадеги. Дозорный бункера «04» пожалел, что не надел кофту под комбинезон. Ему становилось холодно. Ветер дул со стороны Зоны, как и всегда перед выбросом. Дозорному приходилось стоять во всех возможных караулах Периметра, начиная с внешней линии оцепления и заканчивая пропускным пунктом Барьера на Кордоне. И всегда ветер дул со стороны Зоны, попирая устоявшиеся нормы природы.

Фары показали из-за поворота еще неожиданнее, чем дозорный мог представить. Он схватился за бинокль, но тут же отложил его в сторону, заметив знакомый номер на борту. Перехватив автомат, дозорный вышел из будки навстречу гостям.

— Приветствую, Консул, — сказал он, когда рядом с ним остановился УАЗ.

— Здорово, друг, — махнул рукой Консул, соскакивая на щебенку. Из машины быстро вышли два бойца при полном вооружении. — Клинч здесь?

— Да, на базе. Точнее не знаю.

— Ничего страшного. Я знаю.

Дозорный пожал плечами, глядя, как Консул с бойцами уверенно шагают к грузовому лифту. Сочтя свой долг выполненным, он повернулся к будке, настраиваясь на термос с кофе и удивляясь необъяснимой юрисдикции в здешних краях.

Про шофера дозорный тут же забыл, так как хорошо знал его в лицо.

Звук от выстрела из «вальтера» с глушителем в затылок охраннику остался неслышным на фоне гула бушующего неба.

— Я не стану говорить громких слов, — сказал Клинч, когда все расселись по своим местам. — Так как рассчитываю на то, что у нас будет возможность все обсудить после операции. Поэтому просто расскажу, как все пройдет. В течение часа или двух закончится выброс. Сразу по его завершении мы покидаем базу маленькими группами и собираемся уже в лагере «Долга» в Темной долине, где обсудим все в деталях. Рубин и Ларс выезжают на джипе, Вентиль и Штатив добираются своим ходом до места встречи с ними. Я вылетаю на «Тунце». — Клинч нервно забарабанил пальцами по столешнице, но тут же перестал. — Беру с собой Борланда и Консула. И, вероятно, Драма тоже.

Кунченко на миг взглянул на парня со шрамом. Драм даже не моргнул.

— Мармадок, как и решено, едет на грузовике с группой ученых и высаживается незаметно, после чего добирается до Темной долины самостоятельно, — продолжал Клинч.

Молодой парень скромно улыбнулся. Без сомнения, он был одним из немногих здесь, кто

мог в одиночку ходить по Зоне ночью, и отлично это понимал.

— С оставшимися тремя — как распланировали, — закончил майор. — Бондарь уходит в самоволку, Хищник и Чужой отправляются за ним в погоню. Приказ о ликвидации Бондаря уже подписан завтрашним числом, так что вы трое ничего не бойтесь и не забудьте спалить бумагу, когда придете к «Долгу».

Он передал одному из парней сложенный вчетверо лист. Бондарь, Чужой и Хищник с ухмылками принялись его рассматривать.

— После перегруппировки у «долговцев» мы сразу же выступаем, — сказал Клинич. — Вероятно, клан нам поможет дойти до Милитари. Но исходить нужно из того, что не поможет. В этом случае идем все вместе. Ведущие — Мармадок и Вентиль. На вертолет можно будет не рассчитывать. Нас двенадцать человек плюс снаряжение, и нет смысла доставлять всех партиями, к тому же нам лучше привлекать как можно меньше внимания остальных ребят.

Борланд понял, что майор имеет в виду других военных Коалиции. По лицу Клинича было видно, насколько тяжело ему дается такое противостояние.

Тем временем Драм молча открыл дверь и снова вышел. Клинич, не переставая говорить, проводил его взглядом и продолжал:

— В Баре нам окажут короткий прием, на котором можно будет пополнить боезапас. Хотя я полагаю, что стрелять не придется. Вряд ли кто-то отважится на нас напасть. По меркам сталкеров мы слишком многочисленный и мощный отряд.

«И слишком вкусный — по меркам мародеров», — подумал Борланд. На военных мародеры не посмели бы напасть точно, но, поскольку Клинич собирался всех вести под прикрытием сталкеров, их неосязаемая защита теряла актуальность.

— Теперь о приоритетах личности, — сказал Клинич. — Главное в нашей экспедиции — помочь Борланду добраться до ЧАЭС любой ценой. На втором месте — выживание Консула как основного организатора плана.

Борланд всеми силами постарался сохранять невозмутимое выражение. Сталкер чувствовал, что, задай еще хоть один вопрос, и вся вера сэров в план рухнет как карточный домик. Клинич умело скрывал все недостатки организации своего заговора, и Борланд решил в этом ему не мешать — слишком явно было видно, в каком жутком напряжении майор пребывал последние месяцы. Было непостижимо, как Клиничу удалось сохранять до последнего момента взаимную анонимность некоторых сэров, которые, похоже, годами служили бок о бок и верили в одни и те же идеалы, не подозревая о том, что участвуют в общей операции.

Драм вернулся, подошел к майору и что-то шепнул ему на ухо.

— Как раз вовремя, — сказал Клинич с облегчением. — Прибыл Консул. Сейчас от него вы узнаете подробности последней стадии путешествия.

«Ну наконец-то», — подумал Борланд.

— Есть вопросы? — спросил Клинич.

— Да, — кивнул Вентиль. — Мелочь одна...

Началось обсуждение технических моментов. Борланд почувствовал более ощутимые толчки — выброс продолжал набирать силу. Очередная разрядка Зоны обещала стать достаточно мощной. Интересно, как это скажется на росте мутантов?

«Если увидишь моих братьев, — говорил Сенатор, — поступай с ними, как всегда. Для них это благо...»

Продолжая стоять, прислонившись к железному шкафу, Борланд молча изучал присутствующих. Вот она, надежда человечества на освобождение от Зоны. Сталкер был полностью согласен с Мармадоком — он тоже представлял себе все иначе. Как именно, он не знал, но даже после нескольких лет сталкерства и общения с Технарем он все еще в глубине души воображал Коалицию непоколебимой и матерой силой, вселяющей трепет. Находящиеся в комнате сэры такого впечатления не производили, хотя Борланд в первое впечатление не верил. И все же, глядя на команду, он понимал, что трудно было подобрать более удачный состав.

Белобрысый парень, на лице которого словно застыла извиняющаяся улыбка, — Вентиль. Проводник Коалиции по Зоне или, как было принято говорить, военный сталкер. Борланд не знал, кто придумал такое определение, поскольку оно не говорило ровным счетом ни о чем. Сталкер не может быть военным так же, как военный не может быть сталкером — как по сочетанию

официальных статусов, так и по мировоззрению.

Громила у двери по кличке Драм. Жесткий взгляд тем не менее располагающих к себе глаз, поджатые губы, фигура, не уступающая по неподвижности статуе. Было видно, что этот человек ждал своего часа очень долго и готов при надобности прождать столько же. Из-под закатанного рукава на загорелом мускулистом предплечье выглядывала часть татуировки... А это уже серьезно! Изображение Монолита с шестигранным болтом по центру. Такие наколки делали на Большой Земле в тюрьме, куда по случаю отправляли всех пойманных сталкеров, кому посчастливилось не схлопотать пулю в лоб. Заключение, мотающий срок за сталкерство, получал заслуженную метку и однозначно поднимался в глазах других сталкеров.

Уверенный в себе Штатив, без особых внешних примет, судя поговору — украинец. Болтающий ногами и энергично кивающий Ларс, столь непохожий на крутого парня. Борланд мог поклясться, что видел его как-то в Баре еще два года назад. Точно — именно Ларс в свое время искал в Баре изоленту, чтобы обмотать отваливающийся глушитель автомата, вызвав ураган хохота среди сидящих за столом «свободовцев». Идеальный разведчик.

Уже знакомый сталкер Мармадок, вероятно, самый младший в группе. Он напоминал Борланду Уотсона, однако явно имел в жизни больше побед.

Неторопливо жестикулирующий Рубин со стрижкой под ноль, обращающийся к майору так, что было видно — он явно старше по званию. Хотя в поведении чувствовалась плавность и особая одухотворенность, присущая медикам. Этого нельзя было сказать о паре похожих друг на друга силовиков, сидящих чуть в стороне от всех. Хищник и Чужой. Эти явно больше разбирались в том, как лишить жизни человека, нежели в том, как ее спасти. Непонятно, как в их компанию затесался добродушный Бондарь, который был моложе лет на десять и значительно тоньше.

Борланд не сомневался, что еще никогда не был в компании столь разносторонних людей. Они вселяли уверенность, которая чувствовалась только в Технаре, сочетая ее с энергией форсированного двигателя, урчащего пока что на холостых оборотах. Сам он чувствовал себя клоуном в своем желтом костюме и был уверен, что все сэрсы в момент просчитали его самого и степень опасности, которая могла от него исходить, — со вполне закономерным кажущимся безразличием.

Клинч перестал шептаться с Рубином и Драмом.

— Минутку, — сказал он. — Сейчас приведу Консула. Терпите, ребята, скоро все кончится.

Он вышел в коридор, прикрыл за собой дверь и тут же остановился.

Перед ним стоял Консул с двумя людьми. Все трое были при полном боевом оснащении и держали короткоствольные «кипарисы» наготове.

Майор почувствовал, как его на мгновение бросило в дрожь, которой он не испытывал с юных лет. Наличие на брифинге посторонних людей выходило за все рамки.

— Кто это? — спросил Клинч жестко. — Что все это...

— Майор Кунченко, — сказал Консул, постепенно расплываясь в злорадной улыбке. — Клинч. Приказом Глока ты и твои люди арестованы за саботаж.

— Что? — спросил майор, решив, что ослышался.

Звуки в комнате прекратились.

Борланд нахмурил брови, почувствовав неладное. Вентиль подскочил к двери и попытался ее открыть. Тяжелая вертикальная плита не поддавалась.

— Атас, мужики, — предупредил Вентиль, в ярости стукнув по двери.

Все повскакивали с мест, доставая оружие. Мармадок отступил подальше, Борланд выхватил пистолет из кобуры Ларса. Тяжелая рука Хищника надавила на его плечо, и Борланд отступил назад, напоровшись боком на угол стола.

Находящийся в коридоре Консул нажал на кнопку на маленьком коммуникаторе.

— Все двери заблокированы, никто не войдет и не выйдет, — сказал он. — Скажи своим людям сдаваться, и никто не пострадает. Уверен, ты сможешь объясниться с Глоком.

Клинч ошарашенно посмотрел на Консула.

— Ты сдал нас, — сказал он, и дула «кипарисов» нацелились ему в лицо.

— Твои провокации неуместны, — ответил Консул, переставая улыбаться. — Сейчас я немного приоткрою дверь. Передай своим сэрсам по рации, чтобы вылезали по одному. Сделаешь все как надо, и никто сегодня не умрет.

Клинч не колебался. Сдернув с себя наушник и микрофон, он растоптал их ногой, не отводя от Консула злого взгляда.

— Хорошо, — невозмутимо сказал Консул и повернул голову к одному из подчиненных. — Убейте его.

Глава 3 Снорк

С громким криком разъяренного зверя Драм сжал руку в кулак и одним мощным рывком пробил в стене отверстие приличных размеров. Пластик действительно оказался дешевым. Схватив одного из людей за первое, что подвернулось — голову, — Драм втянул ее в комнату, крутанул и резко вернул в первоначальное положение. Труп военного повис со скрученной шеей на металлической балке.

Консул с оставшимся бойцом машинально отступили и повернулись к источнику шума всего на мгновение. Для Клинча мгновение было весьма солидной временной величиной. Дернувшись вперед, он выбил оружие из рук бойца. Консул исчез из поля зрения, очевидно, убегая обратно в спасительную темноту.

Военный ударил Клинча в подбородок, добавил справа. Майор рухнул на пол.

В следующий момент в отверстие в стене сунулись дула оружия и загрохотали выстрелы. Военного отбросило к противоположной стене, коридор наполнился пластиковыми щепками. Клинч почувствовал режущую боль в левой части головы — осколки едва не попали ему в глаза.

Мармадок с возгласом отпрянул назад и вжался в стену.

— Не высовывайся! — крикнул ему Борланд, держа пистолет Ларса наготове. Мысленно послав к черту нейтралитет, он смирился с тем, что теперь намертво привязан к одной из сторон.

С гримасой злобы глядя Консулу вслед, лежащий на животе майор подхватил автомат и разрядил магазин вслед ренегату. Все пули мимо. С бранью отбросив ствол, он попробовал встать, но поскользнулся. Упершись руками получше, он нащупал какой-то предмет. Это был пульт Консула.

Система была хорошо знакома Клинчу — он сам когда-то настоял на едином электронном замке. Откатившись на всякий случай к стене так, чтобы тело второго военного было между ним и дальним выходом, майор набрал код.

В образовавшейся тишине Борланд отчетливо услышал писк замка. Рубин выскользнул за дверь прежде, чем Драм открыл ее до конца, за ним последовали остальные. Бондарь толкнул Борланда в спину, и сталкер вышел в коридор.

Штатив и Ларс держали под прицелом дальнюю часть бункера, остальные выстроились вдоль покореженных стен. Все было тихо, словно ничего не случилось. Клинч уже стоял на ногах, безуспешно утирая рукавом капли крови с лица. В глазах его читалось совсем незнакомое Борланду выражение.

— Вы слышали все, — сказал майор. — Нам нужно уходить. Сейчас!

— А как же... — начал Борланд и тут же заткнулся. Похоже, в свете возникших проблем наступающий выброс был для его команды не более чем мелкой неурядицей. Военстали...

Рубин подал Клинчу шлем от костюма майора, который тот оставил в комнате, а Вентиль отдал ему свое устройство связи.

— Запасной план? — спросил Борланд.

— Военных когда-нибудь убивал? — задал ему вопрос Хищник.

Борланду внезапно стало страшно. Хищник быстрым движением освободил свою руку от опутавшего ее ремня укороченной винтовки G36 и вручил ее сталкеру, забрав пистолет взамен. Чужой вынул из кармана пару запасных сдвоенных магазинов, сунув их сталкеру в широкий карман желтого костюма. Чувствуя, как его прошибает пот, Борланд надел ремень винтовки на плечо, стараясь быть готовым ко всему.

Клинч еще какое-то время провозился с пультом, затем в ярости швырнул его на пол, разбив на множество частей.

— Все перекрыто, — прошипел он. — Наверх! Все наверх!

Из темноты послышался грохот — грузовой лифт добрался до их уровня. Одновременно с этим начали закрываться тонкие, но прочные перегородки, разделявшие бункер на отсеки.

Ларс прыгнул вперед, успев прокатиться под тяжелой плитой, вставшей вертикально в углубления, находящиеся в полу. Штатив не успел последовать за ним — вовремя затормозил ударом ноги о перегородку. Остальные подбежали к нему.

Никто из сэров не произносил лишних слов, и Борланд тоже не стал. В центре перегородки располагалось небольшое окошко, перекрытое бронестеклом. Один выстрел бронебойным — и стекло перестало существовать. Защита явно не была рассчитана на внутренний огневой штурм, хотя задержать в принципе могла.

Сунув винтовку в отверстие, Бондарь нажал на спуск. Выстрелы загрохотали почти синхронно со вспышками, грозно сверкающими со стороны лифта.

Выбив ногой деревянную дверь, Ларс скрылся в соседнем отсеке. Через несколько секунд он выбежал обратно с каким-то предметом. Борланд не мог видеть, с каким именно, из-за маленького размера образовавшегося смотрового отверстия. Как только Бондарь вытащил разряженный автомат, заменив его на другой, снаряженный Вентилем, с противоположной стороны раздался характерный визг дисковой пилы.

Борланд на миг отскочил назад, наступив Штативу на ногу, — искры выбились горизонтальным дождем прямо рядом с ним. Нечего было раздумывать попусту, следовало прикрывать Ларса единственным доступным способом. Позиция сэров к этому вполне неплохо располагала — односекционная перегородка служила отличным укрытием. До поры до времени. В данном случае время целиком зависело от Ларса и его персональной кармы. Пока что ему везло. С другой стороны, будь окно выше всего на пять сантиметров, Ларс сумел бы протолкнуть циркулярку внутрь, предоставив товарищам заниматься своим освобождением самостоятельно, а самому пережить в отсеке. Однако не судьба.

Автомат дернулся в руках Бондаря. Тот выронил его и отшатнулся, позволив оружию выпасть назад. Вроде бы ранен он не был, хотя ствол разворотило прямым попаданием. И все же Клинич занял его место.

С противоположной стороны почувствовался глухой удар, как будто в перегородку швырнули мешок с сахаром. Искры прекратились.

Везение Ларса только что исчезло.

Драм принялся колотить ногой по куску стали, выпиленному почти до конца. Клинич с Хищником просунули в смотровое отверстие сразу два ствола. Борланду в лицо попала гильза, и сталкер поспешно сел пониже, чтобы через мгновение нырнуть в пропиленную дыру вслед за Рубином, предварительно закинув немецкую винтовку за плечо.

Ларс с тремя пулями в спине лежал рядом. Для еще одного сэра все было кончено.

Драм пнул Борланда с другой стороны, чуть ли не проталкивая в отсек. Сталкер по пути схватил пилу Ларса — на всякий пожарный. Она оказалась автономной, хотя размер был слишком мал, чтобы вместить достаточно мощный источник питания.

«Неужели и ради такой хреновины энергию артефактов используют?» — подумал Борланд, выключая пилу и пряча в широкий карман желтого костюма.

Не прекращая стрелять, сэры один за другим оказались по другую сторону перегородки. Штатив и еще кто-то бросились в сторону лифта. Высунувшись, Борланд поймал в прицел винтовки фигуру военного в шлеме и, почти порадовавшись тому, что не видит его лица, выстрелил ему в грудь. Бронежилет выдержал, хотя бойца серьезно травмировало, но следующая пуля сталкера попала ему уже в шею.

Борланда бросило в жар, и затем наступило ледяное спокойствие. Теперь все. Шаг был сделан. Впервые в жизни он убил военного, просто исполнявшего приказ. Уже потом, если удастся выжить и выбраться, стоило ожидать мучительных мыслей о том, кем был этот контрактник, есть ли у него семья и ждет ли его дома больная дочка. Сейчас же следовало просто стиснуть зубы и помнить, что тебе не дано ничего, кроме оружия.

Дернувшись, Штатив упал замертво. Следом за ним Мармадок издал заглушённый выстрелами вопль и свалился на колени.

Рубин и Вентиль подхватили его, занесли к Борланду в отсек. Молодой сталкер смотрел в потолок выпученными глазами. Из отверстия в его груди толчками выбрасывались красные

фонтаны.

— Никита! — захрипел чей-то голос в наушнике. Это был Клинч.

И только теперь Борланд ясно понял, что никто из них не переживет этой ночи. Если бы погибли старшие, опытные бойцы, то можно было бы предположить вопреки логике, что судьба изберет для молодых лучшую участь. Теперь же стоило просто попытаться продать жизнь подороже и не жалеть ни о чем. Всего лишь модифицированная версия персонального фатализма, сродни той, которую Борланд ясно ощутил на мосту меньше недели назад.

По полу прокатилась дымовая шашка.

— Зона — это мы, — сказал Борланд, но в грохоте боя его никто не услышал.

Он единственный в команде был облачен в защитный костюм, оставшийся герметичным. Сдвинув на голову шлем, сталкер сделал два неторопливых шага по коридору, прыгнул к твердому участку стены, оттолкнулся от нее и добрался до протянутой вдоль потолка трубы.

Часть пути Борланд прополз, цепляясь за трубу. Военные Коалиции уже не укрывались за углами, постепенно сокращая дистанцию. Когда завеса дыма чуть рассеялась, Борланд спрыгнул вниз прямо в гущу противников. Долбанув одного по шее, он схватился за винтовку и прострелил ногу второму. Готово.

Рядом уже лежало пять трупов — сэры стрелять действительно умели. Врагов оставалось всего трое. Позволив G36 повиснуть на ремне, Борланд выбил оружие из рук ближайшего и заслонился его телом.

Двое оставшихся врагов стрелять не стали, но Борланд шел не на переговоры. Сталкер застрелил военных на месте из трофейного оружия. Последнего он швырнул вперед по коридору и нацелился из своей винтовки. Его опередил вышедший из дыма Клинч, пристрелив лежачего на месте. Шлема на нем не было, глаза его жутко слезились из-за дыма, половина лица была в крови.

Борланд направился вперед, к лифту. Проходя мимо трупа, он наклонился и подобрал устройство связи. Сняв шлем, он сунул наушник в свободное ухо и закрылся снова. Теперь он мог прослушивать обе частоты — Коалиции и Клинча.

Грузовой лифт с распахнутыми створками манил, словно последняя спасательная шлюпка на тонущем корабле. Как только Борланд подошел к нему, кабина со скрипом поехала вверх. Похоже, ее вызвали сверху. Борланд запрыгнул внутрь и проехал до поверхности базы в одиночестве. Как только сверху показалась широкая щель, сталкер приподнял винтовку.

Луна красиво блеснула в коллиматорном прицеле. Как и следовало ожидать, на лифт было направлено мощное пятно прожектора. Вот уже показался участок зловещей стены Барьера. Появились первые тени.

— Гасить на месте! — пропищал в левом ухе чей-то мерзкий голос.

Борланд криво усмехнулся. Никакого уважения...

Прожектор он разнес первым делом. Эфир заполнили приказы, порою взаимоисключающие — бойцы Коалиции явно не ожидали, что в вызванном для второй волны лифте будет кто-то из тех, кто уложил первую. Конечно, все ситуации на учениях не отработаешь, но надо же иметь хоть какие-то таланты к импровизации.

Второй прожектор не разворачивали — он продолжал светить на пожирившую стену аномалию. Борланд увидел большой отряд противников, разбегающихся в разные стороны по укрытиям. Несколько человек спрятались за стеной ангара, остальные залегли за двумя «уазиками». Сталкер заметил, что солдат было гораздо больше, чем раньше, — очевидно, отряд Консула прибыл брать сэров перед выбросом. Клинч не успел уйти всего на час раньше.

Борланд был намерен выиграть для него время.

Он был предельно собран и одновременно расслаблен. Это состояние он искал всегда и везде. Не могло быть лучшего момента как для жизни, так и для смерти. Множество подготовленных врагов против него одного не оставляли ему шансов, однако дарили тягучее, приторное чувство лести.

Не успела кабина лифта остановиться, как сталкер вытащил из кармана оттягивающую его бензопилу Ларса, перевел переключатель в нужное положение и швырнул пилу вперед. Жужжащий рев пилы не мог поразить никого из противников, однако произвел достаточно шума, чтобы заставить всех спрятать головы за бамперами машин и углами строений. Контрактники Барьера были хорошо натасканы на предельно осторожное отношение к любым неожиданным

явлениям и предметам. Стукнув по широкой кнопке на панели, Борланд отправил лифт вниз, оттолкнулся от крыши кабины и оказался на самом верху шахты.

Визжащая пила продолжала крутиться на неровном бетонном покрытии, изрыгая искры на несколько метров вокруг. В ночных условиях она напоминала любимую контрактниками «орхидею» — модифицированную с помощью артефакта «медуза» световую гранату, поражающую глазной нерв и облучающую запредельно смертельной дозой.

Автоматический выключатель пилы сработал секунд через двадцать. Сталкер к тому времени распластался на крыше. Он наблюдал и слушал.

Резиновый костюм облепил его подобно брезентовому савану. В нем было невыносимо жарко, хотя через свежие щели проникал холод. Прозрачный щиток шлема был расцарапан, немного сужая обзор. Несколько осколков застряли в нем, словно напоминая, что снаружи сейчас очень опасно. Винтовка в правой руке казалась пластмассовой игрушкой.

Вдали бушевала гроза, молния то и дело высвечивала фиолетовые тучи. Воздух словно почернел, пропуская через себя тягучий свист, доносившийся с северо-востока.

Ни одного ученого на базе уже не было. Вероятно, они попрятались в бункере «02» — если были еще живы. Один из нападавших тем не менее был в буром костюме ученых. Этой ночью под прикрытием работал не только один Мармадок.

Контрактники скрылись за машинами полностью. Судя по осевшим на рессорах кузовам, они залезли внутрь. Через секунду УАЗы двинулись с места, увозя солдат в другое место для перегруппировки.

Левое ухо распирала нецензурная брань бойцов Глока. Красноречивая тишина сэров в правом была намного убедительнее. Но и она была прервана внезапным голосом Клинча:

— Борланд, ты еще жив?

— Да, — ответил сталкер.

— Что там?

— Две машины с армией, разъезжаются в дальние углы.

— Мы сейчас будем.

Щелчок и тишина, действующая эффективнее похлопывания по плечу.

Крыша шахты задрожала — кабина снова поехала вверх. Борланд не мог допустить, чтобы бойцы Глока засели в недоступных позициях.

Прицелившись, он выбрал момент и мягко нажал на спуск.

Пуля пробила колесо ближнего джипа в момент, когда он заезжал на неровную поверхность. Машина вильнула в сторону — очевидно, водитель от неожиданности попытался вырулить обратно, — и врезалась в угол ангара.

Кабина лифта доехала вверх как раз тогда, когда бойцы спешно выбирались из машины в поисках врага. Из кабины лифта вышли Клинч с Драмом, сразу уложив двоих контрактников. Ответный огонь с противоположного конца базы заставил Вентиля выронить оружие и медленно осесть перед лифтом. Рубин оттащил его обратно, но тот был уже мертв.

Сделав поправку на резкий порыв ветра, Борланд застрелил снайпера. Теперь он был раскрыт, и оставаться на прежнем месте было нельзя. Быстро отполз назад, Борланд спрыгнул вниз, неслышно спружинив о землю.

И тут же получил сокрушительный удар по затылку.

Шлем смягчил импульс. Сталкер превратил падение в кувырок и обернулся. Шлем мешал боковому зрению, так что увернуться от второго удара Борланд тоже не сумел.

Крепко сбитый военный навалился на него и попытался всадить нож в сердце. Борланд поставил неудачный блок, запястье противника скользнуло по его руке, и тут же в шею контрактнику вонзилось лезвие.

Дернув головой, нападавший упал рядом со сталкером. Быстро встав, Борланд увидел Бондаря. Выражение его лица совсем не напоминало прежнюю беззаботную веселость.

Махнув ему рукой, Бондарь скрылся. Борланд схватил упавшую винтовку и последовал за ним. Он уже понял, что убитый метанием ножа контрактник каким-то образом оказался позади, намереваясь напасть с тыла, но неожиданно спустившийся враг в желтой защите стал помехой, которую следовало устранить тихо. Используй военный вместо ножа пистолет, Борланда уже не было бы в живых.

Тем не менее сейчас у них шансов было ненамного больше.

База утонула в грохоте выстрелов. Кое-как заняв позицию — сэры не пропускали его на линию огня, — Борланд стрелял по своему усмотрению, стараясь экономить патроны. Пробиваться было некуда, позади простирался четырехметровый сеточный забор базы с колючей проволокой, до которого надо было еще добежать по открытому пространству и найти способ, как перебраться. Но даже в случае успеха их ждала еще одна линия оцепления.

Стена Барьера была по левую руку, и от этого становилось не легче. Нечего было и думать выбраться в Зону, ставшую теперь для Борланда маленьким островком спасения, более безопасным, нежели цивилизованный мир. Неистовое желание заскочить в лифт и спуститься в казавшийся безопасным бункер не оставляло Борланда. Однако он понимал, что это еще более верная смерть.

Сталкер видел, как погиб Хищник, отдавший ему свою винтовку. Погиб так, как часто умирают на поле боя: словно прилег отдохнуть. Видел, как Рубин уронил автомат и отскочил в сторону Драма, пытаясь удержать равновесие с простреленными предплечьем и коленом. Соратники Клинка до последнего служили плану Консула, наделявшему их жизни смыслом, и оберегали Борланда, как могли.

— Простите меня, — слышался голос Клинка в правом ухе.

Два простых слова, одна непростая интонация. У сталкера не было сомнений: человек, умеющий извиняться так, заслуживал право на то, чтобы вести за собой других.

Борланд сменил магазин. Его мозг работал на полной мощности, он искал все мыслимые и немыслимые варианты спасения.

— Ангар! — крикнул он. — «Тунец»!

Клинчу не надо было объяснять детали. До этого вертолет как средство побега не рассматривался ввиду большого состава желающих улететь. Но теперь их осталось мало, а если им удастся добраться до «вертушки» и запустить ее, то к тому времени будет еще меньше.

— Идите! — крикнул Рубин, отступая к лифту. Борланд видел, как медик с искаженным от боли лицом падает навзничь и как Драм, не отпуская автомата в одной руке, хватается Рубина другой и бросает в глубь кабины.

Сталкер тоже заскочил в кабину, увидев в ней лежащего без чувств Мармадока. Кто-то должен был остаться с Рубином, помочь раненым. Сохранялся шанс, что в таком случае их не тронут, когда придут за выжившими. Хотя бы только тех, кто выбыл из боя.

— Он еще жив, — сказал Рубин. — Идите! Если сможете, вернетесь за нами.

Чужой схватил Борланда за рукав и проревел:

— Вперед! Пошел!

Клинч рванулся к ангару по траектории, напоминавшей параболическую дугу. Борланду была знакома такая схема, которая на самом деле требовала большего владения своим телом, чем могло показаться со стороны. На свою координацию он, к счастью, пожаловаться не мог и последовал за майором незамедлительно, снова захватив по пути столь пригодившуюся ему пилу, благо она лежала на пути.

И он понимал, что никто за Рубином не вернется.

На середине пути подбитый Борландом джип взорвался. Очевидно, горел он достаточно долго. Объятый пламенем каркас подпрыгнул на метр и завалился на бок. Сталкер упал в подкате, стараясь сделать это прежде, чем ему поможет взрывная волна.

Добежав до угла ангара, Кунченко выстрелил в лицо испуганному контрактнику и дернул висящий на стене рубильник.

Удар был такой, словно сотня псевдогигантов дружно треснули по земле снизу. Более скромный вывод было сложно придумать, глядя, как легкая крыша ангара взлетает в воздух и рассыпается на множество фрагментов, беспорядочно падающих на землю. Клинка уже забирались в кабину ненавистного «Тунца». Сталкер почувствовал движение сзади, обернулся с поднятой винтовкой и увидел Драма.

Мертвый Бондарь лежал на середине пути.

Борланд возобновил стрельбу, прикрывая майора, приводящего вертолет в действие. Лопасты «Тунца» дернулись, но двигатели тут же заглохли.

— Давай же, насекомое! — орал Клинка в правом ухе. — Зажигайся, стрекозел горбатый!

Стрекозел не послушался.

Чужой навалился на Борланда, уронив автомат. Сталкер только и сумел, что опустить тело сэра на холодный пол ангара.

Проломив ворота, на территорию базы въехал военный грузовик с укрепленным кузовом. За ним показались еще два «тигра». Вопреки ожиданиям сталкера с машин никто не спрыгнул. Вместо этого развернулись массивные пулеметы.

Похоже, прибыло подкрепление с внешних линий оцепления.

Стены ангара дрожали, разбрызгивая мелкую крошку пенопластового утеплителя. Затем от прямого попадания из гранатомета была разворочена шахта грузового лифта бункера «04», в кабине которого, ушедшей вниз, еле успел укрыться Рубин.

— Вылезай! — крикнул Борланд, подбегая к вертолету и вытаскивая Клинка из кабины. — Поздно! Бежим отсюда.

Бежать было некуда, но сталкер предпочитал не думать так далеко.

Сталкер ощутил какой-то нелепый внутренний покой. Все понятия о дружбе и вражде, о любви и ненависти смешались в его душе в не поддающийся оценке клубок чувств. Человек, фактически создавший систему сталкерства и охотившийся за ним неделю назад, сидел рядом плечом к плечу. Оставшийся в живых Драм засел за противоположной стеной. Были видны вспышки его выстрелов, служащие доказательством того, что сталкер, которого не исправили ни Зона, ни гражданская тюрьма, находится еще на этом свете и в боевом строю. Со своего места Борланд видел трупы Чужого, Бондаря и военных — всех людей, ставших пешками в неизвестной партии, которую развязал самый влиятельный человек в Зоне. И он, до истерического смеха, хотел лишь одного: чтобы все это просто закончилось.

Их спас выброс.

Небеса загремели похлеще мегаваттного динамика. Тысячи молний, одновременно пронзивших тучи белыми копьями, разорвали мир на множество осколков. Борланд закрыл глаза, а когда их открыл, перед ним по-прежнему стояла крошечная тьма. Сталкер поднялся, думая, что вдобавок и оглох — но это просто умолкли орудия. Видимость вернулась через пару мгновений.

— Выброс! — сказал Борланд майору. Тот провел рукой по шлему и тоже встал на ноги.

Военные забегали по базе, и Борланд понял, что может завершить этот раунд вничью, пусть даже никогда не получит права на реванш. На базе было всего два укрытия. Вход в четвертый бункер больше не существовал, а чтобы добраться до второго, нужно было пройти или проехать через ангар. Так что военные не могли найти себе убежище, не пройдя через сэров.

— Задержим их! — сказал Клинка, придя к тому же выводу. — Зона сегодня заберет всех нас.

И он рассмеялся.

Борланд, Клинка и Драм встали у входа. В них никто не стрелял — воюки пытались забраться в машины. Вероятно, в их инструктаже относительно выброса отсутствовала важная деталь — в момент кульминации на поверхности не работает ни один двигатель внутреннего сгорания.

Сталкер открыл огонь сразу после Клинки. Бойцы Коалиции падали мертвыми или ранеными, совершенно обезумев от разгневанной природы. Никакие тренировки и методы обучения не заменят опыт. А чтобы наработать способность отличать нарастающий этап выброса от критического, нужен опыт такой, какой никому не пожелаешь.

Небо полыхнуло оранжевыми сполохами, приобретя полностью бордовый оттенок. Конец уже приближался.

Оставалось от одной до пяти минут. Впрочем, с учетом необыкновенно затяжного выброса феерия могла затянуться минут на двадцать. Этого не мог предсказать никто.

И тут сталкер увидел нечто, что сумело удивить его даже сейчас.

В короткой вспышке красно-бордового неба отчетливо был виден человек, ползущий к аномалии на стене Барьера. Это был Мармадок. Все еще живой, он полз по земле, оставляя за собой кровавый след. Борланд был свидетелем того, как метафора становится реальностью. Молодой сталкер нашел в себе силы, чтобы заранее отползти от лифта, не будучи замеченным, и добраться до стены.

И, протянув руку, коснуться аномалии.

— Никита, — выдохнул Клинка.

Мармадок закричал. Его рука погружалась в сизое пятно все глубже. Затем парня рвануло и

впечатало в самый центр аномалии.

— Аномалия, выброс! — выпалил Борланд. — Клинч! Выброс и аномалия! Мать твою, это же...

— Снорк, — закончил Драм.

Двое вояк промчались мимо, направляясь к лифту. Но сэры на них даже не смотрели. Их взгляды были обращены к Мармадоку, кричащему от невыносимой боли.

Скрюченные руки вытянулись, став чуть длиннее и тоньше. Волосы побелели, превратившись в жалкое подобие большого мотка спутанной лески. Ученого сталкера закрутило, словно в мясорубке, и выбросило на несколько метров вперед. Аномальный участок стены взорвался, жახнув каменными осколками. Заплесневелое пятно исчезло, на его месте осталась аккуратная круглая дыра с оплавленными краями, метра три в диаметре.

Мармадок привстал на четыре конечности. Лицо трансформировалось в уродливую бледную маску. Он опустил голову, и костюм на спине разошелся. Позвоночник за считанные секунды вырос раз в пятнадцать, прорывая дымящуюся кожу и плавной дугой выпирая из тела. Кости частично вылезли из мышц, до предела натянув связки. Когда бывший сталкер медленно поднял голову, в его диких глазах уже не было ничего от человека.

Красное небо вновь перешло в оранжевое. Мармадок рванул головой поочередно во все стороны, ломая шейные позвонки. Хруст был отчетливо слышен в ухе Борланда, затем устройство связи Мармадока сломалось и слетело с головы. Прорывав, снорк сделал первый прыжок.

Первыми жертвами Мармадока стали двое незадачливых контрактников, так и не успевших добраться до лифта. Одному он сломал шею так быстро, что бедняга наверняка ничего не заметил. Второй был почти разорван пополам. Снова началась стрельба военных, полностью безрезультатная. Снорк с клокочущим воплем снова подпрыгнул, изворачиваясь в воздухе в нужную сторону, и помчался к грузовику неувлимыми зигзагами.

Провожая его изумленным взглядом, Борланд снова заметил аккуратное отверстие в стене Барьера. Толкнув Клинча и Драма, он побежал вперед.

Свою пробежку поперек прямоугольника базы он запомнил надолго. Твердая поверхность дергалась под ногами в угоду невидимым хозяевам Зоны, трясущими землю по своему желанию. Небо снова погасло на целую вечность — полторы секунды одноразовой жизни. Справа была мертвенная тишина и пустота; слева, за грузовиком и двумя «тиграми», творилась бойня, учиненная снорком. Захлебывающиеся вопли в левом наушнике в дополнениях не нуждались. А одинокий прожектор на вышке в углу базы продолжал светить на пятно Барьера, теперь уже показывающее не аномалию, а дебри Зоны.

Борланд добежал до отверстия, нырнул в него и, подняв G36, стал дожидаться Клинча. Майор проскочил куда-то сзади него, а Драм замедлил шаг и повернулся к месту схватки военных со снорком.

— Драм! — крикнул Клинч. — Ты чего встал? Двигай сюда!

Крепкий человек посмотрел на Борланда, и сталкеры поняли друг друга.

— Идем! — решил Борланд, дернув Клинча за руку. — Он остается!

— Что? — заорал Клинч.

— За мной! — проревел Борланд, треснув майора по шлему. — Двигай за мной!

Медленно сняв с себя наушник, Драм позволил ему упасть на землю. Ледяной ветер обдувал его, словно иссушая без остатка. Облака стали закручиваться в кошмарный круговорот.

Драм мог допустить проникновение Зоны за пределы стены, но не за границы базы. Став мобильным дополнением к Барьеру, он должен был удерживать снорка. Крепче схватив автомат, сталкер двинулся к грузовику.

Мармадок выпрыгнул из-за него, прокатившись по земле. Бывший ученый был забрызган кровью врагов. Глаза горели зеленоватой яростью хищника. Многочисленные коричневые трещины усеяли его бледное лицо. Прыгая с одной пары конечностей на другую в невообразимом аллюре, снорк смотрел на Драма и рычал.

Драм нажал на спуск.

Он разнес снорку голову на части в тот момент, когда острые когти распорили ему шею.

Глава 4

Закрытый люк

Все в мире было относительно.

Отвратная дыра в стене с сохранившимися по краям следами аномалии — само по себе отталкивающее зрелище. Вдобавок она по-прежнему освещалась прожектором. И еще являлась проходом в ночную Зону, пребывавшую в данный момент в крайне разъяренном состоянии. Борланд мог определенно сказать, что не видел ничего более кошмарного. Однако то, что творилось за его спиной, не оставляло времени ни на размышления, ни на сожаление. Речь шла исключительно о том, погибнуть ли стоя на месте или в попытке спастись. Он безоговорочно выбирал второе.

— Вперед! — хрипло подгонял он Клинка, споткнувшегося за шевелящуюся корягу. — Отстанешь — ждать не стану!

Майор ничего не отвечал. Автомат он давно выбросил, следуя примеру Борланда, и перешел на спринт. Стрелять тут не приходилось, хотя теоретически было в кого. В первую же минуту им попала визжащая, ослепнувшая от вспышек свинья, которая не разбирая дороги промчалась наперерез, взметая копытами комья влажной грязи. Мутанты на местности должны были бесноваться особенно сильно, хотя опасных хищников тут быть не могло. Хищники Зоны были умнее, чувствовали неизвестно какими синапсами, что во время выброса их потенциальная добыча сама растопчет кого угодно. Борланд впервые осознал, что сведения о Зоне тоже в свое время были получены путем исследований в точно такой же обстановке. Наверняка у ученых-энтузиастов имелась нужная дверь в подвал, в котором можно было схорониться в нужный момент, либо еще какие мудреные способы, а также солидный финансовый стимул. Это не меняло факта, что исследовать выброс им приходилось в тех же условиях, в которых Борланду и Клинку было суждено сломя головы нестись в глубь Зоны.

— Куда мы? — позволил себе спросить майор.

— Подвал.

— Где?

— За озером.

Не было никакой нужды объяснять, что за подвал и за каким озером, — о схроне Борланда в районе топей Агропрома не знал почти никто. Это был даже не основной вариант спасения — всего лишь призрачный шанс, чуть более приемлемый, чем идея потратить последние минуты жизни в поисках свободного укрытия, неизвестно откуда могущего возникнуть там, где его не было. Если сталкеры что-то и усваивали в первый месяц жизни в Зоне, так это расположение всех до единой точек укрытия от выброса, которые только можно было найти или оборудовать вручную. На западе Агропрома не было ровным счетом ничего. Так считалось.

— Не успеем, — выдохнул майор.

Борланд не ответил. Это было бы слишком расточительным расходом дыхания. Все его тело, сознание, мысли слились в единую пылающую машину, сутью которой было непрерывное движение. После нескольких суток в четырех стенах подобные нагрузки давались ему тяжелее, чем раньше. Он бы с наслаждением сбросил с себя душный прорезиненный костюм, если бы мог чем-нибудь компенсировать затраченное на это время. Еще сталкер полностью пренебрег аномальной активностью. Привычная осторожность в Зоне и директива двигать во время выброса к ближайшему укрытию любой ценой вступили в непримиримый конфликт, из которого победителем вышла теория вероятностей. Аномалии во время выброса как бы затухают, угодить в одну из таких довольно сложно, да и то есть шанс выкарабкаться — если есть желание пополнить ряды snorkов. Но сам выброс — стопроцентная смерть. Если не существования, то рассудка и образа жизни.

Так что если Клинка решит, что попытка не стоит затраченных усилий, он может сесть и ждать спасателей, Борланд не собирался ему мешать.

Однако Зона словно давала им еще один шанс. Красноватый эмбиентный свет на небе опять перешел в оранжевый, молнии вновь нарисовались тысячами бешено дергающихся сосудов, но исчезали на этот раз как-то лениво. Вернулся дребезжащий гул, однообразно нараставший с несвойственной размеренностью. Это приходило эхо, сливавшееся с собственным источником. Казалось, выброс стремился распространиться параллельно земной поверхности, словно

прощупывая свои рамки на прочность. Стихия над головами играла как могла и чем могла, напрашиваясь на отдельное, главенствующее место в природной структуре.

Впереди показался крутой уклон вниз. Борланд наконец узнал знакомые места. Теперь идти оставалось совсем немного.

— Стой! — услышал он голос майора. Как бы не так. Сталкер с разбегу перемахнул за невысокий гребень уклона и помчался вниз по дрожащей почве. Потеряв равновесие, он перевел падение в управляемый кувырок, приземлившись рядом с огромным, торчащим из земли валуном, чей острый угол замер в нескольких сантиметрах от лица сталкера.

Клинч спустился быстрее и успешнее. Он помог Борланду подняться и прокричал ему в лицо:

— Дальше здание института! Я видел забор!

— И что?

— Можем добраться туда и...

— Нельзя! — отрезал Борланд. — Дуй за мной!

Внезапный раскат грома заглушил ответ майора, последовавший порыв хлесткого ветра сбил их с ног. Борланд машинально закрыл лицо рукавом, жалея, что выбросил шлем. Ослабить движение именно сейчас, из-за встречных потоков банального воздуха, было бы несправедливой глупостью. Или, наоборот, справедливой. За халатность.

Сталкер прыгнул на торчащий из зловонной воды кусок трубы, с него на кочку и дальше на стоптанный островок, состоящий из кучи различного техногенного мусора вперемешку с глиной. Судя по всплеску воды сзади себя, Клинч попытался повторить маневры, но не рассчитал и грохнулся в болото. Ничего удивительного в этом не было — майору вряд ли приходилось много шастать по ночной Зоне. Хотя минимальной техникой безопасности он все же владел, иначе отстал бы на первой стометровке.

Борланд добрался до противоположного берега, когда небо снова вспыхнуло белым. Это был верный признак окончательной кульминации. Истинной сути выброса, когда по истерзанной встрясками земле проносится сгусток энергии разрушения, ярости Монолита, подавляющей любую волю и разум, сжигающей нервную систему, бросающей каждому оказавшемуся на поверхности человеку карту с предначертанной ему долей. Выпадет крап — считай, повезло. Умрешь быстро. А выпадет картинкой вверх, не обессудь. Душа растает, тело останется функционировать вопреки воле любого из богов.

Вывали язык на ветру и наслаждайся жизнью зомби. Или что там у них вместо жизни...

— Борланд, — окликнул Клинч из последних сил. — У меня с собой таблетки...

— Что за хрень?!

— Анабиотик! С ним можно пережить выброс на открытой местности... — Голос майора на миг пропал. — Если, может быть...

— Отставить! — проревел сталкер, хватая Клинча за шиворот комбеза и толкая перед собой.

Майор схватился за неожиданно ровный кусок стены. Помотав головой, он сфокусировал картинку перед глазами и увидел бетонный блок.

— Толкай! — велел Борланд, становясь рядом и упираясь плечом в блок.

Клинч не стал спрашивать детали, лишь навалился всем телом на препятствие, покуда блок послушно не заскользил по рельсам.

Ослепительный свет погас, а вместе с ним и весь мир. Все заволкло непроглядной, жирной темнотой, в третий раз за час. Грохот кончился, ему на смену пришло тихое рокотание. До разрядки выброса оставались десятки секунд.

Борланд издал яростное шипение сквозь зубы. Нога встряла на гладкий рельс, сталкер поскользнулся и упал прямо на запертую крышку знакомого люка. Ухватившись поудобнее обеими руками, он начал крутить штурвал в сторону.

Штурвал не поддался ни на миллиметр.

Сталкер еле совладал с приступом паники. Только сейчас он понял, что под блоком не было ни единой подпорки, которые обычно стояли, блокируя спонтанное движение верхней маскировочной защиты. Борланд точно помнил, что поставил блокираторы, когда уходил в последний раз.

Изображение вернулось, и первым, что увидел сталкер, было медленно поднимающееся

дугообразное зарево на севере Зоны, переливающееся всеми цветами радужного спектра. Клинч смотрел на это как завороченный.

— Открывайся, мать твою! — заорал Борланд, стуча по крышке люка изо всех сил. — Мы тут все шас передохнем! Открой...

Внезапно повернувшийся штурвал едва не вывернул Борланду все пальцы. Сталкер поспешно отпрянул назад, встал, тут же снова подскочил к люку и начал поднимать его со своей стороны.

Крышка откинулась. Изнутри показалось дуло.

Клинч молниеносно схватил встречающий ствол и прыгнул в люк. Гроыхнул выстрел, шальная пуля улетела в никуда под мелькнувшую вспышку, направляясь в кипящие небеса. Внизу раздались ругань и шум потасовки.

Борланд больше не терял ни мгновения. Схватившись за крышку люка, он скрылся внутри своего схрона, быстро завернул замок и соскочил на пол убежища.

— Борланд? — прозвучал изумленный голос.

— Фармер? — только и произнес сталкер.

Клинч стоял на ногах, целясь из отобранного автомата в поверженного противника. Молодой парень лежал не шевелясь, с осторожностью глядя по очереди на каждого из гостей.

— Твой друг? — Клинч махнул дулом автомата.

— Позже объясню, — проговорил Борланд, без сил падая на знакомый рваный матрац. — Так, все успокойтесь и ложитесь, сейчас рванет.

Словно в подтверждение его слов, бункер сильно тряхнуло. Клинч быстро схватился за поручень лестницы, Фармер сел на ящик в углу и обхватил голову руками.

— ...Так все и получилось. Когда вы с Литерой исчезли, я и Уотсон остались по твоему совету в доме Доктора. Точнее, в том, что от него осталось. Припасов было вдоволь, а работы — выше крыши. Доктор пришел в сознание лишь на третий день, зато уже на четвертый встал на ноги. Мы пока решили ничего не предпринимать, ждать развития событий. Все равно мы не могли уйти, не узнав, что случилось с Литерой или тобой. Уотсон ни разу не вылезал за пределы лагеря, а я решил побродить, восполнить пробелы в образовании. Ну и на всякий случай освоить альтернативное убежище, если придется где-то жить неизвестно как долго, вдвоем или вообще одному. С первого же дня после твоего ухода и начал. Твоя землянка оставалась бесхозной, так что я решил, что ты не будешь против, если я тут покопаюсь и приведу все в порядок. Борланд, я не знаю, в каких героических преданиях увековечено твое имя, но в летописях о легендах Зоны явно не написано, что в бытовых мелочах ты полный ботан. У тебя в схроне конь не валялся. Я не понимаю, как можно было так загадить помещение. Ладно, ты два года отсутствовал, но я не о пыли говорю. Тут все было засрано просто до невозможности, да простит меня Кали. Я разбираю твой хлам по коробкам, наверное, часов шесть, хотя места тут меньше, чем на моей лоджии. За оружием ты ухаживать ни хрена не умеешь. Сразу видно, что раньше этим вопросом тут занимался кто-то другой. Говоришь, Технар? Видно, аккуратности у него было не занимать. Консервы твои давно выбросить пора. Ты не станешь это есть, если не хочешь промаяться животом до конца недели. Я натаскал пару ящиков новой жратвы, да и воды тоже литров двести. Мне повезло, достал все на Кордоне. Говорят, тамошнего торговца прибили. Ну, свято место пусто не бывает, бизнес никому терять не хочется. Так что бродяги из «Чистого Неба» пока взяли все в свои руки — временно, конечно. Сейчас стараются не наглеть, все серьезно и по-деловому. Говорят, снова нарисовался Лебедев, учения проводить будет. Они даже отдельную базу оборудовать не стали, обосновались на хуторе. Привезли для нужд клана два грузовика провианта и медикаментов, я и накупил всего по максимуму, чего только мог. Не хотел ни ссылаться на Доктора, ни светить наличностью, так что расплатился артефактом. Сам нашел, чисто случайно. Как называется, сам не знаю, но торговцев устроило. Я на Кордоне старался долго не зависать. Тут что-то в воздухе такое назревает нехорошее, все эти кланы, вояки, ученые... Перестраховаться я решил, болтать поменьше, слушать побольше, быть готовым залечь на дно. Закупился чем только мог. Даже на себе почти не тащил, договорился, что до ворот Агропрома на машине подбросят. Техник «Чистого Неба» на каком-то корыте довел. Вот что было настоящей проблемой, так это перенести имущество в схрон по-тихому. Поэтому я оборудовал собственный промежуточный

тайник рядом, в лесах, и все скидывал прямо туда. Там щель в скалах, может, позже покажу при случае. А уже ночью перенес все добро сюда. Вчера закончил полностью, с тех пор один раз у Доктора был и все. В последние сутки здесь ночевал. Выброс надвигался, я и решил Шиву не искушать попусту. Заперся и сидел, пока ты не постучал. Остальное тебе известно.

— Спасибо, что открыл, — поблагодарил Борланд, нервно перебирая распущенные нити матраца. Сидящий напротив него Клинч безучастно смотрел ему в глаза, не мигая.

— Да я бы и не стал открывать, имей чуть побольше сталкерской крови. Может, недостаточно в Зоне прожил. Да что я говорю, точно недостаточно. Это же мой первый выброс. Я еще всех правил не знаю.

— Фармер, — окликнул Борланд. — Ты что, оправдываешься, что спас нам жизнь?

— Я... — Молодой сталкер растерялся. — Нет, просто... Не знаю, как объяснить.

— Первая неделя в Зоне.

— Что? — Фармер внимательно посмотрел на Борланда, словно ожидал большей информативности.

— Все нормально, — кивнул Борланд. — Ничему не удивляйся, тут все закономерно. Ты находишься в Зоне уже восьмой или девятый день. Повидал больше, чем за всю предыдущую жизнь. И твой первоначальный боевой запал постепенно истощился, все бывшее воспитание уже не может приоритетно влиять на тебя. Нет ничего удивительного, что ты поддался влиянию здешних правил и обычаев. Даже артефакт нашел и придумал, как лучше использовать. Нестандартные условия, постоянная проверка силы характера — и вот ты уже никому не доверяешь, конфликты чувствуешь за километр, все анализируешь и стал запасливым, как белка. Фармер, это совершенно нормально. Через это прошли все, кого ты видел в Зоне. Остальные уже на том свете.

Фармер молча подошел к нему и прислонился к стене. Даже при скудном освещении слабой лампочки схрона было видно, насколько изменились его движения, ставшие чуть более плавными, кошачьими. Он неодобрительно смотрел на сталкера.

— Литера точно умерла? — спросил он.

Борланд кивнул и отвернулся.

— Я сам проверял, — сказал он сухо. — Если бы у меня была возможность спасти ее или помешать тому, что случилось, я бы все отдал за это. У меня не было шанса, Фармер.

Клинч не вмешивался в разговор. Казалось, он вообще ни на что не реагировал, словно его сознание пребывало где-то там.

— Неделя в Зоне, — протянул Фармер. — Наверное, ты прав. В первый день я очень хотел бы тебя пристрелить. Не разбирая, насколько именно ты виноват в том, что случилось. Но не факт, что нашел бы в себе силы это сделать. Сейчас точно могу сказать, что нашел бы. Однако уже не считаю, что это нужно.

— Подмена понятий, да? — бросил Борланд. — Фармер, если к тебе сила приходит лишь после умения ее применять, то можешь считать себя счастливейшим из смертных. И раз уж мы об этом заговорили, то нет никакой силы в том, чтобы убить человека. Вот чувство ситуации, когда это оправданно, — совсем другое дело. Этому будешь учиться всю жизнь.

— Ты можешь заткнуться хоть на минуту? — попросил Фармер. — Давай просто помолчим немного.

Борланд послушался. Несколько десятков ударов сердца были единственным звуком, который он слышал в течение некоторого времени.

— Итак, — вздохнул Фармер. — Что дальше?

Они оба посмотрели на Клинча.

— А вот это хороший вопрос, — ответил Борланд. — Майор. Твой черед.

— Мой черед? — очнулся Клинч. Быстро повернувшись, он обвел глазами подвал. — К чему? К тому, чтобы решить, как быть дальше, или к тому, чтобы принять наказание? Ты нашел ситуацию, когда убийство оправдано, Борланд? Или мне дать тебе еще один повод?

— Мужик, придержи коней, — сказал Фармер. — И не маячь возле стенда с оружием. Среди него нет ни единого заряженного ствола. Ни одного.

— Времени у нас много, Клинч, — добавил Борланд. — До самого утра никто из нас из подвала не выйдет — из-за выброса. И если нам удастся прийти к соглашению, то утром выйдем все трое.

Клинч приложил палец к губам, тут же отнял, нервно усмехнулся.

— Борланд, — обратился Фармер. — Кто этот мужик?

Сталкер на миг задумался.

— Это майор Кунченко, оперативный псевдоним «Клинч», — ответил он. — Хозяин большинства силовых подструктур Коалиции. Второй человек в Зоне, главный фактор могущества кланов «Долг» и «Монолит». За последние годы подготовился к операции по уничтожению Зоны. Обстрелял дом Доктора с воздуха. Привлек меня на свою сторону под дулом пистолета. Час назад был предан, потерял всех своих друзей до единого, застрял в незнакомой Зоне без своего любимого вертолета, и завтра наверняка за его голову объявят шикарную награду. Клинч, я ничего не пропустил?

— Только то, что за тебя тоже выставят вознаграждение, — добавил Клинч, взбудораженно глядя блестящими глазами. Левая сторона его лица заметно подрагивала, дыхание участилось. Майор боролся с вырывающимся наружу нервным напряжением.

Фармер обалдело смотрел на него.

— За меня — возможно, — уклончиво произнес Борланд. — А еще майора очень волнует целый ряд вопросов. Например, почему он был предан человеком, который сам подсказал ему детали плана. Как ему продолжать свою миссию без верных товарищей. И какой инструмент воздействия он теперь должен придумать, чтобы убедить меня по-прежнему работать с ним, вместо того чтобы пустить нашему майору пулю в переносицу.

— Ты еще более тупой, чем я представлял, — выговорил Клинч, клацнув зубами. — Так как все еще считаешь, что я намерен продолжать операцию.

— Так ты намерен отступить? — удивился Борланд. — Вот уж не ожидал...

— Никакого «Горизонта событий» не существует! — оборвал Клинч. — Ты еще не понял ничего?! Консул подставил меня и ребят! Нет плана по разрушению Монолита! Глок попросту внедрил в мой штаб своего человека, чтобы меня контролировать. Очевидно, целью задачи было собрать воедино всех сэров и меня, так как никто не знал, кто именно является моим доверенным контактом. И в нужный момент нас всех решили принять, как детей. Только мои парни не пальцем деланы оказались. Черт! — Клинч в отчаянии сжал кулаки. — Драм, Рубин, Ларс... Почему они не сообразили, что весь план — сплошная подстава, и больше нет никакой надобности прикрывать меня?! Спасались бы сами... Может, кто-нибудь выжил бы...

Клинч перешел на неразборчивый шепот. Борланд и Фармер переглянулись.

— Майор, не надо расстраиваться, — сказал Борланд. — С чего ты решил, что «Горизонт событий» был вымыслом с самого начала? Может, такой сценарий в самом деле существует, просто Консула вычислили и переманили на другую сторону. Нет, серьезно. Ты можешь с уверенностью сказать, что сэры погибли впустую?

— Борланд, мое участие в плане базировалось поровну на профессиональной подготовке и вере, — с кривым лицом съязвил Клинч. — Смейся, если хочешь, но это так. Когда ты имеешь дело с проектом «Зона», без веры просто никуда. Когда лезешь в космос, под воду, испытываешь новый вертолет, то именно вера служит фундаментом твоего успеха, а удержаться на нем ты можешь лишь за счет подготовки. Сейчас у меня нет ни того, ни другого. План отменяется, сталкер. Я теперь тебе не нужен, так же как и ты мне. Нас больше ничего не связывает. Можешь отправляться на все четыре стороны. Поэтому, если у тебя еще есть со мной незавершенные дела, можешь приступать. Вас двое, и у твоего друга наверняка припрятан пистолет, я же один и без оружия. Но, предупреждаю, спокойно сдаваться не собираюсь.

— Так и не сдавайся, придурок. — Борланд встал с матраса. — Никто здесь на тебя не нападет. Уматывай куда хочешь, хоть сейчас, хоть утром. Честно говоря, я рассчитывал, что ты продолжишь дело.

— Вот как? — Майор заметно удивился. — Почему? Тебе какой интерес?

— А почему нет? Когда я думал, что порвал с Зоной, она нашла меня за ее пределами. Я тоже потерял близких людей. Наконец, твои товарищи для меня не пустое место. Как ни крути, они умерли и за меня тоже. Может быть, это было лишь последствие твоей скоропалительной команды, что я обязан выжить любой ценой... какого хрена, майор?! Я не знаю. Да и не верится мне, что Коалиция способна несколько лет вести такой сложный план, лишь бы поймать тебя на чем-то более существенном, нежели коррупция.

— Хватит. — Клинч треснул по полке шкафа, от чего тот задребезжал. — Сталкер, с меня довольно. Вижу, ты позитивный мужик. Хвалю. Но я предпочту не ловить рыбу в пруду, которого нет. Если у тебя ко мне нет претензий личного характера, то это меняет дело. Парень!

— Я? — спросил Фармер.

— Да, ты, — кивнул Клинч, показывая на него пальцем. — Стало быть, ты последние дни занимался в основном торговлей? Может, договоримся?

— По поводу чего? — с недоверием посмотрел Фармер.

— Мне нужно пересидеть здесь до утра, в полном покое и тишине. Затем я попрошу у тебя снаряжение, продовольствие и оружие, чтобы добраться до Темной долины. Ты смог бы это организовать?

— Ну... — Фармер покосился на Борланда. — Да, смог бы.

— Не люблю долгов. — Клинч пошарил по полке шкафа и достал блокнот с карандашом. — Но у меня ничего нет, поэтому я взамен дам тебе очень ценную информацию. Ты убедишься, что она дорогого стоит.

— Что за чертовщину он там несет? — шепнул Борланд.

— Отстань, — отмахнулся Фармер. — Ты сам слил, так что теперь не командуй.

Клинч оторвал листок, сложил вчетверо и протянул Фармеру.

— Это координаты места, из которого есть подземный выход за пределы Зоны, — пояснил он. — Ход полностью безопасный, данные надежно засекречены, Глок никак не может знать об этом.

— Однако... — Борланд покачал головой. — Это в самом деле стоит дорого. Фармер, ты на этой сделке неслабо заработал. Отправная точка далеко?

— Припятя?! — вырвалось у Фармера, крутящего листок.

— Ближе места нет, — сказал майор. — Вернее, есть несколько ходов, но все ведут внутрь внешней линии оцепления. Подразумевалось, что пользоваться ими будут только наши, так что ничего странного.

— Эх, спасибо, — закивал Фармер. — Буду при случае в Припяти — не премину воспользоваться.

— Воспользуйся, — толкнул его локтем Борланд. — Из Припяти автобусы не ходят.

Клинч с громким хлопком свел ладони вместе.

— Порешили? — спросил он. — Все, я спать?

— Иди, — ответил Борланд. — Кстати, майор.

— Что еще?

— Куда ты пойдешь из Темной долины?

— Искать Консула, — ответил Клинч. — Порежу гада на мелкие куски, а дальше будь что будет.

— Удачи тогда, — пожелал Борланд. — Если я найду Консула первым, оставлю для тебя, так и быть.

— Зачем тебе Консул?

— Потому что, если ты не забыл, — Борланд деланно зевнул, — то в плане «Горизонт событий», существует он или нет, центральные места выделены мне и Консулу. Тебя там нет и в помине. Будешь ли ты продолжать дело или нет, от тебя сейчас пользы как от дополнительной пары рук, не более. Ничем уникальным ты не обладаешь. И твои пафосные отказы погоды не делают.

— Минутку, — остановил его Клинч. — Так ты согласен двигаться дальше?

— Именно.

— И что ты намерен делать?

— Ты мне скажи, — ответил Борланд. — Каков был дальнейший план? Вспоминай.

— Двигаться в Темную долину, к Анубису, — ответил Клинч. — В случае проблем заручиться поддержкой клана и дальше идти с их помощью.

— Правильно! — воскликнул Борланд. — За маленьким исключением: у нас больше нет ножа Сенатора. По этому вопросу я должен буду обратиться к Консулу. А поскольку наше с ним знакомство будет энергичным, мне поможет «Долг».

Клинч соображал секунд десять.

— Значит, нам обоим нужно найти Консула, — задумался он.

— Майор, ты можешь прыгнуть с этого поезда, если хочешь, поскольку по вынужденным причинам ты в нем больше не машинист. А можешь ехать — если не до конечной, то хотя бы до следующей станции.

— Объединимся? — слегка улыбнулся Клинч.

— Да мы и не разъединялись.

Борланд разок подтянулся на перекладине и прыгнул обратно.

— Завтра мы оба выходим в сторону Темной долины, — сказал он. — Ищем Анубиса, объясняем суть, решаем, как дальше быть. Мы накажем если не Зону, то Консула. Но сперва надо выспаться. Оставь мертвых в мире и покое, майор Кунченко. Я уже научился так поступать, сможешь и ты.

Клинч протянул ему руку — без особого энтузиазма. Борланд пожал его ладонь.

— Я иду с вами, — изрек Фармер.

Клинч и Борланд уставились на него.

— Зачем? — спросил Клинч.

— Неделя в Зоне, — ответил Фармер.

— Хм... Понимаешь, друг...

— Я не в этом смысле. Нет никакого азарта исследователя. Есть именно неделя в Зоне, вы в это время просидели в теплых бункерах. И ни черта не знаете о ситуации на поле. Вся Свалка под контролем бандитских группировок, сейчас у них война. Вы не знаете безопасных путей, расположения укреплений врага, даже изменений в сленге. А я проведу.

— Он прав, — решил Борланд. — Нам нужен проводник.

— Согласен, — кивнул Клинч. — Так что по койкам. И учти, Фармер: я все равно уже купил у тебя часть снаряжения. Так что завтра, что ни возьму, все будет моим.

— Поторгуюсь, — махнул головой Фармер.

— Отбой.

Клинч устроился у самой дальней стены, отгородившись двумя листами железа. Борланд положил Фармеру руку на плечо.

— На пару слов, — шепнул он.

Парень послушно позволил отвести себя в сторону.

— Просто чтоб ты знал, — быстро произнес Борланд. — Клинч может мстить сколько угодно, но я определенно иду до конца. Доберусь до Монолита и разрушу его.

— А если Клинч прав? — предположил Фармер. — Что, если никакого плана не существует?

— План существует, — убежденно сказал Борланд. — Я это знаю совершенно точно.

— Откуда?

— Знаю. — Борланд метнул взгляд на Клинча, укрытого за импровизированной оградой. — Потому что Консул может сочинять что угодно, но кое-чего он не подделает никогда. Это знания Сенатора и его кинжал, который он сам же и дал мне с одной конкретной глобальной целью. Весь план упирается в них. Так что «Горизонт событий» — не просто легенда для внедрения шпиона в штаб Клинча, а реально существующий сценарий уничтожения Зоны. И я приведу его в исполнение.

Глава 5 Доктор

Вкусный запах обещал не менее вкусный обед.

Комната, в которой витал малознакомый в Зоне аромат, больше не содержала ни единого позитивного элемента. Собственно, ее и комнатой можно было назвать с большой натяжкой. Она была разрушена полностью. Наверху не хватало доброй половины потолка, и если оглядеться, то можно было заметить и отсутствующую стену. Три остальные покрылись трещинами, принимавшими порою необъятные размеры. Все помещение было полностью завалено обломками мебели, штукатурки, кусками цемента, которые, образовав разровненную кучу, закрывали пол с вырванным паркетом.

На чудом уцелевшей тарелке лежали три ломтика помидоров, целый огурец и вареное куриное яйцо. Тут же, на столе без ножки, стояла аккуратно раскрытая банка рыбных консервов, а рядом с ней — стакан апельсинового нектара.

Готовящийся покушать гурман попытался натянуть на себя широкую салфетку. Это ему не удалось, узел был слишком сложен для него. К тому же ширина талии не позволяла. После бесплодных попыток он нахлобучил салфетку себе на макушку. Скосив глаза вверх, любитель вкусного убедился, что салфетка не спадает. Довольно заурчав, он схватил со стола до блеска начищенную вилку и попытался удержать ее в горизонтальном положении. Попробовал подцепить ею помидор. Это ему стоило подскочившей тарелки, но он тут же быстро поймал разлетевшиеся продукты и положил их обратно.

Затем задумался.

Определенно, план поглощения еды с использованием правил этикета требовал нужной сноровки. Но сидящему за столом очень хотелось кушать. Он крутил вилку во все стороны, пока не сообразил, что намного удобнее накалывать помидор на другой конец — тот, на котором четыре окончания, а не одно.

Через минуту настойчивых упражнений зубцы вилки вошли в красную мякоть, на поверхности помидора выступили капельки сока.

Едок закинул добычу себе в огромную пасть и начал долго жевать, задумавшись.

Он переосмысливал только что освоенный им новый закон физики.

— Доктор!

Поморщившись, целитель Зоны отнял от виска намокший бинт. Посмотрев на цвет крови, Доктор кивнул, и его лицо просветлело.

— Что случилось, друг мой? — спросил он, кинув бинт в банку для использованных материалов.

Стоящий на пороге Уотсон в отчаянии развел руками.

— Апельсин опять ворует нашу еду, — пожаловался он. — Теперь его не устраивают старые консервы, и я не знаю почему. Он украл свежие овощи из холодильника.

— И сожрал весь гематоген из шкафа, — добавил Доктор, глядя в зеркало на свою рану. — Что-нибудь еще?

— Да! Он где-то раздобыл тарелку и теперь пытается есть, как человек.

— Вот как?

— Я не шучу, Док, взгляните сами!

Доктор взял со стола пинцет, внимательно осмотрел его и, неодобрительно покачав головой, отправил его вслед за бинтом.

— Уотсон, — начал он. — Если ты забыл, то этот маленький полтергейст активно помогает нам с ремонтом дома. Так уж у них заведено: они постоянно обитают там, где можно переломать кучу всего. Но затем они все восстанавливают.

— Ну да.

— Одна проблема: полтергейста могут восстанавливать лишь то, что разрушают. И не нужно рассматривать это как хулиганство. Полтергейст не способен различить процессы разрушения и восстановления, для него это всего лишь два противоположных направления одного и того же действия. Изменение комплексов молекул, раскладывание на составные части путем физического воздействия и обратное соединение. Тем не менее Апельсин каким-то образом понял, что способен восстановить дом, который не ломал. Он не такой, как ему подобные. Считаю это эволюцией, если хочешь.

— Я рад. И как это связано с нашей едой? Я промолчу о том, что Фармер ходил за ней до самого Кордона.

— Как видишь, не промолчал, — улыбнулся Доктор. — Я ценю усилия Фармера, однако от Апельсина больше толку на строительных работах, чем от всех нас, вместе взятых. И если он считает достаточным работать за свежую еду, которую в Зоне достать очень тяжело, то все равно эта цена несоизмерима с огромной пользой, которую он приносит, возясь с камнями и досками. Если ты не заметил, то Апельсин уже полностью восстановил фундамент. Полностью. Даже если он перестанет помогать прямо сейчас, я сумею построить новый дом при помощи свободных

сталкеров. Очень многие люди в Зоне считают себя обязанными мне. Мне достаточно пожить на базе «Свободы» пару месяцев и оказывать бесплатные медицинские услуги, и взамен за это Ровер отрядит целую строительную бригаду, которая соорудит на этом месте дом лучше прежнего. Это так, вариант. Но пока что достаточно услуг Апельсина.

— Доктор, я не имею ничего против, — попытался объяснить Уотсон. — Все, что я хочу сказать, это то, что я не вижу связи между едой, которая в текущем виде полтергейсту не принципиальна, и производимой им работой.

— Не видишь? — нахмурился Доктор, протерев зеркало чистой тряпкой. — Ну, значит, Апельсин видит. И ты бы сумел, если бы подумал лучше. Разве не понятно, что и стремление к этикету, и строительство — звенья одной цепи? Апельсин очень хочет походить на людей. Он чувствует, что есть некая разница между созиданием и разрушением.

Уотсон вытер руки о край рабочего фартука.

— И что, он просто подражает? — спросил он. — Разве не может быть такого, что Апельсин чего-то ожидает в конце пути? Например, что сам станет человеком?

— Апельсин никогда не станет человеком.

— Почему? Вы же сами рассказывали, что полтергейст — обратимый процесс.

— Верно. И вся работа полтергейстов служит отражением этой формулы. Постоянное стремление двигать, шевелить, перемещать объекты — и, что самое главное, желание делать это циклически, все возвращать в первоначальное место и работать по новой. Даже полтергейсты, которые избирают для себя пути охоты и убийства, действуют по той же схеме. Просто они не знают, что мертвеца не воскресить обратно, и человек либо другое животное в их схему не вписываются. Не все процессы можно обратить, друг мой. Однако я отвлекся. Мы говорили про то, станет ли Апельсин человеком. Не станет. Как я и сказал, он отличается от остальных собратьев. Может, потому, что уже слишком поздно. Теперь его жизнедеятельность не циклична, он не хочет ограничивать себя рамками подземелья лаборатории, осваивает более комплексные задачи, наподобие того же строительства. Он начинает искать, Уотсон. Искать себя и свое место в мире.

Уотсон сел на табурет и почесал ухо.

— И что случится, когда он его найдет?

— Я этого не знаю. Но не представляю, чем может закончиться его путь. Возможно, он никогда не закончится.

Подняв палец, Уотсон прислушался.

— Док, вы слышите? — спросил он. — Где-то шумит мотор.

— Услышал три минуты назад, — ответил Доктор, перебирая содержимое ящика стола. — Вертолет рядом. Летает кругами над домом, на расстоянии, превышающем возможность прямого попадания. Теперь направляется сюда.

— Что нам делать?

— Я разберусь. Но тебе лучше укрыться.

С сомнением глядя на Доктора, Уотсон встал с табурета.

— Быстрее, — сказал Доктор. — Спрячься в доме.

Уотсон мигом скрылся в развалинах между балками.

— Сиди там и не высывайся раньше времени, — предупредил Доктор, направляясь к выходу.

Он покинул комнату, которую восстановили до прежнего уровня, чтобы иметь хоть минимальные жилищные условия. Снаружи она выглядела как неказистая деревянная коробка на фоне сплошных развалин. Доктор уже видел вертолет вдалеке и знал, что его тоже заметили. Знал он и то, где «вертушка» приземлится: в районе дома на Болоте была одна-единственная достаточно ровная и твердая площадка, чтобы сесть. Так что Доктор молча стоял и ждал гостей.

Вертолет не имел ничего общего с воздушным черным хищником, обстрелявшим убежище неделю назад. Это был вполне мирный Ми-38, который ранее несколько раз привозил продовольствие.

В этот раз Доктор никаких поставок не ждал, тем более от Коалиции.

Свист лопастей заглушил все остальные звуки. Вертолет приземлился.

— Мотор можешь заглушить, — уведомил пилота Консул, снимая наушники и открывая

дверь. — Я, возможно, надолго.

Он ступил на землю. Кроме пистолета в кобуре, у него не было другого оружия. В любом случае Консул не планировал его применять. В этом месте было достаточно слов.

Доктор внимательным взглядом взгляделся в приближающегося человека.

— Здравствуй, — сказал он. — Давно не видел тебя.

— Теперь еще долго не увидите, — успокоил Консул.

— Чем обязан?

— Ничем, — не моргнув глазом ответил Консул. — Могу заверить, что обязательств у вас перед нами никаких.

— Тогда улетайте с моей земли, — потребовал Доктор.

Консул вздохнул.

— Доктор, Доктор, — покачал он головой. — Ничему вы не учитесь. Эту землю дали вам мы, не забывайте. Поставили дом...

— И разрушили!

— А вот это уже не к нам претензия, — поправил Консул. — И я как раз хотел с вами поговорить по этому поводу. На поиски вашего обидчика сейчас брошены все силы. Майор Кунченко, если вы не знаете.

— И что это должно мне сказать? — сухо спросил Доктор. — Я не забочусь о личной мести.

— Но хотя бы причины скажете?

Доктор не торопясь направился в сторону, сунув руки в карманы рваной фуфайки. Постояв немного, Консул быстрым шагом догнал его и пошел рядом. Чтобы быть с Доктором одного роста и четко слышать все реплики, ему приходилось сутулиться.

— Консул, я живу на свете достаточно долго, — спокойно произнес Доктор. — Чтобы знать один важный постулат. Заработать себе врагов можно на пустом месте. Работаешь ли ты хорошо или плохо, всегда найдутся люди, которых это не устроит.

— Я еще раз говорю, что мы не высылали вертолет обстреливать ваш дом, — сказал Консул. — Это был ренегат. В данный момент его поиски — наша приоритетная задача.

— Вот и хорошо, — кивнул Доктор и посмотрел на Консула снизу вверх. — Потому что я тоже не люблю ренегатов, мой друг.

Консул выдержал взгляд. Легкая усмешка исказила его губы.

— Никто не любит, — изрек он.

Они продолжили прогулку.

— Есть информация, — сказал Консул. — Что на вас напали именно из-за того что вы сделали хорошую работу. Вы вылечили stalkera по имени Борланд.

— Знаю такого, — не стал отрицать Доктор. — Только я его не вылечил.

— Очень хорошо. И где он может быть сейчас?

— Понятия не имею, — пожал плечами Доктор. — Наверное, умер.

— А с ним был кто-то еще?

Доктор остановился. Консул положил руку ему на плечо.

— Не надо переживать, Доктор, — сказал он. — Мне хорошо известно, что на вас невозможно надавить. Поэтому я и не пытаюсь, тем более что мне это незачем. Аналитики Коалиции считают, что вас можно шантажировать, угрожая вашим друзьям и пациентам, только я в это не верю. Все, что мне нужно, — это знать, где найти любого из помощников Борланда, и поговорить с ними. Никому не будет причинен вред.

Высказав утверждение, Консул перевел внимание на окружающий пейзаж. Как и всегда, болотистая местность выглядела удручающе. От коричневых луж поднимался сероватый дымок. В промозгом воздухе стоял запах гниющей листвы.

— Знаете, что я вам скажу? — неожиданно произнес Доктор после долгой паузы. — Мне всегда забавно было смотреть на вас. На ваш глупый, необъяснимый, немотивированный страх перед Зоной. Ведь она практически ничем не отличается от остального мира, к которому вы так привыкли. Единственное отличие Зоны от природы лежит в сходстве с вами. Вы так боитесь Зоны, потому что у нее есть человеческие черты. Она любит убивать ради удовольствия. Она предает и искушает, на что не способен ни один хищник за ее пределами. И от одного этого сходства вы готовы объявить Зону аномальным участком территории, строите стены, тратите множество сил и

человеческих жизнью на то, чтобы постараться ее контролировать. Сдираете с нее дань и платите собственную. А ведь, если подумать, человек столь же аномален на Земле, как и сама Зона. Все зависит от точки зрения. Если считаете, что вам можно здесь находиться, то я могу точно сказать, что и Зоне тоже здесь самое место. Признайся, Консул: тебе и твоим товарищам жутко неудобно просто потому, что Зона существует. Вы на ней сказочно озолотились, вы не можете без нее, но вместе с тем вы ненавидите ее и боитесь.

Консул ничего не отвечал, глядя Доктору в глаза. Целитель держался уверенно, как и всегда.

— Благодарю за беседу, Доктор, — сказал Консул, направляясь к дому. — Она была очень содержательной.

— Надеюсь, — пробормотал Доктор, шагая следом.

— Так вы позовете Уотсона на выход? — спросил Консул. — Или мне поискать самому?

Доктор молчал.

— Вы что, в самом деле считали, что нам ничего не известно?

Послышался стук досок, и показался Уотсон.

— Я здесь, — сказал он.

Консул встал перед ним, глядя изучающе.

— Знаешь меня? — спросил он.

— Нет.

— Садись в вертолет.

Уотсон не пошевелился.

Выватив пистолет, Консул направил его в голову Доктора, и Уотсон испуганно отступил на шаг назад.

— Сядь в вертолет, — жестко повторил Консул. — Или я снесу ему голову.

— Уотсон, тебе не обязательно, — произнес Доктор. — Тебе нет надобности лезть во все это.

— Доктор, я только что сказал, что мне от вас ничего не нужно, — сказал Консул с настойчивостью. — Так что не усложняйте себе жизнь, я не с вами говорю. Уотсон сейчас решит, как ему поступить.

— Я готов пойти с вами, — торопливо сказал Уотсон. — Но Доктору все еще требуется медицинская помощь.

— Сынок, лети с ним и ничего не бойся, — ответил Доктор. — Я буду в полном порядке. Давай же.

Помедлив, Уотсон повернулся и пошел в сторону Ми-38.

— Очень хорошо, — сказал Консул, убирая пистолет в кобуру. — Доктор, желаю счастливо оставаться. Лечите себе своих зверушек на здоровье. Они не противоречат природе. И вы не противоречьте мне, а я, в свою очередь, больше не буду противоречить вам.

— Бог тебе в помощь, Консул, — только и сказал Доктор. — Ты выбрал крайне сложный путь. И тяжело тебе будет идти по нему, потому что — помани мое слово — в течение этого пути ты не будешь уверен ни в чем и не сможешь довериться ни единому человеку.

— Время покажет, — отрезал Консул, скрылся в кабине вертолета, сев на свое место рядом с пилотом, закрыл за собой дверь. Ми-38 заурчал и через минуту поднялся в холодное небо.

— Просто чтоб вы знали, господа, — проговорил Уотсон, глядя по очереди на каждого из бойцов Коалиции. — Вы все сволочи и уроды. Я всем вам желаю сдохнуть поскорее.

Консул повернулся к нему.

— Где Фармер? — спросил он.

— Пошел у Монолита туалетной бумаги попросить.

Сидящий рядом с Уотсоном громила ударил его тыльной стороной ладони. Уотсон согнулся, зажимая разбитую губу.

— Еще одно слово... — угрожающе начал боец, но не договорил.

Вертолет резко повело в сторону. Взревел двигатель, кабина начала разворачиваться вокруг своей оси. Консул схватился за боковой поручень.

— Что случилось? — спросил он. — Почему мы...

Больше он не издал ни звука. Консул почувствовал, как его зубы стискиваются помимо его воли. Дом Доктора возник прямо перед ним, и последним, что успел увидеть Консул перед тем, как его полностью парализовало, был новый участник действия.

Доктор наблюдал, как Ми-38 описывает хвостом неровную линию и зависает в воздухе в опасной близости от земли. Медленно отходя назад, он остановился, заслышав скрипучий голос:

— Осторожнее, Доктор.

— Кто здесь? — спросил целитель Зоны, но ответ уже знал. Кусты раздвинулись, из них вышел некто в накинутом на все тело грубом балахоне.

Нет, это был не человек. У людей не могло быть такой бордовой, потрескавшейся, вздувшейся кожи, даже у обожженных. Когда пришелец откинул капюшон, рассеялись последние сомнения. Змеиные глаза горели краснотой, пропорции лица были слишком деформированы, чтобы считаться человеческими.

— Не убивай их, — попросил Доктор. — Отпусти, дай спокойно улететь.

— Зачем? — удивился контролер. — Они мои враги.

— Не все. Там есть и мои друзья. Я прошу тебя. Ты же знаешь, кто я?

Контролер поднял лицо к небу и втянул в себя воздух. Казалось, он сделал это ноздрями, ртом и глазами одновременно. Злорадно выдохнув, он издал удовлетворенный клекот.

— Я чувствую их мысли, — сказал он. — Уничтожить Монолит? Хм-м...

— Отпусти, — потребовал Доктор. — Или можешь не рассчитывать на мою помощь.

Вертолет продолжал шуметь, покачиваясь из стороны в сторону.

— Помощь? — контролер чуть повернул голову, наполняясь все большим интересом. — Тибету не нужна помощь ни от кого. Но их я не убью. У одного из них слишком увлекательные мысли, хм... Связь, да, связь просто замечательна. Сенатор, исполнитель, «Горизонт событий». Отлично.

Все в вертолете почувствовали освобождение одновременно. Уотсон моментально забыл о разбитой губе, Консул дернулся в кресле.

— Контролер! — крикнул он. — Улетаем к черту!

Пилот направил «вертушку» прочь от опасного участка.

— Вот так, — с облегчением сказал Доктор. — Спасибо, Тибет.

Контролер еле уловимым движением встал перед ним, очень близко. Его дыхание было зловонным, преисполненным вони мертвечины.

— Так вот какой ты, Доктор, — проговорил Тибет, с любопытством изучая каждую черточку лица врача. — Самый большой нейтрал в Зоне. Помогаешь всем, так? Я слышу, я чувствую. Как можно быть на стороне всех сразу? Это противоречит вашей натуре.

— Это то, что я выбрал для себя, — ответил Доктор.

— Очень странный и необъяснимый выбор. — Контролер резко подался вперед, чуть не ткнув Доктору искривленным носом в глаз. Подышав немного, он добавил: — Дом. В доме никого, только на нижнем уровне полтергейст. Да, мощный полтергейст. Строит пирамиду из консервных банок. Ему не хватает четырех, но скоро он это поймет. Больше никого. Ты один, Доктор.

— Больше никого? — уточнил Доктор. — Что, совсем?

Тибет задышал интенсивнее.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он. — Я кого-то не заметил?

— Давно ты в Зоне, Тибет?

— Я не понимаю твоего вопроса, — произнес контролер. — Ты знаешь день появления Монолита в этом мире.

— Я имею в виду, давно ты обрел свой теперешний облик?

— Сегодня седьмой цикл солнца, — ответил Тибет.

Доктор понимающе хохотнул.

— Тогда позволь мне восполнить пробелы в твоём образовании, — сказал он.

Повернувшись, Доктор начал пробираться к дому через строительный лом. Тибет остался стоять на месте, хищно глядя ему вслед.

Через минуту Доктор показался снова, неся что-то в руках.

— Ну вот, не бойся, — говорил он пушистой массе. — Познакомься с Тибетом.

Контролер отшатнулся.

— Кто это? — спросил он шумно.

Неизвестное чудовище на руках Доктора повернуло голову с усатой мордой, увенчанную двумя торчащими ушами. Оно эманировало очень сильным излучением, удерживая прочную блокировку против любого возможного сканирования Тибета. Контролер никогда не встречал ничего подобного.

— Это Маркус, — ответил Доктор, спуская на землю чудовище, которое отряхнулось и не торопясь побрело к Тибету на четырех лапах, выводя хвостом замысловатые узоры. — Самый обыкновенный кот. Тебе наверняка незнакомы подобные создания.

— Забери его! — выкрикнул Тибет, отходя дальше. — Я не могу его чувствовать!

— Никто не может, — прокомментировал Доктор, снова наклоняясь и беря Маркуса. Тот коротко мяукнул и начал победоносно мурлыкать. — Коты не боятся контролеров. Если их обидеть, они раздерут тебе лицо в клочья. Такая уж у них особенность. Энергетические источники котов имеют сходную природу с теми, которыми обладаешь ты.

— Держи его подальше, — предупредил Тибет.

Доктор продолжал стоять на месте с котом на руках.

Контролер решил больше не рисковать. В конце концов, больше тут не было никакой добычи.

— Я ухожу, — сказал он.

— Куда ты пойдешь?

Тибет надел капюшон на голову, так что теперь были видны только отсвечивающие на солнце глаза.

— На север, — ответил он. — «Горизонт событий» из памяти того человека побудил меня задуматься. Я иду на север.

Доктор шагнул к контролеру, поглаживая кота.

— Ты собрался убивать всякого, кто захочет уничтожить Монолит? — спросил он. — Значит, ты тоже веришь, что это возможно?

Тибет медленно повернулся.

— Ты не так сообразителен, Доктор, — сказал он. — Я и не думал мешать. Я помогу каждому, кто захочет уничтожить Монолит. Ни один человек не хочет так сильно разрушения Монолита, как того хочу я.

Доктор такого удивления не испытывал уже многие годы. Кот повернулся и начал мурлыкать громче, напоминая, что его нужно гладить.

— Ну хорошо, — пробормотал он, когда контролер скрылся. — Хорошо...

Он постоял еще немного, глядя на неизменный холодный туман, окутывавший Болота с первых дней творения Зоны. Опустив кота на волю, Доктор в задумчивости встал у двери в погреб.

Внутри погреба возникло теплое сияние. Апельсин вылетел наружу, довольный как сдобное пирожное.

— Остались мы с тобой вдвоем, малыш, — сказал Доктор, убирая салфетку с его «головы». — Разобрался, как банки в горку ставить?

Полтергейст закивал.

— Ну и отлично, — вздохнул Доктор. — Ты хорошо поработал с благоустройством дома. Я признателен тебе. Не хочешь немного поразвлечься?

Апельсин попрыгал, окончательно добивая треснувшую плиту под собой.

— Есть одно занятие для тебя, — произнес целитель, высовывая кое-что из кармана фуфайки. — Тебе понадобится время, чтобы разобраться, что я тебе даю. Но ты поймешь. Это КПК Эрагона, злого человека. Я позаимствовал это у Консула во время разговора. Он ничего не заметил. В этом приборе находятся планы базы клана «Монолит». Если бы тебе удалось добраться до базы, то ты смог бы устроить там переполох. Поломай все, что увидишь. Все. Ты понял меня?

На поверхности полтергейста показалась недоуменная рожица.

— Ничего ты не понял, — сделал вывод Доктор. — Но я не знаю, как лучше объяснить. Ты же умный. Постарайся понять смысл того, что я тебе только что сказал. Возьми КПК с собой. Можешь делать с ним все что хочешь, только не отвечай на звонки, если они будут. Поизучай планы. Не торопись, время у тебя есть. Но не очень много.

КПК выплыл из рук Доктора и остался висеть на оранжевой сфере. Снаружи казалось, что Апельсин сунул прибор в невидимый карман.

— Вот так, — улыбнулся Доктор. — Теперь лети. Я больше не смею тебя задерживать.

Апельсин облетел целителя кругом и снова замер с вопросительной мордашкой.

— Да, точно, — кивнул бородатый мужчина. — Чуть не забыл. Возьми с собой подругу. Вместе вы справитесь лучше.

Боевое визжание было ему ответом. Полтергейст зигзагами полетел на восток.

— Аквапарк рядом, не забудь! — пожелал ему вслед Доктор. — Следи, чтобы прибор не намок!

Оранжевого шара уже не было. Доктор вернулся в комнату, закрыл за собой дверь и лег на кушетку, чувствуя приступ слабости.

— Ох уж эти люди, — проговорил он, прижимая компресс к ране на виске. — Люди...

Глава 6 Выход

В подвале нет чувства времени. Ночь ли на дворе, день ли — одна разница, все равно приходится разлеплять веки в полумраке тусклого светильника, а то и вовсе в кромешной тьме. Борланд давно решил для себя эту дилемму элементарным путем: когда проснулся, тогда и утро.

Сталкер опасался, что ему не удастся заснуть в этот раз. Но огромная усталость и пережитые накануне события взяли свое. Лишь концентрация на предстоящих задачах позволила Борланду перевести тяжелое забытие в крепкий, здоровый сон. Сном сталкер не пренебрегал никогда в жизни, зная по опыту, что это дело всегда достойно и оправданно. Он мог при необходимости не питаться несколько суток подряд, сохраняя при этом форму, а от дополнительных стимуляторов и вовсе никогда не зависел. Однако сон был тем, что обуславливало его умонастроение на долгие часы.

В отличие от него по утомленному виду Клинча можно было сказать, что майор этой ночью глаз не сомкнул.

— Как настроение? — спросил Борланд.

— Как у выпотрошенного воробья, — огрызнулся Кунченко. — Который час?

— Уже семь, — подал голос Фармер откуда-то из темноты. — Давайте люк откроем, тут дышать нечем.

— Вентиляции нет, — сказал Борланд, поднимаясь по вбитым в стену скобам к крышке. — Так задумано. Отсек герметичен.

— Замерить бы надо.

— Радиацию, что ли?

— Ну да. Да и вообще...

— Наверху полно датчиков, — объяснил Борланд. — Даже стационарный детектор, на случай, если аномалия сверху проход перекроет.

Он откинул крышку, впустив в подвал свежий воздух.

— Будьте готовы через пятнадцать минут, — велел он. — Если кто-то передумал идти, говорите сейчас.

— Никто не передумал, — буркнул Фармер.

Клинч молча собирал снаряжение, демонстрируя спиной свою отчужденность от всех. Было ясно, что даже в команде он будет сам по себе.

— Броники группировок не бери, — посоветовал Борланд. — Лучше что-нибудь без нашивок.

— Я возьму «Берилл».

— Очень хорошо, — кивнул сталкер. — Проапгрейженная пулестойкость. Ты хоть знаешь, через что я прошел, чтобы его украсть?

— Родина не забудет.

Фармер втиснулся между ними в противоположный угол подвала.

— Так, мужики, попрошу секундочку внимания, — обратился он.

Майор перестал возиться с костюмом.

— Что-то придумал? — спросил Борланд.

— Придумал. Сегодня проводник — я, если вы забыли.

— И что с того?

— Нам нужно быть готовыми к любой встрече, — объяснил Фармер. — А встретить мы сейчас можем кого угодно. В первую очередь — бандосов.

— Так что, нам идти бандосами? А это мысль. Майор, слышал? Оставь костюм, у мародеров таких не бывает, такие элитные шмотки у них на продажу идут.

— Майор пойдет майором. А бандосом пойдешь ты.

— Я? — удивился Борланд.

— Ну не я же, — развел руками Фармер. — У тебя для этого рожа подходящая. Клинч пойдет как военный. А я — вольным сталкером. Экипируемся нужным способом и будем соответствовать выбранным ролям.

— Охренеть, — присвистнул Клинч. — Сталкер, мародер и военный чешут через всю Свалку. Это и есть твое прикрытие?

— Нет, конечно. — Фармер посмотрел на майора. — Суть в том, что двое ведут пленного на свою базу — мародерскую, «Долга» или еще какую-нибудь. Или один ведет двоих, как вам будет удобнее.

— Так, я запутался, — признался Борланд. — Кто и кого ведет?

— По обстоятельствам, дятел, — ответил Фармер. — Я же сказал — мы можем встретить кого угодно.

Через пять минут Борланд стоял в темном, помятом донельзя плаще с капюшоном, накинутом на бронежилет, драных синих трениках поверх плотных штанов и походных кедах, которые были ему малы на один размер. На голову была натянута черная маска, сделанная наспех из спортивной секонд-хендовской шапки.

— Ты похож на школоту, играющую в крутого дядю, — высказал Фармер, застегивая последнюю кнопку на своем рукаве. — Кеды смотрятся особенно феерично.

— Потому что мои, — отпарировал Борланд. — Я в этих кедах впервые пришел в Зону. Имею в виду — именно впервые. Да, они мне немного жмут. Но в остальном разношены как следует.

— Когда это было? — спросил Клинч. Он смотрелся не в пример лучше Борланда. Майор, благоразумно выбравший себе знакомый «Берилл», надежный костюм военсталов, выглядел как настоящий полевой оперативник. Все молнии и липучки тщательно подогнаны, снаряжение рассортировано по карманам разгрузки, исходя из размера, веса и приоритета использования. Шлем от костюма он пока что пристегнул к поясу, рядом с сумкой для противогаза. Лицо расчерчено выверенными темными полосами — Клинч использовал старый кусок угля, которым придал себе боевую раскраску.

— Когда было? — переспросил Борланд, собирая рюкзак. — Тяжело сказать. Не было такого, чтобы я сразу пришел в Зону и тут остался — тогда время было другое. 2008 год, если не ошибаюсь. Я тогда был молодой и тратил много времени на всякую разведку. Сначала просто ходил в Зону время от времени, слонялся по южным районам, а в целом обитал в окрестных деревушках. Непосредственно поселился в Зоне лишь года через полтора... Майор, так это благодаря тебе я столько времени на сталкерство убил?

— Если ты считаешь себя обязанным, — ответил Клинч, рассматривая автомат Калашникова, — то я тебе прощаю.

Борланд с тоской посмотрел на поредевшую стойку с оружием.

— «Грозы» нет, — вздохнул он. — Ни одной.

— Зачем тебе эта арматура? — спросил Клинч. — Лучше «Калашникова» в мире ничего пока не придумали.

— Лучше для кого? — возразил Борланд. — Майор, у тебя сказываются издержки профессии, как и у всех в мире.

— Например?

— Путаешь Зону с горячей точкой.

— А это разве не она?

— Мне тоже интересно, — неожиданно вставил Фармер. — По-моему, это очень даже горячая точка. Просто в ней чуть побольше холодных мест. Раскрой глаза, тут же война идет.

— На войне можно победить только организованно, — продолжал гнуть свое Борланд. — А в Зоне — лишь сохранив личную свободу. Солдат — это ходячая винтовка, а сталкер, по сути, тот же художник. Здесь без права на свою волю никуда.

— И как это связано с преимуществами разных автоматов?

— «Калаш» — чудесная вещь, — согласился Борланд. — Если навязать его сверху, оснастить им миллион человек, то выгода налицо — простота, общий боезапас, детальки, сборка-улучшения, все дела. Вот только подразумевается, что этот миллион счастливых будет вынужден обтачивать самих себя под автомат, а не наоборот. Формировать привычки, усреднять мышление и все такое. А когда ты один, то понимаешь, что куда проще приспособить окружающий мир под себя, а не наоборот. И тут становится ясно, почему вокруг такой ассортимент товаров. Каждый подбирает себе то, что ему по душе, стоит только позволить ему выбирать самому.

— В этом что-то есть, — задумчиво сказал Фармер. — Я тоже всю жизнь мечтал о «Фендере», а когда нашел, то оказалось, что он, как говорится, не лег в руку. А голимый «Гибсон» пришелся как родной.

— Не знаю, о чем ты говоришь, но одобряю, — закивал Борланд.

Клинч протер «Калашников» тряпкой и подкорректировал высоту ремня.

— Вы говорите какую-то чушь, — произнес он, набивая рожки патронами. — Речь не о том, чем чудесна или плоха армия и все, что в ней происходит. Я не спорю, что то, что хорошо для всех, не обязательно будет хорошо для каждого. Я лишь сказал, что «Калашников» — это устоявшийся стандарт и отличный огнестрел сам по себе. А стандарт плохим быть не может по определению, иначе его сместит другая вещь в данной нише.

— Мало в мире некачественных стандартов?

— В нашем — мало. Ты просидел два года, видимо, в каком-то другом, раз не заметил последствий глобализации в политике. Сейчас даже в военной сфере ни один товар не выстрелит, если не является наиболее оптимальным в своем роде.

— Ладно, уболтал, — пожал плечами Борланд. — Возьму «отбойник».

Клинч молча смотрел, как Борланд заряжает массивный дробовик револьверного типа, насвистывая какую-то мелодию.

— Долго собираетесь, — сказал майор с досадой. — Я буду ждать наверху.

Быстро поднявшись по скобам, Клинч выбрался из убежища.

Фармер неслышно подошел к Борланду.

— Это что такое было? — спросил он шепотом. — На кой черт тебе понадобилось с ним спорить об оружии?

— Мужчина возносится на вершину искренности только в бою, — невозмутимо промурлыкал сталкер.

— Что?!

Борланд повернулся к Фармеру и наклонился поближе к его лицу. Из-под самодельной маски были видны лишь сосредоточенные глаза.

— Этот человек потерял все, — сказал сталкер. — Друзей, расположение, влияние, власть. И все за одну ночь. Не забывай, что ему и сейчас тяжело думать о чем-либо, кроме мести. Но я плохо знаю Клинча, Фармер. И мне нужно было выяснить, осталось ли в нем хоть что-нибудь. Например, сохранил ли он веру в армию. Надо было докопаться до сторон его личности, запрятанных очень глубоко, а сделать это можно лишь через конфликт. Пospорить о том, в чем он разбирается лучше меня. Сейчас вижу, что веру он сохранил. Но он не намерен никому доверять, во всяком случае, полагаться будет только на себя и свое снаряжение.

— Вот как, — вымолвил Фармер. — Так ты его проверял?

— Я в данный момент и тебя проверяю, — ответил Борланд уклончиво. — И нормально отнесусь, если кто-то станет прощупывать меня самого. И кое-что еще. За Клинчем, как ни крути, стоит армия. Хотя он сейчас в грандиозной заднице, всегда есть вероятность, что живой он более ценен, чем мертвый. Если подумать, то кто вообще может предьявить нашему майору, что и по какой статье? Может быть, ему еще удастся помириться с Глоком, мало ли.

— Ну, это вряд ли.

— Я говорю — мало ли. Сейчас майор в депресняке, а если завтра ситуация снова переиграется? Клинч из другого материала, чем мы с тобой. За ним всегда будет кто-то стоять. Как за тобой, не знаю. А за мной никто не стоит. Если я помру, то моя история на этом закончится.

— Но сегодня ночью ты выжил, — попытался подбодрить его Фармер.

— Только потому, что за меня умерли другие люди, — осадил его Борланд. — Не надо строить иллюзий по поводу моей уникальности, ее не существует.

— Ты зачем мне все это говоришь? — занервничал парень. — Снова очередная проверка?

Борланд похлопал его по плечу.

— Не верь никому сильнее, чем себе, — пожелал он. — Как пример поклонения ты должен быть для себя на последнем месте, но как объект веры — на первом. Это все, что я хочу сказать. А теперь пошли. Майор ждет.

Оказавшись на поверхности, Борланд с сомнением посмотрел на густые тучи.

— Кажется, дождь начинается, — сказал он, подавая Фармеру руку. Тот отмахнулся от нее, как от назойливого комара.

— Отвали, — сказал он. — Лучше помоги подвал закрыть.

— А как сам справлялся? — с ухмылкой поддел его Борланд, но задвинуть бетонный блок помог.

— Самое сложное позади, — сказал Фармер, выпрямляясь в полный рост. — Так, а куда майор подевался?

Борланд посмотрел по сторонам. Клинча и след простыл.

— Не понял, — сказал Фармер с тревогой. — Он что, свалил?

— Клинч! — позвал Борланд. — Кончай кровососить!

— Нет его, — констатировал Фармер. — Без нас ушел, что ли?

— Похоже на то, — признался сталкер.

— Что, вот так взял и кинул? И что нам теперь делать?

— А на фиг он нам сдался? — произнес Борланд. — Пойдем без него. Вернее... Ты же идешь со мной в Темную долину?

Фармер задумался.

— Иду, — сказал он. — Не хочу больше слоняться без дела. Может, у «Долга» найду себе занятие.

Борланд долго смотрел на него, о чем-то думая.

— Послушай, дружище, — серьезно сказал он. — Если ты ищешь, кому бы отомстить за Литеру, то лучше откажись от этой идеи.

Фармера чуть не передернуло от таких слов.

— Не надо об этом, — попросил он.

— Почему?

— Просто не надо.

— Фармер, не ищи виновных.

— Почему? — спросил парень.

— Потому что ты их найдешь, — объяснил Борланд. — И виновным может оказаться первый встречный. Если ты с ним разберешься, то тебе покажется, будто этого мало, и ты начнешь искать других.

— А ты сам? — потребовал ответа Фармер. — Уже успел отомстить кому-нибудь?

Борланд уставился куда-то за спину парня. Кордон, мост, вагон... Пулевые отверстия на толстом теле торговца... Надо же. Он почти забыл.

— Вот именно что «кому-нибудь», — сказал Борланд.

— И он был виновен?

Сталкер с горечью махнул рукой.

— Был, но не больше, чем еще человек двадцать, замешанных в этой истории.

— Я все жду, когда ты расскажешь в деталях, что случилось с Литерой, — проговорил Фармер. — Если ты забыл, то я ее знал больше лет, чем ты суток.

— Позже все расскажу, — пообещал Борланд. — Дружище, в самом деле, давай не сейчас. Иначе это взбудоражит нас обоих, а сейчас нам внимание важно как никогда.

Фармер движением руки привел висящий на груди детектор аномалий в действие.

— На следующем же привале, — решил он. — В этот раз я решил подробно не поднимать эту тему, потому что Клинч был рядом. Но, Кали свидетель, я вытяну из тебя все ниточки.

— Договорились, — сказал Борланд, чувствуя неуместный рост волнения в душе. Черт. Спокойствие, только спокойствие.

Первые сто метров протекли в тягостной атмосфере. Бурая пыль выбивалась из-под подошв, придавленные выбросом листья шуршали и рассыпались, подобно пересохшим веткам. Борланд всеми силами пытался вернуть себе ощущение Зоны, позабытое за долгое время пребывания в бункере. Это ему никак не удавалось, словно он уже не принадлежал этому месту. Мысли сталкера витали далеко отсюда. Уйти бы, послать все подальше, оставить Зону внутри стен Барьера и не брать ее с собой больше никогда. Оставалась последняя работа, самая ответственная и тяжелая из всех. Работа, за которую ему никто не заплатит, работа, которая должна была всего лишь избавить его от дальнейших потерь.

— Я хочу, чтобы Зона исчезла, — произнес Борланд вслух. Громко и отчетливо.

— Это твое желание? — спросил Фармер.

— Не заветное. Мне наплевать, что случится с Зоной. Я не ощущаю никакого порыва по этому поводу. Просто таково мое решение, мой каприз, моя прихоть. Чтобы Зона исчезла.

Они забрались на небольшую горку, на которой стояла проржавевшая, накренившаяся вышка электропередачи. Отсюда были видны металлические ворота, ведущие на Свалку, с вечно открытой створкой.

— Далеко майор ушел, — сказал Фармер. — Может, он где-то сзади?

— У него было достаточно времени, чтобы добраться до Свалки.

— Или погибнуть в аномалии, а то и от клыков зверя.

— Может, и так. Мы бы все равно ничего не услышали, у этих холмов акустика особенная.

Борланд и Фармер добрались до покореженного остова автомобиля, изъеденного временем и обросшего мхом до такой степени, что невозможно было опознать марку. По кривой раме, явно прогнувшейся от мощного удара, ползали усатые жуки. Отличное место для тайника, где можно по-быстрому скинуть рюкзак с добром в случае опасности и дать деру налегке. В старые времена Борланд полез бы туда первым делом. Сейчас он лишь подивился, как ему могли раньше приходиться такие дурные мысли.

— Обходим, — сказал Фармер, глядя на пищущий детектор. — Аномалия впереди.

— Ага, вижу, — подтвердил Борланд. — Только не впереди, а на восемь румбов.

— Ха-ха. Точно в стороне?

Сталкер молча сунул руку в запачканный каким-то видом дешевого поила карман куртки. Пошарив в нем, вытащил болт, покрытый оранжевым налетом.

— Лучше ляг, — предупредил Борланд. — Скрикошетит — рад не будешь.

Фармер послушно выполнил приказ. Борланд сконцентрировался, пошевелил пальцами. Затем швырнул болт вперед по нужной траектории, продолжая стоять на месте. Кусочек стали полетел в заданном направлении, затем внезапно его сменил и направился в сторону, получив неожиданное ускорение, словно врезался в бешено крутящийся диск шлифовального станка. По воздуху прошла рябь, которая столь же неожиданно затихла.

— Видал? — произнес Борланд. — Детектор никогда не показывает границы аномалий, только центр.

— Ага, понял. — Фармер отряхнул штаны от листьев. — А ты почему не лег?

— В мою сторону болт никак не мог скрикошетить. Со временем научишься.

— Ясно... Получается, детектор не показывает границы аномалий?

— Да, только центр. Это и есть принцип его работы. Сканирует энергетическое поле, выделяет естественный фон, присущий незараженным частям нашей природы, и подает сигнал, если фиксирует отклонение.

— И что, никогда не ошибается?

Борланд усмехнулся, что из-под маски было почти незаметно.

— Случается иногда, — признался он. — Но ты не переживай. Если один из нас влетит в аномалию, то своим воплем наверняка предостережет другого.

— Не смешно.

— А я и не смеюсь. Совсем не смеюсь.

— И как нам пробираться через эту прелесть?

— Обойдем, конечно. Или тебе влом пройти двадцать метров по дуге?

Агропром остался сзади. Сталкер даже не обернулся. Перед ним расстилалась протоптанная, почти прямая тропа, ведущая на Свалку, на юг Зоны. Скопление старых радиоактивных отходов, заброшенное и вновь многократно обживаемое депо, кладбище техники, блокпост клана на севере района, на границе которого стояли каждый раз другие люди, а то и с разными нашивками каждый день — в зависимости от того, чья группировка правила бал в данный момент. Сталкерам было все равно — какая разница, кому платить дань за вход?

— Впереди двое, — предупредил Фармер, глядя в экран КПК. — Похоже, бандиты.

— Ты только сейчас заметил? Выброси свою электронику! Пользуйся глазами! Они скажут больше, чем две точки на экране.

С этими словами Борланд немного приблизился.

— Ствол отстегни, — произнес он, поднимая дробовик. — Незаметно. Я приму.

Фармер коснулся защелки ремня, перехватывающего грудь, надавил на пластиковые держалки и позволил автомату соскользнуть в руку Борланду.

— Молчи, — предупредил сталкер. — Если что, говорить буду я.

Незнакомцы показались довольно быстро. Как Борланд и предполагал, это были мародеры. Темные, небрежно схваченные поясом плащи, разбитые ботинки у одного и перепачканные застарелой грязью солдатские сапоги у другого, беспечная походка людей, которым не присуща сталкерская осторожность. Обрезанная двустволка и МП5.

— Привет честной компании! — прогремел Борланд.

— Здорово, мужик, — сказал долговязый с автоматом. Ему можно было дать лет двадцать пять. Было ясно, что со спортзалом он не дружил, как и с шахматами. Второй был примерно его лет, но, помимо костей, обладал и неплохим мясом. Впрочем, он с тем же успехом являлся более объемной мишенью.

— Куда путь держишь? — спросил сухой.

— У тебя зенки на лопатках? — осведомился Борланд. — Не видишь — языка веду.

— Куда ведешь?

— К своим, конечно, куда же еще?

Мародеры переглянулись.

— Не сердчай, пахан, — заулыбался широкий. — Мы тоже от своих отбились.

— Ну, удачи тогда, — пожелал Борланд и пихнул Фармера в спину. — Двигай копытами, зелень.

— Пахан, погодь, — махнул автоматом сухой. — Нам бы тоже к своим надо, на базу. Проведи, а?

— Не по пути, — мотнул головой Борланд. — Без обид, братва.

— Как так не по пути? — опешил сухой. — База же в той стороне. Да ты и сам сказал...

— Я сказал, что к своим иду, — оборвал его Борланд, напряженно думая. Складывалось впечатление, что бандиты разбились на кучку независимых кланов. — Не на базу. А к своим. Втыкаешь в разницу?

Он двинулся с места, прежде чем мародеры успели сказать хоть слово. Не помогло. Борланд услышал, как они торопливым шагом идут за ним следом.

— Проблемы? — еле слышно шепнул Фармер.

— Молчать! — заорал Борланд. — Или продать тебя братве, что за нами топает? Она на ножи мигом поставит, не забалуешь!

— Понял, — коротко сказал «пленник».

— Эй, отец, — позвал долговязый. — Не в падлу, позволь пройти с тобой хоть до остановки.

Борланд пораскинул мозгами. Остановки? Какой еще остановки?

— А ну стой, — велел он Фармеру и повернулся к долговязому. — Как зовут? Что-то не припоминаю я твою репу.

— Меня звать Чехол, — шмыгнул носом долговязый. — А дружбана — Тефлоном.

— Ясно, — сказал Борланд. — А меня... хм, я для вас так и останусь паханом. Усекли?

— Все поняли, пахан, — закивал Тефлон. — Не тупые.

— Тогда двигайтесь следом, — решил Борланд. — Терпила детектор понесет. Верно, мясо?

— Верно, — сказал Фармер, держа в руке детектор аномалий.

Неизвестно было, что вообразили себе новоявленные напарники, встретившись с одиноким бандюганом в маске и без имени, ведущим с собой пленного сталкера. Наверняка им скоро станет любопытно, но до поры до времени они не станут лезть с вопросами. Топать с парой мародеров до самой долины Борланду совсем не улыбалось. И было понятно, что Фармер никакой инициативы проявить не сможет.

Гордые холмы Свалки находились по обеим сторонам от выбранной Борландом тропинки. Радиоактивный фон на их вершинах зашкаливал за все мыслимые пределы, так что сталкер старался не выбираться за пределы знакомых путей. А признаков было достаточно. Справа стоял наполовину увязший экскаватор, уткнув массивный ковш в заросли кустарника посреди глинистой почвы. Дальше пролегла лужа, испускавшая туман зеленых испарений. Посреди нее располагался деревянный скользкий мостик, наспех сколоченный еще до появления Зоны и удивительным образом переживший невзгоды многих лет. Борланд все же не пошел по нему, предпочитая сделать крюк через илистый берег, усеянный какими-то необыкновенными растениями, похожими на фиолетовые лилии.

Парочка свежих подельников хранила молчание ровно до первого характерного лая, разнообразившего относительно тишину.

— Пахан, собаки впереди! — крикливо доложил Чехол.

— Так иди проверь, — ухватился Борланд за неожиданную возможность воспользоваться чужими глазами.

— Как?

— На холм поднимись!

— Тефлон, дуй за мной, — позвал Чехол, поднимаясь наверх горки с коротким автоматом наготове. Двигался он быстрым шагом, чуть не переходящим в бег. На вершине остановился, словно налетел на невидимую стену.

— Пахан, ты только погляди! — крикнул он. Фармер исхитрился повернуться и посмотреть на Борланда, но тот не нашел, что сказать ему в ответ. Он протолкал парня дулом оружия до мародеров и стал рядом с ними.

И чуть не уронил автомат.

— Охренеть можно, — протянул Тефлон.

Борланд внутренне с ним согласился. Обычно с вершины этой горки были видны небольшая равнина и один из углов депо. Теперь все пространство от подножия холма и до лесов на противоположном конце было заполнено сплошной шевелящейся массой, состоявшей из слепых собак с искривленными хвостами, бешено крутящих мордами кабанов, выставивших острые клыки, и нескольких плотно сбитых коричневых туш с круглыми головами, принадлежащих черныбыльским псевдопсам. Кое-где мелькнул огромного роста силуэт кровососа, сгорбленный, почти достававший деформированными лапами до земли. Мелькнул, исчез.

Прыгающий снарок налетел на кабана и тут же был откинут в сторону мощным ударом. Перекувыркнувшись в воздухе, он приземлился на все четыре конечности и продолжил перекаты, издавая вопль, заглушённый шлангом противогаза.

— Гон мутантов, — сказал Чехол.

— Да, — подтвердил Борланд. — Приплыли.

Пройти дальше, в Темную долину, было невозможно.

Глава 7 Стена

На 14-й башне Барьера было тихо.

Разумеется, тишина на стене подразумевала относительность в ее высшем проявлении. Ну как может быть тихо на границе Зоны? Ветер имеет тенденцию всегда дуть в лицо, принося с собой все звуки, — расплата за архитектуру стены. То и дело строчат пулеметы, выбивая цепочку следов на усталой земле, уже почти не латающей дыры, пока не пронесется добротный, щедрый ливень. Рация на столе шипит почти постоянно, сыпя короткие, рубленые фразы про малейшие

изменения в подконтрольном районе, расписании караулов, передавая устные некрологи или злобные вопросы на русском разговорном, почему не была нажата контрольная кнопка, которую дозорному следовало нажимать каждые полчаса, чтобы доказать, что он не заснул. Единственное, о чем не предупреждала рация, были внеплановые проверки. Само собой, рядовой Егор Сажин этому не удивлялся.

За три месяца службы он успел привыкнуть почти ко всему. Невероятно, но факт. Егор освоился на стене Барьера поразительно быстро. Всего-то и делов, что каждый день говорить себе: я на стене, я на верхушке частокола, я в безопасности. Вроде все просто, а не каждому было дано. Рядовому Сажину ничего не требовалось, кроме пулемета, закрепленного на середине башни. У него и так все было: личная койка в крохотном отсеке родной «четырнадцатой», ящик для персональных вещей, запираемый на замок — непозволительная роскошь! — кормежка три раза в день, постоянно пополняемый запас боеприпасов и уединение. На срок службы ему больше ничего не было нужно, он и так получал больше, чем мог мечтать.

В первые дни он вздрагивал от каждого выстрела с других башен, но сейчас даже не замечал их. Просто запомнил, что пулемет на 12-й грохочет особенно сильно, но при этом как бы лениво, а на 9-й расположен гранатомет, ввиду стратегических особенностей расположения башни. Это помогало Егору ранними ночами, в которые он порою просыпался и не мог с ходу сориентироваться, что происходит на участке. В жилом отсеке, который в ночное время запирался наглухо, звукоизоляция лишала любого чутья. Зато в нем можно было пересидеть выброс, чему Егор не мог не порадоваться. Он не страшился выбросов. Для него эти периоды были дополнительными часами отдыха, в которые можно было резаться с напарником в карты при ярком свете двух ламп. Коалиция электричества не жалела. На случай проблем с выбросом у Егора, как полагается, имелась инъекция соответствующего анабиотика в блистерной упаковке, с начала года входящая в штатную аптечку служащих спецбатальона.

Но Егор совсем не горел желанием его использовать. Особенно после того, как Григорьев с 17-й однажды решил протестировать действие анабиотика на себе. Никто не успел осознать, что случилось. Напарник Григорьева лишь запомнил, что в течение долгого часа, пока шел выброс, в его отсек царапались и стучались так, что падала штукатурка. А утром на двери обнаружили кровавые разводы и глубокие вмятины. Человеку никогда бы не удалось оставить ни того, ни другого — умер бы от потери крови, да и физической силы не хватило бы на то, чтобы так продолжать дверь. Однако привинченные на верхушке башни камеры все же уловили нечто, прыгающее со стены аккуратно на покрытую осколками и использованными гильзами твердь, чтобы затем исчезнуть в лесных дебрях Кордона.

Согласно официальной версии, анабиотик попросту не сработал. Однако поговаривали, что перевоплощение рядового Григорьева именно и было последствием принятия лекарства. И все же Егор хранил препарат при себе, на случай, если отсек внезапно разгерметизируется.

Ветер усилился, Егор плотнее запахнул куртку. С одеждой ему тоже повезло — приобрел в местном магазинчике «шестьдесят пяту», которую с тех пор и считал лучшей курткой в мире. Да еще и пулемет под рукой — ну прям Терминатор. Еще бы и мускулы, как у бывшего губернатора Калифорнии...

Из отсека раздавался храп Ногалья. Днем дверь не закрывали, только по ночам. Это не влияло на круглосуточную схему: один стоит у пулемета, другой занимается чем угодно, пока не придет его смена. Если есть желание поработать — извольте, помимо пулемета, есть еще и снайперка. Ногаль использовал «баррет», чему Егор завидовал со страшной силой. С такой винтовочкой дружить — все равно что на «харлее» кататься. Причем и стрелять-то Ногаль научился здесь же, на тренировочном полигоне Коалиции, даром что бывший охотник...

Коалиция с недавнего времени стала очень демократичной в плане оснащения спецбатальонов. Доходило чуть ли не до шведского стола. Есть набор полагающейся снаряди — а дальше бери что душе угодно, лишь бы пользоваться умел. Егор не особо разбирался в марках, подобрал себе белорусское шмотье да берцы «калахари». С оружием думать не пришлось, стандартный «печенег» его вполне устроил. По правилам, в двойке дозорных должны быть как раз пулеметчик и снайпер, что не мешало им меняться ролями. С башни Барьера можно стрелять куда угодно, лишь бы в Зону — не промахнешься.

Но вся любовь Коалиции к своим подопечным быстро иссякала, стоило допустить прорыв за

пределы стены. Латали ее, конечно, быстро, только дозорным смежных башен это помочь уже не могло. Прилетавшая «вертушка» выжигала сектор напалмом. Недаром угол вертикального поворота «печенег» не позволял открыть огонь по воздушной цели. Благо что в Зоне летающей нечисти пока замечено не было. В особо редких случаях напалм заменялся на десант неизвестно на чем повернутых наемников, которые, не страшась ничего и никого, отважно отправлялись на расправу с мутантами на свой страх и риск. А может, и не наемники то были, а какие-нибудь должники-«монолитовцы»...

— Есть курить? — спросил незаметно подошедший сзади Ногаль.

Сажин вздрогнул. Так и не привык к тихой походке напарника. Но как же он не заметил, что храп прекратился, неужто настолько углубился в мысли?

Вытащив полупустую пачку, Егор позволил Ногалью достать сигарету. Прикуривал тот всегда сам, от собственной «зиппо». Еще одна прихоть. «Сигарета, прикуренная другим, — порченная сигарета», — говорил Ногаль. Каждому свое, лишь бы нервы на месте оставались.

— Все спокойно? — осведомился напарник.

— Да.

— Иди поешь.

— Я не голоден, — отмахнулся Егор.

— Иди, — настоял Ногаль. — По рации передали — волна монстров идет. А я винтовку приготавливаю.

Егор не стал возражать. Зашел в отсек, скинул куртку и ботинки, уселся на койку. На провисшей ткани разложенного походного стола уже был развернут пакет, в котором лежала палка копченки. Здесь же находились батон черного хлеба и два плавленых сырка. Общие с Ногалем припасы, купленные с утра. Потянувшись к ящику, Егор вытащил оттуда литрушку пива. Жить можно.

Расправившись с половиной бутылки, Егор не торопясь закурил, растянулся на койке. Хорошо. Монотонно гудит лампа, размеренно урчит небольшой холодильник...

Прорыва Егор опасался, как и полагается уважающему себя солдату, чья жизнь зависела от целостности стены. От вертолетов его то и дело бросало в волнение. Даже в неповоротливом транспортнике Егору мерещился грозный сеятель огня и дыма. Если же попадался Ми-28, то начинали стучать зубы. Но больше всего Егор боялся появления Кунченко. Рядовой Сажин с высоты своей неприступной башни мог посмотреть на многое в Зоне свысока, во всех смыслах. Однако при виде черной летательной машины, двигающейся с типично змеиными повадками, словно не замечающей стандартных правил аэродинамики, Егора начинало дергать. Раздувшаяся до размеров пятиместного вертолета «Черная акула» была ночным кошмаром многих стражей Барьера, из-за внешнего вида, манеры поведения в полете и, что самое главное, превосходящего статуса Кунченко, который и технически, и формально мог спалить к чертям все башни вместе с обитателями. Егору в последние дни удавалось вырваться в учебку, где он встретил дозорных с восточных башен — они рассказывали такие небылицы, от которых голова шла кругом. Что-то о прорыве кавалькады джипов через стену и схватку Кунченко со злобным оранжевым мутантом или летающей аномалией, шут их разберет.

Долго полежать Егору не удалось. Зашипела рация. Егор решил повременить с ответом, поскольку обращались не к нему, предпочтя сначала обуть «калахари» и завязать шнурки. Эти шнурки он потом благодарил всю свою оставшуюся жизнь. За подаренные секунды, в течение которых он смог услышать короткий фрагмент диалога.

— ...на базе «Свободы», — послышался голос, прежде чем Егор успел дотянуться до приемника. — С Ровером оговорено. Проблем не доставит.

— Отлично, — ответил второй собеседник. — Проверьте еще разок электронику, лады? Когда прибудет Сафрон, я не хочу, чтобы его что-то задержало.

Егор взял рацию в руку и нажал на кнопку передачи.

— Кто на линии? — спросил он.

Рация какое-то время не издавала ничего, кроме статического шума.

— Кто здесь? — потребовал ответа голос второго. — Назовите себя!

— Рядовой Сажин, четырнадцатая башня, — спокойно отозвался Егор. — С кем имею честь?

— Сажин? — забубнила рация. — Сажин, это Федоров! Не покидайте поста, сейчас я к вам

прибуду!

— Вас понял, — ответил Егор. — Конец связи.

Он отложил рацию и, вспомнив про сигарету в левой руке, сделал последнюю затяжку, после чего затушил окурочок о край ящика. Федоров? Был такой сержант. Падла редкостная. Егор видел его несколько раз, но никогда не слышал его голоса. Так что это вполне мог быть и он.

Снаружи раздался выстрел из «баррета». Егор сунул руки в рукава куртки и вышел из отсека. Ногаль стоял у винтовки, выискивая кого-то в прицел.

— Мутанты рядом, — объяснил он. — Становись к машинке.

— Много? — спросил Егор, беря с полки бинокль.

И чуть не выронил его вниз, на осколочную территорию.

С севера надвигался наплыв мутантов. Такого количества Егор не видел еще никогда. Он даже затруднился сказать, кого было больше — собак, кабанов или еще каких псевдокроликов.

— Откуда они прут? — вырвалось у Егора.

— С севера, откуда же еще. Не в первый раз.

— Столько никогда не было.

— И что это меняет? — невозмутимо выговорил Ногаль, нажав на спуск.

Шум выстрела отразился от стены, прозвучав прелюдией к грядущему огню.

— Сейчас пролетал Ми-38, — уведомил Ногаль. — С юга. Может, научники что-то решили на мутантах испробовать?

— Я ничего не слышал, — признался Егор.

— У «тридцать восьмого» сейчас какое-то шумопонижение мутят.

Сажин приник к пулемету. До мутантов было еще далеко, но теперь он отчетливо видел, что лавина на самом деле не столь многочисленна, как казалась в первый раз. И все равно порождений Зоны было намного больше, не иначе как из-за необычайно мощного выброса, прогремевшего этой ночью. Просто вся эта живая масса постоянно двигалась беспорядочными зигзагами, словно мутанты хотели свернуть в сторону и неведомая сила неизменно возвращала их к прежней траектории, гоня прямо на южный фрагмент стены.

«А может, так и есть», — подумал Егор, поднимая и ставя рядом с собой еще две коробки с пулеметной лентой. Текущую он еще не отстрелял, хотя руки так и чесались заменить ее до начала встречи с лавиной. Но инструкции Коалиции не позволяли — это вам не магазин сменить. Глядя на ораву живности, Егор начинал сомневаться, что удастся отбиться легко.

Хорошо, что, кроме них, были еще башни. Сажин уже слышал покрикивания на 13-й. Тамошний снайпер пристраивал «винторез».

Сзади опять раздался вертолетный рокот. Егор обернулся, снова взял бинокль, присмотрелся.

— Ногаль, — толкнул он локтем товарища. — Ты взгляни.

По небу летело несколько воздушных аппаратов. Сначала Егор насчитал пять знакомых «ночных охотников», одинаковых, как с инкубатора. Он и представить не мог, что у Коалиции есть такие полномочия. Следом за грозными птицами двигался винтокрыл. Завершал воздушный караван огромный летающий кран, под днищем которого было приспособлено что-то похожее на танк без башни. Егору были видны лишь гусеницы и участок рамы.

— Куда они прут? — спросил Егор.

— Будь нам положено знать — уже знали бы, — ответил Ногаль. — Ты поменьше глазей на них, чтобы потом лишних вопросов не было.

Сажин повернулся к пулемету, тем более что караван уже пересек линию Барьера, направляясь теперь в точности вдоль линии огня «печенег». Гусеничный агрегат ненадолго вышел из мертвой зоны пулемета, и Егор ощутил необъяснимое желание пальнуть ему вслед, посмотреть, что будет. Разумеется, он этого делать не стал.

Выстрел из «баррета» вернул мысли Егора к более актуальным задачам.

— Началось, — сказал Ногаль.

Со стороны 9-й башни пришел глухой стук, звук взрыва появился гораздо позже. Значит, начали палить из гранатомета.

Прицелившись, Егор вдавил гашетку. При таком движении и количестве целей можно было особо не целиться: первые же пули разнесли снарка на части. Собаки оказались умнее, моментально рассыпавшись в стороны, но на других башнях тоже не дремали. Очередной взрыв с

9-й разметал порядка десяти туш, заставив их взмыть в воздух подобно «птичьей карусели». Тамошнему гранатомету самое время давать название, усмехнулся Егор. «Собачья карусель». Чем плохо?

Ногаль выносил из «баррета» особо крупную дичь. Хотя что тут считать особо крупной? Не кабанов же.

— Контролера не видишь? — прокричал Егор. В стоявшей какофонии его голос был едва различим.

Ногаль лишь головой мотнул. То ли это отрицательный ответ, то ли признак, что не расслышал. Он продолжал лупить из винтовки, безошибочно выбирая из толпы подходящие мишени.

Башни гремели вовсю, грохот заложил уши с первых мгновений. Егор поливал свинцом направо и налево, насколько позволял угол поворота. И все же этого было мало. С 11-й начали выстреливать шрапнельными снарядами, от души угостив мутантов облаком осколков. Истощенный вой чуть не заглушил звуки выстрелов.

«В самом деле, огнем бы их, — думал Егор, меняя ленту в пулемете. — И на кой черт Коалиции понадобились люди на башнях? Стены вполне достаточно. Патрулировали бы с воздуха, жгли землю раз за разом...»

Хотя казалось невероятным, чтобы в том аду, который царил внизу, кто-то мог выжить, но факт: несколько кабанов прорвались до металлической сетки, отделявшей Кордон от относящейся к стене территории. От такого натиска сетка прогнулась, но выстояла. Егор уже перенес все внимание на этот участок, стиснув от напряжения зубы. Если мутанты прорвутся, одна надежда на автоматические турели, стоящие внизу. Появится вертолет, и тогда можно все бросать к дьяволу и спешно покидать башню. Либо погибнуть по-геройски тупой смертью, на свое усмотрение.

— Стреляй! — заорал Ногаль. Как назло, точка потенциального прорыва располагалась ближе всего к их башне. Тут уже шла борьба не за неприкосновенность Барьера — за свое выживание. Сажин пулями прибил мутантов к земле, затем добил, тщательно целясь в головы. Внезапно он обнаружил, что успел расстрелять почти все ленты. Бежать за новыми коробками не было времени, да и не спасли бы они его — еще немного, и от такой нагрузки «печенегу» придется менять ствол.

Остальные башни взяли на себя кишашую массу монстров, сосредоточенную в центре участка. Мутанты сбились почти в три этажа, представляя собой сплошную бордово-коричневую кучу шевелящихся организмов. Было похоже, что люди снова победили.

Патронов у Егора оставалось на несколько секунд. Тут он похолодел, заметив псевдогиганта. Туша была воистину огромной, не уступавшей в размерах среднему слону. Монстр яростно пер прямо на 14-ю башню, расшвыривая кабанов рыжеватой головой во все стороны. Проворная собака, ощерившись, прыгнула на псевдогиганта и тут же была расплющена одним опусканием левой передней лапы.

Глубоко вздохнув, Егор с криком выпустил в тушу оставшийся боезапас. Псевдогигант слегка сошел с дистанции, но тут же с ревом удвоил скорость. В одно мгновение его левый глаз лопнул, пробитый метким выстрелом из «баррета». Поднявшийся столб комьев земли заслонил монстра — гранатометный залп угодил в черную траву прямо под его брюхом. Мутант наклонил голову, уже ничего не видя перед собой, и из последних сил врезался в сетку.

Металлические стойки жалобно заскрипели, покачнулись, одна оказалась вывернутой с мясом, три другие накренились в различной степени.

С жужжащим дребезжанием выдвинулись стержни автоматических турелей. Детекторы тепла и движения среагировали на дергающегося мутанта, платформы дружно посмотрели в одну точку. Раскрутились тяжелые стволы, и убийные снаряды прикончили псевдогиганта с расстояния в три метра, а вместе с ним и клыкастых кабанов, сунувшихся было через поваленную сетку.

Егор бросил пулемет и забежал в отсек, пользуясь передышкой. Подняв свою койку к стене, вытащил последние четыре коробки с лентами. Плевать на усталость «печенег», технику всегда можно отремонтировать, а вот жизнь ничто не вернет.

Рация на столе разрывалась от напряженного голоса в эфире.

— Сажин! — рывкнул динамик. — Почему не отвечаешь? Доложи!

Снова этот Федоров. Егор не обратил внимания — есть дела поважнее, а за болтовню с

посторонним человеком во время прорыва, пусть и с высшим по званию, по рогам надают не Егору, а ему же, сержанту. За то, что отвлекает по всякой фигне.

Вернувшись к пулемету с коробками в руках, Сажин заметил, что гон почти завершился. Остались только наиболее умные или просто везучие мутанты, застрявшие в недоступных для огня зонах. Но турели все равно сработали, значит, скоро прилетит вертолет. Если не покончить с прорывом немедленно, появится Ми-28, пилоты которого сами разберутся, как лучше поступить. И никто не знает, что там они увидят сверху и что решат предпринять...

Поглощенный перезарядкой «печенега» Егор подскочил на месте, услышав позади себя топот. Ногаля повернулся первым.

— Кто такие? — задал он вопрос. Перед ним и Егором возникли трое военных, все с нашивками капитанов. Егор никогда раньше не видел никого из них. И уж точно среди них не могло быть сержанта Федорова. Зато в них было что-то типично армейско-гражданское, если только так можно было выразиться. Все трое не принадлежали ни Зоне, ни Барьеру. Но все равно чужих тут быть не могло.

— Рядовой Сажин? — произнес стоящий в центре капитан с покрасневшим от натуги лицом. Все трое явно неслись пешком со всех ног. Странно.

— Я! — Егор сделал шаг вперед и тут же отпрянул в сторону.

Было от чего. «Федоров» выхватил пистолет с глушителем из кобуры на поясе, двое остальных сделали то же самое. Ногаля сразу скосило пулями визитеров, он так и не успел выстрелить в ближайшего гостя.

Егор не стал долго размышлять, целиком отдавшись инстинкту самосохранения. Перемахнув через парашют, он сиганул со стены вниз, по пути уцепившись за прибитую к стене железную лестницу, заканчивавшуюся метра через три от вершины.

Процедуру экстренного спуска Сажин помнил четко и ясно: спуститься по внешней лестнице к низу, размотать другую, веревочную, прибитую верхней частью к стене. Спуск был запланирован на случай падения с башен людей или особо ценных предметов, а также для ремонта турелей. Правила гласили: не торопясь размотать лесенку, избегая запутывания ступеней, спускаться медленно, предварительно запросив разрешения начальства и уведомив напарника. У Егора время было лишь на то, чтобы долбануть ногой по переплетенной канатной связке и заскользить вниз, обдирая ладони. Капитан наверху башни схватил рукоятки «печенега», направляя его вниз и пытаясь достать беглеца. Все, больше не было никаких сомнений. Если кто-то пытается достать из пулемета цель, находящуюся в мертвой зоне, то он попросту не знаком с методами обороны стены, как и с тонкими настройками орудий каждой из башен. То есть этот человек в Зоне чужой, имей он хоть нашивки генералиссимуса.

Пока «капитан» возился с пулеметом, изрыгая проклятия, Егор сам не заметил, как спрыгнул с лестницы на горячий бетон подножия. Пропахшая гарью турель стояла рядом, светя лазером в сторону опрокинутой сетки. Ну прямо приглашение.

Вжикнула прилетевшая сверху пуля — нападавшие пытались достать Егора из пистолетов. Сажин, недолго думая, переключил рычаг на турелях, переведя орудия в диагностический режим, внутренне возблагодарив сложную электронику, временно отключившую подачу снарядов в стволы. Затем промчался мимо воняющей туши псевдогиганта по сетке и скрылся в кустах. Крутящиеся вхолостую стволы автоматических пулеметов бессильно свистели ему в спину.

Через минуту его уже не было видно. Воцарилась тишина, нарушаемая короткими очередями из других башен. Облако пороховой гари окутало участок, сделав 14-ю башню невидимой для других.

«Капитан» в бешенстве врезал по каменной кладке парашюта.

— Достаньте его, — скомандовал он.

Его подельник перезарядил пистолет, глядя на мертвого Ногаля, сложившегося у любимого «баррета».

— Зона достанет, — пробурчал он, щелкая ногтем по концу глушителя. — У него нет оружия, детектора, радиосвязи и опыта. Далеко не пройдет.

Выдержав для пушей важности паузу, начальник махнул рукой.

— Рацию его проверьте, — велел он. — Я хочу знать, как ему удалось настроиться на наш канал. И разберитесь со вторым.

Двое помощников без церемоний подняли тело Ногаля и бросили его со стены вниз. Рядовой Егор Сажин убил напарника и дезертировал. Обычная история, которые на стене случаются сплошь и рядом.

— Проблем не возникнет? — спросил один из наемников.

— Какая разница? — пожал плечами второй. — Завтра некому будет о них заявить.

Троица убийц покинула осиротевшую башню. Пулемет и винтовка, лишившиеся своих стрелков, безразлично смотрели на место побоища.

Глава 8 Маскарад

— И что нам теперь делать? — спросил Чехол.

Борланд прикинул расположение мародеров. Нет, не успеет уложить обоих, не задев Фармера. А если и успеет, так они сами откроют ответный огонь.

— Будем ждать, когда гон закончится, — сказал он. — Или чешите сквозь стадо, если душа зовет.

— Мы подождем, пахан, — пообещал Тефлон, присаживаясь на камень и пристально глядя на Борланда. — Слушай, отец, сделаешь одолжение?

— Что нужно?

— Дашь со сталкером потолковать?

Борланд подозрительно посмотрел на него.

— Зачем тебе? — спросил он.

— Пахан, ну не надо пальцы гнуть, — скривился Чехол. Ствол автомата он положил на плечо, но палец держал на спусковом крючке. — Мы не обидим его, слово даю.

— Мне с вами говорить не о чем, — неожиданно подал голос Фармер.

— Так, ну-ка цыц, — велел Чехол.

— Почему? — спокойно спросил Фармер. — Ты определись, хочешь ли со мной говорить, или я должен заткнуться?

Чехол не нашел, что сказать. И Борланд сразу все понял. Его пробрал такой хохот, что он даже не стал себя сдерживать. Мародеры в непонятках вытаращили глаза.

— Пахан, ты чего? — спросил Тефлон.

— Давно в Зоне, мужики?

— Э-э... Что? — не понял Чехол.

— Устав мародеров расскажите. Так, в общих чертах.

— Ну, — начал Чехол. — У ближнего не воровать.

— Очень хорошо, — кивнул Борланд. — Дальше?

— Мародер не имеет права причинить вред сталкеру, — продолжил Чехол. — Или своим бездействием допустить, чтобы сталкеру был причинен вред. Ну, это я не дословно...

— Достаточно. — Борланд убрал ствол. — Фармер, руки можешь опустить.

Тефлон поднялся с камня, храня молчание.

— Братва, мы друг друга нагрели, — сказал Борланд. — Вы не мародеры.

— С чего вдруг? — поинтересовался Чехол.

— Нет никакого устава мародеров. Да и ведете себя вы как переодетые. Кто вы такие, ребята?

Следующего шага Борланд никак не ожидал. То ли он переоценил сообразительность спутников, то ли, наоборот, недооценил. Как бы то ни было, в руках Тефлона снова оказалась до этого висевшая на спине двустволка, из которой он в два ствола и пальнул Борланду под ноги. Сталкер отпрыгнул, и в этот момент Чехол пустил очередь из МП5 в воздух.

— Стоять на месте! — приказал он. — Кинь оружие!

Борланд осторожно положил автомат Фармера наземь.

— Его кидать нельзя, — сообщил он. — Может испортиться.

— Шаг назад! — прорычал Тефлон, перезаряжая ружье. — Сталкер, ты цел?

— Мужики, вы попугали, — попробовал успокоить их Борланд. — Я такой же, как и вы, —

обычный бродяга.

— Да неужели? — не поверил Чехол. — Ты ж бандит хренов, гиена паршивая!

— Чехол, послушай...

— Молчи, смертник!

Чехол не договорил — незаметно подкравшийся сзади Фармер, на которого временно никто не обращал внимания, треснул его по башке. Незадачливый мародер охнул и упал. Тефлон отвлекся всего на миг. Борланд схватил рукой ствол ружья, дернул в сторону. Двустволка снова выстрелила, и Борланд что было сил врезал Тефлону по скуле. Через секунду тот лежал рядом с товарищем.

— Ты чего? — спросил Борланд Фармера. — Зачем ты их бить начал? Мог бы просто сказать, что я свой.

— И что бы это дало? — возразил Фармер, потирая ребро ладони, которой приложил Чехла. — Пацаны бы решили, что я сам переодетый.

— Да к черту этот маскарад! — Борланд стащил с себя маску. — Здесь кто попало может местным авторитетом прикидываться. Любой, кого мы встретим.

Лежащий на земле Чехол принялся подавать признаки активности. Фармер быстро подобрал оружие.

— Мужики, не стреляйте, — взмолился Чехол. — Да, мы не бандиты. Их сейчас на Свалке полно, вот мы и решили ими прикинуться. А так мы обычные сталкеры.

— Так мы тоже, — заверил Борланд. — Зачем же вы к нам прибились?

— Его освободить! — Чехол показал на Фармера. — Видим — бандит ведет сталкера под прицелом. Решили помочь человеку. Думали, ты отвернешься, мы на тебя и нападём.

— И как бы вы напали? — спросил Борланд. — Пулю в спину пустили бы?

Чехол отвел глаза. Тефлон обернулся, словно ища поддержки, затем состроил неуверенную гримасу — мол, а что еще нам оставалось делать?

— Двигайте отсюда, — приказал Борланд. — Фармер, верни им оружие. Стволы не поднимать, я слежу. Все понятно?

Парни закивали, забрали оружие и быстро ретировались.

— Ну просто супер, — покачал головой Фармер. — Мы их за дураков держим, а они нас.

— А когда было иначе? — Борланд встал на край холма, следя за редющим потоком мутантов из-за наполовину вкопанного в землю старого холодильника без ручки. — Ты смотри, их становится меньше.

— Теперь вся эта куча на Кордоне, — произнес Фармер. — Не позавидую я бродягам из «Чистого Неба». Конечно, вояки смогут остановить зверушек, если Вишну проявит благосклонность.

— Должны остановить, — согласился Борланд. — Если сегодня случится первый в истории Зоны серьезный прорыв монстров в нормальный мир, это будет прикол века.

— Ладно, давай двигать вперед, — сказал Фармер и стал спускаться, стараясь не поскользнуться на куче металлического хлама. — Гон уже прошел. Не хочу дожидаться, пока этот зоопарк поползет в обратную сторону.

Они быстро прошли расстояние от одного края равнины до другого. Аномалий Борланд не опасался — их не может быть в месте, где только что беспрепятственно протопали орды монстров. Сталкер опасался только людей. Если где-то могли затаиться настоящие мародеры, так только здесь.

— Видишь следы взрыва? — Фармер показал рукой между двух пурпурных кустов. — Гранатой разнесло. Раньше там был мародерский бруствер. Сейчас там могильник.

— Кто поработал?

— Поговаривали, что «Свобода».

— Нет. Не «Свобода».

— Почему ты так думаешь?

— Зональная инженерия, — объяснил Борланд. — Не парься, я это определение сам придумал. Разное поговаривали, и «Свобода» поговаривала. Поговаривала, но ни за что не призналась бы, будь это в самом деле она.

— Как-то все запутано.

— Ничего страшного. Поведение кланов начинаешь чувствовать примерно после первого года в Зоне. Но ты лучше выработай собственное чутье.

— Я не планирую оставаться в Зоне так долго.

— Мало кто планирует, — вздохнул Борланд. — Однако всегда лучше настраиваться на долгое пребывание в здешних краях. Никто не знает, как нам наши действия отзовутся. Так что ты правильно сделал, что привел наш бункер в порядок.

— Если честно, мне уже не хочется его тебе возвращать.

— Может, и не придется, — подумал Борланд вслух. — Если я отсюда уйду, а ты останешься, то я оставлю схрон тебе полностью. Ты его заслужил.

— Спасибо.

Равнина кончилась. Впереди был сосновый бор, почти нормальный даже по земным меркам. Насколько помнил Борланд, он никогда особо опасным не был. Главное, не зевать да не быть в ссоре с «Долгом», только и всего. Борланд впервые задумался, что будет делать, добравшись до «Долга» без Клинча.

— Майор, конечно, козел, — сказал сталкер. — Сбежал ли он от нас, или же позволил себе умереть — все равно козел.

— Он же тут совсем новый, — встал на защиту майора Фармер. — Вряд ли он вообще когда-либо по Зоне ходил. Я имею в виду — пешком и сам.

— Все с чего-то начинали.

— И он никак не может быть впереди нас, если все еще жив.

— Однозначно, — согласился Борланд. — Если только не махал «Калашниковым» над головой, как пропеллером, чтобы перелететь через мутантов.

Тихий рык прервал его измышления по поводу теорий новаторской авионики.

Сталкер остановился, пригнулся, сдернул с плеча дробовик. Фармер «держал» спину.

— Знакомый звук? — спросил Борланд.

— Нет. Кто это?

— Кто-то нехороший.

— Неужто кровосос?

— Он самый. От стада отбился, наверное.

Звук приближался. Становилось ясно, что рычание гораздо громче, а его источник дальше, чем казалось вначале. Борланд напряг зрение, наблюдая за землей. Не было смысла пытаться разглядеть самого мутанта, когда он не находится на одной линии с располагающимся сзади него источником хорошего света. К сожалению, вслед за кровососами полтергейсты не летают, а солнце стояло уже достаточно высоко.

Фармер выстрелил в нужную сторону. Никакого эффекта.

— Очередью лей! — рявкнул Борланд. — Давай!

Парень выполнил приказ. Рычание перешло в короткий рев, и Борланд выстрелил точно на звук.

Хорошая штука «отбойник». Если говорить точнее, «protecta», которую в свое время приручил еще покойный старина Патрон. Но иначе как «отбойником» ее и не назовешь. На таком расстоянии отобьет все, что можно. И кровососа остановила бы точно — будь он на месте. В случае попадания из такого агрегата в кровососа последний неизбежно выходит из режима невидимости — нервная система не справляется с таким шоком, — заодно разлетаются комья окровавленной плоти и раздается закономерный рев раненого зверя, который, если быть честным, в какой-то степени у всех живых существ одинаков, не исключая человека. В этот раз ничего не было, что означало, что мутант попросту отпрыгнул в сторону. Промаяхнуться Борланд не мог — с четырех метров у «отбойника» нет в принципе такого понятия, как промах.

Зато сталкер заметил следы на земле. Когда двухцентнеровая животина с силой отпрыгивает в сторону на пыльной равнине, не оставить следов невозможно. Борланд выстрелил еще раз, продолжая оставаться на месте. Убежать сейчас — значит полностью потерять чувство врага. Пусть бежит в пределах воображаемого кокона, выстраиваемого органами чувств.

Цепочка следов выписала кривую прерывистую линию, закончившуюся в густых зарослях. Фармер выпустил еще короткую очередь, но безуспешно.

— Перезаряжай! — скомандовал Борланд. — Я присмотрю.

В «отбойнике» было двенадцать зарядов вопреки штатным десяти. Штатным — по российским меркам. Производитель, конечно, оснастил барабан дюжиной зарядов, как и полагается, только у поставляемых в Зону моделей два слота всегда забиты наглухо. Когда Патрон получил данную игрушку, то первым делом с помощью инструментов и мата исправил этот результат гениальной дизайнерской мысли, вернув ствол к первоначальной конфигурации. Потому что разница в два патрона может оказаться критичной, если учесть, что перезаряжается «protecta» крайне медленно и неудобно. И два выстрела Борланд уже истратил.

Тяжелое пыхтение мутанта снова вернулось. На этот раз Борланд сначала не осознал, с какой стороны оно идет, пока не понял, что кровосос бежит вокруг своей добычи. Плохо. Почти все в данной ситуации начинают попросту палить во все стороны, что было фатальной ошибкой — невидимка попросту изматывал человека психически и заставлял самого же опустошить боезапас.

Был еще запах — запах гниения. Он стоял повсюду, густой словно патока. Хоть противогаз напяливай.

Фармер попытался вставить новый магазин и выронил его. Взглянув на парня, Борланд увидел, что у того дрожат руки.

— Спокойствие, только спокойствие, — пробубнил он, почти не шевеля губами.

И тут же чуть не получил удар когтистой лапой по шее. Только дуновение воздуха да инстинкт побудили сталкера слегка пригнуться. Третий выстрел. Есть, несколько дробинок угодили кровососу в бок, на мгновение сбив маскировку. Борланд увидел знакомые очертания обтянутого бурой кожей мутанта, возвращающегося на очередной круг. Кровосос оказался меньше ростом, чем ожидал сталкер, зато проворнее. Сталкер беззвучно выругался.

Хуже мутантов могут быть только мутанты мутировавшие.

Щелчок затвора Фармера на миг прервал шум беготни. Монстр определенно понимал суть этого звука, реагируя на него внимательнее, чем на выстрелы. Когда же он успел выработать рефлекс? Скольких бедолаг ему пришлось обескровить, прежде чем он успел изучить повадки людей?

— Щупальца... если он покажется, стреляй в щупальца, — повторял Борланд. — Марк говорил, надо отстрелить щупальца.

— Кто такой Марк? — нервно спросил Фармер.

Борланд выстрелил, когда заметил новые следы рядом с собой, возникающие ниоткуда. Раз, другой, третий, при каждом выстреле меняя направление. Кровосос испустил затяжной вопль и полностью материализовался.

Фармер разрядил в него весь магазин, растеряв впустую не больше половины пуль, что, в общем, было приемлемо. Борланд не останавливал огонь. Двенадцать минус шесть равно шести, а двенадцать минус двенадцать равно смерти. Кровосос упал наземь и больше не шевелился. Борланд выпустил последние два заряда в его туловище. Готово.

С последним выстрелом кровосос снова исчез.

Сталкер в ошеломлении замер на месте. Позволив «отбойнику» повиснуть на ремне, вытащил пистолет и пальнул разок в место, где лежал мутант.

Пуля врезалась в голую землю, взбив маленький фонтанчик.

В этот момент пистолет вылетел из рук Борланда, а сам он получил мощный толчок невидимым плечом в грудную клетку. Сталкер полетел в сторону, еле успев амортизировать падение. Фармер с возгласом упал, как от подсечки, и его тут же что-то потащило за ногу.

У Борланда не было времени перезарядить «отбойник». Вскочив, сталкер нащупал упавший пистолет, тщательно прицелился, вычислил по позе Фармера, где находится спина живучего монстра, и выпустил несколько пуль прямо в нее. Мутант отпустил Фармера, повернулся, снова вышел из невидимости и сделал два прыжка, оказавшись перед сталкером.

Борланд успел заметить на редкость спокойные нечеловеческие глаза, словно кровосос не собирался причинять никому вреда. Над ним зависла огромная лапа, напоминавшая пересохшую корягу.

В этот момент кровосос получил пулю на место отсутствующего уха, голова его откинулась влево, зеленовато-бордовая кровь плеснулась Борланду на мародерскую куртку. Тут же раздался шум выстрела. Мутант заревел, сделал шаг назад, и следующие две пули перебили ему половину шеи.

Борланд оглянулся.

На вершине холма, у которой сталкеры пережидали гон мутантов, находился Клинч. Майор стоял на одном колене, подняв «Калашников» к плечу. Он сделал еще несколько коротких очередей, затем не мешкая поднялся и спокойно подошел к Борланду.

Кровосос был мертв.

Сталкер чертыхнулся.

— Ты где пропадал?! — спросил он.

Майор перезарядил автомат и разнес голову кровососа на части.

— Бронебойными надо, — подвел он итог схватке.

Борланд на время оставил Клинча в покое, подбежал к Фармеру, помог ему сесть.

— Жив? — спросил он. — Ничего не сломал?

— Вроде нет, — поморщился Фармер, хватаясь за колено. — Он умер?

— Ага, — кивнул Борланд. — Хороший был кровосос. Эпический.

— Верно говоришь, — согласился Фармер. — Я назову его Каллен.

— Почему?

— Крови не пьет, зато быстрый и хрен убьешь.

Клинч подошел к ним.

— Хватит расслаживаться, — сказал он. — Подъем и двигаем в лес. Нужно еще кое-что сделать.

— Как скажешь, — поморщился Фармер, поднимаясь на ноги и тут же включаясь в процессию.

Проделать оставшийся путь в спокойствии не удалось.

— Воздух! — крикнул Борланд, покидая равнину и зарываясь в кусты. Клинч и Фармер сделали то же самое. Они еле успели спрятаться, прежде чем над ними пролетели несколько вертолетов.

— Ми-28, — сказал Клинч, внимательно следя за тяжелыми «вертушками» сквозь острые изогнутые листья. — Четыре, нет, пять штук. Глок пустил в ход резервы... Так, а это что?

— Какой-то винтокрыл, — сказал Фармер.

— Он и есть. И наверняка в нем полно пассажиров.

— Каких?

— Точно не гастарбайтеры.

Борланд проследил за вертолетом-краном.

— Что это он тащит? — спросил он.

Майор пригляделся. Его лицо вытянулось.

— Ни хрена себе, — сказал он.

— Что? Что это такое?

— Танк-беспилотник.

— Да ладно.

— Не веришь? — Клинч стволом «Калашникова» отодвинул ветку, мешавшую обзору. — Дорогая штука. И, что меня беспокоит, не наша. Американский танк, не требующий экипажа. Раз такие пироги, значит, в винтокрыле сидеть может кто угодно.

— Наемники? — предположил Борланд.

— Они самые. Да, Глок серьезно потратился на такие приколы. Американцы ни за что бы не сдали технологию. Значит, Глок приобрел что-то списанное или украденное...

— Так ты не знаешь, с кем Глок вел дела?

— Отчего же? Знаю. Потому и тревожусь. Ну ладно, не время сидеть. Двигаем.

Клинч вышел из кустов на тропинку и направился дальше на восток.

Борланд шел за майором, на ходу запоздало перезаряжая дробовик. И заметил, что майор несет на плече что-то новое, чего в схроне не было. Какую-то блестящую треногу.

— Что это? — спросил он. — И, главное, откуда?

— Сейчас увидишь, — тут же остановился майор, выйдя на заросшую переплетенными лианами поляну. Он снял с себя треногу и разложил ее, затем полез в рюкзак. Борланд смотрел, как Клинч достает странный предмет, похожий на цифровую камеру с торчащими во все стороны цилиндрами, напоминающими древние газовые баллончики для сифонов, и пристраивает на

треноге.

— Когда я вышел из твоего подвала, — объяснил майор, завинчивая винты, — то двинулся к месту, где, согласно координатам, находится один из тайников Коалиции. Мы устроили такие по всей Зоне. Мне нужно было некоторое оборудование. Затем мне понадобилось время, чтобы вас догнать. Я не могу ходить по Зоне быстро.

— Тайники Коалиции по всей Зоне? — переспросил Борланд. — Никогда не слышал.

— Ясное дело. Тебе-то откуда?

— Что за оборудование? — поинтересовался Фармер, ставший с другой стороны.

— Перехватчик радиочастот.

— Что-что?

— Это «дарвин». Прибор для перехвата радиочастот, используемых всеми передатчиками в радиусе многих километров, — объяснил Клинич. — С его помощью я смогу подслушать любой эфир, который можно поймать в принципе на данной местности, и локализовать каждое приемное либо передающее устройство.

— Да в любом месте радиосигналов тысячи!

— Только не в пределах Периметра. Барьер экранирует почти все каналы. Вот за стеной «дарвин» начнет с ума сходить, это да.

— А чем еще он отличается от обычного радио?

— Например, широчайшим диапазоном, — ответил майор. — Полной защитой от встречного детекта. Одинаково хорошей работой на коротких и длинных волнах. Еще может с равным успехом принимать сигналы с локальных антенн и спутников.

— Я не вижу крутящейся тарелки.

— Потому что ее нет. Я не стану объяснять всего, что умеет эта вещица, вы и половины функций не поймете. Так, теперь не мешайте мне...

— Минуточку. — Борланд положил руку на плечо Клиничу. — Почему ты ушел сам и ничего не сказал?

— А зачем? — поднял брови майор. — Мы же определились, что идем не вместе.

— Как так? У нас ведь общая цель.

— Нет. У нас две разные цели, которые совпали. Почувствуй разницу.

— И почему ты дальше не пошел сам? — спросил Фармер.

Клинич усмехнулся и показал притороченную к поясу каску, которая наполовину была изъедена, словно кислотой.

— Попал под «жгучий пух», — сказал он. — Понял, что одному идти очень опасно, и решил вернуться к вам. Теперь отойдите, мне нужно сконцентрироваться.

Майор надел огромные наушники.

— Обалденный из тебя напарник, майор, — проворчал Борланд, отходя в сторону и усаживаясь на траву. — Захотел — ушел, захотел — пришел. Будет у меня кот — назову Клиничем.

Следующие полчаса прошли в тишине. Майор работал с «дарвином», постепенно крутя его на триста шестьдесят градусов. Его губы шевелились, когда он ловил в наушниках важные сообщения. На безопасность он даже не обращал внимания, очевидно, предоставив Борланду и Фармеру следить за этой частью. Так что оба сталкера взяли на себя эту задачу, при этом Фармер то и дело ощупывал ушибленную ногу, за которую его тащил Каллен.

Наконец Клинич стащил с себя наушники и стал разбирать прибор.

— Как я и думал, — сказал он. — «Долг» сменил частоту на нужную, все по плану. Хоть что-то работает без сбоев, уже хорошо. А вот зачем «Свобода» сменила свою, мне уже непонятно. Они же вообще не при делах.

— Разговоры перехватил какие-нибудь? — поинтересовался Борланд.

— Ничего важного для нас. Понятно, что никто не станет говорить о важных делах по радио. Еще поймал одну любительскую передачу, скайповская трансляция. Непорядок, надо бы глушилки на башнях перенастроить. Кроме того...

Борланд вскочил на ноги, жестом приказал майору замолчать. Из чащи показалась бегущая фигура.

— Не стреляйте! — прозвучал напуганный голос. Голос безмерно уставшего, чуть не падающего человека.

К ним выбежал солдат. Молодой, с нашивками рядового, с гладкоствольным оружием в руках. Он был весь в грязи и пыли.

— Кто такой? — потребовал ответа Клинч.

— Рядовой Сажин, четырнадцатая башня, — выпалил парень, то ли признав майора, то ли безошибочно догадавшись, что перед ним один из начальников. — На нас напали, я...

Он замолчал и опустил на землю.

— Не падать духом! — сказал Клинч. — Что у вас случилось? Отвечай немедленно.

Сажин окончательно устал. Плюнув на все, он в точности передал случившееся. Когда он добрался до услышанного по радиации разговора, Клинч изменился в лице.

Борланд даже не мог сказать, что именно охватило майора — то ли шок, то ли эйфория.

— Что ты сказал? — прогремел Клинч. — Сафрон? Ты ничего не путаешь?

Егор замотал головой. Клинч с силой хлопнул по краю приклада.

— Как ты прошел так далеко? — спросил Фармер.

Егор показал дробовик.

— Нашел сталкерский схрон, — ответил он, еле владея речью. — Мутанты разрыли, наверное. Там были детектор и дробовик с патронами, больше ничего. Я не знал, куда мне идти...

— С нами пойдешь, — решил Клинч. — Все, мужики, подъем! Ситуация серьезнее, чем я думал.

— А если коротко? — спросил Борланд.

Майор взгляделся в северные дали.

— Глок знает обо всем, — ответил он. — Он формирует мощную защиту центра. От потенциального посягательства. Готовится к молниеносной войне.

— Иными словами, наш враг признал, что ему есть чего опасаться, — добавил Борланд многозначительно. — Я ведь прав?

Его и майора взгляды пересеклись, и Клинч еле заметно кивнул.

— О чем вы? — шумно спросил Егор. — Чего нам опасаться?

— Так, браток, меньше знаешь — крепче ссышь, — шагнул к нему Фармер, хватая за плечо и толкая перед собой в сторону Темной долины.

Клинч шел последним. Борланд, которому надоели постоянные словоизлияния рядового Сажина, поотстал немного и поравнялся с майором.

— Теперь ты видишь? — спросил он, чувствуя, как сердце колотится в предчувствии схватки. — План существует. «Горизонт событий» — не вымысел.

— Да, теперь я это вижу, — проговорил Клинч. — Глок не стал бы прилагать таких усилий по охране центра, если бы не было по-настоящему серьезной проблемы. Например, угрозы исчезновения такой вкусной политической кормушки, как Зона.

— Мы сможем прорваться?

— Должны. А сможем или нет, мне плевать. Но мы должны прорваться.

— Я с тобой, майор.

— Спасибо.

Вскоре впереди показался блокпост «Долга». Борланд тронул Клинча за рукав.

— Еще один момент, — произнес он. — Сафрон. Кто он? Что в нем такого опасного, что за одно только его имя убили друга этого Сажина и чуть не пришибли его самого?

Клинч какое-то время понаблюдал за Фармером, затем, убедившись, что тот ничего не слышит, заговорил:

— Когда образовалась Зона, стало ясно, что новая аномальная территория потребует самых разных ресурсов. Таких как новейшие профессии, специфическая техника, новые виды вооружения.

— Это понятно, — кивнул Борланд.

— КБ «Камов» тогда пребывало в большом упадке — по крайней мере в военной сфере. «Черных акул» изготовили всего двенадцать штук за все время, они были дороги в производстве, затем структура развалилась из-за сменившегося руководства. И военные потеряли интерес к конторе. Но после Зоны все изменилось. Потребовались новые типы вертолетов, заточенных именно под специфические задачи Зоны: поиск и спасение, исследование, воздушное сталкерство, ведение боевых действий в условиях аномальной активности. КБ ухватилось за предложение.

Вернули старых инженеров, тем более что тогда на проект нашлись серьезные деньги. К тому времени, как Барьер был достроен, конструкторы изготовили два тестовых прототипа, взяв за основу Ка-50. С нуля перебрали кузов, электронику, расширили кабину, за счет чего стало возможным внедрить в основу некоторые новые гаджеты. Я тоже в этом участвовал, но вскоре заинтересовался Зоной и покинул проект. «Вертушки» получились многоместными, хотя по-прежнему предназначенными для одного пилота. С «Тунцом» вышло не так, как рассчитывали, — в нем не работает половина функций, и поделаться ничего было нельзя. А «Тайкун» получился изящным, маневренным, сверхнадежным, в разы лучше изначальной задумки. Оба образца доставили в Зону примерно через год после того, как откомандировали сюда меня. Я снова тщательно проверил оба вертолета и дал отчет, что они удовлетворяют требованиям, хотя по факту нам нужен только один. Но поскольку их все же создали два, то и пилотов для них, соответственно, тоже натренировали двух.

— Значит, Сафрон... — предположил Борланд.

— Сафронов — второй пилот для вертолетов Ка-54.

Борланд замолчал, обдумывая услышанное.

— В то время Сафронов остался не у дел, — продолжил с жаром майор, нащупав знакомую тему. — Но все равно он является одним из лучших пилотов мира и мастерски освоил «Тунца» за время ранних испытаний. Гораздо быстрее, чем я справился со своей машиной. И это еще не все. Мало кто знал, что Сафрон — профессиональный наемник мирового масштаба. Именно я не пустил его в Зону, убедив Глока в ненадежности этого человека.

— И теперь Сафрон прибывает в Зону, — подвел итог Борланд.

— Именно. Я мог всего ожидать от Глока, зная, что по факту любая война, которую можно здесь развязать, может быть выиграна нашими силами, если «Долг» нам поможет. У клана огромная боевая мощь и опыт. Биологическим нас не возьмешь — есть свои нейтрализующие наработки. Да и очень опасно. Полноценной авиаподдержки ни у одной из сторон не будет. Наплыв на Ми, они эффективны только в южных районах. Летать же по Зоне без ограничений — не считая Припяти и ЧАЭС с плотным аномальным слоем — могут только «Тайкун» и «Тунец». И, по правде говоря, я скидывал со счетов возможность, что они будут пущены против нас — хотя бы потому, что в Зоне, кроме меня, никто не сумеет внятно ими управлять. Но я не ожидал, что сюда перекинут Сафрона. Если он доберется до «Тунца», бой будет проигран.

— И что можем сделать с этим? — спросил Борланд, чувствуя холод в районе желудка.

Клинч только молча покачал головой.

Сталкер больше не стал ни о чем расспрашивать. Заметив выходящих навстречу «долговцев», он постарался выбросить все мысли из головы и придал лицу приветливое выражение.

Глава 9 Гроб

Вопреки ожиданиям во время брифинга у Борланда не было чувства, что все это уже происходило.

Сэры были кучкой самостоятельных личностей. Сидящие же на побитых стульях «долговцы» казались симбионтами с единым коллективным разумом. Монолог Клинча они слушали с интересом, но атмосферы взаимопонимания не чувствовалось. Вместе с секретностью замысла испарилась и его суть, как только дело стало массовым, а не личным. Претензий к «долговцам» Борланд не имел, хотя чувствовал легкую досаду из-за отсутствия у них персональной инициативы реализовать наконец то, во имя чего они каждый день рисковали жизнью, — уничтожить Зону. Одновременно он ощутил, как внутри зашевелилась совесть: ведь совсем недавно он сам был готов послать к черту весь план и саму идею. Теперь же это казалось ему единственно верным решением. Неужели все сталкеры так и заканчивают, если им удастся прожить достаточно долго? Отдал Зоне часть себя, взял часть ее взамен, и обоим резко стало тесно в общем мире...

Анубис сидел на другом конце ряда. Он был единственным, кто не повернул головы, когда Клинч упомянул, какова роль Борланда в этом деле. Сталкер ожидал, что лидер клана после

окончания брифинга задаст свои вопросы, но Анубис хранил молчание.

Сам Клинч держался достаточно уверенно, хотя Борланд понимал, что майор напрочь утратил все шансы на главенствующую роль в будущей экспедиции. Но не менее ясно он видел, что Клинчу никогда не было принципиально руководить процессом — главное, чтобы процесс пошел. Как раз намного существеннее окажется, если дело способно идти без координатора, который, как и все, является человеком из плоти и крови и подвержен стрессам, смене статуса, предательству и гибели. У Кунченко была навязчивая идея, и он собирался воплотить ее в жизнь либо обеспечить это воплощение после своей кончины. Как будто иных стремлений у майора не было. А может, и в самом деле не было.

— Вопросы? — обратился Клинч.

— Есть, — кивнул «долговец» в первом ряду. — Почему «Горизонт событий»?

— В смысле?

— Почему такое название?

Клинч помолчал немного, затем кивнул.

— Хороший вопрос, — похвалил он. — Консул объяснял суть.

Он глубоко вздохнул, выстраивая мысли в цепочку.

— «Горизонт событий» — термин из физики, — пояснил он. — Вряд ли все здесь слышали это понятие, но, коротко говоря, это предел действия черной дыры. Граница, после прохождения которой никакое действие над объектом не может быть отменено, если он не превысит скорость света, иными словами, не сделает невозможного. Не буду вдаваться в детали, так как для нас главное то, как процесс отобразится на камне. Монолит нестабилен. После удара ножом энергетические источники ножа и камня войдут в реакцию, что приведет к потере Монолитом своей мощи. Пока удар не произведен, процесс можно остановить. После — уже нет никакой возможности. Их соприкосновение пройдет горизонт событий Монолита, замкнув энергии камня на себя транзитом через кинжал и тем самым его уничтожив. Это понятно?

— Так точно, — кивнул вопрошающий.

Борланд заметил, что после приведенного майором объяснения Анубис странно напрягся и подался вперед, словно формулировка навела его на определенные аналогии.

— А что станет горизонтом событий для каждого из вас, вы сами решите, — добавил Клинч, и в комнате воцарилась полная тишина. Слово в воздухе развеялось некое умиротворение, прочно закрепившее суть и важность предстоящего путешествия. — Лично для меня все горизонты уже пройдены. Мне нет дороги назад, так что я иду до конца. Но тащить никого с собой не собираюсь. Я помогал вам с первых дней в Зоне чем мог. Сейчас вы можете помочь мне и заодно добиться того, ради чего пришли в «Долг». Если, конечно, не ради красивых шмоток и больших пистолетиков.

Борланд моментально выпал в осадок, решив, что его подвел слух. Он впился глазами в майора, который в гробовой тишине уселся на стул и, казалось, целиком ушел в себя.

Анубис поднялся, встал на место Клинча, оперся руками о потертую столешницу.

— Я подтверждаю все, что сказал майор, — уведомил он. — Все. В том числе и его последние слова. Впервые нам выпала возможность уничтожить Зону. И сделать это так, как хотел сделать еще Ястреб. В этой комнате собрались только люди, которым я доверяю, так что, если я переоценил широту круга доверия, все желающие могут покинуть комнату. А заодно и клан.

Никто не двинулся с места.

— Отлично, — кивнул Анубис. — Тогда я объясняю суть следующего шага. Нам нужно вернуть нож Сенатора. Единственная рабочая гипотеза, подразумевающая возможность конкретных действий в этом направлении, это предположение, что нож находится у Консула. Нам нужно найти его и отобрать нож либо выяснить, где он на самом деле. Все возможные комбинации сводятся к этой точке. А чтобы найти Консула, требуется выйти с ним на связь и запеленговать. Проблема в том, что по личному каналу Консул с нами на связь не выйдет, поэтому нужно обратиться к нему из определенного источника. Есть всего один человек, звонка от которого Консул никогда не пропустит, — это Глок.

«Долговцы» зашевелились.

— Нам нужно найти Глока? — спросил кто-то из центра.

— Нет, — покачал головой Анубис. — Вполне достаточно, чтобы Консул верил, что ему

звонит Глок. Оборудование, позволяющее подделать данные об абоненте на таком высоком уровне, находится в Темной долине.

— Шеф, — обратился техник средних лет. — На базе нет такого оборудования. Подделать айдишку Глока мы не сможем.

— Оно не на базе, — объяснил Анубис. — Оборудование находится в Баре. «Сто рентген», если быть точным.

Техник смутился.

— Бармен ничего не знает, — продолжил Анубис. — Он без понятия, что за ящики мы ему сунули на хранение. Посредники были не из клана. Никому не придет в голову, что «Долг» станет держать свои вещи в ста шагах от собственной главной базы. Еще вопросы? Дизель?

— Да, — улыбнулся Дизель, дернув себя за ухо. — Вот свяжемся мы с Консулом, допустим. Дальше что? Он тут же поймет, что его просто секли, и тут же прервет связь, а затем исчезнет и на этот раз полностью.

— Значит, нужно сделать так, чтобы не исчез, — вставил Клинч.

— Как? — Дизель продолжал улыбаться, но улыбка его не раздражала, а наоборот вселяла уверенность.

— Есть способ, — ответил Клинч. — Говорить с ним буду я.

Больше никто вопросов не задавал.

— Получасовая готовность, — объявил Анубис. — Проверить «тигры», снаряжение. Арсенал объявляется полностью открытым.

Встав с места, Борланд вышел на улицу.

Он оказался в центре спящих боевиков клана. На него никто не обращал внимания — всем хватало собственных дел. Борланд стоял и изучал подъемный кран, стоящий неподалеку, пока мимо не прошел Клинч. Сталкер тут же взял его за пуговицу костюма.

— Как ты назвал «Долг»? — спросил он.

— Что? — не понял майор, высвобождаясь. — Ты о чем?

— «В клан идут ради красивых шмоток и больших пистолетиков», — процитировал Борланд. — Твоя фраза?

— А тебе какое дело?

— Так говорил Технарь.

Кунченко переступил на другую ногу и посмотрел на Борланда с невиданным до этого интересом.

— Ты знал Технаря? — спросил он.

Борланд молчал секунд десять.

— Ты вообще про меня ничего не знаешь, — догадался сталкер. — Никакой биографии не поднял. Ни кем я был до Зоны, ни с кем я бродил по ней. Так ведь?

— А зачем мне это? — бросил Клинч. — Я живу не прошлым, а настоящим. И в людях мне важно не то, кем они были когда-то, а то, кто они сейчас. Ты вроде должен был догадаться. Когда ты казался угрозой, я без колебаний обстреливал тебя с вертолета. И убил бы, если бы полтергейст не вмешался. На мосту ты остался в живых лишь потому, что внезапно стал нужен. Твою судьбу решили секунды. Зато когда стал нужен, я сразу прекратил искать в тебе врага и посвятил в свои секреты. Я не обращаю внимания на то, кем были люди раньше, когда они становятся частью моих дел. И Ястреб не обращал. По-твоему, как я не свихнулся за долгие годы в Зоне, имея на шее такую ответственность? Не плодил любимчиков, вот как. На войне как на войне. Пора тебе взрослеть.

Борланд долго ничего не говорил. В этом разговоре Клинч пока одерживал верх.

— Девушка, которую убил Ястреб, была дочерью Технаря, — сказал сталкер.

Майор возвел глаза к небу, всего на миг. Без тени издевательства.

— Ну не я же ее убил, правда? — произнес он. — Что еще мне предъявишь?

Сталкер молчал. Клинч глубоко вздохнул.

— Конечно, я знал Технаря, — сказал майор. — Это был один из лучших людей, которых я встречал. Служил контрактником на Барьере, не имея ни единого пятнышка в личном деле. Всегда себе на уме, целеустремленный, просто оплот надежности — но лишь до тех пор, пока ваши с ним цели совпадали. Если же он выбирал себе свое направление, то лучше было ему в этом не мешать.

Поэтому я не удивился, когда оказалось, что после очередной поездки домой Технарь внезапно ушел с одной из башен Барьера и скрылся в Зоне. В знак уважения к нему я прикрыл его исчезновение, как и пропажу табельного автомата, который он взял с собой. С тех пор я ничего о нем не слышал. Честно говоря, его мне не хватало, когда я формировал круг сэров.

— Ты никогда не знал Технаря, — выговорил Борланд. — Никто не знал.

— Может, закроем тему? — предложил Клинич. — У нас сейчас уйма дел, чтобы болтать о делах минувших дней.

— Минувшие дни для меня много значат, — сказал Борланд. — И минувшие люди, которые были мне дороги, — тоже. Я не такой, как ты, майор. Мне есть дело до того, кем были те, кому я доверяю. Наверное, я не был достаточно настойчив, чтобы узнать их поближе, или недостаточно надежен. Или слишком много думал только о себе. Иначе все могло бы сложиться по-другому. Но мне есть дело, Клинич.

— Это что-то меняет в нашей миссии?

— Нет, — покачал головой сталкер. — Ничего. Расстановка фигур не поменялась, просто теперь я уточнил их цвет.

Майор пожал плечами.

— Кстати, о Технаре, — сказал он. — Если ты не знал, то он похоронен тут, рядом. Я сейчас туда иду. И тебе бы тоже не мешало.

Покосившись через плечо, Клинич направился к могильнику клана. Борланд заметил, что в ту сторону направляются несколько «долговцев» с Фармером и Сажиным за компанию, и последовал за ними.

Сталкер испытал неожиданно сильную щемящую горечь при виде того, насколько расширились границы могильника за два года. Аккуратных холмиков земли было больше раза в четыре — от древних, неотличимых от естественных насыпей — до совсем свежих. Но сейчас группа «долговцев» собралась вокруг могилы, которая была почти раскопана.

— Поднимай, — скомандовал Анубис. Он выглядел совсем бледным. Борланд не понимал, в чем дело, а затем догадался. Могильник клана — место почти священное, и раскопка ям является кощунством. Ничего удивительного сталкер в этом не видел — в Зоне не может быть других добродетелей, кроме уважения к умершим и местам их погребения. Раскапывал ли Анубис чье-то тело или просто схрон, все равно он сейчас творил вещи, граничащие с пределами морали.

В могилу кинули веревки, двое крепких парней обвязали их вокруг выступов гроба.

— Что там, внутри? — спросил Борланд.

— Не знаешь? — спросил Клинич. — Так посмотри.

Он указал на наспех сколоченный крест, возвышавшийся над ямой. Борланд раньше не замечал на нем надписей. Присмотревшись, он прочитал:

«Борланд, вольный сталкер, 2008–2013. Да упокоится его беспокойный дух».

— Это что за шутки? — позеленел Борланд. — Анубис, ты?

— Нет, — коротко ответил лидер клана. — Он.

Майор выдержал взгляд.

— Ну извини, — сказал он. — Знал бы, что тебя это так расстроит, положил бы в яму, как полагается. Но не судьба.

Борланд не стал ничего ему говорить. Пусть Клинич собирает остатки контроля, если это его успокоит. Совсем скоро ему придется считаться с мнением множества людей вокруг себя.

Цинковый ящик достали из ямы, кувалдами сбили замки. «Долговцы» подняли крышку и откинули ее в сторону.

Внутри оказалось нечто громоздкое, завернутое в черную плотную пленку. Человеком это явно быть не могло.

— Проверьте работоспособность, — сказал Клинич и тут же удалился.

— Так, доставайте, — устало сказал Анубис, желая поскорее покончить с пренеприятной процедурой. — Ящик в мастерскую, крест сожгите. Или... Борланд, оставить на всякий случай?

— Сжечь, — быстро ответил сталкер. — Я такое не коллекционирую.

Анубис только кивнул, и крест уволокли вместе с гробом.

— Что тут, в мешке? — спросил Егор Сажин с нетерпением.

— Очередная разработка военных, — ответил Анубис, пока «долговцы» разрезали бечевку,

сдерживающую пленку. — Клинч решил забрать ее себе и спрятать у нас, на случай, если нам удастся добраться до самого Саркофага. Или, может, раньше понадобится. Думаю, в самом деле понадобится.

Черную пленку стащили. Фармер охнул от изумления.

— Моя малышка, — ухмыльнулся Дизель.

В гробу лежал совершенно невероятного дизайна сверкающий агрегат, собранный из сотен деталей разного размера и материала. Сложенная в несколько раз платформа сияла на солнце, сверху выступали несколько крутящихся барабанов разного диаметра. Знаменовал картину длинный ряд из шести параллельных стволов.

— Что это? — спросил Фармер.

— Это установка Лебедева повышенной мощности, — ответил Дизель довольно. — Или, как мы ее называем, Мисс Анаис.

— Шестиствольник Гаусса, если выражаться более проще, — добавил Анубис. — Ставьте ее на джип. Дизель, проконтролируй.

— Я помогу! — воскликнул Фармер, хватаясь за край платформы.

— Любопытная штука, — признал Борланд. Оружейный фанатизм Фармера поднял ему настроение. — Ты видел ее в работе?

— Ни разу, — ответил Анубис, глядя, как Мисс Анаис тащат в гараж клана. — Но выглядит внушительно, это да.

— Шестиствольник Гаусса, подумать только, — медленно произнес Борланд. — Чья разработка?

— Идею давно вынашивали, а концепцию предоставил Лебедев, главный у «Чистого Неба», — ответил Анубис. — Клинч с руками и ногами забрал. Доделали в бункерах Коалиции. Я мало что знаю, кроме того, что принцип работы основан на взаимодействии девяти артефактов, шесть из которых уходят только на стволы, по одному на каждый. Кроме того, при создании этой штуки были скуплены семьдесят два патента, полностью легально.

— Должно быть, она денег стоит.

— Это Зона, Борланд. Она не только доход приносит, но и служит полигоном для разработок и испытания новых видов вооружения. Где, если не здесь?

— Да понимаю я.

— Говорят, в создании пулемета участвовали американцы. Они обожают давать имена оружию, отсюда и Мисс Анаис.

— Так она девочка, — хмыкнул Борланд. — Понятно, чего Фармер так обрадовался.

— Ладно, это все лирика. — Анубис прокашлялся. — Давай серьезно поговорим.

— Давай.

— Ко мне претензии есть?

— Откуда? — удивился Борланд.

Анубис сделал неопределенный жест.

— Литера, — произнес он.

— Ясно. — Борланд сжал губы. — Нет, претензий к тебе нет. К Ястребу были бы. Но с мертвых взять нечего. Правда ли, что ты приказал его уничтожить?

— Моей инициативы тут не было, — ответил Анубис. — Когда Ястреб принял решение, он знал, к чему это приведет. Майор может сколько угодно исходить философией, что цель оправдывает средства. У нас так не принято. За убийство невинной девчонки наказание понесет даже лидер клана.

— Я все понял, — кивнул сталкер. — А ко мне есть вопросы?

— Нет.

— Ксавьер?

— Не думай об этом, — сказал Анубис, помрачнев. — Мне будет не хватать человека, который меня понимал, чувствовал разницу между Ястребом и мною. Дизель стал моей правой рукой и справляется неплохо — кстати, он простил тебе нападение на него на прошлой неделе. Весь клан одобрил мое новое назначение, ведь они единогласно выбрали нового лидера, но им, по большому счету, без разницы, кто станет верховодить. Мне самому не нравится в «Долге» одна вещь, присущая каждому, — определенная доля смирения.

— Да ты гонишь.

— Нет, к сожалению. В мире полно людей, которые хотят и готовы сделать что-то полезное, но они не желают сами решать, что именно станет полезным, поэтому с охотой слушают чужие указания. Зато я теперь хорошо понимаю, почему ты так никогда и не вступил в наши ряды. Наверное, если бы ты создал свой клан, я бы сам вступил в него. — Анубис усмехнулся, глядя на лицо сталкера. — Ладно, мир?

— Мир.

Борланд и Анубис пожали друг другу руки.

— Мне нужно еще кое-что уладить, — сказал лидер клана. — А ты иди в арсенал, экипируйся, чем хочешь и как хочешь. Неизвестно, что нас ждет.

— Лады, — сказал Борланд.

Склад снаряжения клана находился в отдельно стоящем укрепленном здании. Прочные двери стояли нараспашку, стальная решетка также была открыта. У входа сидел парень с банкой энергетика. Рядом стоял целый ящик аналогичных банок.

— Здорово, сталкер, — поприветствовал он. — Заходи, бери что хочешь. Главный разрешил.

— Спасибо, — кивнул Борланд.

Внутри у него разбежались глаза. Борланд и не ожидал, что «Долг» имеет столько ресурсов. Тут было буквально все — оружейные разработки разных стран за последние годы, от бельгийских «фалов» до итальянских «беретт». Но, прежде чем выбирать винтовку, сталкер стащил с себя мародерскую куртку и влез в любимый комбинезон наемников, висевший рядом с комбезами клана. Кеды тоже сменил на армейские ботинки, сунув старую обувь в один из ящиков.

Времени оставалось совсем мало, поэтому сталкер долго не думал. Перепоясался ремнем с кобурой и ножнами, соответственно обзавелся пистолетом и ножом. Метательные не стал брать из принципа, хотя те были высокого качества, — к чему оружие, которым не умеешь пользоваться виртуозно? Что бы Патрон ни думал, ножи Борланд метал хорошо, но только в висящую на стене неподвижную спортивную мишень. Так что проехали.

Сталкер взял со стеллажа «грозу» — штурмовую винтовку ОЦ-14 в варианте автоматного гранатометного комплекса, наскоро осмотрел. Превосходно. Схватил черный рюкзак, кинул туда оба прицела — оптический и ночной, позже можно будет все разобрать и установить нужную оптику как следует. Забил карманы разгрузки магазинами и подствольными гранатами, запасную коробку патронов кинул в рюкзак. Заодно добавил бинокль, ПНВ, пару разных аптечек с новой стилистикой — Борланд предварительно заглянул в каждую и, удовлетворительно кивнув, взял обе. Только после этого сталкер заметил у противоположной стены уже снаряженные армейские сумки. Вжикнул молнией на одной из них, сверху обнаружил пищевой паек и пару фальшфейеров, под ними — что-то альпинистское. Все ясно, закрыл обратно. Надо будет взять с собой. В самом деле, как белка стал.

Конечно, сталкер не собирался таскать все это до самого конца, планируя всего лишь разобраться со снаряжением в машине и отобрать необходимое. Хотя если все же придется волочь имущество на себе, то почему бы и нет? Никто не знает, что ждет впереди. Да и весит все это добро куда меньше штатной снаряди некоторых бойцов спецназа, где порою и за шестьдесят кило зашкаливает...

Остался последний пункт.

На стене висело большое треснутое зеркало, почти в полный рост. Борланд взглянул на себя оценивающе. Все же не мешало бы, чтобы «долговцы» могли узнать его и выделить из толпы, раз уж так карты легли. Сталкер на миг отложил сумку, подобрал свой старый рюкзак, с которым утром вышел из схрона, порылся в нем и вытащил бандану. Покрутил в руках, пробуя ткань на ощупь. Сколько же они вместе пережили. Обстрел у Доктора, марш-бросок в Темную долину, побег, похороны Литеры, смерть Падишаха, пять дней в бункере Клинка...

Из арсенала Борланд вышел в бандане и при параде.

— Братан, классно выглядишь, — похвалил парень у входа, протягивая банку энергетика. — Хочешь зарядиться?

— Нет, спасибо, — сказал Борланд.

— Да бери, все равно товар долго не пролежит.

— Уболтал. — Сталкер взял пару банок. Надо будет убедить майора не строить

непоколебимого бойца и выдуть одну, раз уж он не может нормально отдохнуть.

Гараж клана уже наполовину опустел — снаружи стояло пять джипов «тигр», два из них были с открытыми капотами. Третий выглядел ободранным донельзя — то ли в аномалию угодил, то ли оказался рядом с эпицентром неплохого взрыва.

Клинч уже сидел в одной из машин. Борланд передал ему банку, бросил сумку и рюкзак на сиденье и пошел проведать Фармера.

Тот стоял неподалеку, глядя, как на заднюю часть джипа монтируют Мисс Анаис. Наверху стоял Дизель, координируя работу и заодно объясняя парню различные нюансы.

— Видишь это кольцо? — Дизель показал мускулистыми руками широкую ленту, правильной окружностью опоясывающую пулемет, касаясь его только в верхней точке. — Конденсаторы. Вынесены в отдельный барабан. Их тут шестьдесят четыре. Один выстрелил — и успевает перезарядиться, пока лента пройдет полный круг. Раньше их должно было быть двести пятьдесят шесть, так эта детка была вдвое выше и энергии жрала больше, чем Оптимус Прайм.

— Фармер, на пару слов, — позвал Борланд. Парень подошел к нему.

— Тут тебе надо решить, — сказал сталкер. — Ты со мной или мы расходимся.

— Уже решил, — ответил Фармер, показывая на собственный рюкзак в машине. — Пока ты был на брифинге, я собрал вещички и подготовился. Я иду с тобой.

— Ты сам несешь ответственность за себя, — предупредил Борланд.

Фармер хлопнул его по плечу.

— Чтобы озадачить человека, который должен был десять лет назад умереть от лейкоза, тебе надо придумать что-то похуже, — сообщил он. — За меня не переживай. Тебе и самому работы хватит.

Борланд не стал возражать.

Что-то протрещал рупор, закрепленный на стене. Раз, другой, затем перестал. «Долговцы» быстро расселись по машинам. Борланд вернулся к своему месту, глядя, как Клинч сминает банку из-под энергетика в руке и швыряет в кусты.

— Познакомьтесь, — сказал сидящий впереди Анубис. — Это Серафим.

— Здорово. — Водитель поднял два пальца и снова схватился за руль.

— Привет, — сказал Борланд. — Анубис, а что мы будем делать с рядовым Сажиним?

— Я взял его с собой. Поручу его Бармену, тот позаботится. Если парень сам свою дорогу не выберет.

Борланд откинулся на спинку сиденья, настраиваясь на дорогу, в то время как «тигры», ревя двигателями, выкатывались на дорогу на север.

Его настоящее путешествие только начиналось.

Глава 10

Старые знакомые

Дорога прошла без приключений, что было вполне закономерно. «Тигры» ехали не торопясь, Серафим внимательно следил и за дорогой, и за мобильным детектором аномалий. Ведущая машина прокладывала фарватер остальным, экипажи которых уделили внимание охране каравана от возможной атаки. На джипы никто не напал. Однако Борланд все равно зорко всматривался во все стороны. Анубис то и дело поворачивался и подавал следующей машине условные сигналы, суть которых сталкер не разобрал. Дважды они проехали мимо развороченных взрывами дымящихся окопов, в которых оставались тела в мародерской рвани. Не иначе как любители легкой наживы в самом деле разбились на отдельные враждующие группировки. Вероятность, что укрытия зачистили с воздуха, Борланд отмел сразу: не было ни единого вертолета в последний час, к тому же Глоку это ни к чему.

Анубис, глядя на внимательность Борланда, прокомментировал ситуацию:

— Мы устроили бандитам небольшую междоусобицу. Внедрили своих людей, которые спровоцировали конфликт и довели его до войны.

— Твои люди выжили? — спросил Борланд.

— Один, — ответил Анубис и снова сел прямо. — Они были добровольцами.

Борланд не стал уточнять, сколько шпионов было с самого начала. Положив «грозу» на колени, он повернулся к майору.

— Есть новые идеи? — поинтересовался он.

Клинч покачал головой.

— Мы еще текущие не реализовали, — произнес он. — Я позвоню на КПК Консула из Бара. После этого придется импровизировать.

— Ты говорил, что уже знаешь, о чем будешь беседовать.

— Да, — подтвердил майор. — В общих чертах.

— Не хочешь поделиться?

— Не сейчас.

Борланд подумал немного.

— У Глока тоже есть «дарвины»? — спросил он.

— Конечно, — ответил Клинч. — Потому мы и храним радиомолчание.

— Но как только ты позвонишь Консулу, он и его люди смогут тебя засечь.

— Именно так они и сделают. К тому времени это уже будет не принципиально.

Сталкер больше не задавал вопросов. Было очевидно, что майор все равно не скажет больше, если вообще не начнет пичкать дезинформацией.

После выезда со Свалки оставалась почти прямая дорога к восточной части завода «Росток». Крутанув руль, Серафим объехал «Электру», лукавую аномалию, поселившуюся точно на середине асфальтового полотна. За ним последовали остальные машины.

Впереди находился блокпост центрального подразделения «Долга». Боевики вышли из-за мешков с песком, оперативно перебросив широкие рейки через прорытый ров. Джипы проехали по импровизированному мостику.

— Приветствую, Анубис, — сказал начальник блокпоста, подойдя к машине. — На точке все спокойно, попыток вторжения не было.

— Совсем ничего особенного?

— Возле западного блокпоста патруль пристрелил излома. Мутант был ранен, старался прошмыгнуть мимо незамеченным. Вертолеты пролетали час назад. Больше ничего.

— Связь держите?

— Как и было сказано, только через гонцов. Сталкеры пытались ими подрабатывать, бегать между блокпостами, но Шифер не позволил.

— Молодец, — одобрил Анубис, дважды постучав по приборной панели. — Борланд, Клинч, отправляйтесь в Бар. У меня еще дела на местной базе.

— Хорошо, увидимся, — сказал Борланд, вылезая из «тигра» и беря свои припасы с собой.

Когда машины поехали дальше, на месте остались стоять Борланд, Клинч и Фармер.

— Майор, ты давно здесь был в последний раз? — спросил сталкер.

— Два месяца назад.

— И каждый раз с тобой была дивизия телохранов?

— Нет. Обычно Мармадок и Драм.

Борланд почувствовал, что затронул тему, находящуюся вне своей компетенции.

— Мне жаль, что они погибли, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал настойчиво. — Я их совсем не знал, но все же они умерли, чтобы я сумел выбраться вместе с тобой, так что... Что-то в них общее было, будто заботились друг о друге.

— Драм был биологическим отцом Мармадока, — изрек Клинч. Борланд чуть с шага не сбился.

— Биологическим? Значит...

— Они никогда не видели друг друга до Зоны. — Майор повернулся к сталкеру со взглядом, который в очередной раз дал Борланду понять, что о некоторых вещах он и понятия не имеет. — Навели справки, стали искать.

— В этом месте?! — вырвалось у Фармера.

— Да, — сказал Клинч.

— И что потом?

— Ничего, — ответил Кунченко. — Нашли.

Больше Борланд не возвращался к этой теме. Он осматривал знакомые очертания бывших

заводских строений, ставших в последние годы пристанищем для множества самых разных бродяг. Насколько же проще все было во времена славного сталкерского прошлого. Все проблемы сводились к поискам артефактов, битве с мутантами, разведке, ликвидации особо опасных убийц и... все. Опасная, но свободная жизнь. Не было какой-либо глобальной цели, а было лишь множество мелких, составных.

Сталкер зашел в дверь Бара, вдыхая атмосферу перемирия, а заодно и запах пыльных погребов. Спустился по ступенькам, чуть ли не наслаждаясь знакомым стуком. Зашел за угол и оказался в почти пустующем помещении. За дальним столом стоит окосевший от водки бродяга в куртке цвета хаки, без рукава. Трескает сардины из банки. Неторопливо гудит подвешенный над стойкой допотопный телевизор. За стойкой стоит...

— Мать твою! — ошеломленно сказал Борланд. — Бергамот! Ты ли это?

— Неужели? — пробасил торговец, продолжая протирать стаканы. — Борланд собственной персоной! Жив, значит?

— Жив, — обрадованно сказал сталкер, шагая к стойке. — А ты тут какими судьбами? Заменяешь кого?

— Да нет, я тут барменствую уже года два, — ухмыльнулся бывший проводник.

— Охренеть можно. Я и не знал.

— Так зашел бы, посмотрел сам, — укоризненно сказал Бергамот. — Тут в нынешнее время поговорить не с кем. Или не о чем.

— Узнаю сукина сына. — Борланд поднял ладонь, и старые знакомые поприветствовали друг друга мощным рукопожатием.

Клинч и Фармер уселись за столик, не вмешиваясь в бурную встречу. Со стороны служебного входа слышались шаркающие шаги.

— Кого там черти приволокли? — прозвучал баритон, отдававший десятилетиями выработанной хрипотцой. По узкой лестнице поднялся немолодой, матерый дядька с короткой рыжей бородой и полностью седыми волосами. Он тащил с собой какие-то коробки. Завидев Борланда, он бросил поклажу прямо на стол, чуть не отдавив майору пальцы.

— Разрази меня выброс! — завопил Борланд. — Сидорович! Старый хрен, ты как тут оказался?!

— Какие люди! — Сидорович от избытка чувств заключил сталкера в объятия. — Жив, скандалист? Вот уж кого не ожидал встретить в наших краях.

— Да, мужики, я и сам прибалдел! — поклялся Борланд. — Свалил из Зоны, вернулся по делу, а тут такой сюрприз. Как вы здесь оказались? Я думал, вас уже и нет на этом свете, быть теперь в Зоне двум новым легендам и вечным призракам.

— Не пори пургу, — поморщился Сидорович. — Все зашибись идет. Нас ничто взять не может, запомни это.

— Ты сядь, сядь, — осадил сталкера Бергамот. — Давай, что ли, по сто грамм. Я угощаю.

Борланд оглянулся на Клинча.

— Нельзя мне сейчас, отцы, — понурился он. — Я с майором. Дела у нас к вам.

— Как знаешь, — покачал головой Бергамот. — По какому вопросу?

Клинч поднялся со стула.

— Анубис оставлял посылку, — сказал он.

— Ага, — потер подбородок Бергамот. — Есть такое. Ща принесу.

— Да стой ты, я сам приволоку, — бросил Сидорович, уходя обратно в подсобку.

Бергамот цокнул языком.

— Анубис говорил, что у нас за тема? — спросил Борланд.

— Кое-что он говорил, кое-что я сам понял, — уклончиво ответил Бергамот. — Только я не вникаю особо.

— А зря, — сказал Борланд. — На этот раз дело серьезное.

— Конечно, серьезное, — согласился хозяин Бара. — Снова с Зоной воевать?

— Как это «снова»? — не понял сталкер.

Бергамот поставил один за другим пять граненых стаканов и наполнил три из них минералкой. В два оставшихся он налил водки на три пальца.

— Борланд, когда тебе стукнет хотя бы пятьдесят, ты поймешь, что свое дело всегда кажется

самым главным, — объяснил он. — И не просто кажется, а должно им быть. Если, конечно, относиться к нему как к делу, а не как к нитью. Все вы приходите, чтобы спасти мир либо его уничтожить. Найти Монолит, выбраться из Зоны, купить батарейку к детектору или попросить патронов в долг. И кажется вам, что ничего на свете нет важнее... Фармер, кришнаит ходячий, это ты там маячишь? Подходи, тебе тоже наливо.

Сидорович снова вышел, таща с собой старый зеленый чехол из-под граммофона.

— Кинь его там да становись, — махнул ему Бергамот. — Разговор у нас.

Когда все пятеро собрались у прилавка, пожилой проводник уставился каждому в глаза. Нет, не в глаза. В душу. Проницательным и острым взглядом.

— За каждого из вас, мужики, — решил он, чокаясь стаканом горячительного. — Чтоб вы в своей гонке умели вовремя остановиться. Или хотя бы сделать паузу и подумать: на кой ляд мне все это надо. Ну, будем.

— Будем, — кивнул Сидорович.

— Долгих лет жизни вам, отцы, — пожелал Борланд, передумав и живо плеснув себе в минералку грамм пятьдесят спиртного. — Да хранит вас Зона.

— Желаю всем удачи, — быстро сказал Клинч, неопределенно улыбнувшись, что почти никто не заметил.

— За всеобщее дело, — неуверенно сказал Фармер, расправившись со своим стаканом последним.

— Ну ладно. — Сидорович потер пухлые ладони. — Майор, давай разбирать твой аппарат. Что там Падишах, держится?

— Помер толстяк, — ответил Клинч, открывая ящик, который оказался напичканным аппаратурой и кучей тумблеров. — Если в ближайшие дни все будет спокойно, можешь возвращаться.

— Славно, — одобрил Сидорович и обратился к Борланду. — Вот ведь сволота, а? Падишах выбросил меня из бизнеса еще зимой, решил сам Кордоном заправлять. Вручил мне берданку да патронташ и торжественно отправил в свободное плавание. Решил, что меня кальмары загрызут в первый же день. Я дошел до Бара, и Бергамот не дал пропасть. Думаешь, я тут у него на побегушках, как пацан какой? Не-е, мы тут с ним на равных паях заправляем.

— Ага, — кивнул Бергамот. — Когда мне ноги покоцало, ну, ты помнишь — химеры мелкие зажевали, — так я в деревне залег. Но не выдержал долго, вернулся. Проводником уже не могу — здоровье-то, сам знаешь... Клинч место торговца предложил. И не где-нибудь, а в самом «Сто рентген»! Попривык, освоился. Когда Сидор подкатил, вообще малина стала. Нас тут все боятся. Боятся и уважают.

— Еще бы, — поддакнул Борланд. — Таких волчар, как вы, я больше и не припомню.

«Граммфон» зажужжал.

— Так, я настроился на канал, — сказал Клинч.

Сидорович подошел к столу, за которым, едва не сваливаясь на пол, все еще стоял бродяга.

— Братуха, пойдем со мной. — Сидорович взял его за локти и фактически потащил на себе. — Вот так. Щас в подвальчике отлежишься, а задание я тебе потом дам, лады?

Бергамот пальцем поманил к себе Фармера.

— Друг, сходи наверх, Бар закрой изнутри, — вкрадчиво попросил он, подавая огромную связку ключей.

— А если Анубис заглянет?

— Да ты чё? Он никогда не захаживает иначе как через служебный ход.

— Понял. — Фармер побежал по ступенькам наверх.

— Как закроешь, тоже спускайся в подсобку! — крикнул Бергамот. — Расскажешь, как там у Доктора дела. Из первых уст...

Через минуту Борланд и Клинч остались наедине. Сталкер не помнил такого на своей памяти — остаться в закрытом Баре почти одному.

— Готов? — спросил майор.

— К чему? — уточнил сталкер.

Клинч повернул переключатель.

В динамике раздался фоновый прерывистый гудок. Затем прозвучал внятный, но

приглушенный голос:

— Консул на связи.

— Привет, — произнес Клинич. — Узнал?

Пауза. Борланд напряженно вслушивался в каждое слово.

— Не обрывай связь, Консул, — сказал майор. — Ты уже запеленгован, прямо сейчас. Так что давай просто поговорим, никто за тобой в данный момент не мчится.

— Лучше сдайся, Клинич, — говорил прерывистый голос Консула — связь была с сильными помехами. — Если ты придешь сам и без оружия, то Глок обещает каждому, кто в этом замешан, прощение и неприкосновенность.

— Согласен, — ответил майор.

Такого ответа Борланд точно не ожидал. Похоже, что Консул тоже.

— Есть дополнительные условия? — спросил голос на том конце.

— Есть, — сказал майор. — Я сдамся Коалиции, если ты сдашься «Долгу».

На этот раз пауза длилась дольше.

— Предложение не понято, — озадаченно сказал Консул. — Повтори.

— Размен фигур, — невозмутимо пояснил Клинич. — Я иду к вашим. Ты к нашим. И дальше на усмотрение сторон.

— Это шутка?

— Консул, ты все еще веришь, что руководишь перехватом? Мое предложение направлено не к тебе, а к Глоку, который сейчас слушает этот разговор. Думаю, его такой вариант устроит.

— Нас никто не слушает.

— Не будь наивным.

— Я еще раз говорю, Глока здесь нет! — начал закипать Консул. — И если он слушает, то мне скрывать нечего.

— Сейчас я закончу разговор, позвоню Глоку напрямую и повторю предложение. Он сольет тебя не раздумывая.

— Подожди, — остановил его Консул. — Есть другой вариант.

— Какой?

— Обсудим на личной встрече. По ее итогам никто никому не сдается и сможет уйти.

— Годится, — тут же согласился майор. — Где?

— Одна из восточных башен устроит? Например, 226-я.

Клинич молча пошевелил губами, видимо, вспоминая параметры башни.

— Устроит, — ответил он. — Но если ты меня кинешь, башню разнесут к черту с нами обоими. Если не Глок, то «долговцы». Найдем способ.

— Не горячись, майор Кунченко. Я предоставлю тебе гарантию своих добрых намерений.

— Какую гарантию?

— Ты звонишь из Бара? «Сто рентген», так? Вот моя гарантия как раз должна подходить к северному входу. Послушай, что мой человек тебе скажет, и затем решай. 226-я, через двадцать минут. Посторонних глаз не будет, турели отключены.

Связь прервалась.

— Ничего не понимаю, — признался Борланд. — Какая гарантия?

Майор закрыл крышку «граммофона» и встал.

— Пойдем посмотрим, — предложил он.

В этот момент из подсобки выглянул Сидорович.

— Мужики, вас Анубис зовет на выход, — сказал он. — Гонец прилетел с блокпоста. Говорит, с севера кто-то нарисовался. С «Долгом» не хочет тереть. Вас кличет, обоих.

— Один человек? — спросил Клинич. — Кто именно?

— Без понятия.

Через минуту сталкер и майор уже быстрым шагом направлялись к северному входу. Их нагнал Дизель.

— Также на прищельца посмотреть хотите? — спросил он. — Тогда торопитесь. Скоро там все бродяги Бара соберутся. Тут не каждый день гости с самой стены на огонек заглядывают.

— А где Анубис?

— Уже там.

По прибытии на место Борланд заметил толпу. Обычно возле насыпи была всего пара человек, но сейчас их там стояло не меньше пятнадцати. Большинство — «долговцы» и трое вольных сталкеров.

Но человек, с которым в центре круга разговаривал Анубис, ни на кого из них не походил, ни по манерам поведения, ни по настойчивости. Он лишь устало кого-то высматривал, иногда бросая односложные реплики.

Это был Уотсон.

Глава 11

Сто третий рентген

Фармер первый прорвал толпу, вытаращившись на приятеля.

— Уотсон! — не поверил он своим глазам. — Ты как тут оказался?!

— Здорово, — слабо улыбнулся Уотсон. — Долгая история. Рад, что ты жив.

— Дайте пройти. — Борланд плечом пододвинул человека в сталкерском комбезе, с любопытством взирающего на сцену. — Здравствуй, друг.

— Борланд, — с облегчением вздохнул Уотсон. — У меня к тебе дело.

— Хорошо, но давай сначала о более важном. Ты от Консула, так?

— Я об этом деле и говорю. Клинч здесь?

— Здесь. — Майор вышел вперед. — Анубис, почему такая толпа? А ну все разошлись, живо!

Его послушались. Одни знали Клинча в лицо, на других подействовал его тон общения с лидером клана, остальные просто попятились от человека в военном комбинезоне. Скоро толпа рассеялась, все вернулись к своим делам.

— Говори, что случилось? — потребовал Кунченко.

— Консул просил передать, что Глок не хочет войны, — сказал Уотсон. — Потому что «клиенты против». Такова была формулировка.

— Это радует, — одобрил майор.

— Какие клиенты? — спросил Фармер.

— Те самые, на деньги которых частично держится Барьер и вся местная торговля. Скупщики артефактов. Они не заинтересованы в военных действиях, которые могут загубить систему сталкерства. Это хорошая новость.

— Это еще не все, — продолжил Уотсон. — В случае если вы пройдете до Милитари, Глок проигнорирует просьбу клиентов и прибегнет к силе, чтобы вас остановить. Пока что он просто выжидает. Пройти там невозможно, я подтверждаю. Когда меня привезли на вертолете, то пролетели над расположением сил Коалиции в том районе. Там все перекрыто.

— Понятно, — протянул Борланд. — Ты сказал, что у тебя ко мне дело от Консула. Какой у него может быть ко мне интерес?

— Он просил передать тебе вот это, — ответил Уотсон, сунув руку во внутренний карман и вытаскивая прозрачный футляр. — Сказал, что ты поймешь. Еще добавил, что переговоров не будет и быть не должно.

Борланду показалось, что мир сошел с ума. Непослушными пальцами он принял у Уотсона предмет.

— Нож Сенатора? — выговорил Клинч не своим голосом.

— Он самый, — сказал Борланд, беря клинок в руку и чувствуя знакомый прилив энергии. — Не подделка, нож настоящий. Это в самом деле Консул передал?

— Да, — кивнул Уотсон. — Велел отдать тебе.

— Мне? Не майору?

— Именно.

Борланд и Клинч смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

— Чертовщина какая-то, — сказал Анубис, хватая кинжал Сенатора и крутя его во все стороны. — Тут же явное противоречие. Глок идет на риск потерять доверие клиентов, лишь бы остановить нас, Консул ставит ультиматумы и тут же вручает главный инструмент, без которого

вся операция невозможна. Это как понимать? Зачем ему это? Провокация, чтобы заставить нас двинуться на север и там погибнуть?

— Давайте прикинем, — начал Борланд размышлять вслух. — Мы говорили с Консулом, он согласился в знак добрых намерений что-то сделать. Получается, отдать нам нож через тебя. Но это было пять минут назад! Ты же не мог добраться сюда так быстро.

— Меня посадили в вертолет полчаса назад, — сказал Уотсон. — Затем катали над укреплениями Милитари.

— Еще до нашего разговора! Консул уже тогда решил отпустить тебя с ножом, не зная, что мы будем ему звонить. Затем показал расположение вражеских сил, так... Да твою же мать!

— Что случилось? — нервно спросил Фармер.

— Консул не предатель, вот что! — зажестичулировал Борланд. — Вы не видите? Он дал нам нож, используя Уотсона как гонца. Почему именно его? Да потому что точно так же не доверяет радиосвязи, почте и всем другим способам. Возит его над укреплениями врага, зная, что Уотсон запомнит детали и расскажет нам. Мужики, да у нас свой человек в лагере Глока!

— Да, похоже на правду, — задумался Анубис.

— Это и есть правда! Консул сам под колпаком, иначе откуда такое странное поведение? Сами смотрите: он разрабатывает план «Горизонт событий», работая на майора целый год, и тут же всех сдает. Мы как-то сразу приняли версию, что Консул перебежал на другую сторону. А если он к утечке информации отношения не имеет? Во время облавы на сэров выходит вперед всего с парой оперативников и открыто предупреждает, что база окружена, — зная, что этим оставит нам дорогу к сопротивлению. Официально требует, чтобы Клинч сдался, и неформально отдает нам нож — тихо, не высываясь самому. По радио говорит одно, на деле поступает по-другому. Назначает встречу через двадцать минут и... предупреждает никуда не ходить.

Сталкер остановил цепочку размышлений, уставившись на Анубиса.

— Встреча не должна состояться, — сказал он. — Консул намекнул, что переговоров не будет и не надо. Во время разговора с майором он знал, что нас слушают, поэтому расставил ловушку — как ему казалось, безопасную. Он думал, что мы уже встретили Уотсона и получили его указание, что переговоров быть не должно.

— Ты прав, — согласился Анубис. — Если Консул все еще работает на Клинча, просто по другую сторону, то это многое объясняет. Майор, ты слышишь?

Его обращение ушло в никуда. Клинч снова исчез.

— А где майор? — спросил Борланд. — Никто не видел, когда он успел уйти?

— Я не видел, — признался Фармер, вглядываясь в дали «Ростка».

— Где вы назначили встречу? — спросил Анубис.

— Консул сказал, башня 226. Это тебе о чем-то говорит?

— Говорит, — ответил Анубис. — Это ближайшая к нам башня стены, к которой есть прямая дорога. Но зачем Клинчу теперь идти на встречу? Он видел, что кинжал у нас, так что теперь Консул ему не нужен. Нам теперь вообще ничего не нужно.

Борланд, тяжело дыша, поморгал немного.

— Верно, — сказал он. — Майор вот именно что знал, что теперь нам ничего не нужно и он в том числе. Он пошел мстить.

— Не может быть. Он не настолько глуп.

— Он и не глуп. Он потерял всех друзей и сейчас все еще верит, что Консул виновен в этом. Клинч идеалист, и, насколько я успел его узнать, ему наплевать на свою жизнь. Больше всего на свете ему важнее дело, которым он занимается. Майор прямо говорил, что ему осталось лишь найти и убить Консула. Ты помнишь, Фармер?

— Помню. В подвале разговор был, Клинч и выложил карты на стол.

Борланд сорвался с места и кинулся в направлении базы «Долга».

— Да не мог Клинч так тупо отколоться от нас! — возражал Анубис, следуя за ним. — Он не щенок малолетний, чтобы при первом шансе валить по своим делам.

— А по-моему, Клинч все время только это и делал. — Сталкер не сбавлял скорости. — Он же никогда не подписывался служить нашим интересам. Зачем ему это? У него была задача, он организовал людей, чтобы они могли добиться этой цели без его участия. Сам пошел заканчивать личные дела. Ведь он был готов обменять свою жизнь на голову Консула.

— С чего ты взял?

— Он сам так сказал по радио.

— Да? Я не знал. Хотя... похоже на него.

Борланда встретил патруль у базы, бойцы мигом нацелились в сталкера из винтовок. Анубис подбежал следом и приказал им опустить оружие.

— Клинч заходил? — спросил он.

— Да. Забрал «тигр» и поехал сам.

— Куда?

— К стене.

Борланд выругался.

— Забудь о нем, сталкер, — сказал Анубис. — Майор сам выбрал свою участь. Если мы поедем за ним, то нас попросту покрошат из гранатометов с башен, такой всегда был расклад.

— А майора не покрошат?

— Если Глок хотел видеть его на башне, то не покрошат.

Фармер с Уотсоном оказались рядом, Борланд в растерянности взглянул на них.

— Вот именно что Глок хотел видеть майора на башне, — сказал он. — Должно быть, Консул был вынужден назначить встречу оттого, что его проверяют. Рассчитывал, что майор не появится и все будет хорошо. А когда Клинч все же придет... Анубис, что бы ты сделал на месте Глока?

— Имей я в одной точке злейшего врага и не нужного больше человека, который знает, как разрушить Зону? Взорвал бы башню.

— Вот именно, — выдохнул Борланд. — Клинч идет на смерть. Вероятно, Консула убьют вслед за ним. Надо вытаскивать обоих.

— Как? Борланд, я был бы рад тебе помочь, но не могу.

— Тихо! — крикнул Фармер. — Вы слышите?

Все замерли. С востока раздавался монотонный свист двигателей.

— Знакомый звук. — Анубис схватил лежащий на мешках с песком бинокль и взгляделся. — Точно.

— Что там?

— Ми-28. Борланд, похоже, ты был прав. Там сейчас будет очень жарко.

Сталкер попытался разглядеть силуэт боевого вертолета. Его взгляд остановился на водонапорной башне «Ростка».

— Анубис, какое расстояние отсюда до Барьера?

— Около километра.

Борланда охватило сильное волнение.

— У тебя есть снайпер?

Анубис понял задумку.

— Ты мне льстишь, — ответил он. — Всех снайперов я оставил в Темной долине, там они нужнее. К тому же на таком расстоянии никто из моих ребят не попадет. И ты тоже.

— Да я знаю, — сквозь зубы процедил Борланд, схватившись за бандану. Его ум усиленно работал. — А есть хотя бы ствол, который покроет дистанцию?

— Нет. У Бергамота, может, найдется. Но, как я уже сказал, ствола тут недостаточно. Ты сумеешь просчитать параметры до цели? Я нет.

— Я тоже, — покачал головой Борланд. — Фармер! Ты смог бы?

— Откуда? — поразился парень.

— Уотсон?

— Не смогу, извини, — сказал парень. — Я в этом ничего не понимаю.

Борланд нервно пошевелил челюстью.

— Рядового Сажина ко мне! — рявкнул он. — И быстро!

Сидящий в углу «долговского» барака Егор Сажин ничего не понимал. Только что он пил пиво на кухне в компании двух парней из клана, которые в этот день исполняли обязанности поваров, и приходил в себя после пережитых за день волнений, как внезапно за ним пришли еще двое. Только компания от этого не увеличилась, а совсем даже наоборот — рядового потащили на

выход, ничего не объясняя и даже не дав допить пиво. Как только Егор оказался снаружи, то сразу встретил Борланда, нависшего над ним, как полярный медведь, с торчащим из-за спины чехлом.

— Ты служил корректировщиком снайпера? — спросил тот.

От неожиданности Егор прокашлялся и ответил:

— Конечно.

— В каких условиях?

— В снайперской паре на башне, как полагается, — ответил рядовой. — Помимо работы пулеметчиком я иногда ассистировал напарнику, который работал с «барретом».

— Был вторым номером?

— Ну да.

— Отлично. Дуй в местную оружейку «Долга». У тебя три минуты, чтобы разобраться, что тебе нужно для работы. Пошел!

Сажин не стал оспаривать право Борланда отдавать приказы, лишь позволил Анубису отвести себя в бывший сторожевой домик, ныне укрепленный и переделанный под оружейную.

Обратно он вернулся через две минуты, таща с собой рюкзак.

Фармер, мимо которого прошел Сажин, с тревогой следил за вертолетом.

— Нарезает круги над стеной, — сказал он, не отрываясь от бинокля. — Майор уже должен был доехать.

— Ты видишь его? — спросил Уотсон.

— Отсюда не видно подножие Барьера, только верхушка башни. У Борланда совсем мало времени. Правда, я не понимаю, в кого он собирался стрелять на таком расстоянии.

Егор добрался по лестнице на вершину водонапорки, чувствуя впившийся в тело ремень сумки с техникой, оттягивающей плечо. Борланд уже лежал на горячей от солнца, побитой ржавчиной крыше бака, раздвигая приклад в боевую позицию.

— Долго возишься, — сказал он. — Приступай к действию.

Сажин грохнулся рядом, глядя на винтовку.

— Это что, «интервеншен»? — не поверил он. — «Эм двухсотый»?

— А что?

— С такой мазафакой ты можешь отсюда стрелять ворон на ЧАЭС.

— Я пока не настолько прокачан. Давай данные по стене.

Сняв винтовку с предохранителя, Борланд дослал патрон. Руки не дрожали. Стоявший на сошках ствол ходил плавно, сразу реагируя на мельчайшее движение.

— Расстояние до стены, — произнес Сажин, глядя в мощный бинокляр. — Восемьсот шестьдесят два метра в ближайшей точке. И девятьсот семьдесят восемь до башни.

Борланд сверился с лазерным дальномером.

— Аналогично, — сказал он. — Ветер?

Егор уже изучал показания разложенной поликарбонатной метеостанции.

— Шесть метров в секунду, двенадцать градусов.

Небольшой экран бортового компьютера сбоку «интервеншена» показывал совсем другое.

— Направь точно на башню, — сказал Борланд.

Сажин сделал, что от него требовалось. И сразу приобрел удивленный вид.

— Двадцать два метра в секунду, градусы скачут по всему диапазону. Сам не знаю, как это понимать.

— Воздушная аномалия, — объяснил Борланд. — Точнее, самая обычная аномалия, но в воздухе. «Воронка» скорее всего. И прямо на линии огня.

— Что теперь?

— Ничего. Я же не буду стрелять по башне.

— А куда?

— По вертолету, конечно.

Егор приободрился.

— Да, шансы есть, — оценил он. — Но только когда он зависнет.

— Если станет стрелять, то зависнет.

— А если не станет?

— Тогда он нам не нужен.

Сталкер выставил кратность увеличения на восемь. Перекрестие прицела совпало с башней, Борланд уже различал установленный на парапете пулемет. Немного расплывчато. Щелкнув колесиком прицела, Борланд скорректировал резкость. Отлично. Сталкер перевел прицел на Ми-28, стараясь удерживать вертолет в перекрестии.

— Ветер не меняется, — доложил Егор. — Чтобы попасть в мертвую зону из-за аномалии, вертолет должен зависнуть между нами и башней, что он вряд ли сделает.

Борланд мысленно поблагодарил рядового за ненужное уточнение. Попасть из снайперской винтовки по вертолету даже на вдвое меньшей дистанции — шансы мизерные. Мало кто учитывает неизбежные вихри у летающей машины.

Первый же выстрел должен стать прицелочным, при этом было бы неплохо куда-нибудь и угодить, кроме дружных кирпичей стены. Палить же с такой дистанции в человека — все равно что выбрасывать последние деньги на лотерейный билет, только тут вместо денег на кон ставится твоя жизнь. А если на вершину башни выйдут недопустимые мишени, то и не только твоя. Для опытного снайпера с солидной подготовкой километр из М200 — не вопрос, но Борланд к таковым не относился. Его лучшим достижением по-прежнему являлась ликвидация главара мародеров из «винтореза» с двух сотен метров. Собственно, Сажин был ему необходим для верификации показаний баллистического компьютера — просто потому, что раньше сталкер с ним дела не имел. Электроника честно обрабатывала показания сенсоров и выдавала их на боковом экране.

Смотрящий в бинокль Егор отпихнул от себя мешающий рюкзак, в котором оставалась тридцатикратная зрительная труба, в данных условиях совершенно ненужная. Из рюкзака также вывалился небольшой перископ. Непонятно, где «долговцы» взяли все это и, главное, зачем.

Патроны к «интервеншену» Борланд разложил на пятиугольном чехле от винтовки.

— Укомплектуй магазины, — сказал сталкер. Егор быстро выполнил поручение. Магазинов было мало. Два из них вмещали по пять патронов, и еще один был почему-то рассчитан на семь. Ничего, такого запаса Борланду должно было хватить с головой.

— Вертолет зависает, — сказал Сажин, чувствуя, как напрягается все тело. Борланд настроился, палец лег на спусковую скобу...

— Кто-то вышел на башню, — торопливо сказал Егор. — Это не майор.

Борланд снова перенес траекторию прицеливания на вершину 226-й башни, перещелкнул прицел на шестнадцать крат.

И заметно вздрогнул.

Рука на спуске дернулась, Борланд сжал ее в кулак. Дыхание сталкера участилось, он заморгал. Егор встревоженно окликнул его. Сталкер не отозвался.

— Ты в порядке? — спросил Сажин.

— Консул... — произнес Борланд. — Небесные боги, я должен был догадаться!

— Тебе плохо? — выкрикнул Егор.

Он тут же понял, что ответа не требуется, чтобы понять это. Борланд был на грани шока, если не потери сознания. Снова припав к прицелу, сталкер впился взглядом в фигуру на башне. Сажин схватил бинокль и сделал то же самое.

— Марк! — выдавил Борланд, вложив в четыре буквы необъятный спектр эмоций. — Марк... Консул!

На вершине башни № 226, стены Барьера, принадлежащей Коалиции Военных и Научных Сил, стоял знакомый Борланду человек. Слишком знакомый, чтобы ошибиться. Создатель сценария по снятию гигантского купола над центром Зоны, реализованного два года назад, а теперь и автор плана по ее уничтожению, ключевая фигура «Горизонта событий», Консул, настоящее имя Марк, стоял, упершись руками в парапет, и ждал появления майора Кунченко.

Глава 12 Встреча

Ми-28 завис на одном месте, развернувшись к башне, точно в профиль по отношению к

Борланду. Ну прямо готовое приглашение. Сталкер вернул зум к восьмикратному увеличению, сделал вдох. Плавно потянул спуск, на выдохе добавил его до конца.

«Интервеншен» выплюнул двадцатиграммовый снаряд, который направился в сторону Барьера. У самой башни пуля все же потеряла часть энергии, отлетев вниз и влево. Этого стрелок не увидел, однако знал, что сверхзвуковой летун оставил на стене автограф. Винтовка слегка дернулась на сошках, но и без этого Борланд не сумел бы разглядеть результаты своей работы. Еще одна причина, почему так был нужен корректировщик.

— Возьми на четыре выше и на два правее, — сказал Сажин, не отрываясь от бинокля.

— Ты заметил место попадания?

— Да. Точно в край лестницы.

Чудесно. Сталкер выстрелил еще раз, с учетом поправок.

Вертолет плавно покачался. Похоже, Борланд все же попал в покрытый броней корпус. Это не могло причинить машине существенных повреждений, разве что дать понять пилотам, что не только у них есть пушка.

Сталкер напомнил о своем существовании еще трижды, каждый раз молниеносно вычисляя новый угол подъема ствола — воздушные вихри, которые порождает винт Ми-28, неизбежно должны были влиять на поведение свинцовых гостинцев. Борланд как раз отстегнул опустевший магазин и схватил у Егора новый, когда вертолет наконец отреагировал на неожиданную угрозу. Развернувшись носом к «Ростку», Ми-28 полетел точно на базу клана.

— Надо уходить! — выкрикнул Егор, но его возглас потонул в грохоте нового выстрела. Борланд расстрелял второй картридж, целясь с таким расчетом, чтобы попасть чуть выше выступающего носа, частично заслонявшего стекла кабины. Вертолет в прицеле постепенно рос, увеличиваясь в размерах. Разум уже не реагировал должным образом на оптическую иллюзию, порождаемую приближением объекта, — казалось, грозный неторопливый истребитель действительно становился больше, заполняя собой всю Вселенную. Борланд вставил третий магазин и сделал один выстрел, призвав на помощь весь опыт, полученный за последнюю минуту, но более бесценный, чем все буквы родного алфавита.

При первом же выстреле кабина на уровне оператора Ми-28 приобрела отверстие в правом верхнем углу. Вертолет тут же заметно сдал вниз и попытался укрыться за дальним заводским корпусом.

Занятная вещь — точка отсчета. На Большой земле выстрел из «интервеншена» стоит семь долларов. Чтобы достать патроны 408 специализированной обработки в Зоне, требуются огромные деньги, которые впоследствии ничем не окупятся. При этом в случае попытки обратной продажи за эти красивые, сверкающие дециметровые конструкции не дадут и ломаного гроша. Слишком непопулярны здесь были огнестрелы, имеющие столь узкую актуальность. Но попадание такого патрона в уязвимую часть Ми-28 наносит ущерб на две человеческие жизни, шестнадцать миллионов евро, существенно рушит военную статистику и в теории способно перевернуть мировую гонку вооружений. Наконец, поражение умно выбранной цели может развязать войну или, в отдельных случаях, закончить.

Борланд понимал, что от выживания человека на башне № 226 зависит очень многое. Да и самому не хотелось окончить свой жизненный путь здесь, будучи взорванным направленной ракетой. Секунды не хватит, чтобы успеть осознать, что случилось, прежде чем тебе на голову упадут сорок пять килограммов боевой мощи, которые разнесут водонапорку и успеют испарить половину застоявшейся воды вместе с лежащим в снайперской позиции сталкером. И никто потом не сможет сказать точно, что раньше стояло на этом месте.

Дырка в лобовом стекле Ми-28 никак не могла причинить вред находящемуся за ним человеку. Даже если и причинила, то все равно пуля после такого путешествия должна была остановиться перед прозрачной броней, разделявшей обоих членов экипажа. А главный пилот в отличие от стереотипных мнений сидит сзади, а не спереди.

Сталкер протянул руку за новым магазином, но не встретил никакого ответного движения. Оторвавшись от прицела, Борланд обнаружил, что остался на крыше один. Рядовой Сажин покинул пост. Сталкер не мог его за это винить — наоборот, наводчик принял единственно верное решение, как и с утра на Кордоне.

Однако он все же оставил на чехле последний снаряженный магазин. Борланд перезарядился

и снова прицел к прицелу, переключив его на четырехкратное увеличение. Разбираться со множеством цифр на экране баллистического компьютера он не стал — слишком мало времени. Кроме того, как стрелок он уже освоился.

Вертолет снова вынырнул из укрытия, открыв огонь из пушки. Слишком рано, беспорядочно, рассчитывая скорее на устрашение. Через пару мгновений он успеет прицелиться.

Борланд выстрелил по кабине. Затем еще и еще.

Ми-28 прекратил огонь, дал крен влево и сделал полукруг. Что-то его отвлекло, что-то явно более опасное, нежели эксцентричный парень со снайперкой. Борланд оторвался от прицела, присмотрелся. Так и есть — «долговцы» у гаража стояли с ракетницами. Еще бы.

Во всяком случае, своей цели сталкер добился — выиграл время для Марка и Клинка. Осталось только, чтобы они успели им распорядиться как следует.

Сталкер оставил «интервеншен» стоять на сошках, быстро спустился по лестнице. Внизу встретил троих «долговцев», которые с одобрением смотрели на него. Вот уж чего Борланд не ждал, так это теплой реакции на свое поведение. Видимо, накипело у парней порядком.

Не говоря ни слова, Борланд рванулся к гаражу. По сути, это была мастерская под открытым небом, ранее принадлежавшая бывшему заводу. Сталкер заскочил за руль «тигра», повернул ключ и двинул машину к уходящей вниз дороге.

— Возьми шипач. — Парень в черно-красном комбезе на ходу положил Борланду на заднее сиденье длиннющий зеленый цилиндр с неказистой коробкой на одном конце.

— Спасибо, — ответил сталкер, выезжая с базы мимо опустевшего блокпоста, лавируя между мешками с песком. Шипач, однако. Оригинальное название для более привычного обозначения — «стингер». Если переводить на русский сталкерский, то иначе, как шипачом, и не назовешь. Только откуда у «Долга» такие игрушки? Винтовка М200 — еще куда ни шло, но ракетно-зенитный комплекс «стингер»? Не иначе как Клинка предусмотрел и такой вариант.

Было вполне понятно, почему «долговцы» не стали стрелять по вертолету непосредственно со своего места. Все же нападение и защита — вещи разные, и отогнать агрессора видом эрпэгэшки — совсем не то же самое, что засветить ему с шипача в укороченный фюзеляж. И не было ничего странного, что самый мощный клан Зоны, подобно всем остальным, был не прочь решить свои проблемы чужими руками.

Дорога была вовсе не прямой, как утверждал Анупис. Извилистая автомобильная тропа простиралась между фантастических деревьев, немыслимых соединений древесины самых разных пород. На самой дороге тем не менее ничего не росло, из чего можно было сделать вывод, что она периодически использовалась по прямому назначению. После второй сотни метров Борланд заметил и участок выжженной земли, лоснящейся до блеска, словно участок залили расплавленным жиром. Не иначе как на ровном месте прорастает какая-то новая дрянь.

За очередным поворотом сталкер снова увидел «вертушку». Ми-28 висел на одном месте, целясь в опустевшую башню. Барьер был в пределах прямой видимости, Борланд уже различал огромные ворота, которые в теперешнем закрытом состоянии не отличались от участка самой стены. Рядом стоял «тигр» майора, а его самого нигде не было видно.

Тут случилась совсем непонятная вещь.

Ми-28 поднялся выше, зависнув точно над стеной. После чего принялся поливать огнем территорию за ней, не трогая башни. Не иначе как враг прорвался за стену и уже орудует между двумя линиями оцепления. Вот только каким макаром Клинка мог хотя бы в теории пробраться так далеко? Не прошел же он сквозь стену, в самом деле.

Борланд переключился на повышенную скорость и остаток пути до стены преодолел меньше чем за минуту. С вертолета на него не обращали никакого внимания. Сталкер не мог этому найти подходящего объяснения.

Джип майора стоял в полусотне метров от стены, уткнувшись правым передним колесом в колею. Из-под капота шел дым. Борланд схватил с заднего сиденья «стингер», с трудом пристроил его на правом плече, уперся ногой в пол.

И застыл как приклеенный.

Вертолет Коалиции явно не мог стрелять ни по Клинку, ни по Марку. Потому что, судя по грохоту орудия и поднимающимся из-за стены столбам дыма, противником Ми-28 выступал по меньшей мере мотострелковый взвод. Вертолет уже не висел на месте, а постоянно менял

позицию, то и дело пуская ракету куда-то внутрь линии. Земля содрогнулась от очередного взрыва, огненный гриб взметнулся вверх на высоту киевской хрущевки.

Стандартной металлической сетки перед самими воротами, ясное дело, не было. Автоматические пулеметы были уничтожены чем-то крупнокалиберным, судя по оставленным в земле воронкам. У самого подножия висел трос, заканчивавшийся вверху стандартной абордажной кошкой, зацепившейся за предпоследнюю ступень металлической лестницы. Знакомая вещь — входит в оснащение костюма «Берилл», в котором по-прежнему ходил майор. Борланд поднялся по тросу наверх, что было нелегко сделать с почти пудовым шипачом на спине. Над головой пролетел снаряд, пущенный из РПГ откуда-то из-за стены. Толстое брюхо Ми-28 было прямо над сталкером, винты чуть не сдували его потоком воздуха. После того, как он перебрался с троса на лестницу, стало легче.

Борланд залез на вершину башни. Здесь он был в полном одиночестве. Дверь в отсек была закрыта, на полу валялись крупные гильзы, служа памятником чьим-то подвигам, если не ошибкам. Сталкер, не высовываясь, подполз к самому краю и заглянул за внешнюю сторону.

Там творилось настоящее побоище. Перед Борландом раскинулась знакомая база Коалиции, точная копия той, где он был вначале. Прямо перед ним был бункер. Наверняка номер «03» или «05», если такой существует.

Сталкер увидел обширное ровное пространство, забетонированное, но теперь уже разбитое донельзя. Дальше стояли выкрашенные в камуфляж бараки с украинским и российским флагами, там же находился и вход в грузовой лифт. Еще дальше располагался ангар. Во всевозможных укрытиях, окопах, укреплениях сновали люди, кто в военной форме, кто в комбезах ученых, а кто и вовсе в свитере. Один был даже в экзоскелете, но передвигался он крайне медленно и, не успев добраться до входа в лифт, был скошен пулеметной очередью с вертолета.

Сталкер, не веря своим глазам, глянул вверх. Так и есть: Ми-28 четко работал по своим, паля пушкой по наземным объектам базы. То ли пилот совсем ошалел, то ли была еще какая причина. Жертвы отстреливались, но не совсем удачно.

Пыли намело столько, что так щуриться было уже невозможно. Борланд вытащил из кармана защитные очки и натянул на голову, четко уместив на переносице. Стало немного лучше.

Из ангара, уминая асфальт восемью колесами, выкатился бронетранспортер. Модуль на крыше «буцефала» развернулся, и Борланд отпрянул назад, закрыв затылок руками. Грохот от вертолета был дополнен шумом пушки БТР, быстро пустившей по пластинам брони «вертушки» линии трещин. Ми-28 отлетел еще дальше в сторону, и на башне сразу стало легче дышать.

Дверь отсека распахнулась, Борланд еле успел отпрыгнуть в сторону.

Из проема выскочил Марк. Тут же развернувшись, он врезал ногой по чьему-то животу, отталкивая преследователя. Выхватив пистолет, Марк пустил несколько пуль внутрь, затем закрыл дверь.

Борланд не нашел ничего лучше, кроме как задвинуть «стингер» под ручку концом со стороны дула и уперев другим в пол, забаррикадировав проход намертво. В его голове крутились самые разные вопросы, но на это не было времени. Одно было ясно: нужно срочно покидать башню.

Марк с Борландом переглянулись. Первое время никто из них не произносил ни слова.

— Где Клинч? — спросил Борланд.

— Спустился на базу, — ответил Марк. — Больше я его не видел.

— Он не пытался тебе навредить?

— Нет. Подмигнул и ушел.

Борланд затряс головой. Поведение Кунченко стало для него совсем необъяснимым. Если майор шел не убивать Консула, то зачем?

В дверь ударили.

— Двигай вниз, — скомандовал Борланд, показывая на внешнюю сторону стены. — Там веревка. Пошел!

Удар повторился. Марк метнулся к краю, взглянул вниз.

— Поздно, — сказал он.

Борланд глянул туда же. Ворота внизу стены медленно открывались. Оттуда выбежали человек десять, легковооруженные, и тут же начали палить вверх. Кто-то начал расставлять

противопехотные мины. Борланд быстро вернулся на середину башни. Одобряюще улыбнулся. Он хорошо знал, что зачастую нужное решение, заслуживающее такой улыбки, приходит только после нее.

Решение пришло только одно: тянуть время. Борланд сдернул две гранаты с петель разгрузочного жилета, выдернул чеки и швырнул подарки вниз. Оба взрыва слились в один, тут же заглушив крики.

— Смотри. — Марк толкнул его в плечо.

«Ночной охотник» перестал стрелять. Неуверенно покачавшись на месте, вертолет развернулся к башне.

Борланд выхватил нож из чехла на левом рукаве, вбил его в щель между нижней частью двери и отсеком, заклинив проход. Долго такая защита не продержится, но сталкеру нужны были всего лишь какие-то секунды. Подняв шипач, сталкер примостил его на плече, нажатием на крючок активировал энергоснабжение.

Не успеть.

В этот момент Ми-28 получил удар в правую часть фюзеляжа, который породил взрыв, перебивший хвостовой привод. «Вертушку» развернуло, пущенная ею ракета, до этого нацелившаяся было на башню, полетела куда-то на север.

Марк мигом оказался у парашюта, посмотрел в сторону лифта. Там стоял Клинч, перезаряжавший гранатомет.

— Кунченко с РПГ! — доложил Марк.

Борланд не слушал его. Какая разница, кто снова отвлек вертолет? Об этом можно было подумать позже, а сейчас оставались дела поважнее. Подбитая «птичка» была еще жива и продолжала крутиться, выписывая хвостом неправильную пружину. Сталкер переключил крючок во второе рабочее положение. Инфракрасная головка самонаведения захватила цель, уведомив об этом сталкера легким виброжужжанием. Борланд почувствовал, как дребезжит оптический прицел. Пора!

Потянув скобу, Борланд отправил вертолету пламенный привет. Он оказался более пламенным, чем сталкер рассчитывал, — от взрывной волны его и Марка сбilo с ног. Ми-28, охваченный огнем, упал на территорию базы и зарылся носом в бетон.

Сталкер бросил опустевший контейнер, взялся за висящую на парашюте СВД, снял с укрепления и перешел с винтовкой на другую сторону.

— Дай мне. — Марк забрал винтовку. — Следи за дверью.

Марк пристроил СВД на парашют в качестве упора, настроился. Клинч был где-то там, хотя снова скрылся из виду. У майора, похоже, были на базе дела. Очень серьезные дела. И наверняка они требовали снайперского прикрытия.

Борланд стал придерживать дверь. Она была бронированной, но тонкой. Если держать ее спиной, то выстрел из дробовика сделает моментальную вмятину и перебьет позвоночник. Так что сталкер изо всех сил уперся руками, мысленно благодаря тесноту отсека, угроза обрушения которого делала невозможным подрыв двери с той стороны.

Марк выстрелил в грудь военному, который затаился за углом ангара. Затем подстрелил ногу другому, бежавшему к майору с автоматом в руках. Целился Марк вовсе не в ногу, так что повторным выстрелом быстро исправил упущение.

Урчание мотора привлекло его внимание — побитый бронетранспортер подъехал к вертолету и парой направленных ракет превратил кабину в ничто.

В дверь отсека ударили словно тараном, нож вылетел из щели, со звоном проскользнув по полу. Борланд навалился на дверь, опираясь руками, как только мог. Встречный импульс был слишком силен, чтобы можно было надеяться удерживать оборону и дальше. Еще удар. Еще.

Сталкера откинуло в сторону, он едва не сорвался с башни с противоположной стороны. Дверь распахнулась, но оттуда никто не вышел. Вместо этого полетела граната со слезоточивым газом.

Марк бросил винтовку. Глаза и легкие мигмом охватила сильная резь. Борланд задержал дыхание, механически вытащил из-за пояса светозумовую, швырнул в дверной проем. Пылезащитные очки давали ему немного времени.

Раздался оглушительный взрыв, Марк потерял всякую ориентацию. Что-то тяжелое стукнуло

его по голове, полностью лишив мироощущения.

Борланд выхватил пистолет из кобуры на бедре, выстрелил дважды. Раздался хрипящий крик. Затем его опрокинули наземь, навалившись сверху, и сталкер прекратил всякое сопротивление.

Глава 13 Хозяин Зоны

Придя в себя, Борланд не мог сказать, сколько прошло времени. Первое, что он заметил, это то, что руки были стянуты за спиной. Затем сталкер обнаружил, что находится в узкой комнате, сидя на краю скромной армейской лежанки, а напротив него на такой же кровати сидит человек лет сорока пяти, с любопытством взирающий на Борланда.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался он.

Хороший вопрос, подумал Борланд. Глаза уже почти не щипало, хотя уши все еще были частично заложены. Сколько сталкер ни сглатывал, перебороть эффект он не мог.

— Где я? — спросил он.

— Вы находитесь в жилом отсеке башни, на которой сотворили столько бед, — ответил человек. — С момента вашего взятия прошло... — собеседник посмотрел на дорогие наручные часы, — около девяти минут.

Сталкер поморгал, пытаясь сфокусироваться на внешности незнакомца. Тот выглядел как заработавшийся прокурор, долго не имевший ни отпусков, ни выходных. Покрытое характерными морщинами, слегка асимметричное лицо, телосложение офисного работника, немного знакомого с теннисом, легкая проседь на висках. Заинтересованность во взгляде.

— Ты кто? — спросил Борланд.

— Верно, мы не знакомы. Я в здешних местах известен как Глок.

Борланда от такого откровения охватил приступ кашля. Легкие стремились извергнуть остатки последствий ожогов, а разум — изумления.

— Глок? — прохрипел Борланд, желая только одного — напиться свежей воды где-нибудь очень далеко отсюда.

Человек развел руками. Для выразительности жеста ему хватило одних ладоней.

— Имею честь быть автором проекта «Зона», — кивнул он.

Борланд наконец совладал с голосом.

— Ну хорошо, — сказал он. — Кхм... Чем обязан?

Глок в возбуждении помахал пальцем в спертом воздухе отсека.

— Сообразительный человек все-таки Клинич, — признался он. — Знаете, что он сделал перед боем? Связался с пилотом Ми и приказал бомбить базу. Залегендировал ситуацию под якобы истинную цель миссии — атаку наших же укреплений. А что с пилотов взять? Они же наемники!

— Наемники? — Борланд попытался поймать нить разговора.

— Именно. Теперь мне понятно, что идея привлечь наймитов имела свои недостатки. Один из вертолетов был приписан к данной базе для повышения охраны на случай атаки со стороны «Долга». Но я не учел, что Кунченко сумеет перетянуть на себя канал связи и дать вертолету новое задание. Коды командования он сам и придумал, так что неудивительно, что он их знал. Моя недоработка.

Борланд попытался представить, как Клинич останавливает джип в кустах, достает «граммофон» и перехватывает канал, подобно тому, как сделал это в Баре. Представить вполне получилось.

— Сейчас этот трюк уже не сработает, — пояснил Глок. — Но я восхищен смелостью задумки, как и ее воплощением. Bravo!

— А где майор сейчас? — спросил Борланд, стараясь не сипеть.

— Я этого не знаю. Майор бесследно пропал. Устроил диверсию и скрылся. Но я пришел к вам говорить не о Клиниче.

— А о ком тогда? О Консуле?

— О вас.

Борланд шмыгнул носом.

— Польщен, — сказал он.

Глок улыбнулся и закивал.

— Вероятно, это сарказм с вашей стороны, — сказал он. — Но вы действительно должны быть польщены.

— Я не понимаю. И это уже не сарказм.

Открыв ящик для личных вещей, Глок вытащил оттуда пачку сигарет.

— Курите? — спросил он.

— Нет, благодарю покорно.

— Но не против, если я?..

— О чем речь, валяй!

Сунув дешевую папиросу в рот, Глок порылся в кармане и вытащил отделанную бриллиантами зажигалку. Прикурив, он спрятал ее обратно.

— Понятия не имею, как они курят такую дрянь, — пожаловался он. — Вероятно, это потому, что никогда не служил. Не знаю, как можно опуститься до таких сигарет.

Борланд предпочел промолчать. Глок сделал пару быстрых затяжек и спешно погасил папиросу.

— Нет, не могу больше, — сказал он, метнув на Борланда извиняющийся взгляд. — Это выше моих сил. Так. На чем мы остановились? Ах да. Сталкер Борланд, я предлагаю вам сотрудничество со мной.

— По какому вопросу?

— По всем. Мне нужен такой человек, как вы.

— Для какой цели?

— Чтобы стать кумиром молодежи.

Борланду показалось, что он таки слишком сильно повредил органы слуха.

— А подробнее? — спросил он.

— Для этого позвольте мне начать издали.

— Даю тебе свое благословение.

Глок сложил пальцы в замок, упершись в колено, и на миг задумался.

— Интересное место — Зона, — сказал он. — Казалось бы, Клондайк артефактов во всех смыслах. Жемчужина и проклятие нашего мира, благоухающая язва планеты. Так я думал, когда обеспечивал финансирование Периметра. Семь лет прошло, подумать только. А ведь мог бы сделать карьеру в аппарате Президента.

— Какой страны? — мрачно спросил Борланд.

— России, конечно! А в мире есть другие страны?

— Покрути глобус.

— Он лжет.

Борланд отодвинулся подальше, к стене. Ему требовалось личное пространство.

Глок начал тереть щеку. Долго и нервно.

— Проект заработал, — сказал он. — Стена, техника, люди. Великая история была в эти годы, вы бы только знали... Клинч испытал «камовские» вертолеты, забрал оба и остался сам. Заложил основы сталкерства, оставаясь при этом в тени. С тех пор дело пошло на широкую ногу. Сомневаюсь, чтобы многим из этих несчастных за стеной было известно его имя. Нет, легенды требуют героев! Таких как Шептун, которого с ними больше нет. Как Призрак. Или Борланд.

Сталкер не пошевелился.

— Я знаю, что вы хотите, — продолжал Глок. — Вы, и Клинч, и еще несколько человек с вами. Уничтожить Зону. Что же я могу сказать на этот счет... вы напрасно старались. Зона и так практически умерла. Да-да, умерла. Точнее, она мертворожденная. Вам показать на деле?

Не дожидаясь ответа, Глок снова достал ящик и вытащил оттуда небольшой круглый контейнер. Он раскрыл его, стараясь не касаться серо-коричневого тетраэдра со скошенными краями, издававшего легкое свечение.

— Артефакт «медуза», — объяснил Глок, хотя Борланд и так прекрасно знал, что это. — Один из самых дешевых артефактов в Зоне. Технически это основа для экологически чистого

топлива. В пределах Зоны — это обменный эквивалент пяти банок тушенки и одной гранаты РГД-5. А по факту за пределами Зоны был куплен всего один такой артефакт. И знаете, как клиент им распорядился? Использует как мяч для элитного гольф-клуба. Говорит, он скачет хорошо.

Лицо Глока подернуло отвращением, он захлопнул контейнер и вытащил другой.

— Артефакт «пузырь». Господи, ну что за название? Убирает радиацию на раз. В совокупности с ядерной бомбой дает чистый взрыв. Понимаете, чистый. Никакого радиоактивного заражения. Плюс еще куча нюансов. Казалось бы, используй в атомной энергетике, и больше никаких чернобылей. В действительности его признали потенциальной угрозой, могущей подорвать всю сферу ядерного вооружения. И Зону чуть не прикрыли. Я с тех пор клювов намочил на целое озеро и продолжаю смачивать.

Глок достал третий контейнер.

— Здесь у нас очень любопытный экспонат. «Ночная звезда». Основа для экологически безвредного топлива, о чем, конечно, среди сталкеров мало кто знает. Думаете, кто-то заинтересовался? Правильно думаете. Нефтяники. За этот артефакт мой посредник в Нижнем Новгороде поплатился головой и был найден в лесополосе двумя метрами ниже уровня земли. По прямому назначению «ночной звездой» заинтересовались китайцы, но, разумеется, ничего не получили. Вы, кстати, заметили, что в Зоне нет китайцев? Мне не нужны потенциальные шпионы, которые способны подорвать позиции России на мировых рынках.

Положив контейнеры в ящик, хозяин Зоны тяжело вздохнул.

— А технологии инопланетной расы, заключенной в Монолите? — добавил он. — Темпоральная консервация? Умение замораживать во времени различные объекты, в том числе и живые, — как мощно это продвинуло бы экономику! Телепорты! Вообразите себе новый подход к простейшим производственным понятиям, таким как изготовление — доставка — продажа. Теперь о проблеме доставки можно было бы забыть! Телепортация — последний технологический прорыв, которым еще можно было бы поразить человечество. Нет смысла говорить о том, сколько все это стоит. С такими знаниями само понятие обменяемого эквивалента придется пересмотреть.

Хозяин Зоны устало протер лицо.

— Но ничего не сработало, — сказал он. — Я не сумел перебороть человеческую природу. Зона оказалась никому не нужна. Все же мировая тупость безгранична, словно ее множит каждый выброс. Артефакты способны перевернуть мир. Частично они уже работают кое-где. Без артефактов не обошлись ни мулдашевский аллоплант, ни «Марс-500». Вот только мир не захотел переворачиваться. Ему оказалось хорошо и со своими проблемами.

— Может, так и стоит оставить? — предложил Борланд.

— Да нет, не стоит. Я добьюсь своего. Семь лет жизни ушли на то, чтобы приторговывать игрушками для богатых кретингов, сидя на роге изобилия, в то время как Россия пребывает в дикости и произволе. Я терплю, ищу новые пути, и все только для того, чтобы дожить до момента, когда человек, которого я считал своим другом, внезапно предаст Меня, а заодно настраивает против меня самый сильный клан и даже наемников в вертолете, купленном на мои же деньги. Думаете, я с этим смирюсь?

— Думаю, что так стоит поступить.

Глок придвинулся поближе, в его глазах загорелась злоба.

— С Кунченко покончено, — сказал он. — Клинич создал сталкерство, и я не позволю ему разрушить источник дохода. Где бы майор ни был, он умрет. Если же ему удастся скрыться, то он никогда не получит обратно своего влияния. Ваш план потерпел крах, и это следует признать. Но проблема в том, что я заинтересован не только в восстановлении полного контроля над всеми вооруженными формированиями в Зоне, но и над профилактикой возникновения подобных инцидентов в будущем. И здесь мне без вас не обойтись.

— Не понял, — повернул голову Борланд.

— Объясняю. Группировки будут расформированы. Система кланов в текущем виде мне не нужна. Слишком много своеволия, своего видения Зоны, ненужной веры в доступность Монолита. Все, больше никакой самостоятельности. Я объявляю полное прощение всем, кто ранее шел против меня. Однако я понимаю, что объединить их снова под моим началом сможет только человек, который станет символом нового сталкерства. Миру нужен герой.

— Герой.

— Точно. Вы, Борланд, отлично годитесь на эту роль. Никто не знает, что ваша выживаемость — это сплав мужества, интеллекта, силы и удачи. Что ваша выносливость во всех отношениях требует тренировки и особого склада характера. Никому это не интересно. Вы видели глаза ребят, которые слушают легенды про вас у костров?

Борланд подумал, что Глок точно не видел их никогда.

— Для них вы — неубиваемый супермен, — провозгласил собеседник. — Настоящий мужчина, идеал, пример для подражания. Все эти ребята, школьники, поколение Интернета — они не верят, что вами нужно становиться, они думают, что вами можно просто стать. За вами они пойдут куда угодно.

— Достаточно, — прервал Борланд, чувствуя тошноту. — Говори прямо, куда я должен их отвести, пока мне не поплохело.

— Да никуда! — в нетерпении ответил Глок. — Вам просто нужно поддерживать их веру в романтику сталкерства. В равенство и братство. Поясняю еще раз: я объявляю передел. После того, как мои наемники разгромят «Долг», а кланы лишатся притока продовольствия, сталкерам в Зоне придется нелегко — выживут только «монолитовцы» и мародеры. Торговцев придется перезапустить. Этап становления сталкерства закончен. Настает эпоха бесперебойной добычи артефактов за хорошие деньги, по четко выверенным схемам, с учетом всех сделанных мною ошибок. Я не могу допустить, чтобы поток артефактов ослабевал, — клиенты не простят отсутствия игрушек. Все упирается в наличие добровольцев. А им нужен стимул посерьезнее финансового — молодые сталкеры хотят самоутверждения. Вы будете лицом нового тренда. Что вам терять? Вы же сталкер до мозга костей. Да и тренировать сумеете, без вопросов. Чем надо — поможем.

Борланд взгляделся повнимательнее. Нет, Глок явно не походил на сумасшедшего.

— А если я откажусь?

Глок хохотнул.

— Найдем другого, — сказал он. — Например, Консул подойдет. Интеллектуал, который может и в морду захватить, и курок спустить — очень привлекательный типаж. Такой может многих за собой повести.

— Мы не типажи, — оборвал его Борланд. — Мы люди. Этого твоя гениальная концепция не учитывает?

— Для общества вы и ваш друг Консул — типажи. Рядовому обывателю тяжело понять, что кто-то другой может обладать вашими качествами, а не он сам. Но, честно говоря, мне больше по душе вы, чем двадцатилетний Марк Северин, хотя я с ним уже проводил такую беседу, какую провожу сейчас с вами. Ваш друг начисто лишен персональной мотивации и жажды власти, он куда больше заинтересован в жизни и здоровье своей невесты. Если мне не изменяет память, его музой и объектом заботы всегда была Полина Тучка, паспортный возраст — двадцать четыре года, и биологический — девятнадцать. Вне сомнения, она для него нечто большее, чем просто ослепительная и домашняя девушка с волосами цвета воронова крыла. Северин, если вы не знаете, только потому и сотрудничал с нами. Прискорбно, что он предал это доверие, но все поправимо, в конце концов.

— Все не могу понять, как ты намерен воплощать свои бредни на деле. Чтобы обеспечить приток добровольцев в Зону, тебе нужно объявить о ней открыто.

— Я так и сделаю.

— И распахнуть ее двери всему миру.

— О, вот этого как раз не будет. Только сталкерам. Без разделения на пол и возраст — Зона сама произведет отбор. Как известно, сорок процентов сталкеров гибнет в первую неделю. Останутся самые сообразительные.

— Глок, ты не видишь тут противоречия?

— В чем? — снисходительно улыбнулся хозяин. — В том, чтобы сделать Зону самой популярной точкой мира и одновременно держать границы? Не вижу. Дилемма легко решается.

— И как же?

— Зона станет отдельным государством.

— Что?!

— Борланд, вы удивитесь, когда узнаете, как легко мне будет зарегистрировать новую страну. Уверяю, при должной сноровке вывесить свой флаг над воротами здания ООН ничуть не сложнее, чем учредить новое доменное расширение.

Борланд покачал головой, не сдержав усмешки.

— Удачи тебе в этом нелегком деле, — пожелал он.

— Зря, зря у вас столько недоверия, — погрозил Глок. — Я все рассчитал. Процесс пройдет поэтапно. Сначала Зона станет автономной республикой в составе Украины, подобно Крыму. Получит свою конституцию, герб, гимн, все дела.

— И Украина согласится?

— В связи с таким вопросом есть хороший сталкерский анекдот. Знаете, почему вертолеты редко летают на юге Зоны?

— Без понятия.

— Потому что там зона действия киевских ПВО.

Борланд не нашел в анекдоте ничего забавного.

— Мы очень близко к украинской столице, — пояснил Глок. — Верховна Рада без проблем сдаст Зону в автономное пользование, лишь бы мы взяли на себя дальнейшую поддержку Барьера. Ну, подмазать придется кое-где, не без этого. К счастью, переработка артефакта «выверт» дает неслабое увеличение ресурса единицы природного газа. А это в здешних местах чего-то да стоит. Затем меняем национальное большинство в пользу идеологически настроенных россиян и пророссийских граждан. Вы удивитесь, узнав, сколько националистов в стане мародеров. После чего отделяемся в суверенное государство и устанавливаем свои правила игры — у нас есть экономика, производство, торговля. Бюджет Зоны прямо сейчас выше, чем у Люксембурга, и население больше, чем в Норфолке. Поверьте, Борланд, сценариев предостаточно, и тот, что я указал, самый простой. По большому счету, никому мы сейчас не нужны. Значит, никто не будет против.

— А Россия войска не введет? — спросил Борланд без интереса.

Глок вскочил в возбуждении.

— Не надо передергивать! — заговорил он. — Второй Чечни мы здесь не допустим! Времена не те, да и соотношение тоже. К тому же новое государство само станет дочерней территориальной единицей Российской Федерации, просто на собственных условиях. Я же говорил, деньги решают все, вопрос лишь в количестве!

— И на нормальные дороги их, как всегда, не хватило, — подвел итог Борланд. — Глок, а не пошел бы ты на хрен со своей новой автономной структурой и мечтами о месте царя трех сосен? Я устал. Поговори с Марком еще раз, если хочешь. Может, он согласится прыгать с опахалом вокруг тебя, а я не стану.

— Я ждал этого ответа, — сказал Глок. — И не принимаю его. Подумайте, Борланд. У вас будет время поразмыслить в лагере ученых в западном бункере. Я даю вам сутки. Завтра сопротивление будет разгромлено, и вы новую Зону не узнаете. Уверен, тогда вы станете думать иначе.

Глок открыл дверь отсека.

— Увести, — сказал он.

— Последний вопрос, Глок. В знак доверия.

— Да?

— Кто на самом деле предал Клинча?

Глок улыбнулся одними губами.

— Падишах.

Борланд кивнул и позволил вывести себя наружу. С башни было заметно, что людей на базе стало намного меньше. Двое тушили сбитый вертолет, еще трое возились с бронетранспортером. На взлетной площадке стоял выкрашенный в синие тона Ми-38, выглядевший мирным дельфином на фоне военной машинерии.

Сталкера отвели вниз по ступеням, затем к вертолету и посадили внутрь. Там же находились не менее дюжины охранников и Марк.

— Тоже здесь? — кивнул ему Борланд. — Снова попал в переплет, да?

— Бывало и хуже, — ответил Марк, внимательно оглядывая лица военных.

Борланд прикрыл глаза и постарался забыть обо всем. Все равно в течение следующих минут он ничего поделать не мог. К тому же он бесконечно устал.

Глава 14 Акула и дельфин

— Что-то еще?

— Два кило помидоров, пожалуйста.

— Дисконтная карточка есть?

— Нет.

Удерживая в одной руке кульки с продуктами, Марк полез за кошельком.

— К нам свежие консервы завезли, — дружелюбно сообщила девушка. — Не хотите попробовать?

Марк улыбнулся, положил на прилавок деньги и покачал головой. Улыбка вышла загадочной.

— Нет, спасибо, — ответил он, поворачиваясь и ступая к двери. — Больше никаких консервов, никогда.

Выйдя на улицу, он на миг остановился и с облегчением вдохнул свежий, морозящий январский воздух. Прошло несколько месяцев, а он так и не привык к естественной природе. В этом были и свои плюсы: можно жить новой жизнью каждый день, рождаться просветленным и умиротворенным. И видеть рядом с собой лучшее создание в мире, которое только можно было попросить у судьбы.

Обходя замерзшие лужи, Марк направился домой. Поглощенный в свои мысли, он не заметил, как вблизи остановились невзрачные «жигули» и его окликнул чей-то голос:

— Марк Северин?

— Да? — оглянулся парень.

Он не узнавал ни человека за рулем, ни пассажира. Но знал, что они ему не нравятся. Очень не нравятся.

— Вам привет от Зоны, — сказал водитель.

Только натренированная реакция не дала Марку выронить кульки.

— Не понимаю, о чем вы, — произнес он, продолжая шагать вперед. — Кто такие будете?

— Не понимаете? — удивился пассажир. — Может, это поможет вам вспомнить?

Он повертел между пальцев какой-то предмет.

На этот раз Марк остановился.

В руке незнакомца, разительно контрастируя с чистым и опрятным миром, крутился ржавый болт, всасывая в себя сознание Марка, надежды и мечты. Все, кроме силы воли.

— Сядьте в машину, — попросил пассажир. — Пожалуйста.

Марк оторвался от воспоминаний. Провел ладонями по лицу, словно приказывая себе окончательно обозначить границу между двумя мирами. Расправил шею, осмотрелся.

Вертолет монотонно рокотал в небе Зоны. В иллюминатор просматривались лесные массивы Дикой территории, сменившие каменные постройки «Ростка». Мутировавшие деревья покачивали верхушками, словно зазывая искателей приключений порыться в опасной роще в поисках разных интересных мест — вдруг удача на голову свалится или выползет из-под земли закопанный талант. На этом участке воздушных аномалий никогда не было. Может, это и являлось одной из причин, по которым Коалиция выстроила свои базы в таком несимметричном расположении. Удобно лететь от одной точки к другой по практически прямой линии.

Марк разглядывал суровые лица вояк, сидящих напротив, заодно потирая запястья. Хомут с него сняли, как и с Борланда. Но оружия не было, так что ничего поделать бывший сталкер не мог. Да даже если бы и было, все равно не мог. Интересно, что бы сказал Глок, если бы Марк за несколько секунд положил двенадцать наемников с одного магазина, а затем выбросил из кабины обоих пилотов, вспомнил навыки авиасимуляторов и браво посадил «вертушку» куда-нибудь на снежные вершины, наваленные специально по такому случаю австралийскими комбайнами?

Наверняка ему бы понравилось. Но действительно ли так невменяем был хозяин Зоны, каковым казался?

Отказавшись от смертоубийственной идеи поднимать восстание прямо в салоне, сталкер начал оглядывать внутренности «вертушки». Насколько он помнил, в тридцать восьмой модели вертолета Миля должны были присутствовать люки. Как Марк ни старался, ни одного обнаружить не сумел. То ли маскировка была выше всяких похвал, специально на случай перевозки заключенных, то ли в данной модификации люки отсутствовали. Марк не заметил ничего, кроме грузовой двери по правому борту, если не считать узкого трапа по левому, в который его ввели в вертолет. Полки над креслами были плотно забиты прочными на вид ящиками разных размеров. В салоне стоял стойкий запах резины, смешанный с ароматом канифоли. На стене висел защитный костюм Л-1 первого размера, то есть для низкорослого человека. Солидная вещь, только в условиях Зоны — одноразовая. В таком можно залезть в «студень» и даже вылезти обратно. Если, конечно, рядом будут стоять четверо помощников, чтобы срезать костюм по кускам.

Рядом сталкер заметил парашют. Один-единственный. Интересно, для кого?

Марк кинул на Борланда незаметный взгляд. Тот, казалось, безмятежно дрем в своем кресле, пристегнувшись ремнями.

Пора было приступать. Безропотно сдаваться на милость победителя Марк не собирался. Если нельзя устроить войну, то никто не мешает навязать переговоры. Замкнутая среда, относительный покой. Пора было прощупывать обстановку, искать возможности.

Слева сидит накачанный парень. Беспеременно шевелит пальцами, не замечая этого.

— Долго лететь? — спросил Марк у него.

Качок даже не пошевелился. Не иначе как среди охраны был командир. В противном случае охранник наверняка бы проявил хоть какую-нибудь реакцию — отвернулся, ответил, усмехнулся, врезал по зубам. Марк недаром выбрал в качестве собеседника нервного человека, чье скрываемое волнение, возможно, было порождено страхом перед полетами — вполне нормальной вещью, которая может родиться и у бывалых десантников.

На военных Коалиции парни не походили даже близко. Не чувствовалось в них благоговения перед Зоной, характерного для человека опытного, который помнит оранжевое марево выброса, какофонию орудий на башнях Барьера и дыхание сталкера, вернувшегося с тяжелой ходки. В салоне сидели обычные наемники Глока. Никому не было известно, на сколько их хватит.

Пора было вычислять командира. Наверняка посредственное лицо между Глоком и остальной братвой, не имеющий заместителя. Потенциально ценный заложник? Возможно, но проверить нельзя, пока не попробуешь. Но кто командир? Вон тот русый в берете? Коренастый в «балаклаве»? Наемники выглядели как попало — возможно, в салоне вообще не было единого отряда, а лишь недобитки других подразделений, которых еще только предстояло объединить в команду. В таком случае командир все равно должен существовать, ведь кто-то же несет ответственность за дисциплину на борту.

Кто, кто? Вариантов немного. Главный должен видеть обоих пленников и одновременно находиться в безопасности от них. Значит, ни с Марком, ни с Борландом рядом он сидеть не может. Минус четыре кандидатуры. Еще один спит, натянув берет на глаза. Это точно не командир. Дальше. Мелкие движения, дыхание, взгляд — все складывается в общую картину. Марк наблюдал.

Так, а вот это интересно. Щуплый вояка в каске и огромных солнцезащитных очках, которые он не снял даже в вертолете. На щеке четко различим толстый застарелый шрам, начинающийся от брови, — понятное обоснование для очков. На месте погона висит серая коробочка с антенной. Сам сидит далеко от кабины пилотов, но зато вплотную к кнопке переговорного устройства, смонтированного в борт. Есть.

Нужно оружие. Под креслом ничего нет, ни единой ручки, которую можно было бы выдернуть. Марк помнил это, успев наскоро изучить кресло при посадке. От стены ничего не оторвать. При этом на сидящем неподалеку Борланде красуется набитая всяким добром разгрузка. Оружия нет, естественно, но зато куча вещей, которые сошли бы за него. У Марка разгрузочного жилета не было. Карманы пусты, пряжку ремня незаметно не снимешь. Значит, надо искать оружие у жертвы.

Антенна от рации командира сойдет — неубирающаяся, острая. Отлично.

Теперь по порядку. Почесать запястье, якобы распухшее от хомута. Врезать качку локтем в переносицу, с силой, чтобы ослепить на несколько секунд и переломать носовой хрящ. От него же оттолкнуться, вскочить, схватить командира со стороны незрячего глаза и дернуть на себя, отламывая антенну рации у основания. Заслониться заложником, вывернув ему колено точным ударом. Угрожая антенной с острого конца, как ножом, заставить посадить вертолет.

Слишком опасно. У дальнего наемника, что сидит с краю, рука на пистолете. Это раз. До командира не дотянуться. Это два. Но обе проблемы решаемы. С первой должен справиться Борланд, как только поймет, в чем дело. Не поможет или не сообразит — провал. А дистанцию до заложника поможет преодолеть крен вертолета, который случится меньше чем через минуту. Марк неоднократно летал из одного бункера в другой и помнил маршрут. Наемники — нет.

Общая вероятность успеха малая. Но выше, чем у возможности совершить побег из бункера «05». Решено.

Глубоко вздохнув, Марк начал мысленно готовиться. Незаметно сократил и расслабил все мышцы по очереди, разогнал кровь по венам дыхательными упражнениями. Мир сжался до носа качка и антенны командира, в голове автоматически повторялась последовательность действий, делая акцент сначала на проработку, затем на скорость. Еще немного...

Вертолет внезапно сменил курс. Непредвиденно, поскольку наемники рефлекторно похватились за ремни и поручни, чтобы не упасть. Но крен был слишком резкий и не в ту сторону. Марк чуть не слетел с кресла.

— Атака! — раздался голос одноглазого. Марк не ошибся — это был главный.

Соседний иллюминатор разлетелся вдребезги, голова командира лопнула, словно после удара мясницким крюком. Труп свалился на железные плиты пола, очки слетели и застряли в ребристой решетке. Марк нагнулся как можно ниже, закрыл голову руками.

К звуку двигателей добавились новые тона. Блики от стекол иллюминаторов на противоположном борту на мгновение затмились чем-то, стремительно пролетевшим снаружи.

Марк вжался в борт и попытался посмотреть в уцелевшее окно.

Впереди и сбоку от Ми-38 разворачивался черный вертолет. Хотя разворачивался — слишком упрощенно сказано. Вертолет повернулся кабиной к транспортнику, продолжая при этом двигаться параллельно ему.

— Кунченко! — заорал нервозный сосед.

Он не ошибся. Марку сразу стало ясно, с какой целью в действительности майор проник на объект за стеной.

Клинч вернул себе свой вертолет.

Теперь все зависело от него. Марк отстегнулся и упал на пол, постаравшись заползти под ряд кресел. Он помнил, что пушка «Тайкуна» не разогревается перед выстрелом — она начинает стрелять мгновенно. Так было и в этот раз. Но в отличие от ожидания свинцовый шквал не наступил. Лишь короткая очередь, всего снаряда на три-четыре, разнесла иллюминатор, а заодно и торс нового наемника.

Паника не началась, что тоже наводило на мысли. Наймиты Глока быстро сели возле окон, некоторые открыли ответный огонь. Ка-54 снова заслонил солнце, уворачиваясь от выстрелов обороняющихся. Перелетев над транспортником, боевой вертолет начал палить в другой борт.

Бойцы не успели перегруппироваться — еще двое были убиты на месте.

Наполовину спрятавшийся под креслами Марк подставил подножку ближайшему наемнику, заставив того грохнуться в узком проходе. Выкатился, сорвал пистолет с пояса наемника и выпустил три пули — в бок, плечо и ухо.

Борланд врезался в тройцу наймитов — жестко, с разбега, изо всех сил тараня плечом. Сбил всю тройку на пол, схватился за автомат ближайшего бойца, висящий у того на шее, врезал прикладом по лбу. Нажав на спуск, Борланд пристрелил на месте еще одного. Выхватил нож у оглушенного наемника, перерезал ремень и завладел оружием.

Ми-38 полетел вверх под углом в сорок градусов. Опасный маневр, можно сорвать хвост несущим винтом. На месте пилотов было бы разумнее садиться, понимая, что Клинч не пытается просто сбить «вертушку» в воздухе. Ответ напрашивался сам собой: пилоты стремятся подняться на высоту парашютирования.

Все тела, живые и мертвые, покатались к задней стенке. Марк схватился за торчащий с

потолка ремень, со всей силы пнул ногой в лицо парня в «балаклаве». Тот не удержался и упал на спину. По пути ему снесло голову выстрелом из пушки Ка-54 — майор все еще «держал» живые мишени. Марк не мог понять, как Клинчу удается бить столь прицельно в таких условиях. Или у Кунченко было лазерное наведение на шлеме, смодулированное по принципу «куда смотрю, туда стреляю», и потрясающе чувствительная пушка, или же он был из рук вон выдающимся пилотом, каким его не представлял даже сам Марк. Как бы то ни было, Клинч стабильно выносил наемников, рыская возле разнесенных иллюминаторов, орудуя пушкой и продолжая удерживать позицию вертолета рядом с транспортником.

Борланд расстрелял магазин автомата по наемникам, собравшимся в хвосте. К этому моменту фюзеляж Ми-38 представлял собой сплошное решето. Оглушительный свист сбивал ориентацию, дул в уши и глаза, мешал дыханию. Марк попытался добраться до парашюта, но Борланд его опередил. Впрочем, стащив со стены чудом уцелевший ранец, он передал его Марку и сам направился к кабине.

Как только он открыл замок, сильнейший поток воздуха распахнул дверь, которая треснула сталкера по голове. Борланд грохнулся на спину в проходе, потеряв сознание. Встать он уже не мог, в том числе и из-за дикого ледяного ветра. Кабина пилотов была пуста — оба летчика покинули вертолет через боковые двери. Разумеется, больше парашютов тут не оставалось.

Марк уже надел ранец на себя, застегнул все ляжки, ножные обхваты и грудную перемычку. В том, что ему предстояло, он не имел права пренебречь ни единой застежкой. Подбравшись к Борланду, Марк поднял его и поволок к грузовой двери. На разгрузке сталкера была приготовлена подвесная система — похоже, Борланд еще на «Ростке» нацепил на себя разные альпинистские прибабасы. Вот и пригодились. Марк пристегнул клапаны жилета сталкера к карабинам собственного ранца всеми ремнями, которыми мог. К сожалению, на прыжок в тандеме система рассчитана не была.

Вертолет к тому времени выровнялся и начал снижение, наклонившись вперед и вниз под крутым углом. «Тайкун» вертелся рядом, находясь всего лишь в паре десятков метров.

Грузовая дверь не открывалась. Марк даже не пытался стоять на ногах с таким грузом, под встречными потоками ветра и при такой раскачке. Упершись ранцем в дверь, он продолжал раз за разом тянуть на себя ручку двери. Бесполезно.

Ка-54 исчез из поля зрения. Несколько секунд ничего не происходило. Затем задняя часть транспортника взорвалась, моментально наполнив салон дневным светом. Трупы наемников попадали вниз вместе с частью фюзеляжа. «Тайкун», создав новый выход, продолжал двигаться следом, подобно верному дьяволу-хранителю, хищно рассекая носом пространство. Транспортник немного выровнялся снова, но скоро он опять наклонится, и добраться до дыры станет невозможно. Времени оставалось совсем мало.

Отталкиваясь от покореженных решеток пола, скользких от крови, Марк метр за метром двигался по проходу, стараясь не упасть с тяжелым грузом в руках. Борланд так и не пришел в себя. Шаг, другой, третий. Еще усилие, до пелены в глазах и изжеванной в кровь губы.

Перевалив центр тяжести за край, сталкер с живой ношей покинули транспортник, ставший летающим могильником. Несмотря на ожидания, большой разницы Марк сначала не почувствовал. Дувший со всех сторон ветер начал работать снизу, шум лопастей транспортника сразу стих. Связка из двух человек неконтролируемо крутилась, камнем летя к притягивающей плоскости, равнодушной к любому стремлению к жизни. Поток воздуха усилился до двухсот километров в час, Марк с трудом мог разлепить веки. В густом, промозглом тумане мало что было видно. Но ему удалось рассмотреть, что земля близко, слишком близко, намного ближе, чем ему казалось ранее. Под ним растиралась болотистая часть Зоны. До Барьера было достаточно далеко, так что сталкеры должны были приземлиться в центральной части Янтаря.

Марк нашупал кольцо и, не раздумывая, дернул за него. Вверх взмыл комок ткани, расправившись спасительным цветком, двадцать восемь строп протянулись к небесам, и тут Марк ощутил тяжесть висящего на нем груза в полной мере. Рывок едва не сломал ему ребра, пристегнутый Борланд повис на пряжках лямок, ремни сильно врезались в тело Марка, перехватив дыхание. Сталкер в ярости протер глаза рукой, постаравшись рассмотреть землю внизу.

Они спускались чересчур быстро, груз из двух мужчин в экипировке и сам ранец заметно превышали допустимую нагрузку в полтора центнера. Падение на твердую поверхность

неизбежно причинит обоим сталкерам тяжелые увечья. Марк потянул за стропы, слегка искривив круглый купол и прицелившись точно в болото.

«Тайкун» с ревом описывал круги над Марком, снижаясь вместе с ним с завидным постоянством в скорости, создавая вертикальное вихревое кольцо, призванное снизить быстроту падения. Никакой разницы сталкер не чувствовал. Запоздало вспомнив про запасной парашют, он дернул второе кольцо. Никаких изменений. По всей видимости, сработало страхующее устройство, заблокировавшее второй купол во избежание перехлеста строп.

Вертолет отлетел в сторону, сталкеры врезались в болото. Купол плавно опустился рядом, мигом утратив приятный белый цвет, смотревшийся почти инопланетным в здешних местах. Марк тут же начал лихорадочно отвязывать застёжки. Перепачканные грязью пальцы скользили, работать было неудобно. Трясина тем временем настойчиво тянула сталкеров вниз.

Борланд открыл глаза. Его рука полезла между жилетом и курткой, пальцы легли на рукоятку ножа, отобранного у наемника. Вытащив клинок, он попытался перерезать ремень, но не сумел, выронив нож в тину. Марк тут же схватил его и быстро разрезал лямки.

К тому времени трясина зажевала сталкеров более чем наполовину. Борланд, не говоря ни слова, жестко оттолкнул Марка вверх от себя и в сторону, чтобы тот успел схватиться за торчащий подобный обломку жестянки корень дерева.

Корень оказался слишком далеко. Пальцы не доставали совсем немного.

Шум двигателей Ка-54 усилился. Черный вертолет без проблем вошел в узкое пространство между деревьями, склонился над сталкерами. При виде огромной девятитонной массы, заслонившей собой полмира, Марк ощутил, как все внутри сворачивается в сплошной сгусток адреналина. Горячий ствол тридцатимиллиметровой пушки зашипел, соприкоснувшись с зеленоватой жидкостью, полной кислотной органики. С визгом выдвинулось шасси. Марк схватился за выступившее колесо, прочно вжавшись в него. «Тайкун» поднялся, отлетел боком в сторону, и Марк приземлился точно на каменистый склон.

Вертолет вернулся к Борланду, продолжавшему лежать на спине и смотреть за действиями остальных участников сцены. Превозмогая боль в спине, сталкер протянул руку к нависшему над ним колесу.

В этот момент болото словно взорвалось. Вверх взметнулся огромный фонтан зловонной жижи, разбрызгивая листья вереска, поднимая круговую волну, сразу же затихшую перед дымящимся мхом. Из трясины вырвались гигантские щупальца, захлестнувшие кабину вертолета.

Борланд ощутил, что летел по воздуху, только в момент приземления на заросший осокой торфяник. Левая рука, куда пришелся удар чудовища, его не слушалась. Сталкер кое-как сел на кочке, глядя на схватку вертолета с болотным вивисектором.

Эта особь была ему совершенно неизвестна, но иначе назвать монстра было трудновато. Щупальца окутали кабину Ка-54, который, словно вспомнив свое акулье происхождение, бился во все стороны, перекашивая соосные винты. Одно из щупалец угодило в зону вращения и сразу же было отрублено лопастью, остальные сжали добычу еще сильнее.

«Тайкун» открыл огонь из погруженной ниже уровня болота пушки прямо в огромную тушу, и щупальца мигом свело судорогой. Некоторые свернулись, блеснув на солнце сизыми разводами, другие продолжали цепляться за нос гибкими конечностями с четырьмя рядами присосок. Шум моторов перешел на повышенные тона, вертолет сильнее наклонился вперед. Нижний винт черпнул жидкую топь, перерезав еще одно щупальце на раз.

Вивисектор на миг показался из топи и испустил печальный, затяжной рев. Голосовых связок у мутанта не было, но пасть и внутреннее строение, по всей видимости, позволяли издавать подобные звуки, оглашая воздух Янтаря предсмертными стонами. Вертолет приподнялся над трясиной, обнаружив присосавшегося вивисектора на носу. Кабина пилота и всевозможные датчики бортовых приборов были закрыты полностью, не оставляя ни малейшего просвета, так что Клинку приходилось ориентироваться исключительно по памяти.

Снова заработала пушка, пули прошли сквозь тело монстра, заставив его наконец отцепиться и упасть в болото. «Тайкун» на секунду утратил тягу, погружившись в трясины примерно на треть, казалось, он прямо сейчас и утонет. Однако, тут же взревев двигателями, летающий продукт инженерного мастерства вырвался из болотистого плена, отлетев подальше от хищника.

Борланд дернулся, почувствовав чье-то прикосновение к больной руке, и увидел сидящего

рядом Марка. Сталкер поедал его безумным взглядом, то и дело озираясь на болотное побоище.

Ка-54 развернулся на месте, заложил крутой тангаж и выпустил «нар». Болотный вивисектор принял подарок на сто двадцать два миллиметра, тут же разлетевшись в клочья. Болото почти поглотило грохот от взрыва, однако колебания поверхности едва не смели Марка и Борланда с островка. Все было кончено.

Борланд в шоке прислонился к плечу Марка, обалдело глядя, как «Тайкун» садится на твердый пяточок земли.

— Ну, Глок, зараза, — пробормотал он, закашлялся и выплюнул грязную топь. — Неубиваемый супермен, значит? Яйца тебе оторву, если найду.

— Так, сиди спокойно, — сказал Марк, взял за вывихнутую руку Борланда и сильно дернул.

— А-а! — Заорав на все болото, Борланд повалился на правый бок. — Отвали от меня, чертила! Что ты вообще тут делаешь?

Марк не ответил, помог сталкеру подняться и потащил его к вертолету.

Откинулся люк кабины вместе с бронированным стеклом. Майор Кунченко снял с себя шлем, стащил перчатки, обхватил ладонями лоб, прислонился к приборной панели. Так он продолжал сидеть около минуты. Затем бодро вздохнул, расстегнул ремни и быстро выскользнул из кресла.

— Живы? — спросил он, взглянув на вертолет снаружи.

— Не знаю, как вы, а я сдох, — ответил Борланд, снова садясь и прислоняясь к колесу.

Майор отодвинул боковую дверь, опустил спинку сиденья и вытащил аптечку, упакованную в пластиковый контейнер.

— Разбирайтесь, — сказал он, кладя аптечку рядом с Борландом. — Консул, оружие где обычно. Следи за местностью, мне нужно проверить вертолет. Сейчас это главное. Все разговоры потом.

Марк вытащил из салона винтовку и заодно пистолет, который вручил Борланду.

— Да, — сказал Борланд, косясь на Клинча. — Нам всем есть о чем поговорить. Верно?

Осмотрев наскоро местность в пределах видимости, Марк повернулся к нему.

— Так, успокойся, — сказал он. — Мы все здесь свои, надо исходить из этого факта. А дальше и разобраться, кто и как здесь оказался. Посиди, отдохни. Никто тебя не торопит.

— Верно, — отозвался Клинч, забравшись на крышу и изучая автомат перекоса. — Судя по всему, мы здесь застряли надолго, так что можем обсудить некоторые вещи.

— Это самые насыщенные сутки моей жизни, — признался Борланд, стукнув затылком о шасси. — Черт, вчера в это же время я сидел в сухой и теплой камере бункера, ожидая, когда мне принесут миску свиноговяжких пельменей. Клинч, арестуй меня снова, а?

Глава 15 Задание

Нож Сенатора не испускал никакой энергии.

Крутя его в руках так и эдак, лидер «Долга» пытался понять, что такого клинок передавал Ястребу и Борланду, какая связь могла быть у этого необычного куска металла с отдельно взятыми людьми, какой не было с ним, Анубисом. Как новый руководитель операции он должен был решить этот вопрос.

Рядом кто-то неуверенно кашлянул. Анубис оторвался от ножа и посмотрел на Уотсона.

— Уже час прошел, — сказал Уотсон. — Что будем делать?

Лидер медленно повернулся. Дозорные базы оставались на местах, но Анубис чувствовал исходящее от них напряжение. Народ был на взводе, и неудивительно. Штурма Барьера со стороны «Ростка» не случилось уже года четыре. Было отчего опасаться ответки. Но лидер клана понимал, что ее не будет. Вернее, не здесь и не в таких обстоятельствах.

— Продвигаемся дальше, — ответил Анубис. Громко, чтобы слышали все. — Дальше ждать бессмысленно. Клинча и Борланда нет, с Консулом ничего не ясно. Но это не повод для нас, чтобы останавливаться.

Он оглядел лица людей, присутствовавших на пяточке, образованном узким входом на базу,

перекрытой строительным блоком дорогой и пробитой цистерной у противоположной стены. И внутренне перевел дух, увидев огонь противостояния в глазах своих товарищей. Клан не просто существовал, он жил. Но это еще только предстояло проверить на практике.

— Выводите джипы, — сказал Анубис. — Столько, сколько надо, чтобы вместить всех добровольцев. Учтите, что две машины мы уже потеряли. Берите всех людей, кто готов побороться за уничтожение Зоны. Будем исходить из того, что Кунченко уже нет в живых.

— Командир. — Дозорный, волнуясь от глобальной смены директивы, переступал с ноги на ногу. — Мы все можем идти на север? К Монолиту.

— Да, — ответил лидер. — Кто останется, те будут охранять штаб и «Сто рентген».

— А если все захотят пойти?

— Не захотят, — утвердительно произнес Анубис. — Я прекрасно знаю, кто не захочет никуда идти. Во избежание приказов оставаться на местах и охранять Бар я предоставлю им возможность выбрать свою судьбу самостоятельно.

Дозорный сплюнул в куст. Он невзлюбил трусов раньше, чем научился понимать, кого можно подвести под это определение. Анубис не мог его за это осуждать.

У цистерны, прислонившись к холодной стене на скрытом от солнца участке, курил немолодой бродяга из вольных сталкеров, стряхивая кружащиеся комья пепла на чиненый комбинезон. Послушав речь главного «долговца», он со своего места задал вопрос:

— Как ты собираешься двигать к северу на машинах, командир? Там после выброса аномалий не протолкнешься. Никакой мобильный детектор вовремя не зафурычит.

— Ничего не поделаешь, — покачал головой Анубис, махнув рукой Уотсону, чтобы тот пока остался. — У нас куча снаряжения и боеприпасов. Будем ехать медленно, впереди пойдут наши проводники.

Сталкер взглянул на небо.

— Так вы к вечеру доберетесь, дай бог, до складов, — высказал он мнение. — Да и то если прямо сейчас выедете.

— Так и будет, — сказал Анубис, пряча нож за пазуху.

Добытчик артефактов кинул окурки и затушил ногой.

— Я вот что скажу, командир. — Он приблизился, глядя доверительно. — Чувствую я, что не избежать в Зоне войны. Это так?

— Боюсь, что так, Хребет, — подтвердил Анубис. — Против нас может быть кто угодно. Как минимум — вертолеты военных. Если их не будет, то в Рыжем лесу стоит плотный заслон из окопавшихся сил противника, а еще дальше — застава «Монолита». Скорее всего это будет путь в один конец, но нам нужно попасть в Припять.

— Я простой мужик, — сказал Хребет. — Потому говорю за себя и за других простых мужиков. Мы за тебя, командир. Прямо сейчас двинусь на север, к нашим. В боях, ежели случатся, участия не обещаю, уж извини. Не будет от нас толку, если против нас окажутся танки да вертолеты. Но партизанить в лесах сможем. Мало ли как дело обернется.

— Сталкеры намерены нам помочь? — переспросил Анубис. — Вам-то какой интерес? Вы ведь живете Зоной.

— Две причины, — усмехнулся Хребет. — Устал я от Зоны, командир. Нашел артефакт, продал артефакт — а толку? И эту ядреную связь с ней тоже не разорвешь. Не хватает воли, прямо скажу. Но ежели кто-то другой хочет эту стерву порвать, так я первый буду, кто поможет.

— Понятно, — кивнул Анубис. — А вторая причина?

Хребет ловким движением сунул в потрескавшиеся губы новую сигарету и лихо прикурил, чиркнув спичкой о край рукава.

— Вы не сможете уничтожить Зону, — ответил он, гася спичку. — Потому как просто не уничтожите. Но вот беспредел вояк меня кумарит. И наемники эти костью в горле... Если их вообще можно толкнуть из Зоны, то только твоими силами, командир. Чтоб знали свое место.

— Без этого никак, — согласился лидер. — Попытаемся, конечно, обойти, но, вероятнее всего, через наемников придется пробиваться силой. Договорились, Хребет. Возьми «винторез» в оружейке, я знаю, ты давно хотел себе такой.

— Верно, хотел, — не стал отрицать сталкер. — Только не возьму. Не хочу я, командир,

чтобы ты думал, будто я из-за ствола тут изгаляюсь. Живы будем — сочтемся.

Небрежно отдав честь, Хребет подтянул лямки рюкзака и двинулся к Милитари.

Стоящий рядом Уотсон внезапно почувствовал, что ему душно, и дернул себя за ворот армейской куртки. Только глядя на уходящего сталкера, казалось бы, постороннего в этой истории человека, он осознал в полной мере масштабы будущего столкновения и всю величину угрозы.

— Это полная дурь, — сказал он в сердцах. — Мы находимся в месте, где и так смерть поджидает на каждом шагу. Почему здешние люди должны умирать из-за действий себе подобных? Так не должно быть!

— Так есть, — осадил его Анубис тоном, не терпящим возражений. — Надо с этим смириться. Зону не изменишь простым желанием. Однако я с тобой согласен, такого быть не должно.

— И ничего нельзя сделать?

— Почему же? Можно. Вот ты и изменишь.

— Как?

— Нарисуешь в дороге подробный план укреплений врага в Рыжем лесу. Получишь хорошую карту и нанесешь на нее пометки.

— Постараюсь, — неуверенно сказал парень. — Но я не силен в обозначениях, ведь я даже в армии не служил. Да и в топографии не очень...

Анубис щелкнул пальцами перед его носом, и Уотсон отшатнулся от неожиданности.

— Просто нарисуй все, что видел, — сказал лидер клана с нетерпением. — Это и есть твой шанс минимизировать человеческие потери, если дело дойдет до войны. Поедешь с Фармером, чтобы тебе веселее было. Ручку дать?

Продолжая смотреть в глаза, Анубис сунул руку в нагрудный карман и вытащил прозрачный пишущий цилиндр. Снял колпачок с характерным звуком, помахал в воздухе.

— Гелевая, — добавил он. — Цвет «индиго». Справишься или карандашом удобнее? Если что, ластиков у нас все равно нет.

— Я все понял, — буркнул Уотсон, слегка покраснев. Он выхватил у Анубиса ручку и пошел к гаражам, стараясь не переходить на бег.

Фармер сидел на заднем сиденье «тигра», думая о том, куда его затащила судьба. Над ним нависали скрытые под пленкой стволы Мисс Анаис, уместившейся на узкой платформе багажного отделения. «Долговцы» рассаживались по машинам, и Фармер с удивлением обнаружил, что теперь они не производят впечатления беспорядочной толпы парней в черно-красных комбезах. Может, их движения больше не казались суетливыми, или же он просто привык к этому обществу, так что больше не ощущал себя чужим среди членов клана.

Рядом с ним в машину забрался Уотсон, к тому времени раздобывший где-то вчетверо сложенную карту. Он с беспокойством разложил ее и начал изучать.

— Я получил задание, — доложил он. — Теперь от моей памяти зависят чьи-то жизни.

— Лучше так, чем наоборот.

Уотсон откинулся на спинку кресла, насколько позволило жесткое сиденье «тигра».

— Что мы здесь делаем? — произнес он, крутя ручку между пальцев. — Это не наша война.

— Ты предлагаешь свалить? — спросил Фармер.

— А что нас здесь держит? Для Литеры мы больше ничего сделать не можем. Проблемы всех остальных — это не наше дело.

Фармер провел рукой по стволам пулемета.

— Можем сделать что-то, если не для Литеры, то для человека, которому она желала бы помочь, — сказал он с грустью.

— Ты о Борланде?

— Да.

— Что еще мы можем сделать? — не унимался Уотсон. — Слушай, он был прав, когда говорил, в чем наша самая главная удача. В том, что мы все еще живы. Теперь, к сожалению, не все. Но мы должны учесть ошибки. Нельзя соваться туда, где мы гарантированно сложим головы. У «Долга» и то мало шансов, а они в отличие от тебя и меня люди умелые и опытные. Плюс, как я говорил, у нас нет никакой конкретной цели. Только абстрактные.

— Нет цели? — раздался голос.

Уотсон даже подскочил на месте, чуть не стукнувшись плечом о конденсаторное кольцо пулемета. Возле джипа, внимательно глядя на него, стоял Анубис, за спиной которого сновали «долговцы», о чем-то переговариваясь.

— Я еще не нарисовал карту, — признался Уотсон. — Мне нужно настроиться и вспомнить.

— Не надо оправдываться, — успокоил его Анубис. — Ты прав. Это не твой бой. И цель твоя в самом деле лишь абстрактная. Но что, если я дам вполне конкретную?

— Что-то случилось? — спросил Фармер с подозрением.

— Пока ничего. Но случится, если вы не поможете.

— Что надо сделать?

Анубис объяснил.

Ручка с чернилами цвета «индиго» выпала из оцепеневших пальцев Уотсона. Фармер наклонился вперед.

— Ты это серьезно? — спросил он. — Вот так просто?

— Это и не просто, — ответил лидер клана. — И очень даже серьезно. Понимаете почему?

— Пожалуй, понимаем, — сказал Уотсон. Фармер кивнул.

— Возьметесь?

Уотсон и Фармер смотрели друга на друга дольше, чем было нужно для вынесения решения.

— Я согласен, — сказал Фармер. — Это будет интересно. И полезно для кое-кого.

— Аналогично, — кивнул Уотсон. — Можешь на нас рассчитывать.

— Спасибо, — поблагодарил Анубис. — Вы не представляете, как меня выручили.

Он тут же ушел к первой машине, не оглядываясь.

— Однако, — протянул Фармер. — Ты этого ожидал?

— Нет и не мог ожидать, — сказал Уотсон, поднимая ручку. — Очевидно, дела у «Долга» совсем плохи.

— Ты язык за зубами держи, — предупредил Фармер. — Думаю, Анубис больше никому об этом не рассказал. Даже заместителю.

Словно его и ждали, Дизель возник ниоткуда и запрыгнул за руль.

— Едете с нами? — жизнерадостно спросил он. — Хорошо!

Фармер передернул затвор автомата и положил его на колени.

— Да хранит нас Шакти, — пробормотал он, глядя, как Уотсон спешно расчерчивает карту новыми обозначениями.

Продвижение в самом деле шло медленно. Впереди колонны осторожно двигались двое ведущих, внимательно следя за дорогой с детекторами аномалий в руках.

Один из проводников состоял в клане свыше трех лет, другой был совсем новичком и все еще помнил сталкерскую жизнь, полную всех опасностей, характерных для одиночек. Обоим была дана команда работать над собственным продвижением и выработкой маршрута для машин, так, словно сталкеры по-прежнему были одни и в случае опасности никто не мог оказать им помощь. В качестве компенсации за сильнейшее напряжение проводников бойцы на машинах взяли на себя охрану сталкеров и каравана от монстров, в том числе и двуногих. Пострелять пришлось всего ничего — в отряд зомби, бредущих почти нога в ногу на запад, да в одного псевдопса. Тварь быстро рассеялась на несколько, создав своих призрачных двойников, среди которых только одна особь состояла из плоти и крови. «Долговцы» расстреляли призраков за минуту, а главную, настоящую хищницу, извергающую убийственное рычание, завалил Дизель. Фармер отметил, что пулеметом тот не пользовался.

— Она же заблокирована, — объяснил Дизель. — Мисс Анаис не станет работать, пока не введешь ключ и цифровой код. И то, и другое у меня.

— Так почему ты сейчас не активируешь?

— Зачем? Она в режиме ожидания слишком прожорлива, аккумуляторы быстро сядут. И сейчас не настолько опасно вокруг, чтобы задействовать шестиствольник. Вполне хватит ручного оружия. Иначе мы уже к Рыжему лесу без боеприпасов останемся.

Фармер больше не задавал вопросов. Уотсон закончил дорисовывать карту и передал ее Дизелю. Тот наскоро просмотрел и вернул обратно.

— Анубису отнеси, — сказал он.

Уотсон спрыгнул на ходу и быстрым шагом направился к первой машине. У третьей он заметил лежащий в багажнике «стингер». Не иначе как страховка на случай воздушных гостей.

Разговор с Анубисом о карте состоялся в его машине. О других делах в присутствии Серафима не говорили.

— Ты не перепутал? — спросил Анубис. — Так много палаток? Там не может быть столько народу, чтоб их задействовать.

— Ничего не перепутал. Как раз число палаток я и отметил. Людей там тоже прилично.

— Значит, маскируют что-то. А это что за крест возле холма?

— Братская могила. Хоронили нескольких.

— Значит, наемники убивают сталкеров?

— Сталкера заметил только одного, но я же не мог рассмотреть внимательно. Мы на вертолете пронеслись, мне лишь форма в глаза бросилась на какое-то время. Зато я увидел, что не меньше половины тел в могиле были в костюмах наемников.

— Конечно, — согласился Анубис со слегка просветлевшим видом. — Они же в Зоне салаги. Наверняка гибнут от аномалий и мутантов с непривычки. Это нам на руку.

— Неужели им Глок своих людей не дал?

— Зачем? Обучать наемников сталкерскому делу?

— Хотя бы просто для безопасности.

— Может, и дал. Может, тот сталкер был как раз из них. Не справился с обороной и поплатился за это. Теперь уже не узнаем. Спасибо за помощь!

— Был рад помочь, — сказал Уотсон, но уходить не собирался. Помолчав, спросил: — Если удастся пробиться через заслон, то что тогда?

Анубис пожал плечами, глядя на раскинувшийся справа «трамплин».

— Дальше Припять, — ответил он. — И «монолитовцы».

— Другой фронт?

— Не думаю. «Монолиту» незачем устраивать сплошную линию обороны. Не забывай, они не наемники, для них Припять стала родным городом. Скорее всего они залягут в выборочных точках, чтобы простреливать все пути. Так смогут вынести всех наших бойцов точными уколами. Эрагон именно такую оборону и использовал, когда проход к центру освободился. Я надеюсь, никого из наших живьем не поймают.

— Что случится, если поймают? — спросил Уотсон.

По изменившимся глазам Анубиса он понял, что не хочет знать ответ на этот вопрос. Лидер клана сделал глубокий вдох.

— Эрагон — бывший генерал не буду говорить какой структуры, — начал он. — Потому что он опозорил ее настолько, что я не хочу лишними деталями бросать на нее тень. Как и упоминанием его настоящей фамилии. Скажу лишь, что в Коалиции он никогда не работал, как считают некоторые. Он такой же кандидат на пожизненную решетку или смертную казнь, как и любой другой в клане «Монолит».

— Что он такого сделал? — осторожно спросил Уотсон.

— Как сам утверждал на суде — сбрасывал напряжение.

Уотсон потер лоб, рассеянно прислушиваясь к равномерному урчанию мотора. Анубис отвернулся на секунду, собираясь с мыслями.

— Эрагон в бытность военным очень любил женщин, — продолжал он. — Больше, чем следовало. настолько больше, что не мог пропустить ни одной, с которой имел шансы предаться утехам. Даже если она вовсе этого и не желала.

— Значит, в этом все дело, — пробормотал Уотсон, но Анубис его прервал:

— Он перерезал им горло ножами.

— Что? — вырвалось у Уотсона. Он смотрел в глаза Анубису, надеясь увидеть в них злую шутку, но встретил лишь холод.

— Генерал не просто убивал своих жертв, — сказал Анубис. — Эрагон уродовал им лица до неузнаваемости. Затем вырезал на лбу аббревиатуру подразделения, в котором служил своей Родине. Если впадал в раж, то кромсал и все тело. А добивал девушек уже после.

Уотсон долго хранил молчание.

— И этот человек работает в Зоне? — не поверил он. — Да еще и на руководящем посту?

— А кого прикажешь назначать на должность главаря полувоенной банды убийц? — задал встречный вопрос Анубис. — Глок вытащил Эрагона чуть ли не из здания суда. Между тем Эрагон совсем не горит желанием здесь находиться. Но понимает, что после такого обвинения ему деваться некуда. В качестве компенсации пристрастился к личной казни собственных провинившихся людей. Ножом, разумеется.

— Что же, Кунченко допустил беззаботное проживание генерала? Мне по описанию Фармера показалось, что он не лишен воинской чести.

— Не надо так усердно трясти майора, — поморщился Анубис. — Клинич как раз старался не допустить наличия в Зоне откровенного отребья. Но тут он ничего поделать не мог. Глок прямо приказал ему смириться с участием Эрагона в общем деле.

— Я не понимаю, — все еще возражал Уотсон. — Да, Зона и все такое... Но у вас же есть здесь свои правила. Или хотя бы порядки, традиции, обычаи. Минимум морали, в конце концов! Неужели на Эрагона управы не нашлось? Та же Арена...

— Дружище, ты какими категориями мыслишь? — резко спросил Анубис. — Арена — это следствие социального голода сталкеров. Как и все традиции и прочие кодексы. Они нужны, чтобы удерживать в узде новобранцев и создавать впечатление, что даже у самого мелкого винтика системы есть власть. Хотя бы в пределах, в которых можно напустить ржавчины на другой винтик, сцепившись на глазах у публики, да еще и заработать при этом. Зрителям тоже хорошо — имеют и хлеба, и зрелищ. Нет никаких понятий о чести, этике, морали, а есть только деньги. Деньги в мире и деньги на войне. Порочная философия и поиски смысла жизни там, где его нет. Ты думаешь, между «Долгом» и «Свободой» есть принципиальная разница? Мы все здесь повязаны и питаемся из общей кормушки. Разделение кланов было нужно, чтобы создать иллюзию выбора и подобие цивилизации, основу для нового общества. А в обществе как обычно: прикрывай своих и стреляй в чужих. Ты можешь присоединиться к кому угодно, хоть к «Монолиту», или вообще стать одиночкой — все равно твоя жизнь в Зоне сведется к одному дню, повторяющемуся в незначительных вариациях. Везде торговцы, задания, вознаграждение, аномалии, артефакты и заблуждения. Приказы матом в лицо или же приказы вежливым прошением. Кнут или пряник, а результат один: ты вкалываешь на систему, на коммерческий проект «Зона», созданный людьми, созданный искусственно на территории аномальных явлений, к которым люди уже никакого отношения не имели. Работаешь по указке, развлекаешься по указке. Все везде одно и то же, и это никогда не менялось. И чтобы ты чувствовал себя не быдлом, а мужчиной, тебе дают такие мелкие игрушки, как Арена. Как рейтинги достижений в твоём КПК. Чтобы не ходил на промысел артефактов, как на работу, а испытывал естественную тягу к приключениям, горел духом соревнования, стремился вырваться вперед на крысиных бегах всех разновидностей. И эта схема действительно работает.

— И ты сам во всем этом участвуешь? — с горечью спросил Уотсон.

— Я не имел отношения к этому делу, — опроверг Анубис. — Все было устроено, заведено и пущено в ход еще до меня. Сам я как раз происхожу из вольных сталкеров, сделал карьеру в «Долге» с самых низов, под началом Воронина и Ястреба — военных мужланов до мозга костей. Теперь, волею судьбы, я возглавляю клан, но не могу ничего изменить. Чего ты от меня ждешь? Чтобы я отказался от финансирования, расформировал всю группировку и переобулся в народные мстители, пошел воевать против разной сволочи? Так Коалиция приручит «Свободу» или учредит новый клан. А нас прижмет к земле.

— Но ты же думал об этом? — не унимался Уотсон. — Хотел сломать систему?

— А что мы, по-твоему, сейчас делаем? — спросил Анубис, глядя на Уотсона как на новорожденного ребенка. — Хотим сломать систему. Уничтожить Монолит. Не будет Монолита — не станет и Зоны. У меня при всем желании не было шанса провести хоть какую-то реформу. Да в них уже и смысла нет. Мы в жизни не делали ничего глобальнее, чем сейчас. Нам предстоит добиться успеха или погибнуть. А что до выяснений отношений по-мужски, то хотел бы я посмотреть, как начнет ржать Клинич, если я предложу ему вызвать на Арену, скажем, Глока, чтобы через кулачный бой выяснить, на чьей стороне истина.

— Но ты же можешь вызвать Эрагона? — задал вопрос Уотсон. — Не как лидер одного клана вызывает лидера другого, а просто как человек человека. Или просто навязать ему бой силой. Без оглядки на звания, без политики. Не ради истины. Сам же говоришь, теперь уже нет

никакой разницы.

Предводитель «Долга» отвернулся, мрачно глядя на возвышающиеся впереди военные склады.

— Сможешь? — повторил Уотсон.

Анубис молчал.

Глава 16 «Тайкун»

Марк загнул плоскогубцами края проволоки, встал и перевел дух, чувствуя, как колотится сердце. Только что он закончил с расстановкой систем защиты периметра. На это ушло восемь противопехотных мин, пять датчиков движения и множество фотоэлементов, прикрепленных к стволам деревьев. Все это добро, как и многое другое, нашлось в грузовом отделении «Тайкуна». Напоследок сталкер расставил несколько растяжек, изготовленных при помощи всех имеющихся ручных гранат и пары мотков черной проволоки. Также имелась в наличии небольшая пулеметная турель, ее Марк поставил на островок, на который его вытащил майор после приземления с парашютом. Пулемет смотрел честно в единственную сторону, с которой можно было бы залететь в тесную болотную рошу, в которой находился Ка-54.

Когда Марк вернулся к вертолету, Борланд с Клинчем уже разложили на куске брезента все орудия труда, с помощью которых предстояло провести полевой ремонт машины. За беседой работа быстро спорилась.

— Значит, ты вовсе не мстить попер? — произнес Борланд. — Тогда, в Баре.

— Я совсем на дурака похож?

— Только чуть-чуть.

— Когда я увидел нож, который принес тот крендель, мне все сразу стало понятно. Что Консул — свой человек.

— И ты пошел его выручать.

— Не совсем, — сказал Кунченко. — Я понял, что дальше вы с «Долгом» в случае чего справитесь без меня и особо горевать не станете. Так что я решил попытаться сгонять на базу и забрать оттуда «Тайкун», чтобы всем нам легче жилось. Все остальное стало простым следствием успеха этой задумки.

— Майор, ты ступил дальше некуда. Тебя бы там прибили на раз-два. Не хочу показаться нескромным, потому что обычно я своей скромностью горжусь до небес, но Ми-28 быстро бы указал тебе твою ошибку, если бы я его не отвлек. Причем отвлекать-то его я пошел не из-за твоего героизма.

Клинч вытер лоб тряпкой, которой до этого протирал автоген.

— Так моя ошибка состояла только в этом? — спросил он. — Что я решил жизнью рискнуть?

— Ну... — Борланд постарался подобрать слова. — Это уже как бы показатель оригинального мышления.

Майор, сделав паузу, встал и отряхнул грязь с ботинок.

— Вообразим себе ситуацию, — сказал он. — Ты — генерал армии, чья задача — добраться до определенного рубежа и произвести диверсию. У тебя есть все ресурсы, но вероятность успеха очень маленькая, поскольку враг силен и не дремлет. Затем ты обнаруживаешь по ходу дела возможность получить в свое распоряжение одну единицу воздушной техники, с которой твои шансы на успех существенно возрастают. Все, что тебе для этого надо, — рискнуть жизнью одного солдата. Ты бы согласился?

Борланд думал недолго и ответил:

— Пожалуй, согласился бы.

— Вот и я так считаю. Просто этот солдат — я сам. Это никакой разницы не делает. А у вас была задача, и вы должны были ее выполнить, никуда не дергаясь. По морде бы тебе настучать за своеволие. За то, что пошел меня прикрывать. Но зато нам удалось вытащить Консула, так что я тебя прощаю.

— Как-то резво ты «вертушку» увел. Пришел, увидел, наследил.

— Ничуть не резво. Глок принял меры предосторожности и заминировал некоторые узлы. Мне понадобилось время, чтобы избавиться от этого балласта.

— Ты что, сумел обнаружить всю взрывчатку?

— Борланд, не держи меня за пацана. Неужто я не знаю, где на моем вертолете можно встроить¹ гранату так, чтобы я не заметил? Да я в этих местах посмотрел в первую очередь.

— И это все?

— Не все. Передатчик координат на основе мощного маяка я тоже нашел и выбросил на фиг из кабины. Что до взлета, то он у меня никогда много времени не занимал. Кто-то успел даже пострелять мне вслед, но я не обратил внимания.

Почесав нос, Борланд принялся счищать болотную тину с левого крыла вертолета.

— Ты удивительный человек, майор, — сказал он.

Кунченко только рукой махнул.

— Вот все вы такие, гражданские жертвы стереотипов, — вздохнул он. — Полковник, списывающий целые роты и посылающий солдат на гибель, вас не удивляет. А майор, добровольно выполняющий задачу, которую обычно поручают другому, кажется вам кем-то нереальным.

— Ты не думал сделать карьеру где-то за пределами Зоны?

— Думал. Не сделаю.

— Почему? Слишком добр?

— Слишком зол. У меня есть персональный бзик в плане субординации. Я не могу поручать людям опасные задания, которые не способен выполнить сам. И напротив: в жизни не подчинюсь приказу какого-то жирного чмошника просто потому, что он мой прямой или посредственный начальник, если он не может справиться с этой задачей лично, хотя бы теоретически.

— Как же ты до майора дослужился?

— Постоянным подавлением чувства собственного величия в одних случаях и его раздуванием в других. А еще кропотливой работой на летных испытаниях.

Борланд закончил чистить крылья. Клинич придирчиво осмотрел работу и одобрительно кивнул.

— Молодец, — сказал он. — Оружейные пилоны не трогал?

— Нет, как ты и просил.

— Я сам их вычищу. Чертово болото, хрен отдерешь эту траву... Ты заметил, сколько у нас теперь вооружения? — Кунченко с восхищением стукнул по крылу. — Мне в жизни столько таскать не приходилось. Обычно хватало пушки, одного блока «наров» и шести «вихрей», а в остальном я всегда беру подвесные баки топлива. Но ребята Глока повесили здесь тонны на две с половиной. Одних только самонаводящихся двенадцать штук — спрашивается, зачем? Не иначе как для Сафрона хлопотали.

— Это что за коробка?

— Контейнер ложных мишеней. Инфракрасное противодействие.

— Все, понял.

— А на противоположном крыле — две «иглы». Так что можем принимать гостей, хоть сверхзвуковых.

— Боезапаса хватит на прорыв?

— Умеешь ты зависающие вопросы задавать. Смотря какой прорыв. У нас почти ничего не использовано. Правда, я потратил на вивисектора один крупный «нар» из пяти и расстрелял почти всю пушку на вертолет научников, но у нас есть запасные патронные ящики, так что мы сейчас перезарядимся.

— А наших усилий хватит?

— Фотик-мыльницу когда-нибудь пленкой заправлял?

— Э-э...

— Здесь то же самое. Обычная лента. Три снаряда вставил — и готово. Остальные сами будут подаваться из коробки.

— Кстати, о вертолете научников, — сказал подошедший Марк, бросая оставшуюся

¹ Спрятать

проволоку на брезент. — Пилоты наверняка успели сообщить о нападении.

— И что с того?

— Глок сможет найти нас.

— Я не думаю, что он выделит хотя бы один вертолет на наше уничтожение, — возразил майор. — Ему нужно укреплять север. И скажи спасибо, что «Тайкун» способен стрелять одиночными. Иначе тебя бы порвало вместе с остальными командос.

Борланд долго тер лоб и наконец понял, что за мысль не давала ему покоя.

— Клинч, а на Ми-38 стояли какие-нибудь хитрые радиоприборы? По тому же перехвату частот, например.

— Стояли, конечно. Как раз на нем и стояли.

— Тогда еще одна загадка разрешилась, — удовлетворенно сказал Борланд, изучая странный гибрид молотка и пожарного ведра, лежащий среди инструментов. — Я все не мог понять, как Сажин сумел поймать на свою рацию переговоры наемников. А теперь понял — он же говорил, что в этот момент над его башней пролетал научный вертолет. Видимо, рация сработала на какой-то сигнал, передаваемый с воздуха, поймала искажение эфира или еще что-то в этом роде.

— Все может быть.

Марк прислонился к фюзеляжу, о чем-то думая. Борланд кинул в него мелкий камушек. Поймав вопрошающий взгляд, он спросил:

— А твоя история? Как ты здесь оказался снова?

Клинч, до этого изучавший ствол пушки, выпрямился.

— Так вы друг друга знаете? — произнес он.

— Пили пиво пару лет назад, — ответил Борланд.

— Ничего особенного, — сказал Марк, залезая в кабину. — Меня нашли, когда я выходил из супермаркета. Привезли сюда, не позволив зайти домой, где стоял ужин на круглом столе, накрытом зеленой скатертью. Вместо этого приволокли в Зону и дали работу в научном отделе.

— Тебя заставили?

— Могли заставить, но сделали иначе. Я согласился участвовать в исследованиях добровольно при условии, что мне будет позволено иногда видеться с гражданской женой.

— И как? Позволили?

— Да, — ответил Марк. — Раз в три месяца я бываю дома на двое суток.

— Хреново как-то получилось, — покачал головой Борланд. — Ты заслуживал покой.

— Все нормально, — сказал Марк, постукивая по ручке управления. — Эта работа не хуже других. Мне ведь за нее еще и платили, и даже больше, чем на предыдущем месте.

Борланд долго смотрел на него, ничего не произнося.

— Ты все это время был в Зоне, — наконец сказал он. — А я ничего не знал... Клинч! Ты что мне втирал про Консула? Взрослый мужик, много лет топчет Зону. Так? Что ж ты мне лапшу на уши вешал?

— Обычная дезинформация, — не моргнув глазом, ответил Кунченко, волоча ящик с боеприпасами к носу вертолета. — Ты же не рассчитывал, что я раскрою тебе личность Консула до того, как ты окончательно вступишь в команду сэров?

Сталкер только рукой махнул.

— Теперь многое стало понятным, — подвел он итог. — И откуда Консул мог тесно общаться с Сенатором — тоже. Остался еще один момент. Марк, ты как разработал «Горизонт событий»?

— В смысле?

— Откуда ты знаешь, что этот сценарий осуществим? Стукнуть ножом Сенатора по камню и все исправить — такая идея просто так в голову не придет.

— Она и не пришла. — Марк откинулся на спинку кресла. — Сенатор подсказал. Если ты забыл, то он был контролером.

Борланд попытался помочь Клинчу сунуть патронную ленту в пушку, но нечаянно заставил того выронить ящик и получил болезненный пинок по ноге.

— Иди отсюда, ламер! — прогнал его майор. — Будешь нужен — позову.

Сталкер направился к хвосту Ка-54 и принялся соскабливать с него быстро сохнущую грязь.

— Ну ладно, — пробурчал он. — В гараже Капитана было веселее.

Приборная панель сверкала словно разноцветная елка. В полумраке салона огни смотрелись приятным напоминанием о цивилизации, мягкие кресла создавали комфорт.

— Красивая «вертушка», — сказал Марк, проведя рукой по стеклу, словно стараясь рассмотреть деревья, плотной стеной стоявшие по правому борту.

— Согласен, — отозвался Клинч, сидя с закрытыми глазами, откинувшись на спинку сиденья.

Лежащий на заднем диване Борланд не произнес ни слова.

Четырехчасовая тяжелая работа по ремонту сплотила троих мужчин, растопила остатки льда недоверия и взаимных подозрений. Инструменты были убраны на место, брезент свернут, удалось даже кое-как помыть руки с помощью найденной в багажнике канистры с водой. Сидя в теплой кабине вертолета в самой глуши болот, Марк, Клинч и Борланд старались разгрузиться от былых проблем и морально подготовиться к новым.

Марк дернул за шнур, опоясывающий дно саморазогревающейся упаковки с питательным пайком. Через несколько секунд тихое шипение стихло. Вскрыв упаковку, сталкер обнаружил внутри нее готовый ужин, конечно, несравнимый с тем, от которого его оторвали полтора года назад, но все же показавшийся очень вкусным после тяжелого дня.

— Класс, — сказал Борланд, расправляясь с пачкой галет и издавая хруст на весь салон. — Давно не едал ничего подобного.

— А я их уже видеть не могу, — отозвался Кунченко. — Попробовал бы ты жевать этот крахмал года три, сразу вспылал бы любовью к детскому питанию.

— Его я тоже люблю. Только не говори никому.

— Почему такие упаковки не продаются в Баре? — спросил Марк, уплетая пластиковой вилкой горячее пюре с фрикадельками.

— Потому что их у нас не вагон.

— Неужели доходы Коалиции не позволяют?

— Доходы от Зоны — это вообще отдельная песня, — сказал Клинч. — Вот скажи, Борланд, сколько артефактов ты нашел и продал за свою жизнь?

Хруст прекратился.

— Никогда об этом не думал, — ответил сталкер. — Даже самому интересно стало.

— Шестьсот двадцать девять.

— Неужели?!

— Научники ведут учет, — невозмутимо объяснил майор. — Кто и сколько чего сдает. А сколько ты денег получил с этого в общей сложности?

— Негусто, — признался Борланд. — Я в основном бартером брал. Патронами, снарягой. Что тут деньги? Бумажки!

— Ну и молодец, — сказал Клинч. — Потому что от твоих артефактов после перепродажи доход был заоблачный.

— Насколько заоблачный?

— Сформулируем так, весь авиапарк Коалиции нам обошелся дешевле.

Борланд сжал в руке оставшиеся галеты, превратив их в хлебное крошево.

— Ни хрена себе, — вырвалось у него. — И все это без учета налогов?!

— Ты наверняка гордился своей коллекцией костюмов и оружия, сложенных в схроне, — продолжал подначивать Клинч. — Так теперь можешь ценить ее еще больше. Как-никак именно за этот убогий скарб ты и пахал года четыре.

— Да... ты... да у меня нет слов, — только и произнес Борланд. — И мне никто даже премию не выдал.

— Будь у меня полномочия хотя бы двухдневной давности, я бы, пожалуй, перечислил тебе пару-тройку миллионов долларов. За будущую помощь. Мне же не жалко.

— Ах ты, скотина...

— Марку больше раз в пять, так как ему куда хуже пришлось. Но теперь, мужики, не сердчайте. Будем все воевать за высокую и одухотворенную Ее Величество Идею.

Сзади раздалось сердитое сопение.

— Ну все, ты его озадачил, — улыбнулся Марк. — Теперь он будет прикидывать кучу

вариантов, как стать самым незаменимым человеком в команде.

— Да, я амбициозен! — раздался голос с заднего сиденья. — И чувствую, что меня жестоко кинули!

— Терпение, браток, — успокоил Клинч. — Не думай, что стал крутым сталкером от такой статистики. По совокупным объемам поставок ты даже в первую двадцатку неходишь. Больше всего артефактов собрали такие люди, как Шустрый, Меченый, Неро, Шрам. Хороший сталкер — человек работающий и незаметный. Стоит ему влезть в различные разборки, как доход от него тут же начинает стремиться к нулю.

Загорелся светодиод на консоли, его сопровождал тихий звуковой сигнал. Клинч тут же открыл глаза и обратился к показаниям на мониторе бортового компьютера.

— Вот результаты диагностики, — сообщил он. — «Тайкун» в порядке, вполне готов к старту и использованию в боевых условиях. Немного «ранетка» барахлит, но калибруется быстро. Вот конкретно с винтами дело обстоит хуже. Плазма-клей, который я использовал, прослужит не более девяноста минут при спокойной эксплуатации. На практике дольше и лучше, но будем исходить из минимальной удачи. А до этого требуется по меньшей мере двенадцать часов, чтобы он схватился. Так что до рассвета мы никуда не поднимемся. Потому у нас два варианта: либо мы ночуем в кабине и завтра летим к границе с Припятью напрямую, либо бросаем вертолет, выдвигаемся сейчас пешком, идем к «Долгу» через весь Янтарь и завод и в перспективе воюем как трое пехотинцев-дилетантов, имея вторую ночь подряд почти без сна. Скажу сразу, что первый вариант мне нравится больше.

— А я вообще второй с ходу не полюбил, — признался Борланд, не вставая с дивана. — Вот с первого взгляда. Веришь, ты мне описал второй вариант, и у меня что-то сразу и сердце схватило, и в голове зашумело...

— Что мы теряем, если подождем? — спросил Марк.

— Ничего. До рассвета не будет никаких боевых действий. Нож остался у Анубиса. Даже если он выедет на север сейчас, то до Рыжего леса доберется ночью. Проскользнуть ему мимо укреплений, думаю, не удастся. Нет, он останется на месте либо заночует на Милитари. А утром мы к нему вылетим и на месте решим, что да как.

Марк смотрел на приборную панель.

— Клинч, у бортового компьютера есть стандартный пользовательский интерфейс? — спросил он.

— Как же, — сказал майор. — Windows-Миллениум. Может, тебе и «мышку» с клавиатурой дать?

— А ноутбук найдется?

— Марк, ты, часом, боевой вертолет с компьютерным симулятором не перепутал? Где я тебе на Янтаре добуду ноутбук?

— У Доктора есть, — раздался голос Борланда. — Я сам видел. После обстрела его компьютер не пострадал. Клинч, радуйся.

— Я рад, — мрачно произнес Кунченко. — А зачем тебе компьютер? Осла на ферме покормить?

Марк нервно потер губу.

— Есть идея одна, — сказал он. — Вокруг Припяти и ЧАЭС сплошная аномальная стена, так ведь?

— Ну, не сплошная, — ответил Клинч. — В среднем там по одной аномалии на сорок метров, но это все равно слишком густо, чтобы можно было по воздуху пролететь.

— Но «Тайкун» ведь смог бы?

— И ты, конечно, первый, кто об этом догадался, — с сарказмом сказал Клинч. — Там невозможно протиснуться. Ни мне, ни тем более другому пилоту с другой «вертушкой». Все изучено вдоль и поперек. У меня есть полная трехмерная карта с расположением постоянных аномалий в воздушном пространстве участка.

— Допустим. Ты выброс учел?

— При чем тут это?

— Последний выброс был необычайно силен. Он не мог не повлиять на расположение аномальных точек. Наверняка есть смысл изучить их, скорректировать карту и попытаться

разработать маршрут пролета.

Майор поразмыслил.

— Даже если ты что-то и найдешь, то реализация станет неоправданным риском, — сказал он.

— Как же неоправданным?! Завтра забрали бы нож у Анубиса и вылетели напрямик к Саркофагу. Что мы теряем, если изучим этот вопрос? Все равно до утра нам делать нечего. Будь у меня компьютер и карта, я бы попробовал найти фарватер.

— А он прав, — сказал Борланд. — Подумай. Я, кстати, тоже к Доктору ходил бы.

— Началось. Тебе-то зачем?

— Проведать, как он там в одиночестве, когда Уотсона с ним больше нет, — ответил сталкер. — Не мучает ли его рана на голове, полученная после твоего обстрела, не бывает ли у него болей. Нужна ли ему помощь. Посмотреть в глаза, пожать руку, сказать «спасибо». А ты, майор, не испытываешь такого желания? Может, тоже бы нашел, что ему сказать.

Кунченко безучастно шел тумблером вверх-вниз, словно проверяя, не разболтался ли он.

— В принципе мне тоже есть зачем к нему идти, — пробормотал он. — Мне не мешают инструменты для тонкой работы. Подрихтовать трансмиссию...

— Так, майор, все с тобой понятно, — сказал Марк, открывая люк кабины и впуская холодный болотный воздух. — Сиди здесь и придумывай, как еще использовать окружающих тебя людей и что с них получить. Когда будешь готов сам оказать помощь, иди за нами. Не хочешь — никто не заставляет.

Борланд тоже вылез наружу и проверил пистолет.

— Тут идти минут двадцать, — сказал он Марку, ступая по тропе, издающей чавкающие звуки с каждым шагом. — Ночное видение с собой?

— Конечно. Пока за мной иди, я же по дороге мины расставил.

Шум сзади заставил их не обернуться, а обменяться короткими улыбками, почти незаметными в ночи. Клинич захлопнул дверь кабины и догнал их.

— Ну ладно, будь по-вашему, — проворчал он. — Только чтобы больше без подколок. Идет?

Глава 17 Полумесяц Анубиса

Караван «тигров» плавно пересек незримую линию, разделявшую сферы влияния кланов. Башни военной базы, давно ставшей достоянием «Свободы», все сильнее возвышались над местностью, словно предупреждая всех чужих о том, кто здесь хозяин. Глядя на высокий забор, скрывавший жилые бараки и укрепления, Анубис в очередной раз испытал неприятное чувство, острый укол несправедливости. Точки расположения «Долга» в Баре и Темной долине постоянно претерпевали нападения всех существующих кланов Зоны, за исключением, конечно, «Монолита». Но резиденция «Свободы» на Милитари ни разу не была серьезно атакована, благодаря чему сталкеры, входившие в клан, бродяжничали и слонялись внутри базы, никого не опасаясь. Можно было пить водку, жечь костры, играть на побитых гитарах, постреливать в мешки с песком и заниматься всем остальным, что душе угодно.

Шедший впереди проводник вопросительно посмотрел на Анубиса. Лидер указал ему двигаться дальше.

— Впереди может быть патруль, — сказал Серафим, держа первую скорость.

— Если будут останавливать, тормози по первому требованию, — отдал распоряжение Анубис, следя за снайперами на вышках. — А нет, так едем дальше.

Проехать мимо базы все же не удалось. На перекрестке, часть которого перекрывал трухлявый каркас поваленного на бок БТР, стояли трое «свободовцев». Одеты они были характерным для клана образом, то есть их снаряжение представляло собой солянку из разных элементов военного и походного обмундирования, которое только можно было встретить в Зоне. В последнее время клан претерпевал тяжелые времена, будучи изнуренным войной с «грешниками», так что комбезов на всех не хватало — бродяги перебивались как могли.

— Мир вам, добрые люди, — сказал командир троицы, держащий в руках «Калашников»,

ствол которого был зачем-то перевязан грязным бинтом.

— И тебе мир, — пожелал Анубис, как только Серафим остановил машину. — Чего нового? Пришлые проблем не доставляют?

— Как посторонний в твоём доме может не доставлять проблем? — произнес командир.

Анубис кивнул, поняв намек.

— Мы проедем? — спросил он.

— Никак нет, — последовал ответ. — «Свободе» нет причин терпеть под своими стенами ещё одну левую контору со стволами. Даже проездом.

— Вот как? — удивился Анубис, встав и облокотившись о раму джипа, венчающую ветровое стекло. — Ты точно уверен, что можешь выносить такое ответственное решение?

Командир не отвёл взгляда, его напарники даже не шевельнулись.

— Я под этим решением кровью родной матери подпишусь, — сказал он. — Тем более что это мнение не только мое. Арчибальд дал прямое указание никого не пропускать и всех, кто желает двинуться на север, отправлять на базу для разговора. Там поговоришь с ним и решишь, стоит ли тебе двигаться дальше. Если не вариант, никаких проблем — разворачивайтесь и возвращайтесь обратно.

— То есть Арчибальд знал, что с юга кто-то появится, — изрек Анубис. — Не прояснишь почему?

— Проясню. И даже денег за это не возьму. Когда в Рыжем лесу внезапно разворачивают фронт для войны, это напрягает. Но если никто не нападает в течение дня, то это напрягает ещё больше. Потому как ежу понятно, что пришлые кого-то ждут, кто сам появится. Раз это не мы, то это вы.

— Разумно, — вынужден был признать Анубис. — Стало быть, Арчибальд хочет знать о намерениях «Долга». Что же, я поговорю с ним. Рация есть?

— Без рации поговоришь, — сказал командир. — На базу пуцу не более четырёх человек. Без оружия.

Анубис посмотрел на распахнутые ворота базы. Думал он всего несколько мгновений.

— Нас пойдёт шестеро, — сказал он. — Причем ты со своими людьми останешься здесь.

— Я сказал...

— Я слышал. Стволы можешь не убирать, все же это твоя территория. Ты здесь хозяин, как погляжу. Значит, тебе и гостей принимать.

Лидер «Долга» быстро отобрал пятерых помощников. Командир заставы смотрел на это с посеревшим лицом.

— Меня возьми, — сказал Дизель, встав перед Анубисом вплотную.

— Нет. Ты останешься тут. Если будут проблемы, решай их как умеешь.

— Ну смотри тогда сам.

Шестеро мужчин направились к массивным распахнутым воротам. Войдя в зону обстрела пулеметов, Анубис не ощутил никакого волнения, и это его приободрило ещё больше. «Долговцы» прошли по длинному мосту, чувствуя на себе настороженные взгляды всех обитателей территорий. Из барака выглянул голый по пояс мужик в фартуке и с папиросой в зубах. Завидев гостей, он тут же скрылся, и вместо него вышли четыре бойца, вооруженные очень внушительно.

Анубис только коротко взглянул на них, и все. Когда он проходил мимо вышки, расположенной в самом центре складов, сверху упала пустая жестяная банка из-под пива, пущенная явно не по воле ветра. Поперек дороги, шурша резиной, прокатился футбольный мяч. «Свободовцы» постепенно стекались к центру, держа дистанцию.

— Где Арчибальд? — спросил Анубис у ближайшего парня, совсем молодого, у которого, помимо любопытства, в глазах пробивался ещё и страх. — Он меня ждет.

— Я здесь, — послышался голос, и все расступились.

К визитерам не торопясь подошел высокий, сухопарый человек. Съеденные сединой и частично плешью волосы не имели ни единого темного участка, сеть морщин покрывала лицо, не растерявшее тем не менее достаточной для представительского вида энергии. Шумное дыхание, жесты выдавали возраст. Не было никакого секрета в том, что Арчибальд в последнее время начал сдавать — он банально постарел. Ему уже перевалило за семьдесят лет, но тем не менее это был тот тип стариков, которые способны дать фору многим юным конкурентам.

— Я рад, что ты пришел, — поприветствовал Арчибальд. Было видно, что неизменный тяжелый бронезилет на нем сидит так же хорошо, однако уже намного сильнее докучает при ходьбе. — Нам нужно обсудить, что случилось в последние сутки.

— Мои люди идут со мной, — сказал Анубис. — Бери кого хочешь в охранники, если не доверяешь, но говорить я стану только в их присутствии.

— Не возражаю, — попытался улыбнуться Арчибальд.

Разговор прошел в кабинете босса, причем ничего нового для себя Анубис не открыл. Как он и предполагал, босс «Свободы» просил о помощи.

— Сегодня день был беспокойный, — сказал старик, сидя в кресле, обтянутом выцветшим зеленым сукном. На столе стояла пепельница, полная окурков. — Тяжело поддерживать порядок, когда в километре от тебя находится не меньше сотни военных с техникой.

— Среди них не все военные. Есть и просто наемники.

— Да какая разница? — отмахнулся Арчибальд. — Уверяю, когда они начнут воевать, то будут делать это организованно. Никого не оставят.

— Не начнут.

— Да? — Арчибальд прищурился. — Я знаю, в чем тут дело. Ты думаешь, что спецы десантировались просто для того, чтобы кого-то остановить. Тебя, например. Не надо так смотреть, это элементарно. Тебе нужно на север, и я не спрашиваю зачем. Я не знаю, это не мое дело, и, если стану задавать вопросы, могу вызвать твое неодобрение. А мой клан сейчас ослаблен, и мне ни к чему снова заводить себе врагов в «Долге». Я достаточно стар, чтобы признавать, когда теряю позиции. Но попробуй заглянуть дальше. Если Глок хочет установить контроль, то не проще ли ему будет отдать приказ атаковать нас, прежде чем мы на что-то повлияем? Ведь мы можем закрепиться рядом с ними, и тогда расходы Глока на содержание бойцов значительно возрастут. Ему будет выгоднее отдать приказ о нападении.

— Когда ты успел позволить себя запугать?

— Я не запуган. — Арчибальд хлопнул ладонью по столешнице. — Просто я умею оценивать ситуацию. Коалиция решила приструнить нас, это как пить дать. Уйти из Зоны нам не позволят, иначе Глок сразу бы пооткрывал все двери и вымел кланы веником. Остается один вариант: нас всех хотят завалить.

Анубис покрутил в руке пластиковую бутылку минералки.

— Тогда почему военные стоят на месте? Нет, я не согласен. Это обычный заслон, чтобы не дать пройти к северу.

— Блокада севера уже есть — «монолитовцы»! — Арчибальд залпом допил кофе из алюминиевой кружки. — К чему Глоку выставлять еще одну? Нет, нас всех точно прибьют, если мы что-то не предпримем.

— Что, например?

— Нам не впервой объединяться для устранения общего врага.

Анубис задумчиво постучал бутылкой о край стола.

— При участии обоих кланов в полном составе? — уточнил он.

— Почему бы и нет?

— Ты бредишь, Арчибальд.

Лидер «Свободы» вскочил с кресла, красный от натуги. Анубис остался сидеть на стуле.

— Не надо так, Анубис. — Вытянутый палец старика дрожал. — Ты отлично знаешь: если не будет меня, то не станет и тебя. Начнется глобальный замес, и в живых никого не останется! Ни ты, ни я не занимаем тепленьких мест в торговой сфере Зоны, конвейер отлично крутится и без нас, и Глоку достаточно просто не трогать сталкеров, чтобы не сбиться с ритма. Но мы — кланы! Мы созданы искусственно, ради конкретной цели по поддержанию внутреннего порядка. И мы только что выработали свой ресурс. Глок станет с нами считаться только в одном случае — если мы разобьем его наемников на границе с Рыжим лесом и докажем, что сильны.

Анубис тоже поднялся и задвинул стул на место.

— Первое, — сказал он. — Я отождествляю себя с кланом «Долг», это верно. Но не ставлю себя ему в равенство, я не настолько велик, чтобы свои сугубо личные желания выдавать за волю всего клана. Поэтому, общаясь со мной, будь добр уклониться от подобных аналогий с собой и своей группировкой. Второе. Наши кланы изначально не являлись шестерками Коалиции, когда-то

мы были независимыми ото всех, не имели внешнего спонсирования, и, соответственно, за нами никто не присматривал и тем более не указывал, что делать. Стыдно не знать истории своей семьи, Арчибальд. Согласен, что для тебя крушение связей с Глоком — это крах группировки. Даже соглашусь, что Воронин и Ястреб тоже считали бы независимость гибелью для «Долга». Но я как раз только приветствую возврат к былым временам. И третье. — Он встал напротив Арчибальда. — Мы тебе поможем. Ты дашь пристанище всем моим товарищам на своей базе и позволишь спокойно расхаживать по территории. Ни единой провокации с вашей стороны, даже косога взгляда. Причем «долговцы» будут ходить с оружием. Если ночью произойдет атака с севера, мы вместе ее отобьем. Если не произойдет, то наши на рассвете идут дальше на север, а вы, если передумаете помогать, то не станете хотя бы мешать. Ты согласен с моими условиями?

Арчибальд с тревогой сел обратно в кресло.

— Да, — ответил он. — Но я не могу обещать, что ни один из моих ребят не станет цепляться к вашим. Все же годы конфликтов никто не отменял.

— Чудесно, — кивнул Анубис. — Потому что если б ты не стал возражать по этому пункту, это служило бы признаком, что ты лжешь.

Было уже далеко за полночь, когда лидер «Долга» смог вернуться в барак, выделенный специально для него и остальных участников клана. Время прошло за обсуждением вариантов стратегии нападения, преимущественно выражавшегося в громких высказываниях на редкость наивных идей. Тактики «Свободы» были людьми шумными, не вполне представляющими, в какое русло им следовало направлять свою энергию. И все же Анубис понимал, что у ветеранов клана были качества, которых «Долгу» очень не хватало, — раскрепощенность, стремление полагаться только на себя в любой ситуации и большой запас самоиронии. Еще они не путали Зону с горячей точкой, что Анубису очень льстило. Когда слышалось бодрое «„Свободу“ не остановить!», то это следовало расценивать как «меня не остановить». Сложно было представить себе схожую фразу из уст «долговца», поскольку суровый клан жил скорее по принципу «братва за меня отомстит». При этом установка «Долга» жестко наказывать врагов была порождена не столько насущной необходимостью правосудия — какое правосудие в Зоне? — сколько стремлением утереть нос «Свободе», которая, хоть и руководствовалась правилом, что каждый сам за себя, на деле все же не прощала обид своих подопечных. Могла прощать, просто этого не делала. И суть тут была вовсе не в морали или справедливости, так как «Свободе» не было нужды перед кем-то красоваться. «Долг» зачастую совершал поступки, целью которых было сохранение репутации, «Свободе» же подобные театральные действия были закономерно смешны. В этот клан вступали не для того, чтобы чувствовать, что твою спину прикрывает напарник; в «Свободу» шли, чтобы прикрывать себе спину самому — и товарищу заодно, если была возможность. Во всех остальных отношениях клан состоял из самых разных людей, которые в других условиях никогда бы не нашли общего языка. Членство в «Свободе» утихомиривало, притирало людей друг к другу, позволяло забыть о куче предьяв к миру и обществу, легче воспринимать встречные закидоны. Конфликты в клане случались каждый день, вспыхивали мгновенно, но сразу же перегорали естественным путем, не оставляя следов. Не было пороховой бочки, которая могла бы воспламениться из-за постоянно сдерживаемого гнева, что полностью снимало любые проявления социальной напряженности. Часто бывали случаи, когда новички в Зоне оседали в стенах военных складов, не выявляли никакого активного участия в делах клана, чтобы спустя несколько недель или месяцев, собрав около десятка артефактов, спустить их на билет домой. Уходили они счастливыми.

Анубис мог восхититься особенностями клана лишь как сторонний наблюдатель — любая мысль о том, чтобы ввести в «Долге» некоторые черты общественного строя конкурента, была тягостна для него. Не было ни единой возможности переломить суровую статистику, по которой утечка кадров из «Долга» в «Свободу» многократно превосходила по своим масштабам обратный процесс. Как обычно, вербовка «долговцев» происходила почти исключительно из вольных сталкеров, да и то они выбирали этот клан лишь потому, что группировка черно-красных комбинезонов занимала все центральные перекрестки Зоны и, следовательно, была первой конторой, которую встречали бродяги, рискнувшие зайти дальше Свалки. В «Долг» могли влиться по случаю, в «Свободу» — исключительно по выбору.

Не снимая куртки, Анубис лег на нижний ярус двухэтажной кровати. В бараке было места человек на пятьдесят, но сейчас в нем вместе с Анубисом находилось только пятеро «долговцев». Шестой стоял снаружи, неся дозор. В помещении витал запах жареного мяса и грибов, говорящий о том, что не так давно здесь находилось много людей, которых вытурили отсюда специально, чтобы устроить гостей. Анубису было очень неудобно из-за этого — неизвестно, где сейчас разместились истинные обитатели барака. Гораздо легче было держать «свободовца» под прицелом, когда группировки пребывали в состоянии войны. Принять гостеприимство от этого клана в мирное время было большим испытанием, чем Анубис мог спокойно перенести.

Он провел рукой по щеке, чувствуя двухдневную щетину. Побриться, что ли? Иметь хоть какое-то преимущество перед хозяевами базы, пусть даже чисто визуальное, — такие мелочи всегда бьют в цель, если правильно их преподнести. Но бритвы у Анубиса не было, а просить у «свободовцев» он не мог, тем более заглядывать в чужие ящики, словно нарочно незапертые.

Повернувшись на бок, лидер «Долга» обнаружил, что кровать кажется слишком комфортной. Приглядевшись, он понял, что она являлась рукодельной, местного производства, работы кого-то из талантливых столяров. Кровати на «долговских» базах были грубыми, военными, сваренными из железных труб точно под копирку. Здесь же все койки представляли собой индивидуальный человеческий труд, в который производитель вложил частичку души, стремясь в меру сил создать подобие родного дома. Лежа на полосатом матрасе и глядя на окно, за которым в ночи светил яркий фонарь, Анубис видел на фоне светлого прямоугольника резную раму соседней кровати. В детстве он встречал точно такую же у бабушки. И эта рама, старательная выточенная неизвестным мастером, которого, возможно, уже не было в живых, нервировала Анубиса, напоминала ему о своей чуждости этому месту куда сильнее, чем предупредительный взгляд, точные слова и перебинтованный автомат командира заставы. Преемник Ястреба понимал, что он ничего не сумеет противопоставить этому месту и людям, которые здесь живут, и точно не победит их ни в какой войне. И не помогут ему ни джипы, ни острые мечи, ни сверкающие доспехи.

С этими мыслями Анубис встретил спасительную усталость и провалился в сон.

Разбудил его тихий шелест. Хотя он мог быть вызван особенностями акустики нового места для ночлега, производить шум могли лишь хорошо известные соратники из своего клана, а звуки были незнакомые, вплоть до шагов и дыхания. Поэтому Анубис проснулся мгновенно, подобно дикому зверю, сразу же придя в боевую готовность.

— Нуб, ты здесь? — раздался шепот.

— Кто это? — спросил Анубис, положив руку на пистолет. — Назови себя.

— Это я, Ровер, — послышался голос. — Не могу включить фонарик, нас заметят.

— Что происходит? «Долг», отзовись.

— Мы здесь, — прозвучал знакомый баритон. — Послушай, у Ровера есть дело.

— Арчибальд вас кинул, — быстро проговорил Ровер. — Тебя и твоих парней решено взять по-тихому. Смывайтесь живее, у вас всего минута!

Сон окончательно исчез. Анубис вытащил пистолет из кобуры.

— Мои люди на базе мертвы? — спросил он.

— Они в порядке, и наши ребята тоже не в деле. База живет как жила, ваши с нашими в карты режутся. Речь только про вас шестерых.

— Почему?

— Я не знаю.

— Нас не брать, — сказал Анубис, чувствуя, как глаза постепенно привыкают к темноте. — Даже по-тихому. Один выстрел, и вся база превратится в побоище. Ты гонишь, Ровер.

— Да твою ж мать, «долговец», ты тупой как пробка! Арчибальд знает про нож! Он хочет забрать его у тебя, а что после этого, никому не известно. Дуй за мной.

— Стоп. — Анубис встал с кровати. — А тебе откуда известно о ноже?

— Когда хочешь завоевать расположение племени, нужно дарить бусы не только вождю, но и шаману, так как последний более популярен в народе. Чего вылупился? Глок мне заплатил, чтобы я не мешал Арчибальду. Еще вчерашним утром. Только я сам решаю, продаваться или нет.

— Я тебе не верю.

— Последний шанс. — Ровер сделал шаг вперед и сунул Анубису в руки какой-то

продолговатый предмет. По характерному прикосновению было понятно, что это глушитель.

— У Арчибальда будут такие же штуки, — сказал Ровер, направляясь к двери. — Решай. Я ухожу.

Но не успел Анубис сказать хоть слово, как Ровер резко повернулся и нацелился в «долговцев».

— Стоять! — отчетливо приказал он. — Кто сделает шаг — пристрелю. Не доводите меня.

В этот момент наглухо закрытые форточки помещения распахнулись. Синхронно, бесшумно, тихо открывшись внутрь и повиснув на петлях с легким стуком. В окнах показались силуэты бойцов в масках, с приборами ночного видения. В руках были штурмовые винтовки с глушителями. На лбах «долговцев» заиграли лазерные прицелы.

Анубис поднял кулак, приказывая своим оставаться на местах.

Дверь распахнулась, и фонарь осветил фигуру Арчибальда, входящего в барак.

— Тихо, тихо, — сказал он, делая успокаивающие жесты. — Никто не пострадает.

— Что это значит? — спросил Анубис.

— Все в порядке, босс, — хищно доложил Ровер, продолжая держать автомат. — Они собирались валить, я задержал.

— Молодец, солдат, — сказал Арчибальд, глядя на Анубиса. — Можешь идти.

— Так точно, — сказал Ровер, отходя назад и исчезая за углом.

Лидер «Свободы» продолжал пристально смотреть.

— Анубис, мне нужно только одно, — сказал он. — Нож.

— Какой нож?

— Я не знаю какой. Но ты знаешь. Прости, но таково указание Глока.

— Мне нечего высказать тебе, Арчи, — сказал Анубис. — Так как винить в случившемся я могу только себя. Доверие — роскошь, а я позволил себе забыть о том, где нахожусь. Виноват.

— Я никого не предавал, — уверенно проговорил Арчибальд. — Как и говорил раньше, мой клан сейчас ослаблен. Я заинтересован в том, чтобы нас не раздавили. С тобой мы обсуждали варианты, как этого избежать. Затем я понял, что могу решить эту проблему другим путем. Повторяю, в мои планы насилие не входит. Мне только нужен нож, интересующий Глока.

— Какой интересный человек наш Глок, — произнес Анубис. — Догадался еще вчера утром заплатить Роверу, чтобы он тебе не мешал. А по твоим словам, светлая идея накрыть меня и моих ребят пришла в твою голову только что. Как-то не сходится.

Арчибальд раскрыл рот, но промолчал. Сказать было нечего.

— Вот теперь ты точно лжешь, — продолжал Анубис. — Тебя купили давно, и ты все это время пытался меня остановить. Стволы твоих шестерок я расцениваю как объявление войны, но согласен отсрочить ее начало до тех пор, пока не выпадет возможность обсудить все, что сейчас произошло, в других условиях. Но это потом, а как будет сейчас, я скажу. Я со всеми своими людьми покидаю лагерь. Никто не пытается нас остановить. Если кто-то нам помешает, будет бойня. И независимо от ее исхода, остатки твоего клана будут задавлены Глоком, потому что ваша боевая мощь будет подорвана, а его задание ты все равно не выполнишь.

— Я не могу на это пойти, — сказал Арчибальд и вздохнул. С напускной грустью, неискренне. Все же из него был плохой лжец. Внезапно Анубис понял, что это не недостаток лидера «Свободы», а, вероятно, его самый существенный плюс. И большое проклятие.

— Прикажи своим людям опустить оружие, — повторил Анубис. Его товарищи расступились, встав классическим полумесяцем, оставив своего командира в центре.

— Не надо, — покачал головой старик. — Вы не сумеете выйти. Пожалуйста, отдай нож.

Люди в окнах напряглись. Все замерли на местах в тягостном ожидании.

Анубис улыбнулся. Чуть выйдя вперед, он повернулся так, чтобы каждый из «долговцев» мог видеть его. Во мраке они не различали его лица, но хорошо чувствовали его выражение.

— Вы помните, что такое «Долг»? — спросил Анубис. — Все знают, что «Долг» — это самая благородная группировка в Зоне. Лучший клан, самый влиятельный, самый дружный. У нас процветают дисциплина, закон, честь, кодекс и принцип командной силы. Нас никто не смеет давить. Я прав?

— Так точно! — послышались пять голосов почти одновременно.

— А теперь забудьте всю эту херню.

Гробовая тишина послужила ему ответом.

— «Долг» — это приманка для лохов, — продолжал Анубис. — Тортик для пацанчиков, не способных решать за себя. Мы — термиты, которые сгрызут любое дерево быстрее, чем бобры, не построив при этом никакой плотины, так как мы слишком круты, чтобы работать. У нас самомнение выше Останкинской башни, поставленной на нос Сфинксу. Потому что в нас вложено больше денег, чем в проект Керченского моста. У «Долга» куча баз по всей Зоне, своя форма, оружие, а самое главное — философия, которую без пузыря и мата и не родишь. Мы носим идиотские зеркальные шлемы просто потому, что в этом году они в моде. Расцветки наших костюмов по любым психиатрическим таблицам провоцируют спонтанную агрессию, а наши табельные стволы имеют встроенные гранатометы, потому что гранатомет — это стильный аргумент и это круто. У нас джипы, на которых мы раскатываем по Зоне, зная, какими гламурными смотримся со стороны. Заставить ходить «долговца» пешком можно только в команде, а если одного, то не иначе как в экзоскелете. На спине мы всегда таскаем еще один ствол, чтобы казалось, что стрелять спиной мы тоже умеем. При оптимистичном раскладе мы смешны, при реалистичном — жалки. А причина этому проста. Деньги. Мы попросту крышуем чужой бизнес, подменяя этим свою жизнь. И любой скажет, что в создании имиджа клан добился больших высот.

Но когда-то все было иначе. Несколько лет назад «Долг» был действительно не более чем кланом боевых и верных товарищей. Простите, я оговорился — он был не менее чем таким кланом. Мы жили в грязи, холоде и голоде, но мы жили, а не наводили косметику, как сейчас. Не философствовали о своем призвании, а следовали ему. Банальные вещи вроде простоты, доверия и уважения не смогли пропасть даже после исхода Шептуна. «Набат» уничтожили, убили всех, кто в нем состоял, и все равно не смогли задушить идею. Но «Долг» в этой битве проиграл. Нас купили, как шалав на перекрестке.

— Анубис, замолчи! — крикнул Арчибальд.

— Вам интересно, почему я вам все это говорю? Потому что вы меня очень хорошо знаете. Я был с вами почти в каждом из ваших испытаний, помогал и получал помощь взамен. Не думаю, что место лидера подходит для меня, но вы все меня выбрали единогласно, и я как лидер призываю вас: помогите мне сломать к черту эту систему.

— Так, с меня хватит! — выговорил босс «Свободы».

— Я напомню, чем должен был быть «Долг», — сказал Анубис, добавляя металла в голос. — Простите меня за то, что не сделал этого раньше. И дай вам Бог возможность вспомнить свою резную раму на кровати.

Анубис выдернул из-за пояса небольшую пластиковую трубу. Затем с силой ударил ее концом о рукодельную раму. Помещение наполнилось шипением, яркая вспышка фальшфейера пронзила барак.

«Свободовцы» в стенах с воплями отпрянули, срывая с себя приборы ночного видения, многократно усилившие свечение и нанесшие ожоги сетчаткам глаз. Негромко захлопали стволы штурмовых винтовок.

Арчибальд схватился за подоконник, чтобы не упасть, в шоке глядя на разворачивающуюся перед ним картину. «Долговцы» практически одновременно оказались у ближайших окон, хватая нацеленные на них винтовки, выворачивая их, рвя на себя, срывая ПНВ с лиц нападавших, тыча пальцами в глаза, круша носы четкими ударами. Двух бойцов втащили в барак, а добились их уже другие. «Долговцы» двигались в неуловимом ритме, почти беспорядочно, но вместе с тем выверенно и безошибочно, вынося нападавших в рукопашном бою, тут же переключаясь на другие цели. Мало кто видел в действии легендарный «полумесяц Анубиса», сложнейшую и разветвленную боевую схему, неизменно начинавшуюся с особой расстановки бойцов в количестве шести, двенадцати либо двадцати четырех бойцов, а заканчивавшуюся в зависимости от ситуации. Арчибальд никогда бы не поверил, что шестеро окруженных человек, взятые врасплох, способны превзойти дюжину его лучших головорезов.

Больше лидер «Свободы» ничего не увидел. Анубис разжал пальцы, позволив фальшфейеру упасть на дощатый пол. Прежде чем цилиндр успел закончить полет, лидер «Долга» поднял пистолет, на дуле которого красовался глушитель Ровера, надетый во время монолога. В поднявшейся суматохе тихий хлопок был едва слышен.

Пуля вошла в лоб Арчибальда, чей силуэт на фоне дверного проема представлял собой отличную мишень. Старик зашатался, комом свалившись на крыльцо. Все было кончено.

Анубис повернулся к своим людям, держа пистолет наготове. Четверо его товарищей стояли на ногах. Больше никто не шевелился. Значит, пятый сложил голову в этом бою.

«Долговцы» встрепенулись. Анубис снова обратился к двери.

Прозвучал быстрый топот, и в проем с автоматом в руках ворвался Дизель. Быстро осмотревшись, он свободной рукой поднял труп Арчибальда и втащил его внутрь.

— Все живы? — спросил он.

— Нет, — ответил Анубис. — Нужен свет.

Следом за Дизелем вошел Ровер. Он включил фонарь и поводит им по полу.

— Тимур мертв, — сказал один из «долговцев», наклоняясь над телом товарища и проверяя его пульс.

— Спасибо, друг, — произнес Анубис, обращаясь к мертвецу. — И прости.

— Остальные тоже готовы, — сообщил Ровер тем же шепотом. — Это вы их уделали? Сами?

— Что снаружи? — спросил Анубис.

— Все тихо, — сказал Дизель. — За мной прибежал Ровер и позвал на помощь. Вижу, вы справились.

— Собери всех, — велел Анубис. — Как можно быстрее и незаметнее. Мы уходим.

— Стойте. — Ровер загородил выход. — Зачем уходить? Давайте выйдем все вместе.

— Если хочешь, иди с нами.

— Я не об этом. По всей базе по-прежнему работает приказ дружить с «долговцами». Давайте продолжим эту идею.

— Арчибальд мертв, если ты не заметил.

— А кто об этом знает?

Лидер «Долга» на миг задумался.

— Теперь я здесь главный, — пояснил Ровер. — Выйдем, объявим о мире и временном объединении. В два клана мы разгрохаем блокаду Глока и повесим его самого на соснодубе. Анубис, дружище, пора кончать с этой лавочкой.

— Решено, — согласился Анубис. — Поднимай народ. Говори им, что хочешь.

Ровер было вышел, но тут же снова сунул голову и спросил:

— Ты там свой нож не потерял? Если что, мне он не нужен. Я просто любопытный.

— Как я могу его потерять? — удивился Анубис. — Его у меня и нет.

Ровер, ничего не поняв, кивнул и исчез.

«Долговцы» собрали винтовки нападавших. Дизель положил свой автомат на плечо.

— Поднимать наших? — спросил он.

— Да, — твердо ответил Анубис, проходя мимо него. — Мы идем на войну!

Он вышел навстречу неизвестности, сопровождаемый довольным Дизелем.

Над далекими деревьями Зоны уже занимался рассвет.

Глава 18 Рыжая ночь

В бинокль были видны лишь блеклые заросли, простирившиеся на много километров вперед. Через несколько минут, когда сумерки перейдут в непроглядную темноту, видимость снизится настолько, что дальнейшее продвижение будет требовать невероятной концентрации, а под рукой не будет ничего, кроме карт. Подробных, редких, из секретных запасов «Долга», но все-таки обычных карт, которые не всегда отражают реальную действительность и не дают никакого представления о новых, незнакомых местах. Так что Фармер, пока еще не совсем стемнело, старался окинуть взглядом как можно больше деталей, ориентиров, мысленно проложить варианты дорог. Осознать, впитать масштаб предстоящего путешествия.

— Я не стал прокладывать маршрут, — сообщил Уотсон, переводя КПК в беззвучный режим и застегивая накладку на липучках. — Мало данных.

— Правильно. Пойдем, импровизируя. Постараемся избегать троп.

— Знать бы еще, сколько у нас времени на все про все.

— Не будем торопиться. Пойдем по оптимальному соотношению затрат и результата.

Лежащие в овраге Фармер и Уотсон пришли в нужной настрой лишь после того, как последний из джипов «Долга» скрылся за поворотом. Когда со сцены исчезли посторонние, парни быстро переключились на привычную манеру общения, снова установившую единый ритм, вернувшую взаимопонимание, ослабевшее в последние несколько суток. Отсутствие Литеры чувствовалось особенно сильно, но это был не повод, чтобы расклеиваться.

— Выделка костюмов займет по меньшей мере минут пятнадцать, — сказал Уотсон, приторачивая к рюкзаку маскировочную сетку, выданную Анубисом. — Предлагаю не тратить время сейчас, пока есть силы для перехода, и совместить эту работу с ближайшим привалом.

— Согласен. — Фармер убрал бинокль в чехол на поясе. — Пойдем сейчас на северо-северо-запад. Сетка пока все равно не понадобится.

Сталкеры проверили снаряжение, выбросили все лишнее. Запас еды на два дня не нужен, а места занимает порядочно. Через несколько часов движения дополнительная банка консервов будет по весу чувствоваться как кастрюля борща, а по питательности с ним по-прежнему не сравнится. Уотсон был рад тому, что все свои электронные игрушки оставил у Доктора, иначе сейчас их пришлось бы зарывать под ветвистым деревом, не зная, когда удастся забрать. Бросили также и альпинистские сумки, когда стало ясно, что применить их все равно нигде не удастся.

К сожалению, существенно уменьшить переносимый вес не удалось — Фармер решил не оставлять дробовик. Это было изящное, переделанное под себя ружье, модернизированный «карабинер» с магазином на десять патронов, который Анубис забрал у Серафима. Помимо этого, сталкеры были вооружены знакомыми им бельгийскими винтовками FN-2000, напичканными полным набором приамбасов. Фармер сразу надел на обе винтовки ночные прицелы. Кроме того, у каждого был пистолет и по две гранаты, хотя пользоваться последними не планировалось, чтобы не выдать своего присутствия. Разве что в самом крайнем случае.

Поверх бронжилетов и видимого снаряжения сталкеры надели пыльники — снаружи торчали лишь винтовки. К капюшонам были приделаны респираторы. Никакой радиосвязи, сталкеры не планировали расходиться даже на десяток метров.

— Повторим план, — сказал Уотсон. — Идем в Припять вдвоем как вольные сталкеры. Доставляем туда нож любой ценой. Избегаем столкновений, конфликтов и по возможности — любых встреч. Особенно осторожно продвигаемся мимо блокады военных на границе с Рыжим лесом. Добравшись до Припяти, находим убежище и сидим в нем, пока не появятся союзники.

— Правильно, — согласился Фармер. — Давай так и сделаем. После этого, думаю, наша роль во всей этой заварушке будет закончена.

— Тогда вот расширенные данные, — продолжил Уотсон. — На карте, что дал Анубис, есть координаты схронов «Долга», а также военных запасов. Если что, мы можем двигаться от одной точки к другой, по пути выясняя, чего нам недостает для продвижения. Но, на мой взгляд, у нас все есть.

— Все.

— И еще кое-что. Консул также дал совет.

— Какой совет? Ты ничего не говорил.

— Когда он вручал мне нож, то добавил кое-что от себя лично, предназначавшееся только для моих ушей.

Он сказал, что если мне и моим товарищам понадобится помощь надежного человека, то мы можем найти его в определенной точке, где этот человек будет стоять в определенные часы. Взгляни, я нанес на карту.

Фармер с интересом посмотрел на нарисованный шестиугольник.

— Километров восемь до места, двигаясь по сталкерским тропам, — сказал он. — Если альтернативной дорогой, то и все десять. Думаешь, стоит?

— Думаю, да. Помощник — это не только третий ствол и дополнительная пара глаз, это еще и второй санитар, если одного из нас придется тащить на носилках, и дополнительный часовой при вахте. А с учетом нашей задачи третий человек может стать тем самым союзником, которому можно будет сдать нож, чтобы он вернул его Консулу. Это если дела пойдут совсем плохо.

— Не знаю даже. Я не хочу никакого третьего. Ему ведь придется привыкать к нам, а не

наоборот, даже если это Илья Муромец с мечом-кладенцом, на котором лежит благодать Шивы. Потому что мы в связке, а он нет.

— Нам никто не мешает сохранить схему «2+1», если придется пользоваться чьей-то помощью.

— Тогда будь по-твоему, — сказал Фармер, снова глядя на карту с задумчивостью. — У меня одна мысль возникла. Если помощник ждет в этом участке, да еще и не постоянно, то этот участок не должен быть слишком опасным. Раз отдельно взятый человек может спокойно приходить и уходить...

— Я тебя понял. Северо-западный район непопулярен, так что, возможно, как раз там самый спокойный путь. Но это все догадки. Не хочу гадать попусту. Решай, идем мы в том направлении или нет.

— Идем.

Первая половина Милитари прошла в спокойном режиме, почти шадящем. Ни Фармер, ни Уотсон в этом районе не были еще ни разу, однако их успокаивало чувство, что это как-никак достаточно востребованная среди сталкеров территория. Как и на всех остальных участках Зоны, здесь можно было выжить при определенном уровне сноровки, внимания, выносливости и технического оснащения.

Фармер шел первым, но следить за детектором предоставил Уотсону, держа в руках полуопущенную винтовку. Он останавливался по первому требованию товарища, даже просто по изменившемуся шагу или звуку дыхания. Четыре раза им встречались аномалии, причем одну из них Уотсон распознать не сумел. Дважды им встречались сталкеры, в первый раз — «свободовцы», которые только издали махнули руками и пошли дальше. Уотсон помахал им в ответ. С вольными сталкерами дела шли хуже — они явно напрашивались на разговор, но Фармер нутром почувствовал, что этого делать не стоит. Один гневный взгляд, и сталкеры ушли, не сократив расстояние хотя бы до разговорной дистанции. Возможно, они не хотели ничего плохого, только поговорить о том, где раздобыть такие винтовочки, где сейчас особенно много мутантов и козел ли Сидорович. Теперь их намерения навсегда остались неизвестными, и Фармер переживал, что завел себе врагов на пустом месте. Впрочем, думал он об этом недолго.

Привал сделали, только когда дошли до широкой равнины, за которой простирались необъятные растительные массивы. Это была незримая граница Милитари и Рыжего леса, знаменуемая остатками трансформаторной будки, растащенной на части. Уотсон наконец понял, откуда в «Ста рентгенах» отделанная листовым железом стойка. Вторая половина листа с характерным рисунком коррозии валялась здесь же, придавленная камнем.

— Костер разведем? — предложил Уотсон.

— Зачем? Бродяги увидят — подсесть захотят.

— Иначе мы не приделаем сетку.

— А на черта она нам сдалась в таких потемках? Раньше надо было делать. От кого маскироваться собрался?

— Стемнело быстрее, чем я предполагал. По поводу маскировки не соглашусь — она нам нужна. Думаешь, ПНВ есть только у нас?

Фармер снял с головы капюшон и кинул в рот леденец.

— Тогда давай шить, — сказал он. — Но при тусклом электричестве. Никаких костров.

Уотсон снял с пояса фонарь, перевел в режим слабого дневного света и поставил у ног. Отстегнул сетку, ножом отрезал пару длинных полос.

Сталкеры принялись пристегивать сетку к ткани своих пыльников. Плащи были заранее перешиты в расчете на маскировку, доказательством чему служили старательно выверенные петли и крючки, покрывавшие поверхность ткани почти полностью. Затем Уотсон нарвал множество листьев, и через пятнадцать минут плащи представляли собой практически растительные коконы, в которые тут же и облачились сталкеры.

Закончив с этим, Фармер старательно обернул сеткой бельгийские винтовки. Срезав ножом несколько кустов чертополоха, он умело придал оружию облик обросших веток.

— Выброси остальной рулон, — посоветовал Фармер, пристраивая «карабинер» под плащом стволом вниз.

— А если перешивать придется? Возьму, он почти ничего не весит и места теперь занимает

немного.

— Как знаешь.

Сталкеры удвоили бдительность, зная, что нужно как можно скорее привыкнуть к новому ритму движения. Быстрее, чем наступит усталость. Даже самая высокая концентрация должна содержать в себе определенную долю автоматизма, иначе никаких нервов не хватит.

С тропы сталкеры сошли полностью. Фармер все еще лидировал, стараясь обходить проблемные места, иногда орудуя длинной навахой в особо непроходимых зарослях. Порою ему приходилось рубить минут по десять подряд, чтоб сделать несколько шагов. Уотсон не издавал ни звука, следя за детектором, отмечая пройденный маршрут на карте, постоянно корректируя дальнейшее направление. Не забывал он и присматривать за тем, что творилось сзади.

На третьем часу им встретилась вырытая под скалой нора, из которой доносился запах гниющей плоти. Нора была широкой, больше напоминавшей пещеру. К ней пролегалла неглубокая траншея, словно кто-то волок внутрь крупную добычу или полз сам. Сталкеры хотели обогнуть участок, но, прикинув затраты времени, решили пройти напрямик. Однако после того как жирная почва перед норой стала медленно осыпаться и проседать, Фармер и Уотсон снова пересмотрели намерения. Это стоило им еще двадцати минут, но никто об этом не жалел.

Еще через какое-то время они заметили людей. На этот раз сталкеры не стали тратить слов впустую — рухнули на землю и вжались в нее, стараясь дышать как можно реже и тише. Уотсон понемногу начинал понимать, что размышления о том, кто, куда и зачем здесь может идти, совершенно пусты и бессмысленны. Вольные ли там ходят бродяги, бандиты ли, военсталы или просто свежие зомби — все едино. Они чужие, они никак не относятся к твоей миссии и ничем обогатить твою жизнь не способны. А вот забрать могут запросто.

И незачем пытаться дать гостям какую-то оценку, исходя лишь из их внешнего вида и поведения. Если в дебрях Рыжего леса бродит шумная команда разношерстных парней с самым разным оружием, безбоязненно подсвечивая себе дорогу фонарями, кто-то идет в противогазе, а остальные с открытыми лицами и еще умудряются курить — то это как понимать? Компания может производить впечатление дурных новичков, но не стоит забывать о том, в каком месте они находятся и через что им так или иначе пришлось пройти, чтобы выжить хотя бы к этому моменту. Может, за плечами у каждого по паре десятков жмуров на счету и ни единой царапины.

Прижавшись щекой к земле, Фармер старался не смотреть на свет, чтобы не потерять остроты ночного зрения. Они с Уотсоном находились на чужой территории. Кто раздавал границы и по каким принципам, не имело никакого значения. Проваливай отсюда, сталкер, это наша земля. Почему наша — не имеет значения. Мы первые сюда пришли, мы сильнее, нам так хочется, нам так нравится. А не согласен, так получи девять граммов свинца. Фармер находился в Зоне всего вторую неделю, но уже вполне отчетливо понимал, что она жила по законам огромной детской песочницы. Налет цивилизованности на южных территориях был не более чем аристократической игрой, попытками создать видимость присутствия неких «наших», с которыми спокойнее было бросаться камнями через забор. И главное — делать все с серьезным лицом. К северу от «Ростка» игры были еще более детскими, а потому и более опасными. Здесь не могло быть иных забав, кроме как стукнуть лопаткой по голове любого пришельца с юга. Селиться в Рыжем лесу могли разве что изгои, дезертиры с Барьера и «Монолита», отшельники и аутсайдеры, для которых даже пребывание наедине с собой являлось слишком шумной компанией, от которой хотелось сбежать. Зона могла позволить себе Доктора, но не Психиатра. Местный контингент воздержался бы от платы за доверительную помощь или заботу, а за попытку поставить справедливый диагноз мог и пристрелить. Раны в психике, шрамы на душе — не та категория отпечатков былых сражений, которые украшают мужчину. Так что подавляющая часть населения Зоны оставалась безнадежно больной.

Компания ушла в направлении Милитари. Фармер перевернулся на спину, глядя в черное, как смола, небо без единой звезды. Может, и хорошо, что после выброса все заволокло сплошными тучами. Днем не так жарко, ночью можно двигаться увереннее, зная, что тебя не заметят, если не станут искать или если не сделаешь глупую ошибку.

— Потерял чувствительность к темноте? — спросил Уотсон, кладя себе под язык кубик сахара. — Поищи в карманах рафинад, повысит остроту зрения.

— Наверное, надо переключаться на ночники, — высказал мнение Фармер.

— Зачем они нам в спокойных условиях? Батареи вмиг посадим.

— Мы на время. Доберемся до следующего привала и выключим.

Уотсон снова посмотрел на экран, прикрывая свечение ладонью и сверяясь с картой.

— Я возражаю, — сказал он. — Снова чувство темноты потеряем, а местность перед нами чистая, ровная. На ту компанию никто не напал — стало быть, мутантов нет. Давай, ползем дальше.

Фармер не стал спорить. Привстав, он начал движение, пригибаясь к земле и используя винтовку как вспомогательный вес. Уотсон бесшумно двигался следом.

— Стой, — шепнул Уотсон.

— Что? — спросил Фармер, сразу остановившись.

— Впереди треск.

Продолжая стоять на месте, Фармер изо всех сил вгляделся вперед. Он напряг слух, стараясь выловить из тишины хоть что-то. Впереди ничего не было.

— Тебе показалось, — сказал он.

— Нет.

— Хочешь, иди первым.

— Нет. Ты прав, там, должно быть, ничего нет.

Не выдержав, Фармер снял капюшон и надел на голову ночное видение. Мир мигом окрасился в зеленый цвет, хотя Рыжий лес от этого даже близко не стал напоминать нормальный.

— Вперед, — сказал Фармер, сделав несколько шагов. Он прислонился к древесному стволу, глядя в пространство между кустами, думая, обрубить их или попытаться перелезть так.

Дерево повернулось и схватило его за горло.

Издав рефлекторный хрип, Фармер схватился за ветку, затем попытался стукнуть живой ствол прикладом бельгийской винтовки. Точным ударом дерево выбило FN-2000 из его рук. Уотсон уже поднимал собственное оружие, но монстр толкнул Фармера на него, и оба сталкера упали.

— Ну вы и бакланы! — проговорило дерево грубым басом. Несмотря на тишину, слова были хорошо различимы. — Вас что, только вчера с горшков подняли?

— Бергамот? — изумленно произнес Фармер, все еще механически пытаясь вытащить из плаща «карабинер», ремень которого запутался в маскировочной сетке.

— Он самый, — подтвердило дерево. Стащив с себя колпак, оно приобрело знакомые очертания головы пожилого проводника. — Фонарь не включайте, чтобы я не подумал, что вы полные дебилы. И перестань дергать дробаш, сядь и распутай нормально. А лучше сетку перережь и пристрочи заново.

Уотсон встал на ноги.

— Ты тот торговец из Бара, верно? — спросил он. — Фармер рассказывал.

— Я не торговец, — опроверг Бергамот. — Я проводник.

— Бывший проводник?

— Проводники бывшими не бывают. И больше никогда не обижай меня такими словами.

— Виноват, — сказал Уотсон вполне искренне. — Что ты тут делаешь?

Бергамот подошел поближе. Теперь стало ясно, что его схожесть с деревом обуславливалась всего-навсего раскраской и маскировочной сетью. И особенность раскраски заключалась в том, что ничего особенного в ней на самом деле не было. Проводник не жаловал расцветки экзотического дизайна, столь популярные в Зоне и порою превращающие сталкеров в стаю клоунских попугаев. Его камуфляж представлял собой точную имитацию дерева Рыжего леса. Штаны и торс изображали среднестатистический, покрытый корою ствол, ботинки были неотличимы от вросших в землю корней. На рукавах крепились настоящие ветки, которые могли сдвигаться назад со стороны локтей. Достигавший полуметра в высоту колпак мог откидываться назад и спадать на спину, так что в положении лежа Бергамот напоминал валежник или, скорее, кучу хвороста. Еще один сук висел на спине — как оказалось, это был автомат Калашникова, который в собственном камуфляже запросто мог выиграть приз наВДНХ в сугубо растительной номинации.

— Когда ваши кореша стали шушукаться в Баре, мне все стало ясно. — Бергамот поправил перчатку. — Снова вечный зов Припяти. Но что-то в этот раз вы меня растревожили. Не сиделось

мне в четырех стенах. Вот я и решил вылезти, как в старые добрые времена, и сопроводить на север того, кому эта помощь может понадобиться.

— Нам не нужна помощь, — стал отрицать Фармер.

— Послушай меня, ты, приклад от клинящей винтовки. Я нашел вас, не зная ровным счетом ни хрена о том, кто именно отделился от «Долга» и идет в Припять, в каком количестве, с каким снаряжением и зачем. На своем пути вы наследили настолько паршиво, что я крепко задумался, стоит ли мне вообще выручать подобных смертников. Сломанная ветка, продавленная земля, срезанные кусты — вам мало? С бригадой гопников вы сразиться сумеете, допустим. Вот только чтобы вас положить, она не понадобится, достаточно будет одного следопыта, которых у наемников, чтобы вы знали, полно.

— Не надо так, — сказал Уотсон. — Мы прошли достаточно далеко для первого раза.

— Прошли? Вы мне говорите, что прошли далеко? Вы не подумали, почему ни одна тварь вас не выследила до сих пор? Да я пока за вами топал, трех собак ножом положил, которые бодро неслись по вашим следам, размахивая кривыми хвостами. А также одного кровососа, на что мне пришлось уже потратить патроны. Хорошо, что я пользуюсь только самодельными, собственными руками на станке выточенными и в мастерской забитыми. В последний час вы своим поведением разогнали мне сон, хоть какая-то польза. Я вас обгонял два раза, чтобы разведать, что там впереди, — не кидать же вас в аномалию, в конце концов. В первый вы проползли мимо меня — один слева, другой справа, как щенки слепые. Я уже и деревом стоял в местах, где их не бывает в принципе, и все равно вы ничего не поняли. Напоследок веткой хрустнул, внимание привлечь. Хоть ты, с детектором — Уотсон, да? — заподозрил что-то, а то бы я совсем утратил веру в ваше будущее. Так нет же, ты, Фармер, прямо на звук попер, будто там тебе было медом намазано. А при нападении что пытался сделать? Стрелять собирался, что ли?

— Нет, — признался Фармер. — Стукнуть.

— Спасибо и на том, что гранатой не жажнул, как матросовец. Вел ты себя так, будто жизнь тебе ну совсем была не мила. Нет, парнишки, теперь вас я поведу. Если вы против, извольте.

— Достаточно, — сказал Уотсон. — Мы все поняли. Веди нас, и мы будем тебя слушаться.

— Вот так-то лучше, — одобрил Бергамот. — Дай детектор осмотреть... Хм, неплох. Ладно, пусть у тебя будет. Так, теперь вот что. Знакомы с раскладкой стажеров?

— Нет.

— Ну ничего себе времечко настало. Объясняю. Стажеры — это вы. Боевой стажер принимает на себя огневую поддержку группы. Фармер, это задача как раз для тебя. Не забудь глушитель проверить и становись третьим в строю. Природный стажер следит за аномальной активностью. По сути, он дублирует меня. Уотсон, идешь вторым, сразу за мной. Это понятно?

— Понятно.

— Вот и хорошо. Для полного завтрака четвертого не хватает. Эх, побывали бы вы под моим началом во времена, когда я еще по Кордону салаг водил, вся дурь быстро бы вылетела.

— Ты хорошо водишь по Рыжему лесу? — спросил Уотсон.

— Был здесь пару раз года три назад.

— Не понял, — оторопел Фармер. — И как ты нас вести собрался? Здесь же все другое теперь!

Бергамот наклонился к нему так близко, что парень невольно отшатнулся и чуть не упал.

— Так что же, ты думаешь, проводник может водить только в местах, в которых был? — В темноте его тихий бас производил впечатление мощнее, чем раскатистый клич. — Однако, однако. Должно быть, я действительно остался жить в другом мире, в котором люди соображали лучше. Это что у вас на ногах? Обувь? Снимайте с рюкзака сетку и обматывайте ноги. В этих ботинках вы топчете как стадо слонов на школьном выпускном балу.

— Можно предложение внести? — спросил Уотсон, разрезая маскировочную сетку на полосы.

— Вноси. И давай без этих чиновничьих штучек. Я не такой большой начальник, обращаться можно и неофициально.

— Ты сказал, что с четвертым было бы проще.

— Ну.

— Недалеко отсюда есть человек, который может оказать нам помощь при переходе в

Припятъ.

— Кто?

— Мы не знаем.

— И ты решил переложить ответственность такого решения на мои бедные плечи.

— Так точно.

— А ты отвязный, — проворчал проводник. — С такими стажерами, как вы, четвертый мне бы точно не помешал. Особенно если он знаком с местностью. Куда нам идти?

Уотсон показал на карте.

— Хорошо, — пожал плечами Бергамот. — Карта — всего лишь координаты. В том месте ничего особого не припомню... Хорошая у тебя карта, кстати. Знакомая. Когда-то она была моей, пока ее не украл Шустрый. Впрочем, он мне за это уже отработал. Двигаем!

Фармер быстро подавил в себе чувство неловкости. В конце концов, они с Уотсоном не совершили ничего преступного, кроме самонадеянности. Правда, последняя часто бывает более наказуема, чем самое настоящее преступление. Но пока все обошлось, а значит, следует заглушить совесть, имеющую склонность полностью завладеть вниманием.

Новоиспеченная команда продолжила путь к северу. Задаваемый Бергамотом ритм отличался от привычного: проводник в целом двигался быстрее, чем Фармер и Уотсон до него, но часто останавливался, замирал подолгу, вслушиваясь в местность. Временами Бергамот вытаскивал болт, крутил его в руках и швырял неизвестно куда. Зато им ни разу не пришлось возвращаться по своим следам. «Путь начинается с первого шага, — объяснил Бергамот. — Но для выбора направления тебе надо смотреть шагов на десять». Он свободно передвигался по ночной Зоне, лишь изредка пользуясь широким мачете, чтобы убирать заросли, да еще таким образом, что после этого создавалось впечатление, что все тут именно так и росло. Уотсон не понимал, как проводник что-то видит без фонаря. Сам он хотел надеть ночник, но в нем было невозможно нормально воспринимать показания детектора, так что сталкер попросту шел за спиной ведущего. Зато Фармер от ночного видения не отказался. Он добросовестно следил за местностью, но открывать огонь ни разу не пришлось.

Через час Бергамот остановился.

— Теперь внимание сюда, — сказал он, указывая вперед и вправо.

Фармер снял прибор с головы. И чуть не ахнул.

В кромешной тьме четко выделялся далекий, расположенный широким прямоугольником светящийся участок. Посреди равнины, покрытой гектарами мутировавшего леса, обожженного вторым взрывом и множествами выбросов, находилось скопление костров, фонарей и прожекторов, площадью примерно пятьдесят на двести метров. Некоторые огни двигались.

— Что это? — спросил Фармер, доставая бинокль.

— Блокада Глока.

Сталкер в оптику рассмотрел объект. Действительно, это был военный лагерь. Фармер никогда бы не подумал, что он такой большой. И там кипела жизнь. Повсюду стояли палатки разных размеров, мимо них неторопливо двигался БТР, коими пользовалась Коалиция. Переведя взгляд на пламя, Фармер понял, что это вовсе не костер, просто кто-то проводил сварочные работы. Пятно одного из прожекторов вытянулось в продолговатый эллипс, скользнуло по лесам и направилось к сталкерам. Фармер и Уотсон снова упали на землю. Бергамот даже не пошевелился.

— Пройдем мимо? — произнес Уотсон.

— Если хочешь, иди на штурм.

— Почему блокада не сплошная? — поинтересовался Фармер.

— Хороший вопрос, хвалю. Рад, что ты об этом подумал. Ты перед собой видишь укороченный вариант блокады, которую только предстоит вытянуть в сплошную линию. Прямо сейчас они этого сделать просто не успели. Для создания качественной блокады в Рыжем лесу нужно, по самым скромным меркам, не менее шестисот человек. Опытных в Зоне, бесстрашных и в отличие от «монолитовцев» трезвомыслящих. Но зачем это все, если достаточно умных компьютерных приборчиков и патрулей?

— Думаешь, впереди натканы сканеры движения?

— Не факт. Думаю, на это не было времени. Наверняка нет мин, проволоки, ловушек и всего остального, что может сработать на обычного кабана. Этот лагерь не дураки делали. Вояки

понимают, что, заняв такую территорию, они потеснят местных живчиков, хватанувших мутагена. Так что лучше не перекрывать им другие пути для свободного прохождения с севера на юг и обратно — по крайней мере не сейчас. Нет, вокруг блокады наверняка можно пройти.

— Значит, в ней пока что нет смысла?

— Зря ты так. Этот лагерь снимает львиную долю забот. Полная блокировка путей для техники, транспорта, вертолетов за счет ПЗРК. Заметь, они там хватанули все дороги, ведущие к северу. А в окружающих лесах большая группа людей незамеченной не пройдет. Ведь задача блокады — остановить толпу, а одиночки всегда теоретически могут пролезть. Прямоком «монолитовцам» в лапы. Нет, они грамотно расположились, ничего не скажешь. Далее, лагерь с правой стороны оставляет совсем немного места до Барьера, а с левой... Вот левая сторона меня, признаюсь, смущает. Слишком много места оставлено. И что там может быть, ума не приложу.

— Зона повышенной аномальной активности?

— Запросто может быть.

— Вражеский лагерь, — предположил Уотсон.

Бергамот щелкнул пальцами.

— А вот это идея, — сказал он. — Думаю, ты прав и только что вычислил квадрат, где находится база «грешников». Это, должно быть, единственная группировка, не повязанная с Коалицией никоими средствами. Знаю, что они обитают в Рыжем лесу, но никогда не знал, где именно. В любом случае мы там тоже не пойдём.

— Тогда где же мы пролезем? — спросил Уотсон.

— Слева от блокады, но вплотную к ней. Очень близко.

Фармер вгляделся.

— Между двух огней, в самое пекло, — произнес он.

— Драматизма много. Между огней — согласен. А по поводу пекла нет. Главное, не дурить и не лезть вперед меня. Если на пути есть ловушки, я обезврежу. Так что проблемой остается наблюдение с самого лагеря.

— У нас же маскировка?

— Против тепловизоров тоже?

Фармер и Уотсон переглянулись.

— Нужен полицейский щит, — неуверенно сказал Уотсон. — Отражает сигнал тепловизора как холодный объект. Тут есть схроны «Долга», можем в них поискать...

— А теперь раскройте уши и выкиньте из чайников, которые вы зовете головами, всю киношную дурь. Черный полиэтилен. Вот что вас спасет. У вас он имеется?

— Нет.

— Ну еще бы. Зато патронов насыпали полные карманы. У меня есть свой чехол, но вы все в него не влезете. Так что используем кустарные методы. Аптечка есть?

Фармер скинул рюкзак, вытащил синюю коробку. Бергамот выхватил ее с нетерпением, раскрыл, разорвал упаковку с бинтом. Отвинтил крышку фляги, висящей на поясе Фармера.

— Вода? — спросил он. — Или спирт?

— Вода.

— Молодец.

Бергамот сунул смотанный бинт во флягу целиком и снова завинтил крышку.

— Мокрая марля отражает сигнал тепловизора ничуть не хуже, — объяснил он. — Теперь живо состряпали раму из веток. Прямоугольную, с диагоналями. Вам понадобится держать ее в центре. И побыстрее, я не собираюсь тратить на это всю ночь...

Позже Фармер отдавал себе отчет в том, что не помнил ровным счетом ничего из следующих трех сотен метров. Все впечатления смешались в невообразимую кашу. Напряжение и усталость все же взяли свое. Его утешала мысль, что, вполне возможно, его бы хватило на переход, не будь рядом Бергамота, постоянно сбивающего его с толку, просто он бы добрался до северного края леса чуть позже.

К тому же запоминать было особо нечего — ему элементарно ничего не было видно из высоких кустов, в которых он полз на брюхе, полностью утратив чувство времени. Ему приходилось ориентироваться на шевелящуюся кучу листьев, в которую превратился Уотсон

после того, как Бергамот обогатил его маскировку, исходя из собственных представлений о ней, попутно бормоча что-то о компьютерных детях.

Фармер помнил, что трижды переполз через обрывки проволоки, в последний раз даже хорошо рассмотрел гранату, пристроенную на вбитом в землю колышке. Бергамот действительно замечал ловушки. Иногда на сталкеров падало пятно света, заставляя замирать на месте как есть, обливаясь потом от неизвестности, с явственным ощущением незримой ниточки между собою и часовым у прожектора. К тому же с собой приходилось волочь импровизированный щит, состоявший из веточной крестовины, натянутой на ее концы мокрой марли и плотного листового покрова на ней. Только так сталкеры могли остаться невидимыми для приборов. Против датчиков сердцебиения ничто помочь не могло, поэтому Бергамот точно выдерживал дистанцию до лагеря на уровне максимальной дальности работы сканеров. Вычисление фарватера он поручил Уотсону, так как у последнего было больше опыта в пользовании лазерным дальномером. Словно следуя молекулярным законам, люди старались притереться к лагерю как можно сильнее, но вместе с тем выдерживать расстояние. Как Фармер ни пытался рассмотреть, что же за опасность таилась слева, он ничего не увидел, кроме сплошной мглы.

— Приехали, — сказал Бергамот после длительного осмотра пройденного расстояния. Лагерь наемников остался позади. — Если утром следопыты прочешут участок, то сразу поймут, что здесь кто-то прошел. Надеюсь, к тому времени нам уже будет все равно.

Уотсон сорвал с себя капюшон, чуть не растрепав всю маскировку.

— Я больше не могу, — сказал он, стараясь отдышаться. — Как ты это выдерживаешь?

— Как-то выдерживаю, — добродушно ответил проводник. — У меня нервов ничуть не больше, чем у вас. Просто я умею их беречь.

Грохнувшись на пень, Фармер отвинтил флягу и долго пил. Вода сильно отдавала антисептиком. Долгое пребывание в ней медицинского бинта не прошло даром.

— Между тем, — невозмутимо продолжал Бергамот, — мы уже вплотную подошли к границе Рыжего леса с Припятью. Город не виден из-за деревьев и не будет виден даже днем. Но, если меня не подводят глаза и ваши ночные игрушки, вдали уже отчетливо просматриваются корпуса «Юпитера».

— Завод? — спросил Уотсон.

— Нет, сынок, планета. Конечно, завод!

Уотсон опять развернул карту, тускло подсвечивая себе с ее обратной стороны.

— Мы в нескольких шагах от места встречи с таинственным незнакомцем, — сказал он. — Время сейчас... два часа ночи. Если Консул не ошибся, то срок, в который нас должен был ждать помощник, только что прошел. Мы не успели всего на несколько минут. Ждать его еще двенадцать часов нет смысла. Я предлагаю идти дальше и забыть про четвертого.

— Ну, тогда счастливого пути, мужик, — раздался чужой голос из кустов.

Подскочив, Уотсон чуть не порвал карту. Фонарь он все же выронил, но тут же схватил и направил на звук.

— Вот этого не надо, — продолжал голос. — Я к вам, можно сказать, с наилучшими побуждениями. А вы меня так не уважаете.

— Выходи, человек, — сказал Бергамот, никуда конкретно не обращаясь. — Эти двое не знают, где ты, а я знаю. Причем уже долго.

— И где же я, по-твоему?

— Там, куда я уже хрен знает сколько времени целюсь из автомата.

Фармер только сейчас заметил, что пожилой проводник последние минуты стоял в одной и той же позе, как бы случайно держа автомат в сторону колючек, похожих на терновник.

— Не ерунди, — бросил Бергамот. — У меня подствольник.

— А у меня, стало быть, пакетик с чаем? Кидай автомат.

— И кого же мне твой голос напоминает? — поморщился проводник, обращаясь к закоулкам памяти. — Я тебя раньше водил? Только тот, кто прошел со мной тесты стажера, может говорить со мной таким тоном.

Колючки зашевелились. Фармер с Уотсоном целились из винтовок в человека, который как ни в чем не бывало вылез из кустов и снял защитную маску.

— Может, ты и прав, — ответил незнакомец, широко улыбаясь.

Уотсон в очередной раз ругнул себя за предрассудки. Ничего не зная о товарище Консула, он пытался дорисовать в голове его образ и поэтому ожидал встретить плечистого оперативника, сурового спецназовца или, на худой конец, специалиста по выживаемости с видом бывалого охотника или скалолаза.

На вид новоприбывшему было не больше двадцати лет.

— Етить твою налево, — присвистнул проводник. Рывком переместив автомат на спину, он протянул широкую ручищу, в которой исчезла ладонь парня.

— Приветствую, старый волк, — подмигнул четвертый участник команды.

— Здорово, Орех, — сказал Бергамот.

Глава 19 Маневры

При виде разрушенного дома на болоте Клинч не проявил и тени смущения. И все же от Марка не укрылось напряжение майора. За многие месяцы общения сталкер понял, что Кунченко демонстрировал эмоции преимущественно разнообразием типов нервозности. Так что в данный момент майор был именно смущен, хоть это не могли заметить люди, знавшие его плохо.

— Доктор, вы здесь? — громко позвал Борланд, осторожно ступая по доске, протянутой, как мост, от ближайшей кочки к самой крайней. Лучи фонарей заставляли окружающие кусты отбрасывать кошмарные тени.

— Он не услышит с такого расстояния, — предположил Клинч.

— Услышит.

Тем не менее ответа не было. Навстречу гостям никто не вышел.

— Как можно селиться в этом месте? — спросил майор, оттирая грязь с сапога другим каблуком. — Тут же антисанитария процветает.

— Ничего тут не процветает, кроме шанса на милость Доктора, — возразил Борланд, оглядывая развалины. — Закон природы знаешь?

— И даже некоторые устанавливал.

— Кроме одного. Нельзя болеть больше, нежели чем-то одним. Самый сильный недуг миглом вылечивает от всего остального.

— Да ну?

— Зона и есть одна большая болезнь. Все, кто в стенах Барьера — включая самих вояк, — попросту больны Зоной. А вместе с ней и всем прилегающим — аномалиями, пулевыми ранениями, лихорадкой. Болотные комары в эту сферу услуг не входят. Ты много знаешь людей, которые подхватили тут пневмонию? Ни одного нет. Зона все вытесняет.

Марк окинул развалины дома лучом фонаря.

— Однако, — сказал он. — Клинч, это все ты натворил?

— Тут еще хуже было, — ответил Борланд. — Когда я покидал это место, оно смотрелось так, словно два ребенка конструктор не поделили. А сейчас тут хотя бы жить можно. Эй, ты посмотри!

Он подскочил к углу и наклонился, светя куда-то в зазор между каменной стеной и глиной.

— Что такое?

— Фундамент целый! Как, черт возьми, Доктору удалось восстановить фундамент? Теперь дом надстроить — вообще не вопрос.

Клинч потянул на себя дверь. Она легко поддалась.

— Давай я первый, — сказал Марк, отесняя майора в сторону. Тот не стал возражать, перевесил автомат за спину и прошел следом.

— Я крайний, мне и дверь закрывать? — послышался голос Борланда.

— Он и раньше так болтал? — спросил Кунченко.

— Ага, — ответил Марк. — Это мы с тобой его еще пьяным не видели.

Сначала Марк подумал, что они каким-то образом оказались в подвале. Первый этаж ничем не напоминал жилое помещение, зато был до отказа заполнен самым разным бытовым и медицинским оборудованием. Вероятно, со всего дома сюда снесли все, что удалось найти и

восстановить после обстрела.

В боковом дверном проеме, закрытом двумя вертикальными полосками полиэтилена, возник Доктор. Он стоял молча и был встречен под аналогичную тишину. Борланд решил, что Клинчу сейчас, должно быть, совсем нехорошо, и только перспектива принять из рук Доктора врачебную помощь должна удерживать его от сердечного удара. В полумраке фонарей лицо целителя почти не было видно, но блестящие глаза выделялись особенно ярко.

— Здравствуйте, — сказал он. — Если вы ко мне, то ждите. У меня пациент.

Он тут же исчез, вернувшись к своим делам.

— Однако, — выговорил Кунченко.

— Что, не так страшно оказалось? — произнес Борланд. — Стрелок ворошиловский. Садись уже. В ногах правды нет.

Подойдя к стене, он уселся вдоль нее и стал ждать. Марк присоединился к нему.

Клинч, потоптавшись на месте, нервно повернулся и вышел под открытое небо, хлопнув дверь.

Сталкеры выключили фонари. Воцарилась до того чистая и благоприятная тишина, что ни Марк, ни Борланд не осмелились нарушить ее словом или шуршанием.

— Открою секрет, — первым начал Борланд. — За все эти годы, что пришлось провести в Зоне, больше всего я научился ценить вот такие моменты. Полная тишина, темнота, безопасность. Ни мыслей, ни ощущений. В этих краях обычно бывает так тихо, только если тебя ударят по лбу особенно сильно. Темно — если ударят по затылку. Безопасно — если ты уже умер. Ты просто живешь, дышишь, работаешь и мечтаешь о покое. В любом другом месте за пределами Зоны ты бы уже давно приспособился к массе звуков, запахов, красок, привык бы ко всему. Даже к войне привыкают. А здесь нельзя. Как ни старайся, не получится. Невозможно привыкнуть. Невозможно каждый день настраивать себя на то, что, возможно, в следующий миг тебе предстоит проверить нервную систему по всем параметрам, на которые только рассчитан человек. Испытать себя огнем, ледяным холодом, адской болью, электричеством, перепадами давления, порой в десятки атмосфер. Зона ведь такая, предоставляет полный спектр услуг и возможностей склеить ласты. Причем согласия не спрашивает. Ты хоть заметил, до чего здесь удивительный, продуманный ассортимент проблем? Аномалии словно разделились по специализациям, каждая хочет тебя поглотить со своей стороны. Здесь можно абсолютно все — утонуть, сгореть, разложиться на молекулы, истечь тестом, нашинковаться кому-нибудь на обед. Мутанты здесь как на подбор — обеспечивают колющие раны, режущие, кусаные. Кто убивает быстро, кто медленно, кто изнуряет вплоть до самоубийства, а некоторые атакуют психически. О перспективе гибели от руки себе подобного я уже молчу. Я слышал даже о человеке, который тут от старости умер, сутки протаскав какую-то фигню в полевой сумке на боку. Накануне он был молод и силен. Нет, я не верю ни в какую мистику. Все продумано, все. Такую филигранную и подробную настройку методов смертоубийства мог провести только человек или ему подобный. Поэтому я умею ценить покой, тишину и безопасность. Эту восхитительную профилактику всех органов чувств, души и тела.

— Насколько я помню, — произнес Марк, — полное отсутствие внешних раздражителей считалось пыткой во многих прогрессивных странах.

— Значит, такая у нас жизнь. Приходится мечтать о пытках, лишь бы ничего не воспринимать вокруг себя.

В помещении загорелся свет. Настолько резко, что Марк закрыл глаза руками, внутренне почти согласившись с Борландом. Доктор вышел, и только сейчас сталкер заметил, что на нем был белый халат.

— Выходи, — сказал Доктор, обращаясь к кому-то в другой комнате. — Ну же. Никого не бойся.

Из комнаты выкатился снарок.

От неожиданности Борланд заорал в ужасе, схватился за автомат, но вовремя остановился. Марк стремительно вскочил на ноги, глядя, как пациент по-заячьи скачет к выходу, распахивает дверь тычком кривой лапы и выбирается наружу. Его плечо перетягивал чистый, профессионально наложенный бинт. На лице красовался новенький, с иголки, бережно надетый противогаз.

— Майор, не стреляй! — успел крикнуть Борланд, и снаружи послышалось приглушенное рычание снарка. Сталкер выбежал из дома, глядя, как Клинч пригибается в траве, скидывает

автомат и падает, сраженный оплеухой пациента. В следующий момент снарк сделал гигантский прыжок и растворился в ночи. Борланд даже не увидел, куда он прыгнул.

— Клинч, ты жив? — спросил сталкер.

— А что с ним станется, — прошипел Доктор, поднимая автомат майора, вытаскивая магазин и швыряя его в ближайший омут. — Держи, — в сердцах добавил врач, бросая автомат Клинчу. — Вы все только и умеете, что убивать.

— Нет, давай все обсудим, — раздосадованно сказал Кунченко. — Зайдем в дом и поговорим.

— Ты разрушил мой дом! — Доктор сорвал с себя халат, хотел отправить его в болото вслед за автоматным магазином, но передумал, махнул рукой и вернулся в убежище.

Борланд неотступно следовал за ним.

— Док, док, — говорил он. — Пожалуйста. Успокойтесь. Нам нужна помощь, всем троим. Мы очень долго не компенсировали вам издержки сил, времени и нервов, но, Док, умоляю. Выслушайте.

Доктор повесил халат на вбитый в дверной косяк гвоздь, затем прошел в соседнее помещение, уселся за стол и закрыл лицо ладонью.

— Ладно, — вздохнул он. — Закрывайте входную дверь и заходите. Но по одному.

— Док, мы...

— По одному, я сказал.

Борланд в беспомощности смотрел на него, затем прислонил автомат в углу и вышел.

— Марк, ты первый, — сказал он. — Клинч, мы с тобой ждем тут.

— Почему?

— Так надо.

Марк вошел в кабинет и захлопнул дверь поплотнее. Полиэтилен неприятно зашуршал.

— Это что еще такое? — произнес майор. — Мы что, теперь экзамен сдаем?

Борланд снова уселся в углу, жалея, что тихое очарование комнаты теперь нарушено.

— Да, — ответил он. — Можно и так сказать. И я вполне серьезно. Так что расслабься и подумай, что ты сможешь сказать Доктору.

Майор издал нервный смех.

— Детский сад, — вырвалось у него.

— Вполне резонно, — заметил Борланд. — По сравнению с песочницей детский сад — это шаг вперед в развитии. Еще немного, и ты начнешь чему-то учиться.

— Вчера мы враги, сегодня друзья, — изрек майор. — Опыт подсказывает мне, что это нормальная вещь. Ты и сам это знаешь, на своем примере. Кем будем завтра, никому не известно, но зато я ни перед кем не скрываю своих намерений.

— Клинч, сказать тебе, что в таких случаях говорит мой опыт? Когда такой, как ты, начинает излагать свою философию такому, как Доктор, то у него ничего не выходит. Буквально ничего. У твоих взглядов на жизнь нет опоры. Говоришь, никого не обманул? Ты же Глока за нос водил с первого дня, что здесь находишься.

Майор лишь угрюмо молчал. Борланд лег вдоль стены и закрыл глаза.

— Самое главное, майор, — произнес он. — Не делай вида, что тебе в жизни ни в чем нет недостатка. Потому что, если бы тебе было нечего пожелать у Монолита, я был бы тебе не нужен. Но ты боишься предстать перед ним лично. Уважаю за то, что не скрываешь этого.

— Мне ничего не надо, — повернул к нему голову Кунченко. — Совсем ничего. Все, что мне может понадобиться, я либо имею сейчас, либо могу обеспечить себе сам. Просто понимаю, что на своем пути могу потерять что-нибудь, что для меня дорого.

— Не спорю, — отозвался Борланд. — Именно так все это и происходит. Самое дорогое теряешь в процессе обдумывания, как им лучше распорядиться.

Клинч отвернулся.

— О чем они, интересно, говорят? — подумал он вслух.

— Садись, — сказал Доктор, пододвигая стул. — Марк. Или звать тебя Консул?

— Как хотите, — ответил сталкер, присаживаясь.

— А кто ты сейчас?

Сталкер подумал. Очень хорошо подумал.

— Я не знаю, — признался он. — Стараюсь быть Марком, но только когда все идет хорошо. У меня ни разу не было намерений идти в Зону, чтобы обеспечить себя материально или добиться того, на что у меня не было прав. Все, что я хотел, это вернуть себе то, что для меня дороже всего в мире. Это то, ради чего я пришел в Зону два года назад, и то, что притягивает меня теперь. Все остальное — лишь следствие. Даже работа на Глока.

— А ты хорошо на него поработал, — сурово заметил Доктор. — Дал описание почти всех существующих артефактов, впервые ввел идею их комплексного взаимодействия. Продвинул гонку вооружений. Кто знает, быть может, без тебя развитие Коалиции проходило бы медленнее. Теперь же она стала достаточно мощной структурой, и, кто знает, может, Глоку удастся реализовать свои планы по созданию нового государства.

— Я хочу уничтожить Зону, — сказал Марк. — Мне кажется, вы не будете против, несмотря на то, что лечите мутантов. Вряд ли при Глоке вы станете министром здравоохранения.

Доктор долго смотрел на него, затем от души рассмеялся.

— Эх, мой молодой друг, — сказал он. — Если хотя бы один из нас окончательно и в полной мере поймет, чего на самом деле хочет, то его жизнь на этом достигла бы своего пика. Я помогу тебе. Говори, что ты хочешь.

— Мне нужна максимально полная и подробная карта воздушных аномалий вокруг ЧАЭС, — заговорил Марк, наклонившись поближе. — А также компьютер со специализированным софтом Коалиции, позволяющий проводить анализ этих карт. Меня интересует возможность прямого пролета к центру на вертолете Ка-54 с прогнозированием степеней риска. И все это мне нужно прямо сейчас.

Доктор озабоченно протер глаза.

— Это я могу, — сказал он. — Сзади меня лежит нетбук нашего общего знакомого, Уотсона. В нем есть все необходимое.

— Уотсон тоже занимался этим вопросом?

— Данная информация не в моей компетенции, — ответил Доктор. — Но он всегда интересовался аномалиями. Бери его имущество и по возможности ему же верни.

— Спасибо, Доктор. — Марк встал, беря тонкий прибор со скошенными краями.

— И еще. — Врач остановил сталкера мягким жестом. — Не пытайся мотивировать все свои поступки правом на некую высшую истину. Это ведет к падению.

— Доктор, — произнес Марк, берясь за дверную ручку. — Я не пытаюсь объяснять свои поступки вообще ничем. Мне глубоко наплевать, будет ли за мной правда или нет. Меня не интересуют высшие материи, надежды Сенатора или искушения Монолита. Я просто делаю то, что хочу, в рамках того, что могу. И ничего более. Честно говоря, я не думал, что вы этого еще не поняли.

— О, я понял, мой друг, — возразил Доктор, глядя глубокими, пронизательными глазами. — Просто я хотел, чтобы ты сказал это вслух. Извини одинокого врача за эту маленькую прихоть.

Марк своим видом стал больше напоминать Консула.

— Еще раз благодарю вас за терпение и помощь, от всей души, — произнес он.

Открыв дверь, сталкер вышел в захламленное помещение. Клинич взглянул на него вопросительно.

— Следующий, — сказал Марк.

Борланд тут же открыл глаза, поднялся, подтянул ремень.

— Сложные вопросы задавал? — спросил он. — Списать можно будет?

— А ты отвечай не то, что спросит, а то, что знаешь, — посоветовал Марк. — Доктора интересует именно это.

Усевшись на стул, Борланд облокотился о столешницу, расплывшись в улыбке.

— Сталкер Борланд, — усмехнулся Доктор. — Всегда в добром здравии и отличном расположении духа.

— Ну, теперь уже не всегда, — поправил сталкер. — Хотя, признаться, весьма стараюсь.

— Сарказм — зеркало души, — покивал целитель. — Все еще никому не даешь ключ от замка к ней?

— В последнее время пораздавал этих ключей направо и налево, — ответил Борланд не задумываясь. — Уже и копий понаделал, чтобы всем хватило. Взамен получил доверие, это да, и временами щелчки по носу. Только у меня замочек к двери в душу особый, с секретом.

— С каким?

— Открывается только изнутри.

Доктор вздохнул с укоризненной добротой.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Борланд ответил.

Целитель Зоны откинулся на спинку стула.

— Признаться, удивлен, — сказал он. — Не ожидал, что ты зайдешь так далеко.

— С этим есть проблемы? — быстро спросил Борланд.

— Нет, никаких. Однажды наш общий знакомый уже попросил у меня это.

— Я помню. Но у вас ведь этого добра должно быть навалом.

— Да, есть немного. — Доктор огляделся. — Вот, за моей спиной стеллаж.

— Там есть? — Борланд встал со стула.

— Да. Можешь взять.

— Спасибо, Доктор.

— Если тебе придется этим воспользоваться, я сам тебе спасибо скажу.

Через минуту сталкер уже подходил к выходу. На его спине красовался пухлый рюкзак.

— Интересный ты человек, Борланд, — сказал Доктор. — Вот смотрю я на тебя и не вижу ровным счетом никаких качеств, которых нет или не может быть у других. Ничего сверхъестественного, ни одного природного гения или особого таланта. Но почему же тогда у тебя все так слаженно в жизни получается? Чем ты так отличаешься от массы?

— Не знаю, Доктор, — ответил Борланд, подумав. — Может, тем, что часто ошибаюсь?

Открыв дверь и подобрав свой автомат, он покинул комнату.

Клинч, сидящий напротив врача, не произносил ни слова. Взаимное молчание пошло на вторую минуту.

— Ну, хорошо, — сказал Доктор. — Как твои дела, майор Кунченко?

— Спасибо, помаленьку, — кивнул Клинч.

— Длинные ли лопасти твоего вертолета?

— Длинные, благодарствую.

— Полны ли его топливные баки?

— Баки полны, милостью Божьей.

— Так что ж ты хочешь от меня?

Клинч долго смотрел на Доктора.

— Прости меня, — сказал он.

Врач медленно стащил повязку с головы. Осмотрел ее.

— Крови почти нет, — констатировал он удовлетворенно. — Провалов в памяти тоже. Рана почти не болит, так что... я прощаю тебе, майор Кунченко.

— Спасибо, — сказал Клинч тихо.

— Можешь идти.

— Буду жив — вернусь, — пообещал Клинч. — Докажу, что не намерен отделаться простыми словами. Дом будет восстановлен.

— Хорошо, — произнес Доктор. — Стало быть, завтра может грянуть война?

— Да. Может. В Рыжем лесу.

Доктор придирчиво осмотрел ладони.

— Значит, и для меня работа найдется, — сказал он. — Но это мы еще посмотрим. Идите.

— До встречи, Доктор.

— До встречи, Клинч. Если она случится. Кстати, в складском помещении захвати инструменты для тонкой работы. Найдешь ящик между перевернутым корытом и коробкой с гранатами.

Майор потерял дар речи. Выйдя из комнаты, он прошел мимо Борланда.

— Ну? — спросил сталкер. — Что теперь?

— Уходим, — сказал майор, поднимая ящик. — Если поторопимся, то успеем выспаться.

Никто не стал возражать.

Все трое вышли в ночную Зону, казалось, ставшую еще темнее. Марк застегнул куртку до горла, стараясь закрыться от внезапного ветра.

— Вот так, — произнес Борланд. — Обычно тут все проходит веселее, точно говорю.

— Не будем терять времени, — сказал Клинч. — Борланд, что это за балласт с тобой?

— Где? — удивился сталкер. — Ты про рюкзак, что ли?

— Да.

— Так, ерунда.

Майор собирался уже спросить еще, как из дома вышел Доктор. На этот раз он не забыл надеть теплую фуфайку. В руках он нес что-то пушистое.

— Я даю вам напарника на время, — сказал он. — Он проведет вас к вертолету.

Наклонившись, он опустил на землю кота, который встряхнулся и с любопытством стал обнюхивать ботинки Марка.

— Кот?! — вытаращился Клинч. — На фига он нам упал?

— Маркус! — восторженно произнес Борланд, глядя кота по голове. — Жив, чертенок! Ну тогда давай веди, друг усатый.

— Он не боится ни аномалий, ни контролеров, если таковых найдете, — пояснил Доктор. — Так что просто следуйте за ним.

— Откуда кот знает, где наш вертолет? — спросил Клинч.

— Я ему рассказал.

— Э-э... Ладно. А откуда знаешь ты?

— Кунченко, не держи меня за дурака. Не первый год знакомы.

Маркус мяукнул, поднял хвост и побежал по мостику в дебри Янтаря.

— Догоняйте, — сказал Доктор. — И удачи вам.

— Спасибо, — поблагодарил Марк, пожимая Доктору руку. Борланд сделал то же самое, Клинч в последнюю очередь.

— Сделайте, что собираетесь, — пожелал врач.

Трое мужчин быстрым шагом направились вслед за мяукающим проводником.

Клинч проснулся от незнакомого компьютерного писка. Дернувшись в кресле пилота, он мигом пришел в себя и посмотрел на усеянную датчиками приборную панель, вспоминая, какой именно узел издает такой звук. Ничего ему в голову не пришло, и это пробудило его окончательно. Оглядевшись, он обнаружил, что Марк закрывает крышку нетбука, и тут майор понял, что именно компьютер Уотсона послужил источником писка. Продрав глаза, Клинч посмотрел в окно, за которым уже пробивался дневной свет, затем кинул взгляд на часы. Пять утра. Невероятно, ему удалось поспать часов семь, и это был лучший сон в его жизни, если учесть, что ему предшествовали двое крайне напряженных суток почти без отдыха.

Сзади раздавалась неистовая смесь храпа и мурлыканья. Повернувшись, майор увидел, что Борланд развалился на диване, полностью уйдя в царство Морфея. Рядом с ним, свернувшись клубочком, дрых серый кот. У обоих был такой безмятежный вид, что майор даже не понял, чего ему больше хочется — пнуть Борланда или тихо уйти, чтобы не мешать дремать Маркусу.

— Ты не спал? — спросил он Марка.

— Удалось немного, — ответил сталкер. — Я изучил карту аномального заслона и сделал точные выводы.

— Какие?

— Там действительно невозможно пролететь. Так что отмена.

Кунченко помассировал шею.

— А ну дай посмотреть, — сказал он, беря нетбук и раскрывая его. — Что открывать?

— Файл возле корзины.

Майор потыкал пальцем в сенсорную панель. Перед ним на экран вывалился длинный лист с кучей указаний и рисунков.

— Я сделал пошаговую цепочку маневров, нужных нам, чтобы пробраться через самый простой маршрут, — сказал Марк. — Все равно нашлись непроходимые участки.

— Хм... — промычал Клинч, прокручивая лист вверх. — Значит, залет на пятидесяти метрах в квадрате сорок семь, подъем... Так, так. Разворот с понижением хвоста, ха. Пикирование на девяносто градусов в течение шести секунд...

Его лицо вытягивалось все больше. Марк внимательно наблюдал за ним.

— Проход в тоннель диаметром двадцать метров, — продолжал читать Кунченко. — Контрольное висение, пока «трамплин» не восстановится. Петля Нестерова. Крен с левого борта на правый, градусы... Тут точно ничего не забыл?

— В смысле?

— Между шагами восемнадцать и девятнадцать нет никаких действий? Мы просто должны переместиться с этой точки в ту?

— Да.

— Ты верно подметил, — сказал Клинч, возвращая нетбук. — Это нереально.

— Ну вот и я о чем говорю. Жаль. Такой хороший был план.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул майор, вытаскивая бутылку минералки и прикладываясь к ней.

Марк с досадой стиснул зубы.

— Если бы я мог обойти это пикирование, — процедил он.

Клинч поперхнулся и чуть не разбрызгал минералку по ламинированному лобовому стеклу.

— Стоп, — сказал он, прокашлявшись. — Так тебе что, вертикальное пикирование кажется сложным приемом?

— А не должно?

— В «камовском» вертолете последнего поколения? Да вроде нет.

Марк и Клинч смотрели друг на друга, ища подвох.

— Что, в самом деле? — спросил Марк. — Ты сможешь сделать шаг номер четыре?

Клинч снова посмотрел на экран.

— Не вижу никаких сложностей. Свободный вертикальный коридор, созданный расположением аномалий, с плавным заходом на тангаж и хорошей инерцией. Ты меня этим озадачить решил?

— Подожди. — Марк на секунду схватил себя за голову. — Но ты же согласился, что там пролететь невозможно.

— Да, только я имел в виду реальную проблему. Шаг восемнадцать.

Марк быстро прокрутил инструкцию до нужного места.

— Крен с одного борта на другой? — спросил он. — Ты шутишь? Это какой-то уникальный маневр?

— В обычных условиях — нет, — пояснил Кунченко. — А если, как у тебя указано, сделать это за полторы секунды, то дело закончится большим бадабумом.

— Но ты же постоянно так летаешь!

— Не за полторы секунды.

— Пусть за две с половиной. От этого есть большая разница?

Кунченко закрыл нетбук и поднял его, повернув задней частью вниз.

— Вот это мы, — объяснил он. — Крен на восемьдесят градусов влево. Меняем его на семьдесят градусов на правый борт. — Он быстро перевернул компьютер так, что его крышка теперь смотрела на Марка. — Ты хоть представляешь, как нас будет колбасить? На вертолет действуют противоборствующие воздушные потоки, смену реактивного момента мы так просто не перенесем.

— И что случится тогда?

— Несущие винты перехлестнутся.

Марк бессильно откинулся на спинку кресла. Клинч вернул ему нетбук.

— Все упирается в эти полторы секунды, — произнес Марк. — А что, если рискнуть?

Кунченко помотал головой с видом человека, отрицающего саму мысль о таком варианте.

— Марк, — вздохнул он. — Для тебя что, совсем ничего святого нет?

— Я что-то не так сказал?

— Да есть немного, — сухо ответил майор. — Если учесть, что скоро исполняется пятнадцать лет со дня гибели генерала Воробьева, случившейся именно при исполнении этого

маневра еще на «Черной акуле». С тех пор на подобные перегрузки наложены ограничения.

— Клинч...

— Конструктивные ограничения, Марк. Система управления нашего вертолета имеет кучу блокировок, наподобие ограничителя скорости на автомобилях. Я физически не смогу так повернуть «Тайкун», даже при всем желании. Конструкторы были куда дальновиднее нас с тобой. Причем желания у меня тоже нет. Хотя ты меня почти убедил рискнуть.

Марк напряженно думал, перебирая варианты.

— Неужели за пятнадцать лет техника не шагнула вперед?

— Почему же, шагнула.

— Ты сможешь снять блокировку?

— В принципе смогу, — сказал майор, поразмыслив. — Сейчас она по большей части накладывается программно, коды мне известны. Ну и кое-где придется отверткой поработать. Не воспринимай буквально.

— Тебе Доктор дал инструменты.

— Да, да, я помню.

— И ты хотел починить трансмиссию.

— Верно. — Клинч собрался было вылезти из кабины, как остановился и переглянулся с Марком.

— Ты понимаешь, что это огромный риск? — спросил он.

— Большой, чем вся наша операция?

Кунченко оглянулся на спящего Борланда.

— Его спрашивать будем?

— Он согласен, — заверил Марк. — Полезли на крышу.

Борланд в последний раз потеребил кота за ухом и посадил его на поваленный ствол дерева.

— Ступай, малыш, — сказал он. — Спасибо за помощь.

Серый проводник заурчал и побрел обратно к дому. Тепло его тела все еще отдавалось на сердце сталкера, не забывшего, как Маркус успокаивал его на прошлой неделе своим мурлыканьем.

Подошел Марк, держа в руках собранные противопехотные мины.

— Одной не хватает, — сказал он. — И на том месте лежит туша кабана. Не зря майор решил оборону выставить. Должно быть, секач на растяжку набрел, когда мы у Доктора были.

— Клинч вообще мужик клевый, — согласился Борланд.

Словно его и ждали, появился Кунченко. Вид у него был растерянный.

— Кот мне на заднее сиденье навалил, — признался он. — Я только сейчас заметил. Теперь я понимаю, зачем Доктор послал его с нами.

— А я ничего не видел, — сказал Борланд с честным лицом.

— Не важно. Не мне же лететь на заднем ряду.

— Ты хоть тряпкой прошелся?

— Много чести. Сам разберись.

— Значит, можем лететь? — спросил Марк.

— Можем. Клей схватился, винты в полном порядке и разблокированы. Попрощаемся с этим местом как можно скорее.

— А маневры?

— Положительно, — ответил Клинч, двигаясь к черной «вертушке». — Программу отработаем в пути. Надеюсь, воздушной болезнью никто не страдает?

Через пять минут все уже сидели на местах.

Клинч включил батареи, активировал инерциальную курсовертикаль. Привел в действие всю остальную электронику, подал питание к резервному авиагоризонту. Борланд с любопытством следил за действиями пилота, пытаясь запомнить последовательность, но у него ничего не вышло.

— Тут полосочки не совпадают, — сообщил он.

— Да, — согласился майор. — Авиагоризонт пробуксовывает.

— Сможешь летать без него?

— Смогу. Если есть чувство равновесия, то сам разберешься, прямо летишь или нет. А если

отсутствует, то на черта тебе летать?

Кунченко щелкнул тумблерами топливомера, вспомогательной силовой установки, включил насосы обоих баков. Как только майор опустил ручки тормоза винтов, двигатели ожили, набирая обороты.

— Радиосвязь не будем включать? — спросил Марк.

— Долетим к «Ростку», а там видно будет, — ответил Клинич, разблокируя стоп-краны двигателей по очереди. Лопасты нижнего винта, видимого из кабины, начали вращаться. От верхнего, закрутившегося в обратную сторону, была видна только тень на преющем мхе.

Майор выключил вспомогательную силовую установку, врубил канал автопилота, индикацию, контурные и проблесковые огни. Больше взлету ничто не мешало.

— Готовы к приключениям? — крикнул он.

— Главное, чтобы они были готовы к нам, — ответил Борланд.

— Поехали, — сказал Марк. — Закончим это.

Ка-54, «Тайкун», поднялся в воздух, вылетел из образованного деревьями коридора и направился на восток.

Глава 20 Зеркало

— Давайте проясню ситуацию еще раз, — сказал Орех, убедившись, что, кроме них четырех, вокруг точно никого нет. — Я помогаю Марку, которого вы двое знаете как Консула. У меня было вполне конкретное задание: добраться до подвала в Рыжем лесу и сидеть там две недели, выбираясь наружу дважды в сутки, посмотреть, не появились ли в нужном месте какие-нибудь бродяги. Место Марк выбрал непопулярное, даже опасное, так что если в определенный момент там кто-то стоит, то это значит, что этому человеку или группе лиц надо попасть в Припять. И моя задача — помочь им в этом. Первую половину работы я выполнил. Но я вот как-то совсем не ожидал, что вы станете отказываться от дальнейшей помощи. К тебе, Бергамот, это не относится — ты тут самый нормальный чел. И я не понимаю, как эти двое собираются чесать к центру с такими взглядами на жизнь.

Фармер и Уотсон выглядели обескураженными.

— Орех, не старайся, — сказал Бергамот. — Из них еще не вылетела городская дурь. Они верят, что сумеют пройти к Припяти самостоятельно. Их напрягает мысль, что кто-то поможет им в этом, отнимет веник первенства. Наверняка и мое общество считают доставучим ворчанием старпера. Вряд ли они поняли, зачем нужно было ползти на пузе, когда до этого так резво бежалось на своих двоих. Даже когда их обматеришь, они не воспримут ничего, кроме мата. Я уже пробовал.

— Пацаны, а зачем вам вообще к центру? — спросил Орех, но ответа не дождался. — Сомневаюсь, что там нужны конкретно вы. Наверняка вы с собой что-то тащите. Так может, мы с Бергамотом сменим вас на этом посту? Вы передадите нам, что нужно передать, а сами останетесь в моем убежище. Или двигайте обратно.

— Ты выполняешь свои указания, — попытался объяснить Уотсон. — А мы свои. Ничего тебе передавать я не стану.

— Я могу снова залезть в кусты, выйти, и мы начнем разговор сначала. Так устроит?

Молчавший до этого Фармер вышел вперед.

— Достаточно, — сказал он. — Я тебе верю.

— Ну, как знаете, — сдался Уотсон. — Хорошо. У меня нет желания вверять тебе свою жизнь, однако я доверюсь Консулу. Больше мне ничего не остается.

— А что так грустно? — спросил Орех. — Тебя разочаровывает мой внешний вид?

— Будь ты кем-то вроде Бергамота, другое дело, — ответил Уотсон. — Он профессионал. Ты же, признай это, всего лишь любитель. Доверенное лицо Консула.

— Это так мало?

— Этого мало, чтобы пробраться через блокаду «монолитовцев» у города.

Орех хитро посмотрел на Бергамота, затем снова на Уотсона.

— Так вот в чем дело, — сказал он. — Не веришь моим способностям? А может, я тоже профессионал.

— Хватит уже, я ведь согласился пойти с тобой.

— Вот и хорошо, — поздравил его Орех. — Теперь о насущном. Слышали о подземном теплотрассе в Припять?

— Что? — не поверил Фармер. — Откуда? Такой существует?

— Я что-то слышал, — сказал Бергамот. — Вроде вел от завода «Юпитер» напрямик в центр города... Завод производил не только бытовуху, много темного там творилось, ой, много. Кто не в облаках витает, тот поймет.

— Верно, — кивнул Орех. — И вполне логично, что нет смысла рыть тоннель, соединяющий всего две точки. Должны быть и другие. Значит, нам не обязательно идти к заводу, чтобы найти спуск. Есть более удобные развилки.

— Так нам что, надо идти под землей? — спросил Уотсон.

— Ага.

— Что же ты сразу не сказал?! Я думал, речь идет о том, чтобы прорываться с боем через «монолитовцев».

— Таковы были указания, — отрапортовал Орех. — Указания Марка. При встрече с возможными гостями сначала убедиться, что они согласны слушаться меня полностью. И только потом объяснять план. Видишь ли, Марк понимал куда лучше вас, что его доверия заслуживают только люди, умеющие доверять в ответ.

— А если бы мы отказались сотрудничать с тобой?

— Тогда я бы указал вам прямую дорогу к месту, где вас пристрелят, и пожелал бы счастливого пути. Вы бы ничего и не поняли до самого конца.

Бергамот расхохотался.

— Вот это я понимаю, здравый взгляд на мир, — похвалил он. — Орех, а ты, я смотрю, вырос. Вот теперь я поверю, что тебе уже есть восемнадцать. Помнится, два года назад ты мне втирал, что тебе за двадцатник перевалило. А у самого еще усы не проросли.

— Я и книжки читать начал, — добавил Орех. — Порою попадаются умные. Первушин, например.

Фармер прокашлялся.

— Так мы идем или нет? — спросил он. — Это вообще далеко?

— Спуск под землю? — Орех пошел на восток, ведя всех за собой. — Недалеко. Я как раз там и живу.

Крышка люка больше напоминала канализацию. — Хорошо замаскирована, — одобрил проводник. — К тому же крепкая, прочная, выброс пересидеть можно.

— Выброс был самым нервным временем, — сказал Орех, дунув на металлические ступеньки, и начал спуск. — Я все ожидал, что сюда кто-нибудь заявится. При выбросе ведь не вспоминаешь, где самое безопасное укрытие, а думаешь только о том, которое ближе. Но обошлось. Люк закройте, я свет включу.

Он нащупал электрощит и вдавил пару кнопок. Загорелись электрические лампы.

— Ничего себе, — выговорил Фармер.

Перед ним раскинулись техногенные катакомбы. Вперед уходил небольшой коридор, заканчивавшийся двумя гигантскими цистернами с красными вентилями. По бокам располагались ниши различной ширины. Стенку покрывали широкие потрескавшиеся плиты, вдоль которых ровными рядами шли трубы с множеством изгибов. Пахло плесенью и сыростью.

— Здесь что, рабочий водопровод?

— Ага, — сказал Орех. — Только я им не пользуюсь и вам не советую. Вода тут радиоактивна еще больше, чем в речке. Если хотите пить, кстати, то вон там стоит канистра. Это я приволок.

— Как? — спросил Бергамот. — Где ты тут нашел ближайший источник воды и жратвы?

— Честно сказать? Разворовал схрон «Монолита», свежий совсем. Я ведь притащил с собой хавки только на одного человека и на пару дней, планировал делать вылазки на Милитари и торговать с вольными сталкерами за деньги. А как нашел в лесу тайник, быстро перенес все сюда.

И правильно сделал, между прочим. Прилетели наемники и раскинули блокаду. Мои путешествия на юг накрылись медным тазом. Оставалось только сидеть здесь и исследовать катакомбы.

Уотсон скинул рюкзак с ноющих плеч, пристроил в нише, рядом положил FN-2000. Глаза слипались жутко. Простые расчеты подсказывали, что никто не мешает им прикорнуть на несколько часов, пока не наступит утро. Ведь они запросто могли не встретить Ореха и с тем же успехом потратили бы всю ночь на поиски пути в Припять. А раз подвернулся альтернативный путь, было бы неразумно не воспользоваться его благами безопасности.

Фармер с интересом оглядел на жилой уголок, устроенный Орехом. Прямо на полу, рядом с лестницей, были брошены матрацы — очевидно, найденные прямо тут, в катакомбах. Некоторые из них, свернутые, заменяли собою подушки. От коридора лежбище отделял широкий лист фанеры, приколоченный к полу и дополнительно подпертый кирпичами. Рядом стояли керосиновая лампа и примус. Совсем недурно. И все же в схроне Борланда было комфортнее — более спартанский минимализм компенсировался продуманной замкнутостью пространства. Здешний же коридор продолжал давить своим объемом даже после наспех созданной дополнительной стенки.

— Не знаю, как вы, парни, а я бы вздремнул немного, — сказал Бергамот, и Уотсон почувствовал облегчение. Сам он не нашел бы духу первым высказать эту идею.

— Не вопрос, — пожал плечами Орех. — Здесь без разницы, когда бродить по коридорам.

Проводник прямо в древесном камуфляже свалился в угол по другую сторону, предварительно оттащив туда один из матрацев.

— Значит, ты тут подземелья изучал? — спросил он. — Карта есть?

Орех заулыбался. Теперь он снова напоминал юного подростка, и Уотсон удивился, как этот парень совсем недавно мог казаться гораздо старше своих лет.

— С картой совсем интересно вышло, — последовал ответ. — Я в первый день шел, бросая болты, чтобы в случае чего по своему следу и вернуться. И сразу рисовал карту, карандашом. А затем понял, что рисунок мне что-то напоминает. Стал я сверять схему с уже знакомыми картами других подземелий, которые свободно в сталкерской сетке найти можно.

— И что? Неужто нашел?

— Вот именно что нашел. Мой рисунок отлично лег на другую карту, которая, как было в описании, принадлежит затерянным тоннелям в западной части Милитари. Помнишь, «свободовцы» еще искали там вход под землю?

— Да-да-да, припоминаю.

— Так вот, нет там никаких подземелий. Зато есть здесь. А та карта — на самом деле схема тепловых сетей, в котором мы находимся. Не знаю, почему она всегда шла как «милитаревская». То ли ошибка, то ли хитрая маскировка — распространить по сталкерам схему подземных тоннелей, которые на самом деле находятся совсем в другом месте.

— И ты прошел по всей карте?

Орех покачал головой и зажег примус.

— Нет, — ответил он. — Уперся в дверь, на которой карта заканчивалась. Дальше рискнул только заглянуть — темно и кто-то скрипит. Не человек. Я и закрыл от греха.

— Так нам придется через это место идти? — спросил Уотсон перед тем, как провалиться в сон.

— Конечно, пойдем. — Парень поставил на примус небольшой потрепанный чайник и налил в него воды из канистры. — Все лучше, чем по поверхности. Чай будете?

Уотсон уже спал. Орех посмотрел на Фармера, но тот тоже не шевелился.

— Ну и вежливость, — вздохнул парень.

— Сам-то какой был? — подзадорил его Бергамот. — Дрых на каждом шагу.

— Да, было дело, — звонко рассмеялся Орех. — Вот, помнится, в первую ночевку с Марком — когда еще Сенатор объявился, таща с собой бутылку квасу...

Разбудил Фармера звук перезаряжаемого оружия. Он мигом открыл глаза, положил руку на дробовик. Ствола не было.

Поднявшись рывком, он увидел Ореха, беззаботно оглядывающего «карабинер».

— Занятная штука, — похвалил он. — Хорошо стреляет, наверное. Капризная?

— Ни разу не пробовал, — ответил Фармер.

— Тогда я ее позаимствую на время перехода, — сказал Орех и тут же добавил: — Можно? Фармер неопределенно взмахнул рукой.

— Да пожалуйста, — сказал он. — Это все равно не мой ствол.

— Договорились.

Лежащий Уотсон протер глаза.

— Сколько времени? — спросил он.

— Шесть утра, — пробасил Бергамот, сидя на бетонной кромке и попивающий чай, ароматно дымящийся в алюминиевой кружке. Древокоستم лежал рядом, перетянутый ремнями. — Самое время идти. Раскладку помните?

Уотсон порывлся в памяти. Раскладку?

— Свое место в строю, — подсказал Бергамот.

— А, точно. Да.

Фармер снова надел на себя рюкзак.

— Ты чего творишь? — спросил Бергамот.

— Что?

Проводник подошел к нему и рванул гору листьев с плаща Фармера.

— Собрался в камуфляже дальше топтать? Уотсон, ты тоже?

— Уже не надо?

Орех покачал головой и отвернулся.

— Дело ваше, — сказал Бергамот. — Только в здешних коридорах два пышных куста,двигающиеся гуськом с автоматами, как бы сказать повежливее... привлекут внимание.

Фармер мигом скинул рюкзак и начал стаскивать с себя плащ, стараясь не краснеть. Уотсон последовал его примеру.

— Мужики, ну это уже совсем не смешно, — произнес проводник. — Включайте головы, наконец. Неужели не понятно, что лесная камуфля в тоннелях не нужна?

— Усталость просто, — помотал головой Уотсон. — От всего. Не обращай внимания. Спасибо за подсказку.

— Бывает, — посочувствовал Бергамот. — Ребята, если я что-то советую, то этим всего лишь показываю разницу между смертью и усталостью. Выбирать уже придется вам. Усталость — да, случается. Я же вижу, что вы все это время на энтузиазме жили. А это штука ох какая непредсказуемая. Все равно что трицепс в спортзале качать.

Орех потушил примус и лампу.

— Идем, — сказал он. — И снова я последний. Вот так всегда.

Бергамот осторожно шел по тоннелю, держа автомат наготове. Он был доволен стажерами — Фармер и Уотсон шли, точно выполняя свои обязанности, следя за всеми признаками чужого присутствия.

Но все было тихо.

— Ты точно слышал скрип? — спросил Бергамот, заметив дверь.

— Точно, — подтвердил Орех. — Я не говорю, что в этом есть какая-то опасность. Просто скрип был. А так как у меня не было надобности топтать дальше, я и не стал.

— Правильно, — сказал проводник, обхватывая колесо замка по центру двери.

Он повернул его, стараясь сильно не шуметь. Сделать это было нелегко — замок поддавался с трудом. Бергамот имел достаточно опыта в таких делах, чтобы понять: дверь очень долго не пользовались.

Фармер зашел со стороны проема, целясь из FN-2000 в пустоту. Орех осветил фонарем внутрь.

— Никого не вижу, — сказал он.

Бергамот отодвинул дверь в сторону и тоже глянул.

За дверью коридор раздваивался. Обе ветки были чуть уже по ширине. Левая демонстрировала темноту, а правая...

Проводник быстро пригнулся, остальные сделали то же самое.

— Что там? — шепнул Орех.

— Свет.

Рука Бергамота скользнула в карман, из которого проводник вытащил болт. Кусочек ржавого железа полетел далеко вперед. Послышался стук о каменный пол.

Фармер высунул голову, прицелился. И издал возглас удивления.

— Кто там? — не выдержал Уотсон.

— Мы. — Фармер опустил винтовку и встал в полный рост. — Давайте посмотрим.

— Стоять. — Бергамот оттеснил его широкой ладонью. — Я первый пойду.

Все четверо один за другим приблизились к источнику света.

— Ого, — только и сказал Орех.

— Да, — согласился Бергамот. — Слышал я о чем-то таком, но вижу впервые.

Сталкеры оказались перед огромным зеркалом, отражающим и фонари, и их собственные фигуры. Хотя вряд ли можно было назвать таковым сплошную стену, отрезающую правый коридор от его дальнейшей части, без единого просвета. Перед сталкерами стояли их точные копии, симметрично отображенные.

— Я, вероятно, скажу глупость, — заявил Фармер. — Но мне это не кажется аномалией.

Судя по виду Бергамота, он тоже был в замешательстве. Уотсон взглянул на экран детектора в очередной раз. Тот молчал, не индексируя ничего странного в радиусе тридцати метров.

— Что у нас на карте, Орех? — спросил проводник.

— Ничего, — ответил парень. — Судя по карте, тут у нас тупик. Здесь никогда ничего не было построено.

Проводник медленно приблизил ствол «Калашникова» к зеркалу. Коснувшись его, тут же отдернул автомат назад.

— Что? — испуганно спросил Уотсон.

— Ничего, — ответил Бергамот. — Просто не хочу больше. Уходим отсюда. Нечего нам тут делать.

Сталкеры вернулись к левому коридору. Уотсон дважды оглянулся.

— Не надо, — предупредил Орех. — Ну его на фиг.

Левый коридор приятно удивил отсутствием хлама.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что пыли в нем скопилось порядком. Именно пыль и служила признаком, что здесь уже долгое время нет ни мутантов, ни людей. А значит, хотя бы часть проблем можно было скинуть со своих плеч.

— Сзади никого? — спросил Бергамот.

— Никого, — ответил Орех. — А почему ты спросил? Я же и так постоянно смотрю.

Новые двери и развилки располагались на пути сталкеров, но все заканчивались тупиком, оставляя команде единственный путь для продвижения.

— А куда мы вообще идем? — задал вопрос Фармер. — Я в том смысле, что нам же нужно просто пройти несколько сотен метров и попасть в городскую черту, так?

— Мужики, я не в курсах, — отозвался Орех. — Вы же не сказали, куда именно идете. Если вам без разницы, то да, подниматься можно хоть сейчас. Ближайшая шахта через пятьдесят метров. Можем свернуть в транспортный тоннель «Юпитера», но не знаю, что мы от этого выиграем.

— Зачем тогда сворачивать? — произнес Бергамот. — Давай вылезать прямо сейчас.

Орех продолжал стоять на месте, о чем-то думая. Затем медленно поднял дробовик.

— Что случилось? — спросил Фармер.

— Тс-с! — Орех приложил палец к губам. — Слушайте.

Уотсон напряг слух настолько, что были слышны капли воды, падающие на том конце отсека.

— Что? — прошептал он.

Изменившись в лице, Орех уставился куда-то за спину сталкерам.

— Атаа! — завопил он.

Все трое мигом повернулись, вскидывая автоматы, и сзади них гроыхнул «карабинер».

Фармер не успел понять, что случилось. А когда понял, то не воспринял. Он лишь стоял и смотрел, как Бергамот отлетает на два метра вперед и падает лицом вниз с развороченной половиной тела.

— Всем стоять на месте! — приказал Орех. — Молчать хотя бы десять секунд и слушать! Это не настоящий Бергамот.

— Что?!

Орех выстрелил еще раз, вверх. С потолка посыпались крупные куски извести.

— Зеркало помните? — спросил он.

— Помню, — ответил Фармер, сжимая ремень винтовки до боли в суставах.

— Бергамот коснулся его автоматом и отразился. Сюда попал шатун. Настоящий Бергамот остался в зеркале.

— Ты псих? — вырвалось у Уотсона.

— Почитай справочник по Зоне, умник. Шатуны иногда попадают. Их можно распознать по отображению: органы тела меняются слева направо. То же касается одежды, снаряжения, ствола. Я его по автомату как раз и вычислил. Сами посмотрите, у него ствол перевернут!

Фармер, преодолевая тошноту, склонился над трупом проводника и осмотрел автомат.

— Да ты дебил конченный! — закричал он. — Совершенно нормальный автомат! Ты убил Бергамота, придурок!

— Сам ты придурок! Автомат у него какой, правосторонний?

— Затвор с правой стороны, — ответил Уотсон, присмотревшись. — Ствол не инвертирован... Все как и должно быть. Как же ты облажался, Орех.

— Вашу ж мать! — закричал зубами Орех, не опуская дробовика. — Каждый в Зоне знает, что у Бергамота был левосторонний «калаш». Это его автомат на счастье, вытасченный им из аномалии. У него затвор с левой стороны. А у этого чувака, на полу, смотрите — затвор на автомате с правой! Он снова перекрутился и стал как нормальный автомат. Такого быть не должно! Это значит, что сам Бергамот тоже перекрутился. У него сердце сейчас с правой стороны должно быть!

— Да тут хрен разберешь, где у него было сердце! — выпалил Фармер. — Теперь уже ничего не докажешь!

— Докажешь. Если я прав, то настоящий Бергамот после смерти двойника должен был выпасть из зеркала снова в наш мир. Мы вернемся и поищем его.

— Хорошо, — сказал Фармер. — Только верни мне дробовик.

Орех отступил на шаг назад.

— Нет, — сказал он.

— Да, — произнес Уотсон, медленно кладя руку на приклад бельгийской винтовки.

— Не надо, пацаны, — предупредил Орех.

— Почему? — спросил Фармер. — Боишься, что не успеешь снять нас обоих сразу? Ну так мы это знаем.

— В спину стрелять смелый? — добавил Уотсон. — А глядя в глаза?

Орех, облизнув губы, снова отошел назад.

— Достаточно, — сказал он. — Давайте друг другу сердце послушаем. С правой стороны или нет...

— Судя по тому, как колотится твое, — начал Фармер. — Оно у тебя может быть где угодно. Полагаю, если выстрелить тебе точно в солнечное сплетение, результат будет однозначным. И не важно, с какой стороны мотор.

— Да что ж вас, идиоты, нельзя ни на миг одних оставить! — послышался могучий бас.

Орех подскочил на месте, повернулся. Бергамот перехватил «карабинер» и другой рукой врезал парню по лицу. Сталкер кубарем покатился по полу, а проводник окончательно вышел из темноты на свет фонарей.

Фармер и Уотсон глядели на него, не дыша.

— Свой я, свой, — ухмыльнулся Бергамот, вытаскивая автомат из-за спины и демонстрируя левосторонний затвор. — Видите?

После полученной информации о шатунах зрелище было жутковатым.

Проводник вытянул перед собой массивный кулак и постучал себя по груди.

— Сердце слева, — сказал он. — Орех, поднимайся. Спасибо тебе, дружище, выручил ты меня здорово. Только больше так стволом не размахивай. Зона нервных не любит, и я тоже.

Орех встал на ноги, двигая челюстью.

— Надо же, — произнес он и сплюнул. — Даже крови нет.
— И синяка не будет, — добавил проводник. — Не переживай, я знаю, как это делается.
— Научи, а?
— Обязательно научу, — пообещал Бергамот. — Только сначала выберемся отсюда. Эх, что бы я без тебя делал? Эти двое ведь не знают, как шатуна от гуманоида отличить.
Фармер выругался. От души.
— Да ладно, мужик, все будет нормуль, — сказал Орех. — Идем дальше. Ничего не случилось.
— Да уж, — только и произнес Уотсон.
Сталкеры быстро покинули место, оставив шатуна лежать на месте.
— Хрень какая-то, — тяжело проговорил Бергамот, глядя на труп своего двойника. — Пойдем отсюда. Я уже не так молод, чтобы на такое смотреть.
Встряхнувшись, он взбодрился немного.
— Ты почувствовал, как оказываешься по ту сторону? — спрашивал Орех, по-прежнему идя последним. Он все еще не полностью восстановил координацию после удара.
— Нет, — ответил проводник. — Понял, только когда отражение ушло, а вы пропали. И я остался один. Давай не будем, об этом, мужик. Может, как-нибудь позже... За бутылкой.
— Охотно, — кивнул Орех. — Только выставляешься ты.
— Без базара.
Через десять минут сталкеры добрались до конца коридора.
— Здесь, — сказал Орех, показывая на железную лестницу, ведущую наверх и заканчивавшуюся люком.
— Логично, — согласился Бергамот. — Тут больше двигать некуда. Только, мужики, на пару слов...
Все сгустились кругом. Проводник с бледностью на лице произнес:
— Там, за зеркалом, я решил не стоять на месте, а найти выход. Коридоры были такие же, но отображенные. В общем, я тоже дошел до этой лестницы.
— Там тоже был люк? — спросил Орех.
— Да.
— Ты его открыл?
— Да.
— И что там? — произнес Уотсон, чувствуя дрожь.
Проводник посмотрел вверх, на люк. Все сделали то же самое.
— Там ничто, — ответил Бергамот. — Сплошная мгла. Нет даже вакуума.
Все замолчали. На Уотсона напал приступ клаустрофобии.
— Так, ну, мы по крайней мере находимся в нашем мире, — сказал Орех и первым начал подъем.
— Может, сердце проверить? — неуверенно предложил Фармер.
— А может, сразу по печени дать? Если не больно, значит, с правой стороны ее нет.
Люк был заперт изнутри на массивную щеколду. Отодвинув ее, Орех откинул крышку и впустил солнечный свет в подземелье.
Одновременно с этим послышался визг двигателя. Сталкер сразу спрятал голову, но не утерпел, выглянул снова.
— Куда! — крикнул Бергамот. — А ну назад!
— Ни хрена себе! — проорал Орех, выскакивая наружу. — Посмотрите!
Все трое мигом вылезли наверх, Бергамот последним.
— Святая Шакти, — только и сказал Фармер.
Переход под землей вывел их точно в центр микрорайона. Вокруг не было ни души. Навсегда застывший город стоял вечным памятником.
А с затянутых тучами небес, прямо на площадь перед сталкерами, то ли падая, то ли летя, неся огромный покоренный остов чего-то, что раньше было вертолетом Ка-54.

Глава 21

Война

«Свободовец» по кличке Вольт сроду не испытывал такого необычного расположения духа. В свой почти стариковский возраст — целых девятнадцать лет — он верил, что познал уже все на свете. Ему приходилось отбиваться от гопников, нападать в ответ, выбивать зубы кастетом и чинить собственные, снимать телок, терять телок, драться за телок и из-за них же страдать, глядя, как самая лучшая телка мутит с чуваком с соседнего района. Мстить за обиды, двигать в морду мусору и бежать в Зону. Выжить на Кордоне, влиться в «Свободу» и даже заслужить денежный бонус от Арчибальда лично. Сразиться за свой клан с «Долгом», «Грехом» и пережить нападение самого Меченого. Поохотиться на чернобыльскую собаку ночью, пересидеть нападение кровососа на верхушке дерева и без единого патрона. Но того, что происходило сейчас, Вольт не ожидал даже в пьяной эйфории.

Он сидел на приплюснутой траве, в окружении многих десятков таких же бродяг, как он, положив рюкзак с одной стороны и «абакан» с другой. Руки его были заняты обматыванием магазинов в пары с помощью изоленты. Магазины с обычными патронами — синей изолентой, с бронебойными — зеленой. Краем уха он слушал речь Ровера.

— Друзья мои! — громогласно отчеканил Ровер. — Без пафоса и громких слов объясняю суть. К северу от нас находится вражеский лагерь, состоящий из наемников и частично военных. Что для нас в принципе один хрен. Их нужно оттуда вынести. Объясняю, почему. Они там находятся исключительно и по желанию Глока, босса Коалиции. Ежу понятно, что для нас это нехорошо: перекрыт путь в Припять, потеряна добрая половина Рыжего леса, а это значит, что нас очень скоро начнут теснить. Мы стерпим раз, мы стерпим два, а на третий нас уже всех задавят. И чтобы этого не случилось, нам нужно напасть первыми. Вы спросите меня: а нормально ли такое поведение? То есть имеем ли мы право по логике вещей вот так тупо подниматься и идти с автоматами на вояк? Отвечаю. Сам факт нахождения в центре Зоны военного лагеря с наемниками я считаю вызовом, на который надо ответить. Если бы мы просто кому-то мешали, то нас бы попросили мирно свалить из Зоны, и тогда был бы совсем другой разговор. Вот только с нами никто считаться не будет. Мы — сталкеры, настоящие или бывшие. Любой сталкер по определению военного закона — преступник. Но по моральной стороне вопроса мы ничего такого не сделали, чтобы нас давить. Зону мы не создавали и пришли сюда, потому что нам это позволили. Нам было позволено здесь жить, работать, носить оружие и устанавливать свои внутренние правила — и мы ни разу не выползли за эти рамки. Мы ни разу не пытались свергнуть Барьер или устроить беспредел, если только нас не обязывала ситуация. Мы не провокаторы. Но под наши ворота пришли бойцы со стволами. Делайте выводы. Я закончил.

Ровер хлебнул из фляги, громко отрыгнул и отошел в сторону. На его место встал Анубис.

— От имени «Долга» я поддерживаю сказанное Ровером. Действительно, нет никаких причин, чтобы кто-то за пределами Зоны внезапно получил право угрожать нам оружием, пока мы занимаемся тем же, чем и всегда. Проект «Зона», как все мы знаем, является секретным, но все же официально признанным документом, подписанным президентами двух стран. Создавая Зону, политики смирились с ее существованием. Впустив в Зону людей, они добровольно создали внутреннюю армию, особое сталкерское подразделение, состоящее из всех, кто находится в этих стенах. Они вручили нам не только средства самообороны, они наделили нас полномочиями, правами и обязанностями. И за ними не может быть привилегий менять этот договор в одностороннем порядке. «Долг» не признает за Коалицией права вводить войска и ставить блокады. Мы должны ответить ударом, иначе до завтра никто из нас, возможно, не доживет. Это упреждающая самооборона. У нас не может быть интересов завладеть богатствами, деньгами, землями врага, поскольку к северу от нас ничего этого нет. Все, за что мы будем воевать, — это наши жизни.

Закончив обматывать магазины, Вольт попытался перегрызть изоленту. Зубы противно клацнули, вконец испортив ему настроение.

— Эй, слышь? — Вольт шепотом окликнул впереди сидящего «свободовца». — О чем это они говорят?

Тот только плечом дернул.

— Теперь о конкретных планах. — Анубис перешел к другой теме. — В современном мире

воюют тем, на что хватает денег. Денег у Коалиции очень много, и локальный конфликт может быть перенасыщен любыми методами нападения, на которые у Глока хватит фантазии. Лагерь укреплен и оснащен бэтэрами, снайперами, в нем нет гражданских лиц. Каждый, кто там сидит, — опасный враг. Нечего и рассчитывать, что бой сведется к перестрелке с обитателями лагеря. Нет, в первые же минуты после ее начала к нам вылетят вертолеты с Барьера, чтобы всех нас выжечь ракетами. Это не столь критично, как может казаться. — Анубис не обращал внимания на поднявшееся ворчание. — Для этого у нас есть расчеты ПЗРК. Их задача — не дать врагу переломить ситуацию в эти самые первые минуты. Но потом все будет зависеть от нас.

— Я прошу минуточку внимания! — выкрикнул Ровер. — Слушайте, что он говорит, это очень важно!

— После вступительной атаки и ответного удара с воздуха наша битва сведется к банальному бою толпы на толпу, — сказал Анубис. — И здесь вы все должны понять, что нам противостоят обученные специалисты. Наемники Глока — люди, прошедшие ужасы войны. Хотя среди вас тоже есть такие, все равно вас очень мало. А в стане врага таких сто процентов. Они сумеют отбиться без особых проблем, тем более что им все равно не придется пережить осаду. Пока они в лагере, у нас нет никаких шансов их победить. Но у нас есть свой козырь, наше сильное место. Мы — сталкеры. А вокруг нас — Зона. У нас есть опыт выживаемости в подобном месте, а у наемников его нет. Они разместили лагерь в квадрате, свободном от аномалий, так что наша задача — выкурить их оттуда. Рассредоточить врага, заставить рассыпаться в стороны. Даже будь они великими воинами, им не выжить в Рыжем лесу без подготовки, и отдельно взятая небольшая сталкерская группа сумеет без особых проблем одолеть аналогичную группу наемников. Вы заметили, что никто не проводил с вами военных учений. Это потому что они вам не нужны, в малых дозах они вредны для вас. Мы не можем позволить себе воевать по правилам. Вы — сталкеры, и не забудьте этого. Помните: напасть внезапно, лишить поддержки с воздуха и рассредоточить. Да хранит вас Зона.

Коллективный вопль с поднятием автоматов в воздух был ему ответом.

Анубис отошел к джипу, на котором закончили пристраивать бочки с топливом, найденные в лагере «Свободы». Он старался никому не показать горькой улыбки, возникшей на его лице. Для вступления сталкеров на тропу войны не требовалось не то что никакой вступительной речи, но даже худо-бедно весомых аргументов. При всеобщей ненависти к наемникам достаточно было сдернуть поводок. Речь была нужна для того, чтобы сплотить те остатки бойцов, которые переживут первые две минуты и не разбегутся.

— Братан, — продолжал звать Вольт. — Мы чё, теперь с «долговцами» работаем?

— Отвали, — бросил ему «свободовец», не оглядываясь.

Вольт продолжал сидеть на месте, хлопая глазами.

— А разве мы раньше с ними не воевали? — продолжал он.

— Заткнись ты, дай послушать!

Живо поднявшись на ноги, Вольт обратился к бродяге справа от себя.

— Эй, ты, — сказал он. — Мы теперь в одной кодле с «Долгом»?

— Ну, — небрежно ответил тот, не поворачивая головы.

— А почему?

— Откуда я знаю? Сядь и не мельтеши.

Вольт снова уселся, глядя на стоящий вдалеке джип «Долга».

— А почему мы с ними раньше воевали? — спросил он, но его слова растворились в небе впустую.

Такие вопросы в Зоне были большими изгоями, чем сам Вольт.

Ровер наскоро изучил списки собственного клана, мерцавшие на экране КПК.

— Оки, — одобрил он. — Скажи Лагуте, пусть рассортирует клан по группам единомышленников. Кто с кем в друзьях, из тех команды и формируй. Это ясно?

— Ага.

— Каждому в команду сунь человека, опытного в сражениях за пределами Зоны. Если не найдешь столько, попроси кого-то из «долговцев» принять участие.

— Ясно. Что с терпилами сделать?

— Кого в клане чмырят особо сильно, тех объедини в отдельную команду.

Захлопнув КПК, Ровер вернул его обратно.

— Что-то мне подсказывает, что именно они переживут нас всех, — высказал он мнение. — Только этого уже никому не говори.

«Тигр» с открытым верхом больше напоминал песчаный внедорожник, сошедший с обложки фантастического романа. С огромным кенгурятником спереди, усиленный пластинами брони, он стал самой мощной и тяжелой машиной клана. Заднее сиденье отсутствовало, на его месте, переходя в багажное отделение, были пристроены бочки, обмотанные несколькими мотками толстой проволоки. Между ними щедро насыпали металлического хлама, собранного по сусекам. Оружейник «Свободы» добавил от себя несколько бракованных гранат. На всякий случай на двух бочках располагались заряды пластиковой взрывчатки.

Серафим включил зажигание. Послушал, как урчит двигатель.

— Удачи, брат, — пожелал Дизель. — Если что, возвращайся.

— Если что, пойду до конца, — сказал водитель невозмутимо. — Я среди вас лучший шофер.

Отдав честь, он медленно проехал метров двадцать и вернулся обратно.

— Тяжеловато идет, — сказал он. — Центр тяжести высоковат. Но сгодится. Фарватер обеспечьте, и все будет хорошо.

Дизель сунул два пальца в рот и свистнул. К нему подбежал проводник клана.

— Проверьте дорогу, — сказал Дизель. — Не тропу, а именно дорогу, чтобы можно было проехать. Мне нужен безопасный путь, настолько, насколько близко вы сумеете пробраться к лагерю.

— Можно взять в помощь «свободовца»? У них свои ходоки есть, опытные в Рыжем лесу.

— Не взять, а попросить. Только вежливо. Можно.

Подошедший Анубис кивнул, и проводник скрылся.

— Разворачивай Мисс Анаис, — сказал Анубис негромко.

Дизель осклабился, показав сжатый кулак.

— Это мы мигом, — ответил он.

— Момент для атаки выбери сам. Лучше всего обожди, пока наемники из укрытий не попрут. Неизвестно, сколько пулемету удастся проработать.

— Лебедев не подведет.

— Знаю. Но ошибиться может, как и все мы.

— Ошибка, — произнес Дизель задумчиво. — Это наша ошибка! Звучит, да? Хороший слоган был бы для нового клана. Группировка «Ошибка».

Он захохотал и быстрым шагом направился к машине с пулеметом.

Вольт закончил возиться с оружием. Кое-как связав оборванные концы ремня автомата, он обнаружил, что длины не хватает. Но поделаться он ничего не мог, лишь перевесил ствол на правое плечо, словно сумку. Единственную гранату он надел на шею, как медальон. Эта осколочная груша была первым предметом, полученным им в Зоне. С ней Вольт ходил во все рейды, всегда оставлял ее под самый конец, как неприкосновенный запас. Воспользоваться гранатой так и не пришлось, так что он стал таскать ее просто на счастье.

Рюкзак бы занывать, да негде. Тощий заплечник содержал всего лишь бутылку водки да две палки старой, но еще пригодной к употреблению колбасы. И все равно оставлять было жалко. Вольт подтянул лямки рюкзака, но тут же ощутил, как его берут под локти.

— Пойдем с нами, — раздался над ухом чей-то властный голос.

— Эй, что за дела? — испуганно пробубнил Вольт.

Никто ему не ответил. Снуя промеж деревьев, Вольта провели к командирской машине. От внимательного взгляда Анубиса у Вольта внутри все сжалось. Однако его повели дальше, к месту, где рос гигантский граб, в раскидистых ветвях которого уже затаился «долговский» снайпер. У подножия дерева стоял Ровер, озабоченно смотревший на карту, которую держал развернутой во всю ширь.

— Это он, — доложил один из конвоиров.

Ровер опустил карту, и Вольт увидел, что в зубах босса торчала дорогая сигарета. Почему-то

именно сигарета его и напугала больше всего.

— Он? — переспросил Ровер.

— Так точно. Задавал слишком много вопросов.

У Вольта подкосились ноги, и он упал бы, если бы конвоиры его не поддержали. Его воображение нарисовало перед ним сцену более красочную, чем картины Репина: вот полевой Совет Кланов созывает трибунал, и его, Вольта, приговаривают к публичному повешению и последующему расстрелу за шпионаж и чрезмерное усердие в попытках вникнуть в суть межклановых конфликтов. Сцена уже было заканчивалась на моменте съедения трупа слепыми собаками под торжественные речи вождей, выжимая фантазию без остатка, как Ровер внезапно расплылся в добродушной улыбке и сказал:

— Наконец-то. Хоть кто-то в наших рядах начал задумываться.

Вольт оторопело глазел по сторонам, не понимая, прощен ли он.

— Командиром отряда будешь? — спросил Ровер.

— Я, нет, я не буду, — испуганно затряс головой Вольт. — Не смогу.

— А, черт с тобой. — Ровер выплюнул сигарету. — Направляю тебя в отряд Геворга. И, умоляю, сходи к Лагуте, возьми нормальный ремень к стволу.

— Слушаюсь! — обрадованно сказал Вольт и побежал исполнять приказ.

Ровер хотел сделать затяжку, но обнаружил, что сигареты в руке уже нет. Вздохнув, он свернул карту.

— Волнуешься? — спросил Анубис, встав рядом.

— Дергает легонько, только и всего, — ответил Ровер.

Они смотрели, как разрозненные кучки бойцов постепенно приобретают черты организованных групп. Все происходило быстро и естественно.

— Ровер, в твоём клане женщины есть?

— Есть, две. Мафа и Копилка. Обеим еще и тридцатника не исполнилось.

— И они тоже пришли воевать?

— Конечно. Мафа — снайпер. Женщины вообще лучше созданы для такой работы. А Копилка техник — не хочу называть техничкой, а то смысл совсем теряется.

— Ты их объединил в одном отряде?

— Нет, разумеется. Позволил самим выбирать, и они выбрали разные. Пусть мужикам пример будет. Достоинство в бою сумеют показать.

Вдали проводники кланов заканчивали разведку дороги. Раздавались щелчки затворов.

— Нуб, знаешь, что я думаю? — произнес Ровер.

— Без понятия. Уверен, ты мне сейчас об этом расскажешь.

— Иногда внезапность — ключ к успеху.

— В смысле?

— Ну, ты сам посмотри. Толпы бродяг, не отягощенные моральными принципами, по идее, готовые утонуть в анархии и других потопить, тем не менее сливаются в единую кодлу. И всего-то понадобилось им в этом особо не мешать. Но что самое интересное, подтолкнуть их все же пришлось. Главное, что мы сделали это внезапно. И все само потекло. А представь, что мы бы долго трындели им про важность дружной семьи и объединения, про то, что мы все равны. Развернули бы тут палаточный городок, понарыли окопов, поставили командирский центр и госпиталь, провели учения. Словом, все чин чинарем. Да нас бы заклюкали на фиг. Потому что сталкер любит команду — но только когда команда становится его собственным решением, которое никто не навязывает.

— Ты прав.

— А то. Знаешь, мы ведь не из-за майора все делаем. Что бы он там ни думал, все то, что сейчас происходит, было всем нам нужно. Появится Клинч или нет — хрен с ним. Война с наемниками — личное дело каждого из нас. А для кого не личное, тот сегодня не участвует. Признайся, в «Долге» сейчас дезертиры есть?

— Сегодня, на этот бой?

— Да.

— Есть. Мы насчитали четверых.

— У меня семеро, — сказал Ровер. — Но я не считаю их дезертирами.

— Я тоже. Всеобщая мобилизация была, но на добровольной основе. Кто не хотел, тот ушел на юг. Я никого не держу.

— Согласен.

— Ровер, скажи одну вещь. Тебе Глок все же заплатил за предательство?

— Да.

— И ты принял деньги?

— Принял. Если с Глоком еще будут мирные разговоры, ничего обратно он не получит.

— То есть ты принял взятку за предательство, которое должно было случиться во время мирных переговоров с «Долгом», но никого не сдал?

— Считаешь это произволом? — улыбнулся Ровер. — Я теперь типа крыса?

— Нет. Совсем нет.

— Вот и обойдись тогда без намеков, за которые можно и по роже схлопотать. Порою взять деньги за работу и не выполнить ее — единственно верная вещь.

— Верная для чего? Для каких устремлений?

— Для комфорта, — ответил Ровер. — Видишь ли, я комфорт цену превыше всего на свете. Вот смотрю я на Зону и думаю — Господи, хорошо! Куча отпетых уголовников, отморожков, бандюганов, нормальных пацанов, ненормальных пацанов, лохов, неудачников, ботанов, даже местами баб — всех запустили в одну песочницу и выдали оружие. И что они сделали? Общество построили! Договорились! Живем в мире. Постреливаем, но только иногда. Мне вид этих ребят душу греет, понимаешь? Я снова обретаю веру. Не знаю, чем закончится сегодняшний бой, но я верю в то, что человек получше всякой гадины приспособится и найдет место, где сможет прорасти цветком. Хоть постапокалипсис какой наступит — все едино. Выживем и приспособимся. Зона что, разве так опасна? Это, считай, модель. Так, маленькая схемка. А если сегодня выживем и победим, то я буду знать, что мы бессмертны.

Западный район Рыжего леса был тих и спокоен. Притаившийся за камнем вольный сталкер Хребет смотрел в бинокль за приготовлениями кланов.

— Сейчас, сейчас, — проговаривал он, не отрываясь от оптики. — Уже бочки мостят на машину. Скоро пойдут в атаку. Если что, прикрываем бойцов с запада.

— А если вертолы прилетят?

— Тогда затихнем и отсидимся. Надеюсь, никто не вздумает с «калаша» сбивать.

Бухнувшийся рядом Рекс привычным движением разложил старенькую подзорную трубу.

— Ага, — подтвердил он. — Анубис своих перемешал со «Свободой». Не иначе, так и пойдут.

— Ты сколько наших собрал?

— До фига. Бродяг приползло человек семьдесят. С нами пойдут Обама, Аладдин, Ханта с Варягом, Кочерган, Неро и какой-то Кутюр.

Хребет присвистнул.

— Передай братве, что каждый сам за себя. Кто не хочет лезть на фронт, те пускай приглядывают за тылом. Если «Грех» в спину ударит, нам всем кирдык.

Рекс сложил трубу и быстро побежал назад. Хребет положил огрубевшую ладонь на автомат, подпитываясь его энергией и отдавая свою в ответ. Бой должен был начаться очень скоро.

Анубис постарался выбросить из головы все лишнее. Не получилось. Лишнего тут просто не существовало. И без того густой участок леса был заполнен двумя сотнями человек из обоих кланов, которые из беспорядочной толпы на удивление быстро превратились во множество сплоченных отрядов. Лидер «Долга» замечал все: португею на нервном усатом мужике в черном берете, худощавого «свободовца», поспешно завязывающего шнурки, спокойного и упитанного бродягу, неторопливо чистящего автомат. Кто-то обменивался магазинами с соседом, другой обменивался сложным приветствием с товарищем, состоящим из десятка последовательных жестов, из которых рукопожатие было самым простым. Межклановая рознь пока не проявлялась, что наводило на мысль: а была ли она вообще, эта рознь? Все присутствующие ясно видели, как Ровер свободно общается с Анубисом без намека на подозрение или вражду. И всем этого было достаточно. Невозможно было представить, что любить и ненавидеть в Зоне можно по приказу. Но

по подражанию — вполне.

Командиры отрядов заранее распространили среди своих людей уведомление об отмене радиомолчания. Теперь не имело никакого значения, что разговоры могут быть услышаны врагом. Анубис еще раз все осмотрел со своего места. Пора.

Он привел рацию в действие.

— Начали, — сказал он, следя за лагерем.

Послышалось урчание мотора джипа. Серафим плавно выехал на дорогу, врубил повышенную передачу. Дизель глядел на него, крепче сжимая «энфилд». Тяжелый «тигр» помчался напрямик к лагерю, уже ни от кого не скрываясь, оставляя за собой густой пыльный след.

Где-то в лагере протяжно завывала сирена. Слишком быстро, отметил про себя Ровер. Со стороны лагеря прозвучали выстрелы, Ровер жадно схватился за бинокль, высматривая стрелка, но было бесполезно пытаться его обнаружить сразу. Следующая пуля угодила в правую секцию лобового стекла — Серафим перед этим удачно сдал левее.

— Прыгай, — проскрежетал Анубис.

Ровер методично просматривал палатки в бинокль, стараясь не пропустить ни одной. Первая, вторая, из третьей выбегают двое с автоматами, четвертая... Из четвертой торчит дуло. Только Ровер раскрыл рот, как дуло дернулось, но не выстрелило.

Сзади раздался еле слышный хлопок.

— Я его сняла, — сообщил голос Мафы.

В лагере уже наступило заметное оживление. В приближающуюся машину стали палить уже в четыре или пять стволов. Серафим дал полный газ, переключился на нейтральную и, оттолкнувшись от сиденья, прыгнул в кусты, после чего кубарем скатился в овраг. Пули взбили окружающую его листву, но в человека не попали.

«Тигр» со взрывоопасной начинкой пронесся до лагеря, уткнувшись «кенгурятником» в край брусстера, завалился на правый бок и снес ближайшую палатку.

Дизель нажал на кнопку дистанционного взрывателя.

Никто не знал, от чего именно произошел взрыв. Дизель ясно видел, что бабах случился за долю секунды до того, как он вдавил кнопку до конца. Мафа утверждала, что выстрелила по бочкам в самый последний момент, но пуля не могла долететь так быстро. Вольт же уверял, что со своего ракурса четко различил искру, порожденную трением машины о край скалы, у которой закончилось ее путешествие. Как бы то ни было, но джип со всем содержимым моментально превратился в ослепительный шар. Анубис отстранился от бинокля, закрылся рукой. Густой столб черного дыма поднялся высоко над деревьями, распадаясь на множество сгустков клубящейся гари. Метрах в пятидесяти левее лагеря мелькнула вспышка — разрядилась «электра», в которую угодил осколок.

— Всем оставаться на местах! — приказал Анубис. — Затаиться и ждать!

Лагерь весь пришел в движение. Прикинуть число наемников было невозможно — очень мало кто высовывался из укрытия, а если и выглядывал, то на очень короткое время. Но шум сам по себе говорил о многом.

— Ми-28 идут с востока! — с жаром произнес голос разведчика в наушнике. — Две машины!

Быстро, подумал Анубис. Слишком оперативно.

Юный «долговец» теребил дрожащими пальцами именной жетон с эмблемой клана и гравировкой «Норд». Это было его имя, полученное с момента вступления в группировку. Норд мог многое вынести, что уже доказывал неоднократно. В бою он был бесстрашен, умел работать как в одиночку, так и в команде, просидеть двое суток в засаде без еды и питья, мог выйти с одним рожком на контролера. Последнее, правда, относилось к несколько другой черте характера, нежели храбрость. Но ожидание превосходящей атаки было тем, чего Норд спокойно перенести не мог, хотя очень старался. Тщетно он пытался унять биение сердца, разогнать помутнение в глазах, сосредоточиться и не помчаться не разбирая ног. Только мысль о том, что стыдно становиться самым первым беглецом в окружающей массе людей, удерживала его на месте.

— Эй, — по-доброму, почти ласково сказал ему Коммунист, опытный боец клана. — Удар с

воздуха — не так страшно, мужик. Тут нечего бояться.

— Да ну?!

— Это лотерея. Смелый ты или нет, все равно конкретно в тебя целиться никто не будет. Они пройдут один раз, а на второй у них не останется времени — из базуки снимем.

— Ракетами ведь обработают.

— И что? — подмигнул Коммунист. — Вокруг нас деревья. Мы в яме, ниже уровня земли. Чтобы нас достать, требуется прямое попадание. А статистика — упрямая вещь. Расслабься, Норд, все будет хорошо. Главное, не зевай, когда «вертушки» пролетят. До этого нам ничего не грозит.

Норд уткнулся лбом в сырую землю, приказывая зубам не стучать. Жетон он сунул обратно за пазуху, слушая, как шум винтов все нарастает.

Первый из «ночных охотников» пронесся над лесной полосой, покрыв ее ракетами. Большинство угодило в верхушки деревьев. Только одна добралась до земли. Летя навстречу неизвестной цели, снаряд попал в яму и взорвался, разметав Норда и Коммуниста в клочья.

— Вперед! — орал Ровер в микрофон, заставляя технику нещадно фонить. — Снимайте уроков всем, чем можно! Они не должны выйти на второй заход! Не должны!

Кто-то сбил его с ног, заставив упасть в грязь, смешанную с остатками гниющей листвы. Ровер с проклятием поднялся, даже не посмотрев, кто это. Вокруг бушевал хаос, было бесполезно пытаться остановить его простыми словами. Ровер прижался к стволу дерева, с гримасой глядя, как Ми-28 наполняет лес свинцовым дождем.

Из разных точек почти одновременно вылетели четыре ракеты, направляясь к «вертушке». Безуспешно. «Ночной охотник» сдал выше, и ни одна не попала в цель. Тут же развернувшись носом к расположению ближайшего стрелка, вертолет огрызнулся парой ракет, и эфир наполнился хрипами, какие только может издавать смертельно раненный человек.

— Стреляй! — скомандовал Ровер. — Венгер, ты меня слышишь? Венгер! Ты еще жив?

— Ровер, Напильник, готовлю «стингер», — послышался голос.

— Напильник, это ты? — спросил Ровер, не слыша собственного голоса — очередной «нар» сдетонировал прямо перед ним. Толстый ствол дуба покачнулся, накренился в сторону и тяжело повалился, выкорчеванный из земли. Засыпанный почвой Ровер отбежал назад, перемахнул через валежник, отдышался.

— Держу на прицеле, — сказал Напильник. — Огонь!

С расстояния метров в восемьдесят показалась характерная вспышка. Оставляя за собой белый след, он полетел напрямик к вертолету, который не успел даже сменить позицию. Ми-28 повернулся носом к ракете, словно готовясь встретить прикосновение снаряда, преисполненного самых теплых чувств. Ровер отвернулся, заткнув уши ладонями. И все равно звуковой удар был такой силы, что на какое-то время он оглох на правое ухо. В левом поселился противный свист, продолжавший длиться еще полчаса после начала сражения.

— Напильник, ты его сбил! — заорал Ровер. — Второго достанешь?

— Никак нет. Кончились зенитки.

— Ладно, «Долг» собьет, — уведомил Ровер, сам не зная зачем. В последний раз потеряв ухо, он с автоматом наперевес помчался вперед.

Используя подножку «тигра» как упор, Дизель запрыгнул в кузов. Вжикнул молнией на прозрачном чехле, позволил пленке свободно опасть вниз. Выдернул блокиратор платформы, вставил ключ в отверстие. Экран ожил, спроецировав ряд зеленых нулей.

Дизель быстро набрал цифровой код, стараясь не запутаться в узких кнопках.

Зажегся желтый огонек. Установка Лебедева повышенной мощности издала жужжание от низких частот к высоким. Стержни платформы выдвинулись, подняв шестиствольник повыше.

Оставшийся Ми-28 приближался. В него несколько раз выстрелили из РПГ, одна ракета даже попала. Но на летных качествах «вертушки» это почти не отразилось.

За руль джипа прыгнул один из «долговцев».

— Отставить! — велел Дизель, хватаясь за рукоятки пулемета и разворачивая ствол в нужном направлении. Подняв три предохраняющих тумблера, он нацелился в кабину.

Из-под левого крыла вертолета выскочило несколько шаров, полетевших в разные стороны.

«Ночной охотник» пронесся над машиной, зашел на круг и вернулся к Барьеру.

Один из шаров угодил в точности на сиденье пассажира. Дизель выпрыгнул из машины, кубарем покатился в сторону, закрыл голову руками.

Взрыва не последовало. Вместо этого раздался сильный треск. Мисс Анаис недовольно заурчала сервоприводами, блок стволов опустился вниз под углом в шестьдесят градусов и застыл. В воздухе почувствовался сильный запах озона.

— Твою ж мать, — выругался Дизель. — Электромагнитные гранаты.

Он поднялся и, глянув по сторонам, снова забрался в кузов. Беглого осмотра хватило, чтобы понять: шестиствольник Гаусса превратился в бесполезный комплекс металла, артефактов и спящей электроники.

— Уходим! — сказал водитель. — «Вертушка» возвращается.

Дизель схватил гранату, взгляделся. На вид потухший шар из материала, напоминающего обсидиан. Вышвырнув его, Дизель быстро пошел в чащу леса, по привычке хватаясь за рацию.

— Анубис, — сказал он. — Мисс Анаис накрылась полностью. Электромагнитный импульс. Теперь... Анубис, прием!

Запоздало поняв, в чем дело, Дизель сдернул с пояса передатчик. Так и есть. Вся техника вышла из строя.

— Мой автомат! — произнес он, протягивая руку. Вокруг него собрались человека четыре, включая одного «свободовца». Ему подали «энфилд», и Дизель с облегчением посмотрел на тактический модуль, прикрепленный слева от подствольника. Работает. Похоже, у гранат действительно был небольшой радиус действия.

— Рацию мне, — сказал он. — Джип отгоните и спрячьте. Всем покинуть район. Идем в наступление.

— Держи его, держи! — гремел голос Хребта над ухом. Рекс по миллиметру смещал ствол гранатомета, стараясь не потерять «охотника», спрогнозировать его траекторию. За последнюю минуту сталкер изучил действия Ми-28 достаточно хорошо, чтобы понять, что «вертушка» реагирует на обстрел одним и тем же маневром — контратакой и укрытием, и затем вырывается с другой стороны. Из естественных укрытий были разве что верхушки особо высоких деревьев. Тех самых деревьев, которые сослужили плохую службу боевикам там, внизу, в том рыжем аду, в котором выживание зависело в первую очередь от вероятности. Вертолет уже дважды повторил уход с линии огня, пилоты явно демонстрировали постоянство в поведении. Палец на спуске налился тяжестью, не хотел слушаться. Рекс понимал, что один промах — и конец. Летящая гадюка мигом обнаружит его, прилетит и поставит точку в странствиях собирателя артефактов. И мир не содрогнется. Сколько еще бродяг окончили свой путь точно так же?

— Хребет, — произнес Рекс, стараясь не менять положения головы.

Рекс не просил совета. Он всего лишь хотел объяснить, что не нужно кричать на него, дергать, давать указания. Что все попытки помочь будут только мешать.

Хребет понял.

— Работай, — сказал сталкер и оставил Рекса в одиночестве.

Вот и все. Надо работать.

Ми-28 ушел от очередной ракеты, спустился чуть ниже, повернувшись к Рексу хвостом.

Сталкер потянул скобу. Под угрюмое шипение длинный стержень устремился навстречу приключениям.

С западного склона скатились двое матерящихся бродяг. Один катился в обнимку с рюкзаками, второй, с перехваченной красной лентой головой, держал оба автомата. Его камуфляжная куртка нараспашку демонстрировала два артефакта на поясе, в особых контейнерах, позволявших прижимать арты к телу, но при необходимости быстро снимать их.

— Летит, летит! — радостно сказал он. Хотя радоваться было особо нечему. «Ночной охотник» наполовину показался из-за пожухлых верхушек высокого граба.

— Аладдин, заметяй! — испуганно выкрикнул его товарищ с рюкзаками.

— Тока не ссать, — сказал Аладдин, поднимая автоматы.

«Калашников» в левой руке и «абакан» в правой дружно задергались, освобождая свинцовую

энергию в почти параллельных траекториях. Ми-28 быстро опустился, начал поворот, готовясь наказать наглеца.

В следующий миг точным попаданием снаряда с холма ему снесло хвостовой винт.

— Рекс! — проорал Обама, прижимающий к себе рюкзаки, как лучших друзей. — Рекс достал с эрпэгэшки!

Будь вертолет чуть повыше, ему бы представился шанс кое-как добраться до Барьера, натужно перевалить за стену и там, в безопасности, зализать раны. Но в лесах ему пришлось нелегко. Потеряв компенсационный приток воздуха, «охотник» повернулся вокруг винтовой оси, цепанул покореженным хвостом древесный ствол и тяжело повалился на бок. Пять лопастей одна за другой грызнули землю, сменяясь по очереди. Цельнометаллический фюзеляж рухнул, подняв облако пыли и кружащих мертвых листьев.

С ликующим воплем Аладдин подбежал к побежденному военному транспорту. Откинулись люки кабины, показались все еще живые пилоты.

— Смотри, — сказал подошедший Обама, тыча пальцем в кабину. — Правду говорят, что экипаж «мишки» переживает падение.

Аладдин снова поднял автоматы. Стволы в обманчиво тонких руках снова пришли в движение, превратив обоих пилотов в решето.

— Врут, — коротко прокомментировал он. — Пошли дальше.

На передовой грохот стоял такой, что чуть не рвал барабанные перепонки. Лагерь наемников был уже в пределах автоматного выстрела, чем и не преминули воспользоваться обе стороны. Анубис закрыл ладонью наушник, стараясь хоть как-то отсечь посторонние звуки.

— Ровер! — сказал он громко, стараясь не переходить на крик, зная, что в этом случае речь станет еще более неразборчивой. — Ровер, оба вертолета сбиты! Еще один вчера уничтожил Борланд, а это значит, что у Коалиции осталось всего два боевых. Возможно, они отправят «камова» в бой, но это максимум. Пока они этого не сделали, нужно выбить наемников из лагеря! У нас мало времени, так что прикажи своим двигаться вперед прямо сейчас! Я пошел!

Сжимая «грозу», он перебежками ворвался в самую гущу сражения. Здесь был один из рубежей обороны, представлявший собой нагромождение валунов, за каждым из которых находились минимум по два человека. Дальше нескольких метров трудно было что-то различить из-за сплошной пороховой гари. В душливом воздухе стояла невыносимая жара, помноженная на вонь раскаленного металла и горелой плоти.

Бойцы обоих кланов прижимались к камням, стреляя без остановки, прекращая огонь лишь на перезарядку, изъясняясь друг с другом с нецензурной изысканностью, претендующей на эталон матерного профессионализма. У кого были подствольники, те ими и пользовались, кто являлся счастливым обладателем винтовки с тепловизором, тот соответственным способом реализовывал потенциал оружия. У кого не было ничего, те попросту стреляли в молоко, высовывая автоматы из-за укрытий. Один из «свободовцев» рискнул выглянуть за край скошенного камня и тут же свалился, потеряв половину головы. Его товарищ, в ярости позабыв о какой-либо защите, встал на обе ноги и разрядил магазин в полуростовые мишени, после чего снова скрючился в три погибели, вынимая магазин и ловя новый, брошенный другим напарником. На этой минуте ему везло больше, чем погибшему товарищу.

Анубис рванулся вперед, встал на освободившееся место. Окровавленный камень, к которому он прислонился, казался нагретым до невозможности. Лидер «Долга» стрелял и перезаряжал, засовывая гранаты в подствольник, выпускал их и стрелял снова, щурясь от летевшей в глаза каменной крошки, выбиваемой пулями наемников. Рацию он давно уже игнорировал — у него не было ни времени на то, чтобы прислушаться к эфиру, ни внимания.

Вперед полетели дымовые гранаты, пущенные довольно точно, чтобы создать плотную завесу в определенном месте. Затем человеческая лавина внезапно продвинулась вперед. Спонтанно, как это зачастую и случается, без какого-либо лидера, бегущего с флагом на врага. Просто валуны уже почти полностью превратились в каменное крошево. Ни одна нервная система не способна долго выдерживать нахождение в медленно уменьшающемся укрытии. Люди в костюмах кланов и без, в профессиональных защитных комбезах и в гражданских полевых куртках, в бронежилетах и в стандартной прорезиненной химзе — все как один рванули на врага.

Первые ряды выступавших были сметены шквальным огнем. Красные бронепластины на груди Мясника слились по цвету с брызжущей из тела «долговца» кровью. Сократа подкосило, когда пуля пробила ему ключицу. Заяц просто остановился и медленно лег, заметив отсутствие правой кисти.

Но обитатели Зоны не отступили и даже нашли в себе силы кое-как оттащить раненых, прижимаясь к земле, прячась в густой траве.

«У нас секунды, — думал Анубис. — Всего секунды на то, чтобы захватить хотя бы часть лагеря. После чего заговорят танки».

Танков у наемников не было, зато имелось несколько БТР, в которые уже запрыгивали наемники, понимая, что дело начинает пахнуть совсем нехорошо. Со своей позиции Анубис видел, что один из отрядов все же прорвался в восточную часть лагеря. Отряд братьев, состоявших в разных кланах, — Тиграна и Геворга.

— Зажигай! — велел командир боевой пятерки, захлопывая задние двери бронетранспортера, внутри которого уже сидели его подопечные. Он обошел машину, поправил правое зеркало и шагнул на подножку, настраиваясь на следующий этап боя.

Кто-то врезался в него сбоку, и командир рухнул на утопанную землю. Нападавший был в плотном, гасящем удары комбинезоне и — уму непостижимо — сварочной маске нового поколения, с хорошим поляризатором перед глазами и защитой слуховых каналов. Командир злобно сплюнул. Сразу вскочив, он получил удар точно в пах, от чего опять скрючился.

Двери БТР распахнулись. Полыхнул ослепительный свет, сопровождавшийся оглушительным хлопком. Командир откатился в сторону, запоздало сжимая уши и зажмуриваясь. Если даже на него граната подействовала таким образом, то нападавшие точно должны были ослепнуть на долгое время.

Тут он сообразил, что гранату метнули вовсе не его люди.

Человек в маске пнул его снова. На этот раз командир не собирался играть в боксерскую грушу. Схватив сталкера за ногу, он повалил его, быстро уселся сверху и попытался заломить стопу. Нападающий, словно только этого и ждал, положил руку на висящий на боку пистолет и выстрелил, не вытаскивая. Командир почувствовал, как что-то рвет его бедро. Волна боли пришла потом, когда он свалился в последний раз, стискивая зубы от такого глупого поражения.

К тому времени его людей быстро вытащили из бронемшины. Их не убили, а положили наземь, скрутив запястья. Это давало командиру шанс.

— Сволочь, — прошипел он, сжимая простреленное бедро и незаметно расстегивая петлю на ножнах. — Дерись как мужик!

Сталкер встал перед ним и снял маску. Командир остолбенел.

— Не хочу, — ответила Копилка, распуская волосы и цепляя маску на пояс. — Вы такие предсказуемые.

В ярости командир успел только взмахнуть ножом, как ему в висок ударил приклад винтовки, заставив отправиться в долгое философское переосмысление полученной информации.

Ровер с облегчением перевел дух, видя, как отряд Геворга захватывает бронемашину. Усевшись на поваленный ствол дерева, он скрутил крышку с фляги и сделал несколько глотков, затем от души полил себе на лицо и израненные ладони. Десять секунд отдыха, нет, двадцать. И с новыми силами — к очередным свершениям.

Из-за кустов показалась фигура Мафы, которую Ровер узнал бы хоть ночью и издали. Он обожал и этот силуэт, и походку. Лицо девушки, как и у всех, было перепачкано и покрыто копотью, но по щекам пролегли тонкие белые полосы. Она беззвучно плакала.

— Мафа, — произнес Ровер. — Ты зачем здесь?

Она бессильно села рядом и замотала головой.

— Эй, — наклонился к ней Ровер. — Что случилось? Ты ранена?

— Нет, — ответила она. — Меня сбросили.

К тому времени Ровер уже приспособился к окружающему грохоту взрывов и голосовое общение вел на несколько ином уровне, порою и вовсе читая по губам. Так что он решил, что неверно понял сказанное.

— Сбросили? — повторил он. — Кто сбросил? Откуда?

— С дерева, — сказала Мафа, утираясь рукавом. — «Долговец» залез на дерево, грубо ударил и сбросил меня.

Ровер чуть не выронил флягу. Отдав ее Мафе, он попытался понять причины такого поведения. Удар исподтишка со стороны вражеского клана, попытка самоутвердиться жестоким способом или недоразумение? Демонстрация превосходства, за которую ответит позже Анубис, если, конечно, выживет? А может, девушка просто переволновалась? Он внимательно смотрел, как она пьет, обхватывает голову руками, раскачивается и горько рыдает.

«Господи, — подумал он. — Зачем ты все это делаешь с нами? Для чего здесь такие, как Мафа?»

«Для чего здесь такие, как та девчонка?» — думал Филин, пристраиваясь в снайперской позиции в ветвях раскидистого дуба. У него не было времени на усовершенствование позы или маскировку, как не было возможности стащить Мафу с дерева мирно и медленно или хотя бы успеть понять, зачем он это делает. Вытащив магазин СВД, он осмотрел его и загнал обратно. Не самый лучший выбор винтовки, но для текущих условий вполне подходит.

Не тратя времени попусту, Филин начал выборочный отстрел наемников. Мафа работала хорошо, однако, судя по числу раненых в лагере, не стремилась отнять жизнь. Филин ее за это не осуждал. Выбирать мишени Мафа тоже не умела. И, конечно, не вполне представляла, что снайпер в такой точке на поле боя долго не живет.

Сжав губы, «долговец» стрелял по командирам. Его не интересовали ни нашивки, которые по большей части не имели отношения к военным, ни возраст наемников. Он хорошо понимал, что на поле боя командиром может стать любой, даже тот, который родился под другой звездой. Кому, возможно, с детства было предназначено катиться по наклонной, чтобы в итоге закончить свой путь за решеткой. Командир — это не титул, даруемый главнокомандующим. Не оставшиеся с детских лет нереализованные амбиции. Только тот является командиром, кто сумеет сохранить душевное равновесие чуть дольше, чем другие. Кто не даст боевой группе распасться на множество ничего не значащих единиц. Кто первым встанет и подбодрит остальных словом или делом. Никого Филин так сильно не уважал в своей жизни, как командиров. Потому и не мог недооценивать значения вражеских лидеров. Ловя в перекрестие прицела тех, кто вел себя иначе, чем другие, Филин убивал их. Убивал, чувствуя с каждым разом невыносимую боль, с которой справиться не умел. Он знал, что если ему не повезет, то у него будет время лишь на несколько выстрелов, прежде чем его засекут. И старался не потратить впустую ни единого патрона.

Снайпер призвал на помощь всю свою выдержку. С удивлением отметил, что больше всего его успокаивают мысли о Мафе. О том, что она, вероятно, так никогда и не поймет, почему он стащил ее с дерева. Почему ударил, вместо того чтобы попытаться объяснить, что здесь опасно. Он успел заметить ее глаза, навсегда запечатлеть в памяти выражение лица девушки, у которой, возможно, только что забрали последний шанс как-то себя проявить и показать себя не хуже мужчин. Неужели вся его жизнь была лишь путем к этому поступку?

Филин снова нажал на спуск, избрав мишенью разъяренного снайпера наемников. Перед смертью тот успел увидеть, где находится его убийца, и, по всей видимости, даже сообщить товарищу. Оставалось совсем немного. Но «долговец» не собирался спускаться.

Да. Как бы ни прошла твоя жизнь, ее итог всегда знаменуется последним поступком. Поэтому, думал Филин, все, что мы делаем, является лишь дорогой к последнему шагу. И окончится надгробным камнем. Личным Монолитом.

Переведя прицел на захваченный БТР, Филин увидел, как команда Тиграна в полном составе садится внутрь. К машине побежал наемник с зарядом взрывчатки. В одно мгновение Филин разнес ему голову. Затем что-то стукнуло его в бок, вырывая часть плоти вместе с костью и обрывками ткани. Перевернувшись на спину, Филин ощутил тупой удар в спину, когда метким выстрелом ему перебило позвоночник. Перед тем, как картина затянутого тучами неба растворилась в сплошной кляксе, он успел порадоваться тому, что здесь нет Мафы.

Глава 22

Оно улыбается

Сафрон медленно протер губы салфеткой, отодвинул от себя тарелку и откинулся на спинку стула. Его недобрые глаза пристально смотрели на человека напротив.

— Хорошо живешь, Глок, — вымолвил он. — Моего комбата напоминаешь, чтоб ему могила терновником стала.

— Только давай без детских комплексов, — поморщился Глок. — Решай уже.

Наемник перевел взгляд за окно со стальной решеткой.

— Неожиданное ощущение, да? — сказал он, беря со стола чашечку кофе. — Ведешь свое дело, можно сказать, всю душу в него вкладываешь. Все путем. Пока внезапно не понимаешь, что не контролируешь ничего. Солдат ты накупил на целую войну, а генералов не хватает.

— Кунченко занимался этим, — зашипел хозяин Зоны. — Откуда я мог знать...

— Должен был знать, — оборвал его Сафрон. — Обязан был.

Пауза длилась, пока наемник не допил кофе.

— Значит, так, — сказал он, поставив чашку. — Я хочу тридцать миллионов евро. Не сразу, конечно. В течение четырех лет. Плюс вертолет в частное пользование. «Тунец» будет моим. Я выберу себе страну, в которой будет разрешено владение боевым вертолетом при соблюдении определенных... неформальностей. Но это уже моя забота.

Глок послушно кивал.

— За это, — Сафрон помедлил, — я убью Кунченко. Даже если он в НЛО сядет, ему от меня не уйти. Еще я согласен использовать «Тунца» в качестве командирского вертолета на время текущего сражения в Рыжем лесу. Побуду твоим шофером.

— Отлично. — Глок налил себе дорогого вина из стоящей на столе бутылки.

— И последнее. Сколько у тебя осталось «мишек»?

— Две. — Хозяин выпил быстро, стараясь не уронить настроение.

— А было пять. Вот и делай выводы.

— Уже сделал. Можешь помочь?

— Я резервирую оба «охотника» и принимаю их под свое крыло. Сообщи пилотам. Теперь они «Фокстрот» и «Дельта».

— Передам.

— Чуть не забыл. Свяжись с Эрагоном и вели ему выступать со своими людьми на юг.

— Что?! — не понял Глок. — Предлагаешь бросать в бой «Монолит»? Весь клан?!

— Да, — спокойно ответил Сафронов. — Ты собираешься решать проблему восстания или нет?

Глок снял с ремня рацию.

— Свяжи с «Монолитом», — отдал он приказ невидимому радисту.

Они с наемником долго смотрели друг на друга, пока рация издавала тихий треск. Глок первым не выдержал и отвел взгляд.

— Алло, кто это? — послышался напуганный голос.

Хозяин Зоны остолбенел.

— Это Глок! — рявкнул он. — Дай мне Эрагона!

— Его здесь нет, — ответил голос. — Он не вернулся с похода в лабораторию. Я просто дежурный!

Сафрон презрительно улыбнулся, покачав головой.

— С какого еще похода? — не выдержал Глок. — Кто главный? Что там у вас происходит?

— Кто-то стучит в дверь! — сообщил собеседник. Наверняка в клане ведением дежурных смен попросту карали за глупость. — Секунду, я посмотрю. Может, Эрагон вернулся.

— Да какого же дьявола! — Глок снова рухнул в кресло. — Хоть что-то в этом месте работает как следует?

— Это не Эрагон! — продолжал «монолитовец». — Я не знаю, что это! Оно смотрит в окно, прямо на меня! И оно улыбается!

Глок прервал связь и уставился на наемника.

Сафронов встал из-за стола.

— Наверное, тебе нужно дотошнее выбирать союзников, — сказал он, обходя кресло

начальника. — Пошли. Я покажу тебе, как решаются такие вопросы.

Глок ошибался. Дежурный «Монолита», находящийся в бункере под Припятью далеко на северо-востоке, тупым не был. И Эрагон никогда не ставил провинившихся в охрану. Просто зрелище в круглом окне бронированной двери, отделявшей последний рубеж базы клана от просторов Припяти, было той каплей, что переполнила чашу самообладания «монолитовца».

Оранжевый шар по ту сторону двери сиял лучезарностью. Он напоминал продукт крайне экспрессивного художника, который от души набросал черной акварелью линии мордашки на правильной сфере. Черты физиономии были такими, что стекло, за которым ждал визитер, казалось выпуклым. Полтергейст смотрел прямо на дежурного, улыбаясь во весь рот. И стучал в дверь — монотонно, настойчиво, явно требуя открыть.

Дежурный попятился, уперся о стол, снеся с него лампу. Круглый пришелец начал бурчать, затем что-то рассказывать. Все сопровождалось выразительной мимикой. Этого вынести «монолитовец» уже не мог. Он ударил по обеим кнопкам, которые следовало использовать в особо опасных случаях. Первая пускала ядовитый газ, подающийся из форсунок по внешнюю сторону двери. Газ обычно использовался, если сталкерам «Монолита» случалось привести за собой незваных гостей: бойцы попросту надевали маски и ждали, пока зеленый дым убьет мутантов. Вторая кнопка выдвигала пулеметы, которые наполняли пространство убийственными очередями. Система стоила денег, но тут Глок не поскупился.

Завыла сирена. Коридор по ту сторону двери наполнился газом, одновременно заговорили орудия. Полтергейст мигом отлетел от входа, заорал, и звуки выстрелов заглохли, словно пулеметы подавились, наткнувшись о некую плотную среду.

Стекло на двери разбилось. Шар утратил всякую форму, прижался к отверстию и просочился сквозь него. Здесь он снова собрался в первоначальный вид — почти. Полтергейст превратился в сгусток чистой, буквально концентрированной энергии, воздух вокруг него потрескивал электричеством. Вокруг него по орбитальным траекториям кружились многочисленные маленькие сферы разного диаметра.

Этого дежурный уже не увидел. Попав под влияние газа, заполнившего собой помещение через разбитую дверь, он почувствовал, как его легкие охватывает пламя. Согнувшись, он упал на колени, горло перехватили спазмы. «Монолитовец» замертво рухнул на бок в позе эмбриона.

Полтергейст сделал несколько кругов по комнате. Кнопки на пульте начали беспорядочно нажиматься сами собой, стул медленно поднялся, перевернулся и прочно стал четырьмя ножками на потолок. Находящийся у стены металлический шкаф, некогда предназначавшийся для хранения особо ценных бумаг, а ныне покрытый дырками от пуль, зашатался, осыпая на пол жестяную труху. Опрокинув его, Апельсин разогрел металл электрическими разрядами, затем попрыгал сверху, уминая шкаф в блин. Подлетев к двери, он сорвал ее с петель и кинул на то место, где раньше стоял злополучный шкаф. Окончательно войдя в раж, полтергейст начал сваливать в кучу все, что только смог найти в комнате, не исключая сорванные со стен плиты и решетки. Затем, как следует утрамбовав весь этот хлам, Апельсин вернулся в «предбанник» базы, где продолжали висеть дымящиеся пулеметы, разогнался и с воплем врезался в образовавшуюся гору. Замкнутое пространство усилило и без того дикий грохот, когда мусор рассыпался по всей поверхности пола.

— Подъем! — орал Номер Третий, сбивая бойцов с коек, раскладушек и гамаков точными ударами военных сапог. — База атакована!

Его повязка с временным личным номером была сбита, но подчиненные и так знали начальника в лицо. Во всяком случае, помнили, кто здесь босс в эту неделю. Эрагон постоянно менял расстановку привилегий на базе, стараясь не плодить офицерские замашки. Любой обитатель бункера мог стать как вторым в списке, так и последним. Никто не знал, кем ему придется быть на следующей неделе и чем заниматься — драить сортир или же вести триста человек на прочесывание Припяти и составление детальных карт аномальных зон, образовавшихся после очередного выброса. Поэтому места для накопления обид и претензий попросту не оставалось. Рядовой боец «Монолита» был всегда готов ко всему и оставался рядовым даже после нескольких случаев ведения руководства.

Так что никто в отсеке не произнес ни слова недовольства, когда Номер Третий поднял всех

по тревоге. Сам факт уже говорил по меньшей мере о том, что Номер Второй мертв. А значит, дело серьезно.

Зажглись яркие лампы, запитанные от генератора в подвале. Бойцы мигом обулись, похватили личные автоматы.

И тут же всех раскидало в стороны мощной невидимой волной.

Полтергейст оказался в дверном проеме. «Монолитовцы» открыли огонь, но ни одна пуля не достигла цели. Вместо этого все до единого кусочки металла вернулись назад по беспорядочным траекториям, рикошета от стен, пронзая человеческие тела. Двухзначные номера на рукавах бойцов вмиг покрылись кровью их владельцев, помещение заполнили хрипы и стоны.

Некоторые еще были живы и стояли на ногах, каждый тщетно пытался вдавить спусковую скобу, наглухо застывшую. Оранжевый шар выстрелил молниями, которые охватили винтовки, прыгая от одной к другой, заставляя держащих оружие людей забиться в судорогах и упасть замертво.

Молнии скакнули вверх, ударив в лампы, которые тут же взорвались, погрузив помещение в темноту.

Вопли и стоны раненых были слышны, наверное, на поверхности земли. Номер Третий в ужасе протиснулся в дверь позади полтергейста, со всех ног ринувшись по узкому коридору к спасительному выходу. Он не был трусом, что не раз уже демонстрировал в самых горячих сражениях. Но всему был предел. Если бы энергетический пришелец оказался обычным представителем своего рода, яростным монстром, стремящимся спалить все живое, то у людей был бы по крайней мере шанс его победить. Однако мало кто мог противостоять полтергейсту, вздумавшему просто поиграть на базе «Монолита» и поломать все, что видит вокруг себя, — кроме людей. Слишком поздно Номер Третий осознал, что все или по меньшей мере многие остались бы живы, если бы вовремя покинули место и не мешали оранжевому гостю развлекаться.

Полтергейст вылетел из отсека, заходя в следующий, и сзади него что-то рвануло. Бункер сотрясли толчки. Начальник базы не удержался на ногах, чуть не свалился, схватившись за пролежавший вдоль стены кабель. Автомат в его руке дернулся. С потолка тонкими ручейками посыпалась земля.

С противоположной стороны распахнулись створки дверей. Номер Третий чуть было не выстрелил в ответ, но вовремя остановился.

— Нападение? — спросил Номер Семнадцатый.

— Полтергейст, — ответил Третий. — Очень мощный. Людей не атакует, но базу разрушит. Надо уходить!

— Отставить, — сказал Семнадцатый. — Бросишь бункер из-за одного мутанта?

— Ты обязан подчиняться!

— Я обязан не мешать. Если хочешь, уходи. Эрагону объяснишь сам.

Семнадцатый дал знак своим людям, и все ринулись вперед по коридору.

Апельсин возник перед ними, окружавшие его энергетические сферы сложились в сплошное плоское кольцо. Семнадцатый переключился на подствольный гранатомет и нажал на спуск.

Граната полетела вперед. Тут шар в центре кольца закрутился, придав себе вид недоуменной морды. Нарисованная пасть раскрылась от удивления, приняв в себя точно попавшую гранату.

Апельсин тут же закрыл рот и начал жевать. Послышался глухой удар, будто где-то далеко с большой высоты рухнула ванна с цементом. Полтергейст на миг раздулся, увеличившись раза в полтора, и вернулся к первоначальному размеру. Недовольно заворчав, он всей поверхностью начал испускать дым от поглощенного взрыва, шипя, словно цитрус над мангалом.

Это было больше того, что могли выдержать некоторые «монолитовцы». Один выронил автомат, сполз по стене и начал истерично всхлипывать. Другие открыли огонь, заставляя шар крутиться, молниеносно перемещаться в вертикальной плоскости по всем направлениям и отбрасывать пули назад, пропарывая ими тела нападавших.

Номер Третий не стал ждать развития событий. Он метнулся вдаль, к спасительным складам клана, в которых находились запасные выходы. Сзади него уже начали обрушиваться балки и укрепления бункера, постепенно хороня под собой его жителей. Полтергейст продолжал издавать звуки с неизвестными человеку эмоциями — что-то между воплем и свистом.

Повсюду сновали собратья по клану, перекрикиваясь, пытаясь отстреляться от двигающегося

зигзагами шара, начавшего стрелять огненными сферами непонятно куда. Стволы бились в руках стрелков, то прекращая работать, то снова оживая и расстреливая все патроны сразу.

Дернув себя за повязку, Номер Третий попытался ее сорвать, затем в ярости отрезал ножом. Пошло оно все к черту! Всегда есть другой выход...

Врезавшись плечом в деревянную дверь, за которой находились складские помещения, бывший командир ворвался внутрь, нащупывая в кармане ключ.

И застыл на месте.

Тихий шепот доносился из-за стеллажей. Нечеловеческий шепот.

Номер Третий нервно сглотнул, прижимая к себе автомат. Шаг за шагом двигаясь к краю стеллажа, набитого всяким добром, он добрался до его конца и заглянул через край.

В этот момент он горько пожалел, что не сошел с ума раньше.

На этом участке всегда было пустое пространство для сортировки снаряжения. Здесь сваливались в кучу новые комбинезоны, ящики с провиантом, оружием и предметами обихода.

Сейчас на этой паре десятков квадратных метров находилась зеленая сфера. Своим видом она напоминала невесомый шар из морской воды, чья рябь говорила о том, что она все еще подвластна дуновению ветра. Полтергейст окутывало облако, зеленоватое сияние которого постепенно светлело у краев.

На грязном полу склада стояли пустые картонные коробки. Они были разложены в виде домика. С прорубленными окнами, дверью и даже крыльцом. Со своего места Номер Третий мог видеть зеленый газон, представлявший собой размазанную массу из банки рыбных консервов. Сама банка имитировала бочку с водой или что-то еще. Коробки спичек были поставлены так, что напоминали легковой автомобиль, колесами которого служили кругляшки обойм для револьвера. Длинный шомпол стоял вертикально и, судя по одной из мелких светящихся сфер наверху, изображал фонарь.

Посередине сцены сидела кукла. Самая настоящая, сделанная из тряпок, словно сшитая неизвестным мастером. Ее правильные пропорции напоминали девушку лет шестнадцати. На кукле было выпускное платье, сотканное из обрывков защитного комбинезона сталкеров. Волосами служили волокна ржавого мочала, выкрашенные в черный цвет.

Но самым детальным было лицо, как будто нарисованное настоящей кисточкой. Большие глаза, черные подведенные брови, немного пухлые щеки не могли скрыть грусти.

«Монолитовец» в шоке не заметил, как, задев стеллаж, опрокинул на пол защитный шлем.

Зеленая сфера повернулась на месте, обратившись к человеку, и только сейчас бывший командир заметил, что у нее было лицо.

Лицо куклы.

Раздирая себе связки в неистовом крике ужаса, Номер Третий перед окончательной потерей рассудка успел заметить, как полтергейст стремительно летит на него, насквозь пронзая зелеными лучами.

Затем его накрыла вечная темнота.

Глава 23 Война, ч. 2

Бронетранспортер двинулся с места. Тигран вырулил на тропу с задней стороны лагеря.

— Сноси палатки! — крикнул сидящий рядом Геворг, обращаясь к стрелку. — Откроем обзор для наших!

Лагута уже приводил в движение башню транспортера, поворачиваясь в нужную сторону вместе с боевым модулем «Гром». Загрохотала пушка. «Буцефал» плавно катился вдоль армейских палаток, кося их меткими выстрелами. Наемники внакладе не остались: на бронированной коже «буцефала» возникла россыпь мелких дырок.

— Что мне делать? — метался запертый в десантном отделении Вольт. — Что?

— Спокойно! — велела Копилка, сидящая напротив него. — Будь готов к высадке.

— Когда?!

— Когда придет время!

Тигран наклонился ближе к лобовому стеклу, взгляделся. Впереди показался нос другого бронетранспортера, выезжающего из-за дальней палатки. Геворг быстро поднес бинокль к глазам и стукнул брата по плечу.

— Сворачивай, — сказал он, но Тигран и без того понял, что надо делать. БТР повернул, заставив двух наемников разбежаться в стороны. Одного из них тут же достал снайперский выстрел. Геворг успел удивиться, что Мафа стреляет так метко.

Лагута выпустил дымовую завесу, заходя предполагаемому транспортеру с задней стороны. Метрах в десяти взорвался гранатометный снаряд, пущенный неизвестно откуда. Не иначе как «Долг» сумел подойти еще ближе.

— Готовсь! — крикнул Лагута сам себе, поворачивая башню. Вражеский БТР вынырнул из дымчатой стены, набирая скорость, словно намереваясь идти на таран. Лагута вдавил гашетку.

Открылась крышка контейнера, выпуская управляемую ракету. БТР вильнул вправо, но это ему не помогло. Через пару секунд он уже превратился в пылающий каркас.

— Ура! — крикнула Копилка, стуча кулаками по борту. Вольт вжался в сиденье, чувствуя, что ему стало трудно дышать.

— Дальше! — сказал Геворг, показывая на новые транспортеры. — Выведем их из строя, пока в них никто не сел!

И с любопытством посмотрел на черную палатку округлой формы, возникшую перед ним. Это был именно тот объект, который Уотсон не сумел распознать, пролетая над лагерем.

— Лагута, стреляй по палатке! — приказал Геворг, надеясь, что там не склад боеприпасов.

Но стрелок не успел. Черный тент внезапно перекосялся, когда выехавшая из него конструкция сбила опору. К тому времени, как палатка обрушилась полностью, перед «буцефалом» возникло совершенно нереальное гусеничное чудо инженерной мысли.

Лагута повернул башню, но он не успевал за проворной машиной. Перед тем как полыхнула вспышка на ее левом борту, стрелок успел вполне здраво оценить безусловное преимущество танка-беспилотника.

Анубис продолжал оставаться на месте, когда окружавшие его бойцы понеслись вперед. Он понимал, что наемники непременно отреагируют на новую угрозу новыми же средствами, так что он был обязан оставаться и смотреть, чтобы в случае чего скоординировать действия товарищей из собственного клана и силы союзников. Это было единственным, что удерживало его от того, чтобы немедленно ринуться в бой.

Поэтому выход гусеничного беспилотника он заметил сразу, безошибочно выделил этот фактор из массы других как приоритетный.

— Дизель, в лагере работает «рипсоу-два», — сообщил он по рации. — Уничтожь его либо найди оператора танка.

Затем он взглянул на поваленный «буцефал» Тиграна. Люди внутри него все еще могли быть живы. Однако спасательную операцию, разумеется, никто бы проводить и не вздумал. И лидер «Долга» в текущей ситуации никак не мог отдать такой самоубийственный приказ. Никому.

Кроме себя.

В голове Вольта шумело. Если тебе больно, то ты все еще жив, вспомнил он военную мудрость. Сперва он не понял, где находится, затем взгляд сфокусировался, и «свободовец» обнаружил, что лежит на спинке сиденья, уткнувшись головой в плафон. Рядом кто-то кричал. Но не от боли.

— Вставай, — дергала его Копилка. Ее прикосновение было мягким, даже немного нежным, чему Вольт ухитрился удивиться. Вцепившиеся в него руки были побледневшими, холодными. И все же Вольт не хотел вставать. В его голове словно что-то перегорело. И этот бой, и Зона, и вся его злополучная жизнь казались ему такими далекими, несущественными. Хотелось только закрыть глаза и заснуть. Просто заснуть.

— Ну уж нет, — сказала Копилка, потянула Вольта на себя и прильнула губами к его рту.

Поначалу «свободовец» даже успел удивиться — ему не нужно искусственное дыхание, когда он и так прекрасно дышит. Затем неожиданная теплота пробежала по его телу, и мир вернулся. Девушка целовала его страстно, почти неистово, покусывая губу, проводя по зубам

влажным языком. Не отрываясь от нее, Вольт с шумом вздохнул, и только тогда она отстранилась.

— Вставай! — велела она.

Вольт вскочил на ноги, огляделся. Лагута было уже не помочь. Тигран с Геворгом по-прежнему находились в отсеке управления. Чтобы попасть туда, Вольту пришлось пролезть в тесную нишу. Проклятый рюкзак все же нашел, где зацепиться, и сталкер тут же срезал его с себя. Зачем ему теперь нужна эта долбаная водка?!

Геворг был лишь слегка контужен. Тиграна придавило за ногу приборной панелью, сместившейся в его сторону после развороченной носовой части. Теперь, когда БТР лежал на боку, «долговец» без чувств свесился головой вниз, уткнувшись брату в живот.

Вольт принялся дергать панель на себя. Безуспешно.

— Что там у вас? — спросила Копилка, пролезая вперед. Теперь в отсеке управления стало очень тесно. — Вольт, убери Геворга отсюда и сам седи сзади.

Когда в отсеке стало посвободнее, девушка снова надела сварочную маску, затем вытащила складной резак, прикрутила портативный баллон.

— Держись, «долговец», — сказала она, переключая рычаг на резаке. Прибор зашипел, подавая тонкий луч высокой температуры. — Может быть немного больно.

Когда освобожденный Тигран свалился на нее, Копилка едва успела выключить резак. В этот момент дверь водителя, теперь расположенная наверху, открылась. Копилка сорвала с себя маску, заметив Анубиса.

— Живы? — спросил он.

Ответ Копилки он не услышал, так как отвлекся, чтобы пустить короткую очередь из автомата.

— Да, — повторила девушка.

— Через тридцать секунд будьте готовы к выходу. Через задние двери. Как откроете, быстро двигаемся в лес. Сталкеры помогут.

Анубис закрыл дверь и исчез.

— Вольт, готовься к выходу! — крикнула девушка.

— Слышал!

— И вытаски меня отсюда!

Копилка почувствовала, как ее тянут за ноги, вытаскивая обратно в десантный отсек. Взгляд Вольта был заинтересованным. Чрезмерно.

— Доставай Тиграна! — прервала она так и не начавшийся диалог. — Живее!

Отворив правую створку дверей, Геворг выскочил и встал рядом с Анубисом, прикрывая отход.

— Давай! — сказал он, помогая Вольту тащить бесчувственное тело брата.

— Ваш стрелок? — спросил Анубис.

Копилка покачала головой. Лидер «Долга» огляделся и обнаружил, что теперь они в лагере не одни посреди чужих. Собственно, лагерь уже нельзя было назвать прибежищем одних только наемников. Сталкеры с нашивками обоих кланов заполнили наземную базу. Анубис иронично усмехнулся: его безрассудный поступок в первую же минуту породил кучу подражателей, и теперь лагерь был взят.

Вот так и рождаются герои, подумал он. На пустом месте.

Мимо проехал очередной «буцефал», на бортах которого сидели союзники. БТР стрелял вовсю, куда-то на север, очевидно, преследуя покинувших лагерь наемников.

Но праздновать победу было рано. Для сомневающихся существовали целых две причины.

Первой был беспилотный уничтожитель «рипсоу-два», по-прежнему катающийся по лагерю в поисках очередной жертвы.

А второй — вылетевшая из-за стены Барьера связка из трех вертолетов, заставившая Анубиса почти утратить веру в возможность победы.

Главное, что почти.

Продолжавший лежать в снайперской позе Филин медленно разлепил веки.

Он ничего не чувствовал ниже грудины. Ровным счетом ничего. Лишь тупую, монотонную боль на уровне солнечного сплетения. Ветки под ним качались, пока тело сотрясали резкие,

дерганые толчки.

Какие еще толчки, откуда? Я же парализован!

Филин опустил лоб на горячий приклад винтовки, кое-как посмотрел на правый бок. Его нога была оторвана ниже колена, в бедро и живот вгрызались пули. При этом Филин не ощущал не то что боли, а даже попадания.

Ему стало смешно. Он лежал так, словно еще был способен стрелять, мелькнула у него мысль. Он все еще казался опасным. Они не знают, что ему осталось недолго. Думают, что он по-прежнему боеспособен, высматривает себе новую мишень.

«Господи, благодарю тебя за то, что позволил мне сбросить Мафу отсюда... занять ее место».

В мире было мало вещей, в которые верил Филин. Но что девочки не должны умирать в центре никому не понятной войны, медленно агонизировать с перебитой спиной, покуда вражеские пули постепенно отрывают им руки и ноги, — в это Филин верил больше, чем в собственную винтовку, что было совсем уж невероятно. Он превращал свою веру в правду жизни, а инструментом была СВД.

И «долговец» продолжил жить на полную катушку. Насаждать веру и истину.

Взглянув в прицел винтовки, Филин заметил наемника с северной стороны. Тот закинул гранату в подствольник и приподнял ствол, намереваясь разорвать на куски Анубиса и какого-то «свободовца», которые тащили на себе Тиграна.

Триста метров. За попадание умирающий снайпер был готов отдать билет в рай. Тем более он не был уверен, что когда-либо обладал им.

Потянув скобу, Филин послал пулю навстречу наемнику. Винтовка ударила его в плечо, и на этот раз снайпер ее не удержал. Выронив ствол, он потерял сознание и уже не обрел его снова. Он не видел результата своей работы, как никогда не узнал, что последним выстрелом спас жизнь пяти людям, среди которых были лидер его клана и одна девушка, а также еще девятнадцати свободным сталкерам, которые в этот день должны были умереть от остальных гранат наемника.

Один из вертолетов, заметив снайпера на дереве, направился точно на него, посылая навстречу короткие очереди из пушки. Тридцатимиллиметровые патроны добились Филина, заодно разорвав в клочья дуб, который за свою долгую жизнь видел всю историю региона с незапамятных времен.

Черные облака на небе расступились, образовав белый прямоугольник.

Один из клочков оторвался, неторопливо полетев в лучшие края.

Голос Дельты спокойно доложил:

— Снайпер снят. Похоже, это был последний.

— Так держать, Дельта, — невозмутимо сказал Сафрон и повернулся к Глоку. — Убери локоть с панели. Еще без подачи топлива меня оставишь.

Глок подчинился, стараясь держаться подальше от тумблеров. Его страшно мутило. Не столько из-за рваного стиля пилотирования, которым отличался Сафронов, сколько из-за того, что он увидел на поле боя.

— Это Глок, — сказал он в микрофон шлема. — Вы что, потеряли базу?

Услышав ответ, длинный и матерный, он устало вздохнул.

— Сафрон, — сказал он умоляюще.

— Ладно, — ответил пилот. — Фокстрот, Дельта. Зачистить лагерь.

Ровер уселся на пень, чувствуя, что ноги его почти не держат. Только что он отослал Мафу на юг в сопровождении раненых «долговцев», приказав девушке довести бойцов до базы «Свободы» и обустроить там госпиталь. Это ему стоило больших нервов.

Остатки наемников рассеялись по лесу, и теперь в дело вступили сталкеры. От сталкеров не мог уйти ни один неподготовленный человек, и Ровер это знал. Они почти выиграли эту битву. Но вертолеты... Два «ночных охотника» верными телохранителями летали за черным разрушителем, лишь временами ломая строй, чтобы обстрелять невидимые мишени. Ровер был готов поклясться, что их действия были скоординированы.

Внезапно прямо на его глазах «вертушки» повернулись к лагерю и осыпали его градом ракет.

Лидер «Свободы» почувствовал, как все его представления о ходе этой войны разбиваются на множество осколков. В лагере оставались и сталкеры, и наемники. За несколько секунд база взлетела на воздух, находящиеся на ее территории боеприпасы сдетонировали. Возникла сплошная огненно-дымовая стена высотой не менее тридцати метров.

Глок только что уничтожил собственную, ставшую ненужной блокаду.

Ровер бессильно щелкнул зубами, глядя, как два сталкера пробираются к одному из оставшихся неповрежденными участков лагеря.

И мысленно пожелал им удачи.

— Неро, прячься! — выкрикнул Кочерган, забегаая внутрь строения. Раньше это был сарай, единственное место, которое не построили наемники. Сарай был укреплен изнутри бетонными стенами, однако герметичным не был, а значит, спасти от выброса не мог. Поэтому популярностью у сталкеров не пользовался. Тем более что тут часто водились зомби и прочая нечисть. Но сейчас сарай был вычищен и переоборудован под одно из укреплений. Вдоль стен стояли ящики, которые уже начал лизать огонь.

— Боеприпасы! — предостерег Неро. — Двигаем отсюда!

— Ща. — Кочерган подошел к столу, на котором лежала какая-то хреновина, покрытая брезентом. Откинув покрытие, Кочерган восхищенно выматерился. — Ты посмотри, — сказал он, хватая толстую трубу и пристраивая ее на плече.

Таща «джавелин» к выходу, он проверил местонахождение вертолетов очень просто — умный автонаводчик подсказал, где находится мишень.

Выбор судьбы пал на «Фокстрот».

— Всегда хотел пальнуть из «джавы», — признался Кочерган, ожидая, пока вертикальная и горизонтальная линии пересекутся точно на боевом вертолете. — Адъес!

Кумулятивная ракета вылетела из ствола переносного зенитного комплекса третьего поколения. Миновав короткий участок леса, она резко сменила направление, взмыв вверх, подобно всепобеждающему символу абсолютного преимущества. Казалось, снаряд сейчас долетит до небес, разорвет облака и устремится в космические просторы — покорять природу и открывать новые миры. Словно вспомнив о своем предназначении, ракета остановила вертикальный полет, обратилась в противоположную сторону и, подобно ястребу, понеслась на свою добычу, помножая мощь собственного двухдиапазонного ракетного двигателя на инерцию и силу тяжести. Ракета ударила в «Фокстрот» сверху, попав точно в ось винта, от чего вертолет взорвался, превратившись в обгорелый остов прямо в воздухе. Еще до того, как упасть на землю, Ми-28 уже представлял собой бесформенную грудку расплавившихся композитных материалов.

— Дизель, я передаю тебе командование на остаток боя, — сказал Анубис в рацию, прислонившись к джипу. — Больше никаких приказов не будет. Все могут делать что захотят. Пусть воюют или уходят, каждый сам решит. Разберитесь с беспилотником до конца.

— Анубис, — кто-то подергал его за рукав, — наши паникуют. Мы никак не можем сбить «камова».

Лидер «Долга» посмотрел на того, кто его отвлек.

— Сажин?! — удивился он. — Рядовой Сажин! Егор, так?

Парень с радостью кивнул. Его глаза блестели от возбуждения, присущего только везунчикам войны.

— Ты тоже здесь, — понял Анубис. — Решил повоевать?

— Нашел себя, — ответил Егор. — Только я больше не Сажин. Теперь я сталкер Напильник.

— Напильник, — повторил Анубис, пожимая парню руку. — Поздра... Стоп! Так это ты сбил вертолет в начале боя?

— Со «стингера», — сказал Напильник. — Да, я. Отомстил за Ногаля.

— Ну, молодец, — искренне похвалил Анубис. — Теперь ты сталкер? Буду рад видеть тебя в «Долге»! Ты получишь большое уважение...

— Возможно. Только я не в «Долге». Я «свободовец». Сталкер Напильник из «Свободы».

Анубис не нашел, что на это сказать.

— Черный вертолет, — сказал на прощание Напильник, отходя в лес и указывая в небо. —

Надо что-то делать.

Перепрыгнув через пень, Сажин скрылся за деревьями.

— Нет, мы не можем разобраться с танком! — кричал Дизель в микрофон, все ниже пригибаясь к окровавленной траве. — Ни одного расчета ПЗРК не осталось! Из крупного калибра — ничего! Бьем подствольниками!

На него сверху кто-то упал. Дизель высвободился, заметив труп Рекса. Хребет был здесь же, все еще живой, методично расстреливая магазин за магазином в гусеницы катающегося «рипсоу-два». Казалось, у танка вообще не было оператора, что вполне могло быть правдой. Роботизированная механическая тварь уминала гусеницами траву и тела раненых, чередуя разгоны с остановками. И отвечала на огонь ответной стрельбой — всегда. Скорость разгона у танка была выше всяких границ. В ответ на выстрел из подствольника он мог оказаться в десятке шагов прежде, чем граната достигала цели. «Рипсоу-два» ездил по бездорожью, лавировал между деревьями, иногда падая на бок с крутого склона, но неизменно каким-то образом снова вставая на гусеницы, помогая себе перевернуться с помощью боковых рычагов.

Дизель провел рукой по стволу «энфилда», стряхивая грязь.

И заметил мигающий зеленый огонек на тактическом модуле.

Такого адреналина Дизель не испытывал никогда.

— Клинч в зоне действия! — сказал он в наушник, вставая и направляя прицел на танк. — Хребет! Привлеку внимание танка!

— Хорошо, командир, — не стал возражать сталкер, тоже высовываясь из-за укрытия и стреляя по машине.

«Рипсоу-два» развернулся на месте, покрутив гусеницами в разные стороны. Затем, стремительно набирая скорость и жужжа гироскопами, понесся на источник огня. Загрохотало орудие на башне.

Дизель нажатием пальца активировал тактический модуль, который испустил лазерный луч, впившийся в танк красной точкой. Все же не зря Дизель протаскал модуль с собой в течение всего боя, так как он был не чем иным, как наземным целеуказателем для «Тайкуна». «Долговец» не видел вертолет, но знал, что он здесь. Иначе и быть не могло.

Танк продолжал мчаться вперед. В следующий миг земля под ним разверзлась, беспилотник подбросило в воздух волной огромной силы. «Рипсоу-два» упал на спину с разорванной левой гусеницей, стал дергаться, подобно гигантскому жуку, не способному перевернуться обратно на брюхо. Дизель не отводил лазера. Еще два «вихря» ударили в танк, подведя итог его разездам.

Дизель и Хребет повернулись на шум двигателей. «Тайкун» пронесся над ними и был встречен ликующими возгласами.

— Что, суки, не ждали? — злорадно произнес Клинч. Марк уставился в окно, стараясь не пропустить ни единой детали.

— Есть! — крикнул Борланд с заднего места. — Ты попал в него!

— Ну, еще бы. Визуальное подтверждение есть?

— Интуитивное. Шутка.

— Кунченко! — орал Глок, срывая с себя шлем и стуча им по стеклу. — Ну почему, почему?!

— Спокойно, — произнес Сафрон, концентрируясь и наклоняя голову.

Ему следовало выполнить самую главную и ответственную охоту в своей жизни.

«Тайкун» за один заход спалил все три вражеских бронетранспортера, которые еще оставались на ходу.

— Видишь этот, последний? — показал Клинч.

— Да, — ответил Борланд. — А что с ним?

— Когда-то я его мыл, — ответил майор. — Губкой и чистящим средством. А теперь он пыльный.

Марк внимательно следил за вертолетами.

— Последний «охотник» отрывается от лидера, — сообщил Марк.

— Спасибо.

Кунченко сменил курс, двигаясь за улепетывающей «Дельтой». Марк пристроил на левом глазу нашлемный целеуказатель. Теперь он был готов.

— Пуск, — сказал он.

Клинч переключил режим оружия и нажал на кнопку. С самого конца правого крыла оторвалась необычайно длинная и тонкая ракета, готовая к труду и обороне. Марк не мигая смотрел на хвост Ми-28, видя в расплывчатом фокусе преследовавшую его «иглу». В последний момент «Дельта» выпустила ряд ложных мишеней, но это ее не спасло. Марк тут же взметнул прицел вверх и вернул обратно к вертолету.

«Игла» обошла обманку, угодив непосредственно в лобовое стекло нижнего пилота. Сбитая «вертушка» начала падение, и Кунченко успел пнуть «Дельту» еще одним «вихрем», прежде чем вертолет свалился вниз.

— Второй пилот мог выжить, — сказал Борланд.

— Пусть, — ответил майор. — Мне он не нужен. А тебе?

— И мне нет.

— Вот и славно.

Клинч переключил радиосвязь на нужную частоту.

— Анубис, — сказал он. — Где нож?! Нам нужен нож, но в такой жар я не сяду!

— Клинч, это ты? — ответил голос лидера «Долга». — Рад тебя слышать. Ножа нет, нож несут Фармер и Уотсон. Они вчера ночью вышли в Припять. Ищи их там. Больше ничем не могу помочь.

— Нож в Припяти? — повторил Клинч, глядя на Марка.

— Да. Лети туда напрямую. Я попытаюсь прорваться, чтобы помочь. Больше ничего не могу сделать.

— И не надо, — сказал Клинч. — Спасибо тебе, дружище! И удачи!

Он выключил радио и глубоко вздохнул.

— Все слышали? — спросил он.

— Ага, — сказал Борланд. — Ну и дела.

— Будем помогать на поле боя? — спросил Марк.

— Чем тут помогать? Мы успели на самый финал. Хоть не опоздали, и то хорошо.

«Тайкун» пролетел на север, отдаляясь от места побоища все дальше. Марк глубоко вздохнул. Борланд взглянул на лежащий в ногах рюкзак, полученный от Доктора, и незаметно положил на него руку, словно приглаживая.

— А где второй Ка-54? — спросил Марк.

И тут же получил ответ на свой вопрос.

Запищал сигнал.

— О черт! — воскликнул Кунченко, резко снижаясь.

— Что такое?!

— Сканер лазерного облучения. Нас только что взяли на постоянный прицел.

Продолжая двигаться вперед, «Тайкун» развернул кабину на 180 градусов.

— Сафрон, — произнес Клинч. — Твою же мать... А все шло так хорошо.

За вертолетом следовал «Тунец», пилотируемый одним из лучших летчиков мира.

— Держитесь, мужики, — сказал Кунченко. — Сейчас начнется самое интересное.

Глава 24 Падение

— Нет, не преследуй его, — сказал Глок, позеленевший от тряски. — Не сейчас.

— Сейчас. — Сафрон даже не взглянул на него. Не отставая от «Тайкуна», он начал обстрел. Очередь из пушки, два «нара» на упреждение, снова очередь. Клинч не собирался так просто принимать неизбежное. Преследуемый постоянно вертелся из стороны в сторону, неизменно уходя с траектории поражения. Как это ни было неприятно, но Сафрон был вынужден признать,

что «Тайкун» действительно оказался проворнее, чем «Тунец», и намного. Вертолет впереди маневрировал на грани конструкторских возможностей. Если не за ее пределами.

— Так, с меня хватит, — сказал Клинч. — Сейчас я ему укол пропишу.

«Тайкун» резко замедлил движение, от чего Марка и Борланда бросило вперед. Пристегнутый ремнями Марк почувствовал лишь толчок, Борланда же снесло с дивана и припечатало носом в твердую раму переднего сиденья.

Сталкер охнул, поднес к лицу пальцы и отнял их, глядя на кровь. Пристегнувшись ремнями, он исправил свою ошибку.

Мир перед кабиной повернулся и ушел вниз — «Тайкун» ответил на нападение управляемой ракетой. На этот раз управлял ею сам Клинч. Сафрон переместил машину вправо, отстав метров на пятьдесят. Кассеты инфракрасного противодействия он выбросил очень грамотно — «вихрь» смог достать свою мишень лишь мощной взрывной волной.

— Перестань! — мотал головой Глок. — Останови! Выпусти меня отсюда! Вы...

Сафрон ударил его тыльной стороной кулака, заставив начальника захлебнуться кровью.

— Заткнись, — сказал он.

Глок наклонился, обхватив голову руками.

Рыжий лес кончался, на горизонте показались строения «Юпитера». За ними Сафрон разглядел высотки Припяти. Мертвая зона для авиации.

И задумался, куда может лететь Клинч.

— Уже близко! — сказал Марк. — Сворачивай!

— На последнюю дуэль хватит, — ответил Кунченко. — Все пригнитесь! Спрячьтесь и не высывайтесь!

Марк с Борландом снова отстегнули ремни, спрятавшись как можно ниже.

Оба вертолета последнего поколения вышли на единую высоту. Сафрон держал машину жестко, делая поправку на ветер, влажность и десятки других факторов, почти выйдя на крейсерскую скорость. Он догнал свою мишень и развернул кабину на тридцать градусов.

«Тайкун» повернулся к нему, все еще двигаясь в сторону аномального заслона.

Обе пушки загрохотали одновременно. Черные техногенные монстры обстреливали друг друга метров с пятнадцати, двигаясь параллельно, вступив в последнее соревнование, словно сотни лет научного прогресса свелись к этой схватке.

Глок забился в кресле, когда несколько снарядов взорвались рваными отверстиями на его теле и сшитом на заказ полевом костюме. Он уже не мог кричать, лишь в агонии раскрыл рот, забрызгав кровью навигационный экран.

Пули, пущенные пушкой «Тунца», пробили лопасти «Тайкуна», сохранив им некоторый запас подъемной силы, и вдребезги разнесли лобовое стекло с правой стороны. Шею Марка чуть не скрутило, когда одна из пуль зацепила его шлем, выведя из строя систему целеуказания. Спинка сиденья разлетелась в клочья, в кабину ворвался ледяной воздух.

С яростным стоном Клинч пустил несколько «наров» по сто двадцать два миллиметра. Один из них угодил в левый двигатель «Тунца», от чего вертолет тут же сбился с направления, словно получив удар кулаком от невидимого великана.

— Захожу! — сказал Кунченко, двинув рычаг продольно-поперечного управления в нужную сторону.

Он трижды возблагодарил себя, Марка и высшие силы за то, что вовремя ввел программу пролета через аномальное поле в компьютер, который теперь давал ему подсказки стереофоническим писком. Ка-54 влетел в окно, созданное гравиконцентратом и еще какой-то висящей в воздухе дрянью. Когда-нибудь в далеком будущем, если Зона все еще будет существовать, умные головы создадут трехмерную виртуальную сетку, отображающую аномалии в реальном времени и накладывающуюся на картину нормального мира. Но сейчас майор о таких технологиях не смел и мечтать.

Борланд выполз из ниши, образованной задним и передним сиденьями, снова сел на диван, упираясь ногами изо всех сил и держась за ремень. Его глаза слезились от налетающего потока

воздуха.

— Я не хочу дважды за месяц попасть в «воронку»! — крикнул он, нащупывая кислородную маску со встроенной рацией, аналогичную той, которую уже давно надел пилот. — Мне не нужно столько внимания! Клинич, давай!

Майор авиации Кунченко не слышал его. Больше не было заместителя генерального директора проекта «Зона», не было ренегата, возжелавшего ее уничтожить, не было мозгового центра затяжной операции по самой масштабной диверсии всех времен. Остался только летчик. Клинич находился на пике пилотажного транса, слившись с вертолетом в одно целое, чувствуя, как вибрируют все его механизмы, сделав свои руки и ноги продолжением обоих рычагов и двух педалей, а бортовой компьютер — дополнением к собственному разуму. Произведенное утром размонтирование конструкторских ограничений раскрепостило и вертолет, и пилота. Теперь «Тайкун», шедевр соосной технологии, должен был показать себя в полной мере.

Ка-54 с ревом славировал вдоль сросшихся «трамплинов» под определенным углом. Одно касание — и вертолет бы отбросило в противоположную «жарку». Но майор в плане профессионализма соответствовал собственному имени своего вертолета, который за последний год воспитал, как родного сына. Он плавно спикировал вниз, набирая скорость.

От встречного ветра, проникающего в кабину, Марка снесло назад, на место рядом с Борландом. Он тут же ощутил подскочивший к горлу ком, когда «Тайкун» выровнялся и пошел на разворот с понижением хвоста.

Следующую картину Марк не забывал до конца дней своих.

«Тунец» не прекратил преследования. Более того, он прошел по следу своего собрата, в точности повторив все движения. Под левым крылом, раздуваемый ветром, разгорался огонь, за которым следовал густой черный дым. Машина продолжала лететь на правом двигателе.

Словно покидая тонущий корабль, с правого закрылка «Тунца» сорвалась самонаводящаяся «игла». В этот же момент вертолет-преследователь исчез в сплошном сгустке пламени. Неизвестно, от чего это случилось, но в зараженном Зоной небе причин для этого было предостаточно. Словно почувствовав добычу, висящие рядом аномалии, насмешки природы над придуманными человеком законами физики, разорвали остатки «Тунца» вместе с Глоком и Сафроном.

Все это мелькнуло перед глазами Марка, Клинча и Борланда меньше чем за полсекунды. По воле судьбы «игла», получившая самостоятельность, достала «Тайкун», ни на что не напоровшись. Контейнер ложных мишеней автоматически сбросил кислотные патроны, но это было безнадежной попыткой уйти от поражения без помощи пилота. А помощь умной системе запертый в воздушном коридоре Клинич оказать не мог.

Снаряд разорвал хвост «Тайкуна» надвое. Хотя этого было недостаточно, чтобы уничтожить «камовский» вертолет, он все же сбился с программы и сошел с фарватера. Клинич начал безостановочный огонь, выпуская одну ракету за другой, никуда конкретно не целясь, просто пытаясь хоть как-то разрядить поджидающие его «птичьи карусели», «воронки», «жарки», «трамплины» и еще кучу всего, чему еще не было придумано названия.

Но все же майору не удалось миновать злополучный шаг восемнадцать. Выход из коридора был уже близок, и для этого осталось сделать последнюю вещь.

Крен с левого борта на правый за полторы секунды.

— Готов? — улыбнулся Рубин. Клинич из-за повязки на глазах не мог этого видеть, но лукавый тон медика был хорошо ему знаком.

— Да, — ответил он. — Давай быстрее, а то еще кто вдобавок заметит меня в таком виде.

— Здесь все свои, — последовал ответ Ларса. — Алле... хоп!

Кто-то сорвал повязку с майора. По характерному запаху он уже знал, что его завели в ангар, но зачем именно, он и представить не мог. Чего он еще не имел в этой жизни? Вина, женщин, нового чехла для сиденья к «ночному охотнику»?

Кунченко увидел лица товарищей вокруг себя, получивших возможность хоть один день в году отдохнуть от забот и устроить себе простой мужской праздник. Рубин показывал на центр ангара, где стояла блестящая, новенькая летающая машина с двумя соосными винтами и полноценной кабиной, в которой легко могли поместиться человек шесть.

— С днем рождения! — провозгласил Вентиль, откупоривая бутылку с шампанским. — Тридцать шесть лет бывает только раз в жизни!

— Да что же это? — только и смог выговорить Клинч, глядя на собранный Ка-54. — Они что, все-таки построили его?

— Ага, — подмигнул Рубин. — Вспоминай, дружбан! Это же тот самый прототип, на котором ты летал до Зоны. Теперь его, как видишь, немного нарастили.

— «Пятьдесят четвертый», — выдохнул Клинч, проведя рукой по плавным изгибам корпуса. — Полностью законченный!

— Я ж говорил. — Ларс толкнул локтем Мармадока. — Он офигеет, когда увидит.

Рубин открыл боковую дверь, усаживаясь на заднем сиденье с пластиковым стаканом в руках.

— Глок выкупил его у бюро, — сообщил он. — Бери и владей! Он весь твой!

Вентиль расхохотался, глядя на майора.

— Ладно. — Он поставил на стол откупоренную банку с красной икрой. — Давай обмоем это дело. Иди сюда!

— Пожалуй, я пропущу, — ответил Кунченко, открывая дверь пилота и забираясь внутрь. — Мне пить нельзя! Я сегодня за штурвалом!

— Слышал? — сказал Рубин, обращаясь к Вентилю. — Я был прав. С тебя полтинник.

Кунченко завел двигателя под ликующие вопли друзей.

— Как назовешь его? — спросил Рубин, садясь рядом и захлопывая дверь.

— «Тайкун», — ответил Клинч, не раздумывая долго.

— Здорово. — Рубин кивнул, пристегиваясь ремнями. — Пообещай мне, Володя, одну вещь. Что будешь всегда заботиться об этом вертолете и не гнать его на заповедь, пока я жив.

— Обещаю тебе, Рубин, — ответил Клинч. — Обещаю.

Молясь всем существующим богам, Владимир Кунченко повернул «Тайкун» на правый борт.

С громким треском верхний и нижний несущие винты стукнулись друг о друга, потеряв по одной лопасти в борьбе за превосходство вращения. По закону подлости, последний «трамплин» принял в себя сместившийся Ка-54, но не сумел пережевать девять тонн несущейся на огромной скорости массы, так что ему пришлось отпустить добычу. Вертолет вылетел из аномального коридора, оказавшись над Припятью, и тут же начал стремительно падать. Бортовой компьютер вывалил на экран кучу технических логов, читать которые уже не было смысла. Верхний винт, с визгом прокрутившись еще немного, оторвался и отправился в собственное короткое путешествие. К тому моменту у вертолета уже не было хвоста. Правый двигатель безнадежно вышел из строя.

Для «Тайкуна» все было кончено. Клинч делал все возможное, чтобы участь верной машины не распространилась на ее экипаж и пассажиров.

— Мы падаем, — сказал Марк, словно стараясь смириться с фактом.

Со стороны это пока не было столь очевидно. Казалось, вертолет садится на авторотации, но то была всего лишь агония механизмов, работающих в последние секунды неконтролируемого падения. Кунченко вдавил шаг-газ вниз, пытаясь перевести это падение в управляемое. Однако нижний винт без своего собрата с такой задачей не справлялся.

— Клинч! — обратился Борланд. — Катапульта есть?

На этот раз его голос был прекрасно слышен — микрофоны в кислородных масках еще продолжали работать.

— Есть, но только у моего сиденья, — ответил пилот. — Будем садиться.

По правому борту начался пожар. Марк выдернул огнетушитель, кое-как привел его в действие, что было нелегко сделать в условиях почти свободного падения.

— Майор, прыгай! — крикнул Борланд.

— Не паниковать! — отчеканил Клинч. — Сядем все вместе!

Продолжая кружиться, «Тайкун» пролетел над верхушками деревьев, посаженных еще во времена полноценной городской жизни. Впереди была площадь. Перед ударом Клинч рванул шаг-газ вверх, пытаясь выжать из нижнего винта хоть немного подъемной силы. Вертолет скользнул по разбитому асфальту, накренился кабиной вперед, продолжил движение, словно вгрызаясь в землю. Коснувшись детской карусели, он замер на месте.

Марк почувствовал, как обшивка сиденья начинает плавиться. Дым заполнил все вокруг, разъеда глаза, сбивая координацию.

— Мы горим! — сказал Борланд, кашляя и стаскивая окровавленную маску с лица. — Марк...

Резкие потоки воздуха обдули его — кто-то явно махал тканью, разгоняя дым. Борланд ощутил, как чьи-то руки вытаскивают его на холодную землю.

— Живы? — послышался знакомый голос. — Фармер, проверь пилота!

Не пытаясь препятствовать, сталкер оттолкнулся от сиденья и попытался встать на ноги.

— Орех?! — в ошеломлении вытаращился он. — Какого хрена?

— Отвали, — сказал парень, помогая Уотсону вытащить Марка. — Быстрее давай!

Послышалось шипение — Бергамот окатил источник пожара пеной из огнетушителя. Спohватившись, Борланд обежал вертолет кругом, и вдвоем с Фармером они извлекли Клинка из кресла, предварительно перерезав ремни безопасности.

Все отбежали от вертолета, лишь Борланд вернулся за своим рюкзаком, полученным от Доктора.

Клинка стоял, поддерживаемый Бергамотом, глядя на то, что осталось от его вертолета.

— Пойдем, — сказал ему Марк.

Кунченко словно не слышал его.

— Эй! — сказал Борланд, становясь между майором и вертолетом. — Здесь нельзя оставаться.

— Мы на открытой местности, — добавил Бергамот. — Майор, давай отойдем.

Не говоря ни слова, Клинка позволил себя увести в сторону. Через несколько шагов он пришел в норму.

Семеро мужчин быстро зашли в один из подъездов, захлапленный обломками полусгнившей мебели и пустыми гильзами. Только здесь всем удалось отдышаться. Общее напряжение постепенно спало.

— Ну вы, блин, даете, — выговорил Борланд. — Как вы тут оказались?

— Под землей дошли.

Марк обнаружил, что сжимает в руке какой-то предмет. Спohватившись, он вручил нетбук Уотсону.

— Держи, — сказал он. — Эта вещь нам здорово помогла.

— О, спасибо, — ответил Уотсон и вытащил маленький футляр из внутреннего кармана. — Консул, вот твой нож.

— Не мой, — покачал головой Марк. — Борланду отдай.

Борланд спрятал клинок Сенатора, чувствуя знакомое тепло, исходящее от него.

— Вот теперь точно доберемся, — сказал он. — Клинка, ты как, в порядке?

— В полном, — заверил майор. — «Тайкун» послужил нам так, как только мог. Дальше дело за нами. Тут топтать не больше нескольких минут. Справимся.

Голос Кунченко звучал уверенно, однако от Борланда не ускользнули новые нотки в его тоне. Майор явно переживал потерю.

Орех проверил «карабинер» и задорно улыбнулся.

— Ты как сюда попал? — спросил Борланд. — Я же тебе сказал не лезть в Зону.

— А ты мне не папа, — последовал ответ.

Борланд рассмеялся.

Не прекращая следить за выходом, Бергамот прочистил горло.

— Командир, — обратился он к майору. — Каковы последние новости?

— Глок мертв, — ответил Клинка. — Блокада наемников в Рыжем лесу разбита. «Долг» и «Свобода» ввязались в собственную войну, но сейчас они, похоже, заодно. По поводу «Монолита» не знаю.

Фармер довольно проворчал:

— Похоже, в Зоне все перевернулось, так?

— Именно, — подтвердил майор. — Но это не имеет никакого значения. Нам осталось совсем немного. Так, мужики. Объявляю всем вам огромную признательность за оказанную помощь. Кто хочет следовать за нами дальше, милости просим. Кто не хочет, тот может уходить.

Фармер! Координаты, что я тебе дал, все еще у тебя?

— Какие координаты? — не понял Орех.

— Выход из Зоны, — ответил Фармер. — Прямой подземный путь из Припяти в заброшенный хоздвор одной из деревень.

— О, это отлично. — Орех довольно потер ладони. — Просто замечательно.

— Только это никакой не заброшенный двор, — поправил Клинч. — Это правительственный объект. Другое дело, что там ни единой живой души, это да. Так что выбраться таким путем можно. Любой, кто хочет, может это сделать.

— Сделаем, — кивнул Фармер. — Но сначала проводим вас до ЧАЭС.

— Не нужно, — возразил Марк. — Мы сами дойдем.

— Мы — это кто?

— Я иду до конца, — произнес Борланд, осматривая нож. — Хотя это и не обсуждается.

— Я тоже, — сказал Клинч.

— Уверен? — спросил Марк. — Майор, подумай. Тебе незачем. Мы с Борландом доберемся своим ходом, вдвоем. Можешь на нас положиться. Я поставлю точку в этом вопросе.

— Не сомневаюсь, — произнес Клинч. — Но как Борланд правильно заметил в свое время, даже без вертолета я все еще лишняя пара рук, способных держать ствол. Кроме того, я все это начал, я и закончу.

— Кстати, — Фармер поднялся, — ствола-то у тебя и нет. Держи.

Он кинул майору FN-2000.

— Ого, — сказал Борланд. — Я дожил до дня, когда старина Фармер добровольно расстается со стволом.

— Ты еще не видел, как я готовлю суши, — подмигнул Фармер. — Будешь жив, заходи как-нибудь в гости. Не будешь — лучше не заходи.

— Ага, — согласился Марк. — Горе тому, кто убьет сталкера Борланда. Ведь зомби Борланда вдвойне опаснее его самого.

Бергамот расхохотался так, что Уотсон вздрогнул от неожиданности.

— Ладно, мужики, — сказал он. — Командир, не обессудь, я с вами не пойду. Вы и так ребята серьезные. Лучше я молодняк выведу.

— Я, я тоже молодняк! — поднял руку Орех. — Выведи меня!

— Договорились, — согласился Клинч. — Только дайте нам оружие. Как спуститесь под землю, оно вам не понадобится.

Уотсон беззвучно выругался.

— С вами очень весело, — произнес он. — Но не рановато ли вы расслабились, народ? Кто-нибудь вообще следит за детекторами, кроме меня?

— Никто не следит, — ответил Борланд. — Потому что ни у кого из нас, кроме тебя, никакой электроники нет. А ты не пробовал когда-нибудь рассчитывать на собственные мозги и мускулы, вместо того чтобы покорять компьютер?

— Пробовал, — ответил Уотсон. — Только встроенного дозиметра у меня не имеется.

— Ты о чем?

— О том, что здесь чисто. Слишком чисто. И я не про мусор.

— А про что тогда? — спросил Фармер.

Уотсон показал ему дозиметр.

— Уровень радиации нулевой, — прокомментировал он. — Вообще. Здесь нет облучения.

— Не может быть, — Бергамот вырвал у него прибор. — Точно. Все чисто. Слово мы и не в Зоне вообще.

Кунченко посмотрел на Марка.

— Есть объяснения? — спросил он.

Марк покачал головой.

— Ни малейших, — ответил он. — Но мы все равно засиделись. Не нравится мне все это. Давайте уже определяться. Кому-то нужна медицинская помощь? И прошу без шуток.

— Я в порядке, — сказал Борланд.

— Я тоже, — кивнул Клинч.

— Отдых нужен? Перерыв на еду?

— Мне бы попить, — признался майор.
Орех кинул ему флягу.
— Оставь себе, — махнул он рукой.
— Тогда пошли. — Марк вытащил пистолет «форт-12», проверил и спрятал обратно в кобуру.
Затем вышел навстречу городу.
Остальные немного помедлили. Каждый думал о чем-то своем.
— И снова Марк главный, — сказал Орех, поправляя ремень «карабинера». — Видать, так на роду написано.
— У каждого своя доля, — выговорил Бергамот. — Это самый удивительный стажер, который когда-либо у меня был.
— И самый странный напарник, которого я имел, — добавил Клинч.
— Нам с Орехом не впервой поступать так, как скажет этот парень, — сказал Борланд, надевая рюкзак и выступая следом за лидером. — И знаете что? Мне ни разу не приходилось об этом пожалеть.
— А я его ни разу не видел, — напомнил Фармер, проверяющий шестизарядный револьвер, оставшийся у него после отданной винтовки. — Наверное, единственный из вас. Однако соглашусь, что-то в нем есть. На нем лежит благословение Шакти.
— Консул, — произнес Уотсон. — Или Марк. Он в самом деле хочет уничтожить Зону?
— Будь уверен, — заверил Борланд.
Клинч замыкал строй.
— Ну ладно, — пробурчал он. — Одно мне непонятно...
— Непонятно? — повернулся к нему Уотсон.
Майор не отрывал взгляда от рюкзака Борланда.
— Что он там с собой тащит? — пробормотал Клинч. — И для кого?

Глава 25

Мисс Анаис

Припять.

Город почти не изменился с того дня, когда Марк был здесь. Каждый куст, каждый камень, каждый оставленный человеком след складывались в общую картину, изображающую подлинный облик города, разный для всех. Для кого-то Припять была потерянным домом, символом утраченного прошлого и будущего. Для других — местом сбора артефактов, а то и просто тренировочным полигоном. По установленным порядкам Зоны, здесь была территория «Монолита». Группировка, призванная охранять подходы к городу, в конце концов стала им распоряжаться. Чувство уважения к памяти «монолитовцам» было неведомо. Марк не строил иллюзий насчет того, как поступили бы «Долг» и «Свобода», расположись они в городской черте, — вели бы себя точно так же, как и свободные сталкеры, промышляя сбором всего, что можно перетащить к себе на базу или личное укрытие. Однако ни один из людей, прошедших испытание хотя бы банальным выживанием в южных районах, никогда бы не осмелился стрелять по припятским памятникам, что «монолитовцы» делали часто и охотно.

Самое главное, что должен был сделать каждый, оказавшийся в Припяти, — это отказаться от внутреннего побуждения представить на ее месте родной город или деревню. Накладывать случившееся с Припятью на свой родной дом, путать застывший балкон со своим балконом, вообразить знакомый с детства одинокий фонарь там, где его нет, — означало безнадежно раздавить собственные светлые воспоминания. Поселить Зону в своей голове. По прибытии в Припять первоочередной задачей становилось оттуда уйти, это сталкеры поняли с первых дней, как только город стал доступен. И ни в коем случае нельзя было пытаться осмыслить увиденное на месте. Сложные вопросы, подсознательное рвение разобраться во всем, философские парадоксы — все следовало оставить в себе, не дать вырваться наружу, иначе таким образом можно было утратить себя самого. Человек попросту терял все нравственные ориентиры и больше не верил ни во что. Нужно было сначала выполнить все свои дела в Припяти, вернуться в более-менее

знакомую среду и уже тогда разбираться в себе, чувствуя поддержку знакомой атмосферы.

Так что Марк не пытался переосмысливать свои цели и задачи. На финальной стадии процесса это было бы не только бесцельно, но и губительно.

— Движение на третьем этаже, — сказал он, не останавливаясь. Клинч вскинул бельгийскую винтовку и пустил длинную очередь. Из окна выпал «винторез», зацепившись за ветку возле бордюра. Фармер подбежал к нему, схватил, быстро осмотрел. Видимых повреждений нет, к прикладу примотаны запасные магазины. Отлично.

Держась вдоль автобуса, у которого еще сохранилась одна спущенная шина, Марк заглянул внутрь и пристрелил на месте «монолитовца» с обрезом. Запрыгнул в салон, пригнулся, чтобы не быть заметным из окон, обыскал труп. Снял детектор аномалий с парой гранат и вышел обратно.

Борланд лупил очередями по дальним деревьям из винтовки Уотсона, ему вторил тихий треск «винтореза» Фармера. Мимо кинотеатра «Юность» с утробным рычанием пронеслась псевдособака. Выстрелом из «карабинера» Орех оторвал твари заднюю лапу, от чего псина по инерции прокатилась на боку, нелепо перевернулась, и затем уже ее морду разнесли пули из левостороннего «Калашникова», который Бергамот перезаряжал после половины каждого отстрелянного магазина.

Громким ревом возвестил о себе кровосос, и очень зря. Он был встречен в шесть стволов, которые не оставили мутанту шанса. Материализовавшись в видимом спектре, монстр рухнул на середину дороги. Под ним быстро начала растекаться лужа крови.

«Монолитовцы» в количестве шести-восьми человек высыпали из окрестных укрытий. Было похоже, что они сами только что спасались бегством и, наткнувшись на сталкеров, попали из огня да в полымя. То ли у них что-то непонятное происходило на подземной базе, то ли было еще какое-нибудь объяснение. Фармер сразу снял одного из «винтореза», остальные даже не поняли, в чем дело. К тому моменту, как они добежали до укрытия, их стало еще вполовину меньше. Марк вытащил трофейную гранату, Клинч забрал ее и метнул сам. Остальное довершили стволы.

Скрывшись в очередном подъезде, сталкеры, не сговариваясь, сделали короткий перерыв. Бергамот вытащил коробку патронов, рассыпал на земле и доукомплектовал магазины. Фармер выдернул из кармана рюкзака бинт, разорвал упаковку, туго перевязал кровоточащее плечо с помощью Ореха. Пули не было — очевидно, он попросту за что-то слишком неудачно зацепился или же заработал касательное ранение, даже не заметив этого. Борланд свинтил со ствола ненужный глушитель, забрал у Фармера гранаты для подствольника, рассовал по карманам разгрузки.

Выход из города был совсем близко, уже виднелся четвертый энергоблок. Когда-то по этому пути прошли Эльф и преследовавший его Сенатор. Один получил, что заслуживал, другой — что хотел. Марк четко представлял разницу между первой и второй частью.

Со стороны станции Янов слышались выстрелы. На этот раз их было действительно много — не иначе как на заброшенном стойбище трухлявых вагонов находился очередной потайной спуск в бункеры «Монолита».

— Так и есть! — подтвердил Клинч. — И «монолитовцы» выползают наверх со всех щелей! Хотел бы я знать почему.

— На нас охотятся! — предположил Орех.

— Нет. Там что-то другое.

— Смотрите! — показал Уотсон.

Марк развернулся. Над Саркофагом поднимался небольшой оранжевый вихрь.

— Эта штука растет, — сообщил Уотсон. — Постепенно увеличивается.

— Выброс, — прокомментировал Борланд. — Черт, как же не вовремя!

— Это внеплановый, — сказал Марк. — Монолит чувствует наше приближение. Скоро из него восстанут новые души.

— Это как? — не понял Фармер.

— Волна мутантов пойдет, вот что, — нервно сказал Орех, досылая в «карабинер» новые патроны.

Бергамот сделал еще несколько выстрелов в сторону Янова, затем с гримасой опустил автомат.

— Без шансов, — сообщил он. — Их слишком много. Идем к Саркофагу. За мной!

— Куда?! — спросил Фармер, стараясь не отставать от неожиданно резвого проводника. — Сказано ведь, мутанты щас попрут!

— Разговорчики!

Остаток пути пролегал через чистое поле. Чистого в нем было мало, но участок территории выглядел слишком пустынным по сравнению с плотными посадками Рыжего леса или припятскими постройками.

Борланд бежал вперед, следя за дыханием. Круг замкнулся — снова. Давно ли он точно так же пересекал военную базу Коалиции, находясь под небом, набирающим силы для финального удара? Давно ли переживал свой самый первый выброс, не зная, что лучше — заползти в дупло соснодуба или попытаться втиснуться в трансформаторную будку?

Сталкеры зашли на территорию электростанции. Уотсон снова вытащил дозиметр, очень надеясь, что прибор не сломался. Радиации не было, аномалий не было. Ничего.

— Вот она, родимая, — провозгласил Бергамот, глядя на энергоблок. — Как же долго я здесь не был!

Труба над Саркофагом полыхнула, распространяя желтое зарево. Трещины загорелись синим цветом, испуская почти неоновое свечение, как будто стены были готовы разлететься на все стороны из-за рвущейся на свободу энергии. Однако выброса не было, или по крайней мере он был слишком нетипичным.

— Что дальше? — спросил Фармер.

Сзади послышался рев двигателя. Сталкеры обернулись, едва не выстрелив.

К ним на большой скорости подъезжал военный джип с включенными фарами. Послышался визг тормозов, «тигр» занесло, и он остановился, встав к сталкерам почти вплотную.

— Ну что вы стоите? — крикнул находящийся за рулем Анубис. — Прыгайте! Где-нибудь заедем под землю!

— И тебе привет, — поздоровался Борланд.

— Нигде мы не заедем, — сказал Клинч. — Тут негде спуститься, да и некуда.

— И не нужно, — произнес Марк.

Сталкер глядел на сияние над Саркофагом.

— Это не выброс, — сказал он. — Это аварийная разрядка Монолита. Скоро оттуда выйдут представители народа Сенатора, но они будут не такими, как он.

— А какими?

— Другими. Теми, кого принято считать мутантами. И их будут сотни.

— Монолит полностью разрядится? — выпучил глаза Орех.

— Нет. Не полностью. Всего лишь на малую часть. Но все равно нам этого не пережить.

— Меня берут сомнения на этот счет! — сказал Борланд, глядя на джип. — Анубис, пулемет работает?

Лидер «Долга» уставился на шестиствольник Гаусса, установленный сзади.

— Я даже и не заметил, — ответил он. — Но забудьте, пулемет не работает.

— А что случилось? — спросил Уотсон.

— Электромагнитный импульс.

Фармер стукнул по прикладу «винтореза».

— Охренеть, — сказал он с досадой. — И что теперь нам делать?

Сталкеры продолжали смотреть по сторонам в поисках хотя бы временного укрытия, но ничего не находили. Ветер усиливался, нагнетая томительное ожидание. Со стороны города все еще раздавались звуки выстрелов, но «монолитовцы» больше не преследовали команду.

Четвертый энергоблок продолжал испускать свечение.

— Это не может быть импульс. — Уотсон в волнении заскочил в кузов. — Иначе бы ты не завел джип. Тут что-то другое.

— Как выглядели симптомы атаки? — спросил Кунченко. — Анубис, думай быстрее.

— Я не знаю, — нервно сказал лидер «Долга». — Меня рядом не было.

— Наверняка с вертолета гранату кинули, — решил Клинч. — Это не совсем то, что вы предположили. Просто средство противодействия для Мисс Анаис. Выводит из строя системы связи, без которых электронный замок не заработает.

Уотсон открыл крышку нетбука и всунул в гнездо компьютера свисавший с

шестиствольника кабель.

Борланд осмотрел свою винтовку, затем поинтересовался:

— Майор, у вас там вообще существуют разработки, против которых тут же не придумывают средства противодействия? Как-то противоречиво выходит.

— У кого это «нас»? Я теперь вместе с вами.

— Ну что? — спросил Фармер с нетерпением, глядя за действиями Уотсона. — Работает?

— Подожди немного! Я не хакер!

Саркофаг издал неожиданный рокот. По земле прошли такие толчки, что джип подскочил на месте. Сталкеры попадали на землю.

— Марк, что происходит? — крикнул Борланд. — Думай давай! Сенатор должен был дать тебе объяснение.

— Что тут думать, время вышло! — ответил Марк, щурясь от встречных потоков воздуха, наметавших пылевые вихри. — Готовьтесь!

— К чему?!

Из щели на стене Саркофага показалась кривая лапа. За ней вылезло остальное тело. Уцепившись за стену, существо уставилось на сталкеров. Оно было похоже на всех мутантов сразу и ни на одного по отдельности. Раскрыв клюв, монстр издал высокий трескучий клекот, затем прыгнул и приземлился на бетонную плиту.

— Что это? — спросил Фармер.

Бергамот покачал головой, поднимая верный «Калашников».

— Век живи, век учись, — выговорил он и нажал на спуск.

Существо бросилось на него после первого же одиночного выстрела, затем упало, сраженное еще несколькими. Вслед за ним из многочисленных расщелин показались остальные особи.

Марк смотрел на все это, не произнося ни слова. Ускоренная разрядка Монолита не пошла на пользу заключенным в нем существам, еще больше отдалив их от первичного облика.

— Наш кристалл бросает в бой пехоту, — констатировал Борланд, прицеливаясь в дальнюю тварь.

— Почему не радиацию? — спросил Кунченко. — Почему не аномалии?

Дальше никто ничего не успел сказать — мутанты бросились на сталкеров, рассекая перед собой воздух когтями. В ответ они напоролась на встречный огонь. Из-под Саркофага вылезали все новые монстры, и вскоре стало ясно, что они составляют собой превосходящую численностью толпу.

— Быстрее можешь? — орал Фармер Уотсону.

— Нет! Это тебе не тетрис!

Один из мутантов скрючился в пяти метрах от Бергамота, напоследок выстрелив каким-то то ли клыком, то ли когтем. Костяной наконечник пролетел мимо лица Ореха, вонзившись в дверь «тигра». Уотсон чертыхнулся, но от работы не оторвался.

— Черт, черт, черт, — прошипел Клинич. — Их слишком много!

— К машине! — сказал Анупис, перезаряжаясь. — Бросайте все!

— Готово! — завопил Уотсон, глядя на зеленые огни, загоревшиеся на экране Мисс Анаис. Пулемет пришел в движение, развернув стволы в боевую позицию. Массивная конструкция повернулась, стукнув Уотсона и сбросив его с машины.

Фармер запрыгнул на платформу, схватил рукоятки. Нужные гашетки нащупал сразу.

Ему показалось, что стволы раскручиваются слишком медленно. Пользуясь выигрышем во времени, Фармер нацелился в самую гущу мутантов.

— Во имя Шакти, — пробормотал он.

Пулемет задрезжал, открыв новую страницу в оружейной истории. Шум от работы казался не особенно сильным, зато все остальное было выше всяких ожиданий сталкеров, которые, кроме Кунченко, до этого представляли себе работу пулемета Гаусса сугубо теоретически. Стволы вращались, сливаясь в сплошной столб, визуальнo продолжавшийся по линии огня до бесконечности, — то был эффект, порожденный вылетающими снарядами, принимавшими зеленый цвет. Рой мутантов буквально скосило, снаряды разрывали их тела в клочья, отбрасывая ошметки метров на пятьдесят в разные стороны. С частями плоти смешались комья земли, бетонное крошево, целые фрагменты плит, поскольку намагниченные стержни взбивали

поверхность похлеще отбойного молотка. Стальные снаряды не только прорывали мишени, но и отталкивали их, создавая некий кинетический резонанс, благодаря которому поражаемые объекты в своем разлете по сторонам почти не теряли инерции несколько секунд. Сам пулемет еле подрагивал на стойках, заставляя «тигр» покачиваться и плясать на рессорах. Вокруг стволов неторопливо вращалось кольцо перезаряжавшихся конденсаторов, издающих протяжный гул при каждой смене. Справа через какую-то форсунку высвобождалась струя пара, но явно не от воды.

Сталкеры даже прекратили стрелять, припав к земле и глядя на мясорубку. Мутанты перли вовсю и неизменно погибали под пулеметными очередями — точнее, под одной непрерывной очередью. Фармер стрелял, при этом орал во все горло, не слыша собственного голоса, стараясь не слишком усердно целиться по самому Саркофагу, чтобы, в случае чего, не сорвать с четвертого энергоблока единственную, пусть и уже символическую, оболочку.

Загорелся желтый огонь на панели пулемета. Фармер отпустил гашетки. Передышка требовалась не только оружию, но и стрелку.

— Перезаряджай! — напомнил Анубис. — Коробки под задним сиденьем.

— Так, дайте ему время, — сказал Бергамот. — Они все прут. Ну, парень, не подведи нас.

Он выстрелил в ближайшего монстра, заставив того распластаться на земле.

Фармер интуитивно почувствовал, что надо делать. Механизм перезарядки Мисс Анаис не отличался от тех же шагов у обычного станкового пулемета.

— Холод поменяй! — бросил Клинч, водя автоматом от одной мишени к другой...

— Что?!

— Баллон справа! Вытаскивай его, тяни на себя! Так. Вставь на его место новый. Должен быть пристроен к коробке с патронами.

— Ага, нашел! — Фармер недоуменно покрутил небольшой баллон с буквой N.

— Азот? — пробормотал он.

— Да, азот! — рывкнул Кунченко. — Жидкий! Ты там долго?

Задвинув охлаждение на место, Фармер вернулся к своему занятию. Мисс Анаис заработала снова. Казалось, пулемет только сейчас разогрелся, чтобы поработать в полную силу.

— Мочи их, мочи! — орал Бергамот. — Выжечь всю заразу из святого места!

Где-то из дыры над Саркофагом раздался громкий скрежет. Наружу вылезло совершенно непонятное создание. От орла в нем была голова, от слона — хобот и размеры. Борланд всякого навидался, но при виде подобной нечисти его натурально передернуло. Хотя шестиствольник справлялся хорошо, сталкер не мог не расстрелять в мутанта целый магазин. Летун расправил крылья и взмыл ввысь, на миг заслонив солнце. В следующий момент его крылья стали похожи на решето. Мисс Анаис несколькими выстрелами откинула огромную тушу далеко за пределы энергоблока, на самый край станции, где монстр тяжело свалился и, по-видимому, сдох окончательно.

Скоро от мутантов остались только груды мертвых тел. Фармер закончил стрелять и перевел дух. Стволы покрутились немного и застыли в режиме ожидания. Раздавался неторопливый свист второго израсходованного баллона с охладителем.

— Монолит разрядился, — сообщил Марк. — В течение ближайших минут он будет лишен своей мощи. Надо идти. Сейчас.

— Однако. — Борланд оглядел место побоища. — Клинч, ты этот коллаидер не продавай никому.

— Я просто не могу поверить, — вымолвил Орех, хватаясь за голову. — Фармер, ты как себя чувствуешь?

Весь красный, Фармер стащил с пояса флягу и не оторвался от нее, пока не выпил все до капли.

— Мне бы сейчас тоже азот не помешал, — сказал он, стараясь отдышаться.

— Молодец, — похвалил Анубис. — Но что дальше?

Уотсон спрятал нетбук в широкий карман рюкзака, который затем набросил на одно плечо.

— Это все? — спросил он Марка. — Мы больше не нужны?

— Именно, — слегка улыбнулся Марк, пожимая ему руку. — Спасибо за все. Особенно за доверие.

— Значит, здесь мы расходимся? — спросил Орех.

— Да. Прямо сейчас. Никаких долгих проводов. Мы все вновь увидимся либо скоро, либо никогда. Я, Клинч и Борланд пойдем дальше сами.

— Не сами, — неожиданно вставил Анубис. — Я тоже иду.

Клинч промолчал. Орех прокашлялся и поднял ладонь.

— Увидимся? — спросил он.

— Непременно, — пообещал Борланд. — Удачи, парни.

Бергамот шумно засопел.

— Тоже не люблю долгих прощаний, — произнес он. — И вам не советую обзаводиться этой привычкой. Я проведу ребят до точки выхода.

— Берите джип, — сказал Анубис. — «Монолитовцы» все еще в Припяти.

— Договорились, — кивнул Фармер, залезая на заднее сиденье. — Борланд?

Сталкер вопросительно посмотрел на него.

— Сделай что должен. — Фармер указал на него пальцем.

— Сделаю.

Бергамот и Уотсон устроились на сиденьях, Орех сел за руль. Через минуту «тигр» скрылся из поля зрения.

Марк хлопнул Борланда по локтю и пошел к Саркофагу, не дожидаясь, пока его нагонят остальные. На фоне четвертого энергоблока он смотрелся одиноким и потерянным.

— Хороший он все же парень, — сказал Клинч. — Никогда не оглядывается. Знает, что все пойдут за ним. Мне это нравится.

— Не совсем так, — поправил Борланд. — Марку все равно, идут за ним или нет. Стало быть, и оглядываться незачем.

Анубис замыкал шествие.

Четверка мужчин проделала оставшийся путь до Саркофага и скрылась под ним.

Глава 26 Возмездие

Первое, что осознал Марк, проскользнув в узкую щель в стене, это что внутри было совершенно темно. Насколько он помнил, Саркофаг уже долгие годы не являлся цельным, в нем не хватало нескольких элементов конструкции. К тому же летающий монстр пробил в крыше дыру порядочных размеров. И все же свет сюда не проникал, кроме как через входную расщелину на уровне земли. Значит, хотя бы нижние этажи уцелели.

Марк включил фонарь, остальные сделали то же самое.

— Куда нам двигаться? — спросил Клинч.

— Искать Монолит.

— Оно понятно. Где именно его искать? Мы хоть узнаем его, когда увидим?

— Узнаем, — ответил Марк, вспомнив о черном кристалле. Где-то рядом должен находиться камень, очень его напоминающий. Камень, сотворивший столько бед.

Команда с трудом продвигалась по коридорам, частично заваленным обрушившимися верхними этажами. В воздухе стояло сильное зловоние, но недостаточно раздражающее, чтобы надевать противогазы. Никто не хотел терять чувствительность органов слуха и обоняния.

— Так можно бродить месяц, — сказал Клинч. — Нам неизвестно, где Монолит может находиться.

— Известно, — сказал Борланд, смотря на нож в руке. Клинок и рукоятка пульсировали теплотой. — Нож чувствует близость Монолита. Я знаю направление.

— Так веди, — сказал майор, и Марк с Борландом поменялись местами.

Впереди послышался стук, словно где-то упала стальная балка. Анубис с Борландом переглянулись, приготовили автоматы. Клинч подкрался к углу, поднес к глазам ночной бинокль. Осторожно выглянул.

Его голову чуть не снесло пулей. Майор отпрянул, прижавшись к стене. Марк с Борландом быстро выключили фонари, Анубис направил свой в пол, прикрывая рукой. Клинч дополз к нему, ориентируясь на слабый свет.

— Кто там? — спросил Марк шепотом.

— Один человек, — ответил Кунченко. — И ведет себя тоже так, будто он один.

— Выманивает? — предположил Борланд. — Нас там наверняка встретят двадцать стволов.

— Нет, — помотал головой Клинич. — Этот точно не станет никого выманивать. Сочтет ниже своего достоинства.

— Так ты что, знаешь его?

— Еще бы. Это сам Эрагон.

— Не может быть, — выдохнул Марк.

— Ага. Но это он. Я не мог ошибиться. Эрагон ждет нас с «винторезом».

— Что он здесь делает? Откуда ему известно, что мы придем?

— Я не знаю. Может, Падишах раньше слил ему план.

Борланд поразмыслил.

— Так, — решил он. — Мы сможем его выманить сами. Вчетвером мы его перехитрим.

— Нет, — возразил Анубис.

— Почему нет?

— Потому что у вас свои задачи. А у меня свои.

— Эй, — толкнул его Борланд. — Ты чего?

— Идите, — шепнул Анубис. — Все идите, втроем. Здесь есть еще проход, направо. Ведет к самому центру. Эрагона я беру на себя.

Сталкер хотел сказать что-то против, но не нашел никаких аргументов. Марк с Клиничем молчали. Видимо, их такой вариант устраивал.

— Если ты так хочешь, — сказал Борланд и умолк, но никто не закончил его реплику за него. — Хорошо. Удачи, брат. И спасибо.

— Все, идите.

Борланд пожалел, что не видит глаз Анубиса. Он отодвинулся со своим рюкзаком в сторону, чтобы Марк и Клинич могли проползти мимо него. Последовав было за ними, сталкер повернулся и позвал:

— Эй.

— Чего тебе? — послышался голос Анубиса.

— Всегда хотел сказать тебе, но не находил момента, — произнес Борланд. — «Долг» — это здорово. Я вами, ребята, всегда гордился. Ты молодец.

Пауза.

— Спасибо тебе, — поблагодарил Анубис.

Борланд показал ему большой палец, хотя знал, что лидер клана этого не увидит. Затем он пролез между наваленными железками в соседний сектор энергоблока, и стало совсем тихо.

Анубис устремил взор в сторону передней двери. Стащил с себя рюкзак, положил на холодный пол. Отстегнул пряжку ремня с ненужной рацией, двухлитровой флягой и кучей теперь уже бесполезных мелочей. Проверил расположение пистолета в набедренной кобуре и ножа. Перехватил поудобнее «грозу», неслышно двинулся вперед.

С собой у него был второй фальшфейер. Приведя его в действие, Анубис швырнул светящуюся трубу перед собой, услышал выстрелы. Рванувшись с места, он запрыгнул в дверной проем и укрылся за кучей мусора.

Фальшфейер продолжал гореть, и в его свете Анубис бегло осмотрелся. Он находился в своего рода каменном мешке, образованном рухнувшими перекрытиями, которые создали очень обширное, почти замкнутое пространство. Кое-где через отверстия далеко наверху пробивался дневной свет, но его было недостаточно для приемлемого освещения.

— Кто тут? — раздался вопль.

Именно вопль, причем не похожий на человеческий. Но вполне разборчивый.

Анубис выстрелил из подствольного гранатомета на звук, не высовываясь. Как только отгремел взрыв, он метнулся прямо под позицию врага, под нависающие своды железобетонных плит. Однако, как только он добрался до нового укрытия, фигура на верхнем этаже сиганула с пятиметровой высоты к противоположному краю.

Человек не мог сделать такой прыжок. И мутантом в привычном для Зоны понимании он тоже не был. Враг приземлился на освещенный участок и показался полностью.

Это действительно был Эрагон. Но в его облике оставалось мало от прежнего генерала. Его кожа выглядела оплавленной, суставы — резко очерченными. Волосы сошли полностью, обнажая кажущийся скальпированным череп. В движениях возникли плавность и кошачья гибкость, что говорило о серьезных изменениях в организме. Похоже, эти перемены доставляли генералу страдания.

Анубис всего раз видел похожие симптомы. Но не мог забыть.

— Попал под выброс? — спросил он. — Слишком поздно принял анабиотик?

Эрагон дернул головой так, что обычный человек гарантированно заработал бы себе вывих. Тут Анубис заметил, что «винтореза» при генерале не было. То ли закончились патроны, то ли последним взрывом оружие вывело из строя.

— Я хотел к Монолиту, — проговорил Эрагон. Его речь была гортанной, хрипящей, однако смысл Анубис понимал. — Чтобы он меня вылечил. Но он не подпускает.

— Зачем тебе лечиться? — спокойно произнес Анубис. — Я и сам тебя вылечу.

Он нажал на спуск, пустив очередь с вертикальным упреждением. Как он и предугадал, Эрагон прыгнул снова — далеко, подобно снарку, намереваясь разорвать Анубиса одним атакующим движением. Получив пулю в голень, лидер «Монолита» потерял часть энергии прыжка и упал, не достав скрюченными пальцами совсем немного до цели.

Ударив его ребром ладони по шее, Анубис заставил Эрагона распластаться по земле. Тот успел схватить «грозу» и потянуть на себя. Анубис перекрутил ремень, пустил длинную очередь в упор. Некоторые пули попали генералу в бедро.

В следующий момент «долговец» почувствовал сильный удар по уху. Ремень вгрызся в плечо, Анубис дернулся вперед, перевалившись через Эрагона, и высвободился.

Генерал раскрыл рот и впился зубами в его шею. Перед глазами «долговца» все поплыло. Он нащупал пистолет, отстегнул непослушным пальцем петлю кобуры и, вытащив оружие, трижды выстрелил в противника.

Тот сразу же отцепился и свалился на бок, хватая ртом воздух. На красные пластины, покрывавшие костюм Анубиса, закапала его же кровь. Отодвинувшись подальше, «долговец» снова поднял пистолет, который Эрагон метким ударом выбил из его рук.

Генерал был не только жив, но и вполне способен к передвижению. перевозбужденная из-за выброса нервная система больше не была чувствительна к внутренним повреждениям, перенаправив организм на максимум активности. Вполне возможно, раны Эрагона скоро сами собой затянутся, хоть на это и уйдут несколько суток, полные непередаваемой агонии. Бывали случаи. Метаболизм выживших под выбросом по-прежнему оставался неисследованной сферой.

Однако Эрагон не пренебрегал фактом того, что был ранен. Посмотрев на себя, он окинул взглядом три дыры в животе и почти разорванное бедро. Затем удивленно выдохнул.

Не вставая, Анубис нацелился в него из «грозы» и нажал на спуск.

Автомат шелкнул вхолостую.

Эрагон издал довольное рычание.

«Долговец» безуспешно щупал себя по карманам разгрузки, пытаясь найти запасные магазины. Ничего не было.

Только знакомые очертания закругленного цилиндра подствольной гранаты.

Тут же подскочив, генерал снова скрылся в темноте. Пули доставляли ему вполне закономерные неудобства, однако не остановили.

Анубис приготовил автомат к бою, быстро вытащил фонарь и осветил перед собой.

Луч показал генерала, передвигающегося к выходу. Он уже утратил былую прыть, перейдя на ковыляние, и при этом то и дело оглядывался. На миг зажав рукой прокушенную шею, Анубис попытался поправить ворот комбинезона, чтобы хоть как-то замедлить кровотечение. Затем попытался удержать «грозу» с фонарем одновременно.

— Стой! — крикнул Эрагон, показывая вверх. — Несущая колонна.

Анубис не повернул головы.

— Если выстрелишь, то завалишь вход. — Потрескавшиеся губы Эрагона вытянулись в зловещую гримасу, очевидно, призванную изобразить улыбку. — И мы оба здесь погибнем.

Лидер «Долга» ничего не отвечал, и генерал расхохотался. Смех был жутким, переходящим в кашель. Эрагон наклонился, сплюнул какой-то зеленой массой. Выпрямился снова.

— Оставим эту битву до лучших времен, «долговец», — сказал он. — Ты не трус. Но меня тебе не взять. Может быть, в лучшие времена...

Анубис нажал на спуск.

С негромким хлопком граната вылетела из короткого сорокамиллиметрового ствола. Эрагон успел метнуться в сторону, но недостаточно далеко, чтобы избежать взрывной волны и роя осколков. Его отбросило обратно на освещенный участок.

Одновременно с этим по стене быстро побежали трещины, закончившиеся примерно на уровне третьего этажа. Сверху посыпался дождь мелких камней.

Стащив с себя опустевший автомат, Анубис поднялся, выпрямился во весь рост. Подошел к Эрагону, вытащил нож и произвел один быстрый, точный выпад.

Глаза генерала широко раскрылись, когда лезвие вошло ему в рот.

Одним движением Анубис рванул нож на себя, прорвав щеку Эрагона вместе с десной. Красная жидкость брызнула во все стороны. Генерал упал на спину, обливаясь кровью и издавая булькающие звуки.

Бой для него был проигран.

Лидер «Долга» с усталостью протер лицо рукавом.

— Я хочу рассказать тебе одну вещь, — начал он, не обращая внимания на каменный треск вокруг себя. — Она связана с тем, чем мы с тобой занимаемся в Зоне с самого начала. Называется «Горизонт событий».

Первый обломок крыши упал сверху, расколов запыленный железный бак. За ним стали падать новые камни.

— Это психологический лимит, — продолжал Анубис, неторопливо помахивая ножом в воздухе. — Все те рамки, за которые нельзя было выйти столько времени. Определяющие, где заканчивается закон и начинается затягивающий беспредел. То, что меня останавливало долгие годы от того, чтобы прирезать тебя, как свинью на бойне, за все то, что ты сделал. Иными словами, это граница человеческого терпения.

Адский шум ломающихся перекрытий смазал его последние слова, но Эрагон и без того их не слышал.

— Терпение подобно черной дыре. — Анубис осмотрел лезвие в свете образовавшихся лучей, проникнувших в Саркофаг после обрушения очередного блока крыши. — Оно всасывает в себя все проблемы, всю окружающую ненависть, даже направленную мимо. Однако вместе с тем терпение имеет свой горизонт событий, хранящий нас от мирового зла. Позволяющий нам оставаться глухими, безучастными. Зона, кланы, группировки, войны — это все мелочи. Главное, не подпускать их ближе, чем нужно. Фильтровать стресс, держать стену. Человек стерпит любое давление и адаптируется, так уж он устроен. Но если прессинг становится особенно сильным, он проникает за горизонт событий. И начинается реакция.

Лидер «Долга» наклонился над Эрагоном, прикоснувшись лезвием к его носу.

— Ты конкретно мне надоел, — сказал он жестче. — Твоя спесивость, твоя безнаказанность. Твое насилие над людьми и последующий уход от возмездия. Твое появление в Зоне. Твой чертов клан убийц. Твое управление ими, благодаря чему ни один сталкер не рискует выйти без оружия. Твоя конченная истина, сожравшая мозги молодых пацанов, из-за чего они верят, что жить можно лишь последней сволочью и только так чего-то добиться. Твоя уверенность, что в стремлении спасти свою шкуру я позволю тебе убежать. Это все мне надоело. Ты только что зашел за мой горизонт событий.

Лезвие переместилось на лоб, и Эрагон начал кричать. Так, как не кричала ни одна из его былых жертв. Предводитель «Монолита» корчился на земле, в то время как Анубис, встав коленом ему на живот, аккуратно водил острием ножа по его лицу, выводя знакомые символы. Мир вокруг них рушился, секция энергоблока подминала под себя все, что некогда было технологическим оборудованием, а теперь являлось грудой бесполезного хлама.

Встав с поверженного врага, Анубис отошел в сторону и подобрал упавший пистолет. Взглянул вверх. Потолок неумолимо осыпался, теперь уже огромными кусками бетона и железных стержней.

— Прощай, — сказал Анубис и выстрелил.

Пуля полетел точно в вырезанное на лбу Эрагона слово. Заглавная печатная Д, затем

классическая круглая мишень с линиями прицела, Л и Г.

Эмблема клана.

Врезавшись точно в центр мишени, пуля превратила мозги Эрагона в подобие прокисшего теста.

Анубис разжал пальцы, позволив пистолету упасть. Прикрыл глаза, коротко рассмеялся.

Многотонная груда восточной секции проломленного Саркофага обрушилась полностью, навсегда похоронив под собой место последней битвы и обоих ее участников.

Глава 27

Горизонт событий

Марк остановился, почувствовав сильные толчки. Борланд и Клинч замерли вслед за ним.

— Что это было? — спросил Борланд.

— Где-то рядом обвал, — ответил Марк. — Очень близко. Полагаю, Саркофаг начал рушиться.

— Он не может обрушиться полностью, — заявил Клинч. — Он спроектирован так, чтобы ломаться по частям. Мы находимся в самой прочной части.

Борланд при свете фонарей старался рассмотреть лицо майора, но светить непосредственно на него, конечно, не стал. Голос Кунченко изменился, это было ясно слышно. Приглядывать за ним не было никакой возможности, так что сталкер возобновил движение, анализируя все сигналы ножа.

Идти приходилось по череде коридоров — пыльных, словно высушенных, без намеков на любые проявления жизни. С бесчисленными кучами залежалого мусора, вдоль оборванных кусков кабелей. Похоже, мутанты действительно все до единого покинули энергоблок, выползая наружу под атаку Фармера. Не было даже никакой растительности, в то время как Зона славилась огромным ассортиментом различных видов плесени. Не иначе как пребывание в эпицентре выброса на протяжении многих лет уничтожало все проявления жизни. Борланд был готов поручиться, что в здешнем воздухе нет даже ни единой бактерии. Ему даже стало интересно, насколько реально было переждать выброс прямо тут, в Саркофаге.

Марк тем временем переместился в хвост тройки, пропустив Клинча впереди себя. Майор молчал, светя фонарем в одном и том же направлении. Несколько раз он споткнулся. Было очевидно, что Клинч уже не совсем понимает, где находится. Или по крайней мере зачем идет.

— Борланд, — подал он голос. — Когда ты увидишь Монолит, что станешь делать?

— Разрушу его, — ответил сталкер. — Я помню о своей задаче.

— Да? — спросил майор. — Ну... хорошо.

Борланд остановился и повернулся к майору.

— Клинч, ты в порядке? — спросил он.

— Эмоции переполняют. А что? Это странно?

Марк встал рядом с ним.

— Клинч, давай поиграем, — предложил он. — В ассоциативный ряд.

— Что? — не понял майор. — Зачем?

— Успокоимся.

— Можно, — согласился Кунченко, оттолкнул руку Борланда с фонарем и пошел дальше по коридору. — Только не будем останавливаться.

— Я начинаю. Зона.

— Смерть.

— Стрелка.

— Триммер.

Коридор повернул налево. Нож Сенатора мелко задрожал.

— Лопата, — продолжил Марк.

— Лонжерон.

Борланд оглянулся.

— Шаг.

— Газ.

— Достаточно, — сказал Марк. — Ты в полном порядке.

— Точно?

Марк схватил Клинча за плечо, развернул к себе.

— Борланд, остановись на минутку, — попросил он.

Сталкер послушался.

— В порядке, но слишком заморочен, на чем не следует, — сказал Марк, глядя на Кунченко. — Майор, приди в себя. Ты хочешь с катушек слететь?

— Что-то не понимаю, о чем ты.

— Конечно, не понимаешь, — вставил Борланд. — Ты всю дорогу думаешь только о своем вертолете.

— Я?!

— У тебя самые безобидные слова вызывают аналогии с терминами из авиации, — произнес Марк. — До такой степени, что ты лопату перепутал с лопастью. Клинч, давай уже встряхнись. «Тайкуна» больше нет.

— Я помню, — сказал майор.

— И Монолит его тебе не вернет.

Кунченко сделал очень медленный вдох.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. — Ты же не пробовал.

— Так, майор, хватит, — сказал Борланд повышенным тоном. — «Тайкун» создали люди. Не вздумай мечтать о подарке от Монолита.

— Тебе жалко, что ли? — спросил Клинч агрессивно. — Это мой план! Я тут решаю, кто и чем будет заниматься.

— Нет.

— Бунт? — вспыхнул Кунченко. — Консул, ты тоже с ним заодно?

— Клинч, перестань дурить. Монолит никаких желаний не исполняет. Это миф. Ты же сам выступал за это.

— Ну и что? Людям свойственно уметь.

— Приехали. — Борланд прислонился к стенке. — Майор, ты, видимо, вместе с вертолетом потерял и мозги. Монолит — не рог изобилия. Он не имеет никакой власти.

— Да неужели? Выбросы кто делает? Мутантов кто творит? Телепорты кто обустроивает?

— Это все личные фишки Монолита. Но исполнять желания он не может.

— Почему?

— Потому что не может, — сказал Марк. — Я знаю точно. Монолит способен в определенных рамках воздействовать на сознание, например, нарисовать тебе в голове целый остров с вертолетами.

— Ага, — добавил Борланд. — Аж в пятьсот рядов.

— Но это не будет реальностью.

— Да что вы знаете о реальности? — оттолкнул его Клинч. — Идем. Времени мало.

Борланд остановил его, снова приперев к грязной стене коридора, рядом с навсегда затихшим трансформатором. Прежде чем майор успел сказать хоть слово, сталкер приложил рукоятку ножа Сенатора к его виску. Майор сразу утихомирился, его дыхание постепенно пришло в спокойный режим.

— Да, — выговорил он. — Спасибо. Что-то я совсем расклеился.

— Клинч, твоего вертолета больше нет, — сказал Марк. — Давай, нам осталось пройти совсем немного.

— Чувствуешь, как голову наливает теплотой? — спросил Борланд.

— Есть немного. Нож успокаивает.

— Не успокаивает, а приводит башку в порядок. Вспоминай, для чего мы здесь.

— Вспомнил. — Клинч отвел нож от себя. — Пойдем дальше?

Монолит находился в паре десятков метров от места разговора.

Как Борланд и ожидал, он выглядел совсем не таким, каким его описывали сталкеры, никогда Монолита не видевшие. Исполнитель желаний по легендам Зоны должен был

соответствовать размаху этих самых желаний, то есть быть столь же необъятным и величественным. Гордым куском скалы, излучающим независимость. Переливающимся коралловым образованием, похожим на органическое. Прозрачным тетраэдром. Была популярна и классическая версия: черная, поглощающая свет плита с пропорциями один-четыре-девять. Но настоящий Монолит оказался просто кристаллическим обломком неизвестно чего. Легендам он соответствовал лишь в размерах — несколько метров в высоту — и в цвете. Камень слабо отражал свет и в потемках помещения казался полностью черным, с небольшой долей прозрачности. Во всем остальном он был лишен любой привлекательности или правильности форм. Монолит не мог быть величественным. Просто потому, что был инородным.

Камень размещался в центре широкого замкнутого пространства, куда не проникал ни единый луч света. Не было никакой воронки, над которой бы невидимым продолжением находился пробитый сверху потолок, хотя под тяжестью камня образовался кратер. Монолит не прилетел. Он сразу материализовался в этом месте.

— Мы пришли, — сказал Марк, переведя все три фонаря в режим дневного света.

Клинч радостно рассмеялся. Сделав пару шагов к камню, он упал на колени и впился пальцами в оплавленную землю.

— Есть, — прошептал он. — Мы здесь. Марк, Борланд! Мы добрались до него! Мы нашли Монолит!

— Ага, — сказал Борланд, чувствуя волнение. Оно накатило столь внезапно, что сталкер стащил с себя рюкзак, который взял у Доктора. Аккуратно положив его наземь, он сжал нож Сенатора крепче.

— Он здесь, — продолжал майор. — Исполнитель желаний.

— Клинч! — окликнул его Марк.

— Да, да, я помню. Исполнителя желаний не существует. Но, Марк, мы можем попробовать.

— Нет!

— Можем! — Кунченко вскочил на ноги, поворачиваясь. В руке он держал пистолет, который попеременно переводил с Марка на Борланда и обратно.

— Так. — Марк отступил чуть назад. — Вот этого не надо.

— Не мешайте мне! — предупредил майор. Его взгляд был почти безумным. — Я помню, зачем мы здесь. И не буду вас останавливать. Но перед этим вы дадите мне немного времени. Монолит мне должен за все эти чертовы годы.

— Он не только тебе должен, — сказал Борланд. — Этот камень задолжал нам всем. Разница в том, что тебе он не может дать, чего ты хочешь. А нам может.

— Да ну? — Майор спешно облизнул пересохшие губы. — И что же я хочу, по-вашему?

— Нетрудно догадаться, — ответил Марк. — Новый «Тайкун».

Майор опять рассмеялся.

— Но тут ведь не в вертолете дело, — продолжал Марк. — Это не просто средство передвижения и атаки. Клинч, я не пытаюсь успокоить тебя. Я действительно понимаю, почему этот вертолет для тебя так важен.

Кунченко перестал смеяться. Пистолет в его руке задрожал.

— Да это... — Он зажмурился и стукнул себя по лбу стиснутыми кулаками, не выпуская оружия. — Господи... Что происходит?

Марк метнулся к нему так быстро, что Борланд не успел и приготовиться. Налетев на майора, Марк сбил его с ног и начал вырывать пистолет. Борланд помог ему, вдвоем им удалось разоружить Клинча. Тот с проклятиями перевернулся на живот и начал царапать бетонную плиту.

— Вы не понимаете! — выл Кунченко, барахтаясь. — Это не просто вертолет! Это... спасение! Зона, везде одна Зона! Все эти годы — только Зона! Смерть, кровь, боль и страдания... Безнадега по всем фронтам! Тысяча человек под твоим командованием, деньги и власть, но что толку?! Нет спасения от Зоны! «Тайкун» охранял меня... душу, тело, сознание! Друзья умирают, срочники, письма и глаза матерей, только горе и страх... Глок списывает в расход росчерком пера! Одним росчерком! Плюнуть, уйти, спрятаться, хоть на пару минут, — от своих, от чужих, от жизни и смерти! «Тайкун» спасал... Броня — слой керамики, атмосфера, пушка — сам черт тебе не брат! Закрылся, шаг-газ на себя, полный вперед... И свобода! Свобода...

— Иди, — крикнул Марк, всеми силами удерживая Клинча в лежачем положении. —

Покончи с этим!

Борланда не пришлось просить дважды. Взглянув на Монолит, он начал движение к нему. Последние несколько метров невыносимо долгого и тяжелого пути. И почувствовал, как его сознание уносит нарастающая телепатическая связь.

Темнота и тишина. Чувства спят. Ощущается только нож в руке.

— Человек, — раздается голос. Он не мужской и не женский, не высокий и не низкий.

— Я здесь, — сказал Борланд.

Монолит плавно проявился в темноте. По нему струились фиолетовые искры.

— Зачем ты здесь? — спросил камень.

— Чтобы закончить начатое Сенатором.

— Мы заперты, — сказал камень. — Кристалла нет. Сенатор уничтожил его. Теперь ты уничтожишь нас?

— Да, — ответил Борланд.

Камень немного расплылся в темноте, но затем проявился еще четче, чем раньше.

— Твое заветное желание не такое, — проговорил Монолит.

— У меня нет желаний.

— Все хотят чего-то.

— Пусть так, — сказал Борланд. — Все, что я хочу, я смогу доставить себе сам. Ты не можешь ничего для меня сделать.

Борланд попробовал шагнуть вперед, но не почувствовал своего тела. Поднеся нож к левому предплечью, он ощутил прикосновение острого лезвия. Сделав усилие, Борланд прорезал на внешней стороне ладони длинную неглубокую царапину. Боль от пореза начала плавно растекаться по всему телу, возвращая самоощущение.

Теперь сталкер мог двигаться.

— Я могу выполнить то, чего ты желаешь, но чего сделать не можешь, — сказал камень.

— Нет, — твердо возразил Борланд, двигаясь к камню все ближе. Движения были тягучими, вязкими, словно сталкер двигался сквозь плотный эфир. — Ты не можешь выполнять желания. Это будет иллюзия.

— А если это будет тем, что я смогу сделать?

— Это невозможно.

Зеленая вспышка на миг ослепила сталкера. Он закрыл глаза рукой, но не отступил.

— Ты смелый, человек, — произнес голос Монолита. — Все что-то загадывают. Но только у тебя будет выбор, принимать это или нет.

Борланд опустил руку, глядя на зеленый полтергейст, висящий сбоку от него и Монолита. В мертвой темноте яркая, мерцающая сфера цвета морской волны казалась последним источником жизни в мире.

— Пожелай ее, — сказал камень. — Пожалуйста. Я смогу ее дать.

Сталкер протянул руку к полтергейсту, коснувшись и ощутив внутреннее тепло, которое испытывал только раз в жизни. В одном из строений Темной долины, на каменном полу.

Объятие заботливых рук Литеры.

— Нет, — сказал Борланд. — У меня нет права на желание.

Монолит завибрировал.

— К тому же мне от тебя ничего не нужно, — добавил сталкер, отворачиваясь от полтергейста. — Ты только что сделал, чего я хотел.

Взмахнув кинжалом, Борланд вонзил его в кристаллическое тело Монолита.

Пространство наполнилось фиолетовым свечением, сопровождающимся протяжным гулом. Марк скатился с Клинка, и взоры обоих тут же обратились к происходящему в центре. Борланд стоял возле Монолита, удерживая нож погруженным по самое лезвие. Кинжал бился в руках, сталкер крепко удерживал его рукоятку левой рукой и дополнительно подпирал основанием правой ладони. Монолит рушился на глазах, распадаясь на множество мелких осколков, из него вырывались разноцветные лучи, озаряя все вокруг. А над сталкером висел крутящийся зеленый шар, меняющий внутреннее наполнение с невообразимой быстротой.

Марк ринулся вперед, к Борланду. Клинч сел, глядя на происходящее со смешанным ощущением страха и изумления. Трещины быстро изъели Монолит, камень постепенно раскалывался на фрагменты, начиная с верхушки. Вырастая в размерах, полтергейст начал испускать правильные светящиеся кольца, неторопливо разлетающиеся по сторонам и угасавшие. По поверхности шара пронеслись электрические разряды, сделав сферу почти полностью прозрачной, сведя ее материал к тонкой зеленоватой пленке, отражение которой превращало окружающий свет в невероятно красивую игру красок.

Монолит продолжал опадать, рассыпаться в кучу отдельных обломков. Вся испускаемая им энергия постепенно собралась в единый вихрь, начавший неровным потоком вливаться в шар.

Кунченко поднялся на ноги, с отвисшей челюстью глядя на то, что возникло внутри сферы.

Свернувшаяся калачиком обнаженная девичья фигурка.

С последним отколовшимся фрагментом Монолит вспыхнул еще раз, и зеленая сфера исчезла. Марк успел поймать девушку, бережно положив ее на землю.

Борланд разжал пальцы. Ножа больше не существовало.

Повернувшись, он увидел девушку, и на лице сталкера проявилось выражение неопишуемого просветления. Осторожно наклонившись, он сел рядом с ней, принимая ее из рук Марка.

— Вот так, — сказал он дрожащим голосом. — Все хорошо.

— Кто это? — взвизгнул Клинч. — Что это было? Что все это значит? Марк!

Марк прошел мимо него, на миг посмотрев майору в глаза. От выражения лица сталкера Клинч попятился и чуть не упал. Такой победной уверенности он не видел ни у кого в жизни.

Схватив рюкзак Борланда, Марк отнес его владельцу. Сталкер продолжал сидеть с девушкой, стараясь привести ее в чувство.

— Литера, — шептал он. — Литера, проснись. Все уже закончилось.

Веки девушки затрепетали. Борланд сорвал с себя бандану и торопливо протер ее лицо, стирая тонкий зеленоватый налет, похожий на желе.

— Вот, — произнес он. — Ты меня слышишь?

Глаза Литеры раскрылись, уставившись на сталкера затравленным взглядом.

— Борланд, — произнесла она испуганно.

Сталкер заключил ее в объятия, и она расплакалась. Отталкивая Борланда руками, Литера крутила головой во все стороны, лепеча что-то бессвязное.

Майор Кунченко подошел к обломкам Монолита. Он смотрел то на кучу черных кристаллов, то на неизвестную ему девушку и не произносил ни слова. Не мог.

Борланд отпустил Литеру, дотянулся до рюкзака, расстегнул его и вытряхнул на землю содержимое.

Сталкерский костюм в женском варианте. Стандартный набор: камуфляжные штаны, футболка, курточка на молнии. Ботинки тридцать шестого размера и даже носки. Эти нехитрые пожитки являлись чуть ли не самой большой редкостью, которую можно было найти в доме Доктора. Борланд одевал Литеру бережно, как ребенка, произнося при этом успокаивающие слова.

Марк о чем-то сосредоточенно думал.

— Кто-нибудь! — воззвал Клинч. — Расскажите мне, что тут сейчас произошло! У нас получилось? Мы уничтожили Монолит?

— Да, — сказал Марк. — Если ты этого хотел.

— И это все?!

— Нет. Не все.

— Зона осталась существовать!

Лицо Марка тронула улыбка, еле заметная при свете лежащих на земле фонарей. Он прошел к месту, где раньше стоял Монолит, переступая через его осколки. Наклонившись, Марк поднял один из фрагментов.

— Клинч, ты знаешь, что за последний год я составил солидную энциклопедию по Зоне, — произнес он, крутя кристалл в руках. — Сейчас я дополню ее последней устной заметкой. И советую тебе ее послушать. Черный кристалл. Формация, полученная путем раскалывания Монолита на части. Способна создавать аномалии, транзитом через них — артефакты и может стать источником небольшой, локальной Зоны. Мобильной и непредсказуемой. Улавливаешь?

Клинч внимательно посмотрел на кристалл.

— Нет, — ответил он.

— Клинч, Монолит надо собрать.

— Повтори?

Марк поднял второй кристалл и соединил с первым. Оба фрагмента притянулись друг к другу, по ним прошло слабое свечение, закончившееся тусклой вспышкой. В руках Марка находился один цельный кусок Монолита объемом как первые два, вместе взятые.

— Надо собрать Монолит. Клинч, это то, что нужно сделать. Весь наш путь ведет к этому этапу.

— Так, с меня хватит. — Кунченко сжал голову ладонями. — Подожди пока со своими кристаллами. Объясни мне все. Кто эта девчонка?

— Литера. Дочь известного тебе Технаря, бывшего военного, ставшего сталкером и погибшего в Зоне.

— Откуда она взялась? Что это был за зеленый шар?

Марк смотрел на Клинча со странной смесью грусти и радости, и тут майор осознал в полной мере, что он не контролировал ничего и никогда. Дикий ужас охватил его, Клинч раскрыл рот, хватаясь за впервые в жизни заболевшее сердце.

— Борланд, — произнес он. — Ты знал?

— Знал, — ответил сталкер, завязывая шнурки на ботинке девушки, к тому времени притихшей и глотающей слезы. — Если бы я не знал, то зачем бы пошел с тобой? Ты, похоже, всерьез считал, что я иду, чтобы мстить и уничтожать Зону. Но жизнь — штука сложная.

— Вы сговорились! — крикнул Клинч, зажмурившись и давя себе на грудь сильнее. Он покачнулся, Марк помог ему сесть. — Вы оба... Все это время вы делали что-то свое, творили что-то, чего я не знал!

— Успокойся, майор, — сказал Марк. — Пожалуйста, выслушай, что я тебе скажу. Монолит можно разрушить. Можно. И мы все только что это сделали. Не без твоей огромной помощи, и я в самом деле тебе благодарен за это. Но ты все это время делал одну и ту же ошибку, которую когда-то совершил я. Верил, будто Зона — это самое большое зло в мире, и его надо уничтожить любой ценой. Вот тут мы с тобой и оступились, Клинч. Не любой ценой. В нашем случае цена слишком высока.

— Что ты плетешь? Какая еще цена?

— Черные кристаллы. Монолит нельзя аннигилировать, превратить в ничто. Деактивировать его можно, только расколов на множество осколков, которые ты видишь. И каждый из них является маленьким Монолитом, способным создавать свои Зоны. Пусть небольшие, но их будет много. И самое страшное, что этот процесс не проконтролируешь. Потому что кристаллы сами по себе не обладают самосознанием Монолита, они будут слушаться людей, владеющих ими.

— Консул...

— Это будет конец, Клинч. Зона, которую ты знаешь, без подпитки со стороны Монолита со временем исчезнет. Но по планете расползутся тысячи маленьких Зон. Кто будет ими управлять? Какие страны, государства или просто обычные люди, желающие решить свои проблемы? Ты не сможешь прекратить это. Только предотвратить — если соберешь Монолит. Тебе решать, майор. Я не стану тебя останавливать.

Марк кинул кристалл обратно в кучу.

— Соединять надо вручную, — сказал он. — Думая о том, что делаешь. Сами по себе кристаллы не соберутся.

— Что же получается? — глухо спросил Клинч. — Раз Монолит разрушен, значит, ты меня не обманул... Так, так... Но кристаллы? Ты все это знал и все равно работал? Знал, что Монолит нельзя уничтожать, но сделал это? «Горизонт событий», столько лет и сил... все впустую? Все это было зря?

— Зря? — повел бровью Марк. — О нет, Клинч, не зря.

— Что?

— «Горизонт событий» существовал и успешно приведен в исполнение. Но он никогда не был планом по уничтожению Монолита.

Майор замолк.

Борланд поправил воротник Литеры, подарив ей напоследок самую ласковую улыбку из

всех, на которые был способен. Девушка утерла нос рукавом.

— Так что теперь действительно начинай слушать, Клинч, — сказал Марк. — Это будет долго. Ты должен знать, что на самом деле происходило все это время. Итак, два года назад в Зоне был снят аномальный купол, закрывающий проход к ее центру...

Глава 28 Враг мой

Автобус мчался по Гидропроектвской улице.

Марк прижался подбородком к голове Полины, вкусно пахнувшей шампунем, взглянул через плечо Ореха. За автобусом гигантскими прыжками неслась огромная черная химера.

— Она не даст нам уйти! — крикнул Марк. — Я должен вас покинуть!

— Ага, — отозвался Борланд, крутя руль. — Сейчас, только остановлюсь и двери открою. Ты совсем из ума выжил?

Борланд повернул влево, и автобус въехал на тротуар. Орех потянулся к тумблеру и открыл дверь.

Марк схватил Полину за руку, буквально сдернув девушку с сиденья, и вместе с ней выпрыгнул из автобуса. Они угодили в дымчатое пятно телепорта и исчезли.

— Друг мой, — произнес голос.

Марк открыл глаза и огляделся. Вокруг стояла непроницаемая темнота. Под ногами ощущалась невидимая плоскость, сталкер мог дышать и говорить. И все, что он видел, — это знакомая фигура в плаще.

— Сенатор? — спросил Марк.

Шаман кивнул, глядя с необыкновенной добротой.

— Да, это я, — ответил он. — Ты все же добился своего. Не могу передать, как я счастлив. Значит, моя вера в людей не была напрасной. Если в мире есть еще такие, как ты, то этот мир прекрасен.

— Где мы? — спросил Марк. — И где Полина?

— Полина сейчас рядом с тобой, — ответил Сенатор. — Там, где и должна быть. Но не здесь.

— Я не понимаю.

— Позволь мне объяснить. Дело в том, что я умер.

— Сенатор...

— Да, друг мой, это так. Я уничтожил черный кристалл, как ты и хотел. Как хотел и я сам. За это мне пришлось покинуть ваш мир, но я не сожалею. Марк, прежде чем мы расстанемся навсегда, я хочу сказать тебе кое-что важное.

— Я внимательно слушаю.

Шаман вздохнул.

— За эти годы я сумел изучить вашу расу. И понять, что вы не из тех, кто когда-либо чувствует себя в полном достатке. Ты сделал великое дело, Марк, однако попутно открыл проход к центру. Никто не знает, как это отразится на сталкерах и самой Зоне. Найдутся те, кто захочет установить и расширить свою власть. Возможно, им не понравится, что кто-то знает о Монолите больше, чем они, и остается не у дел. Возможно, они захотят тебя найти и переманить на свою сторону.

— Я не вернусь, — убежденно возразил Марк.

— Я верю, что ты не захочешь возвращаться. Однако ты слишком долго пробыл в Зоне, Марк, и забыл, как мыслят тебе же подобные.

— Ты говоришь о трех неделях?

— Что ты, не о трех неделях. О пяти годах жизни, которые ты потратил на изучение Зоны. Ты слишком долго жил в ней сознанием, мыслями, чувствами, эмоциями. Но ты не предусмотрел отхода в нормальный мир и возможности жить в нем со своей любимой. Никто не может гарантировать, что тебя оставят в покое после всего, что ты сделал.

Сталкер задумался.

Сенатор прошел чуть в сторону, словно подыскивая слова.

— Марк, я хочу вручить тебе величайшее оружие всех времен. — Шаман сделал паузу. —

Знание.

Тут же ощутив легкое жжение в голове, Марк схватился за нее.

— Не бойся, — произнес Сенатор. — Я дал тебе то, что может помочь тебе в дальнейшем.

Знание о Зоне, глобальное, всеобъемлющее. О природе Монолита, об аномалиях и о страшных бедствиях, которые он способен принести, даже не имея кристалла в себе. Считай это страховкой на случай, если ты понадобишься людям, которые контролируют Зону. Потому что только в этом случае ты сможешь ставить им собственные условия.

— О чем ты говоришь? — не понял Марк. — Какие люди? Какие условия.

— Я не знаю, — ответил шаман. — Поэтому и даю тебе возможность хоть в чем-то превзойти своих будущих врагов, если они появятся. Ты знаешь, что в Зоне можно выжить только во всеоружии. Я только что обеспечил тебя всем необходимым.

— Значит, это еще не конец? — спросил Марк.

Сенатор улыбнулся.

— Перед тем, как уйти, я должен сказать еще кое-что, — продолжил он. — Монолит можно уничтожить целиком и полностью.

— Как?

— Ты уже знаешь, Марк. Я дал тебе знания. Пользуйся ими.

Сталкер попытался вспомнить, и его лицо прояснилось.

— Нож, — сказал он. — Твой нож, который остался в Зоне.

— Верно, — кивнул Сенатор.

— Так это же средство к спасению!

— Ты так думаешь?

— Уничтожить Монолит! Расколоть на кристаллы!

— Вот именно, — поднял палец шаман. — Расколоть на отдельно взятые куски. А ты очень хорошо знаешь по собственному опыту, каково это — обладать кристаллом.

— Соблазн, — произнес сталкер. — Ответственность. И... опасность.

— Если когда-нибудь тебе придется делать выбор — уничтожить Монолит или нет, то вспомни о последствиях. О том, что исчезнет Зона, но образуются тысячи мелких искушений для людей. И тогда ты поймешь, что Зона — не самое большое зло. Она привязана к одному месту, она обнесена стеной, в ней установились жестокие, но все же действующие порядки. Уничтожив Монолит, ты вместе с этим разрушишь мир, в котором мечтаешь жить с Полиной. Выбор за тобой, мой друг. А теперь нам настала пора прощаться. Спасибо тебе за все.

— Вот как? — проговорил майор Кунченко. — Монолит нельзя было уничтожить.

— Ты дальше слушай, — сказал Борланд, следя за тем, как Литера дрожащими пальцами пытается самостоятельно собрать волосы в пучок, что у нее так и не получилось. — А то пропустишь самое интересное.

Марк устремил взор в темноту.

— Сенатор дал понять, что Монолит не должен быть разрушен, — продолжил он. — С этим я согласился сразу же, как представил себе Третью мировую войну, в которой оружием являются черные кристаллы и управляемые аномалии. Крах экономики, политики и общества, когда артефакты разлетаются по планете и используются по прихоти случайных людей. Сенатор нарисовал мне мир без контроля, мир, погруженный в такую анархию, которую никто вообразить не мог. Планету, покрытую сплошной Зоной.

— Достаточно, — сказал Клинич. — Раз так, то почему ты все же согласился начинать всю эту шнягу?

— Потому что передо мной встала более серьезная задача, — ответил Марк. — Я должен был раздавить своего настоящего врага. И операция по уничтожению Монолита являлась лишь небольшим этапом этого.

— Какого врага?

Марк печально улыбнулся, что в полумраке не было заметно.

— Ответ лежал на поверхности с самого начала, — сказал он. — Но во время разговора с Сенатором я этого еще не понимал.

Солнце проникло в окно, бросив зайчика на одеяло. Марк продолжал смотреть в потолок. Его разум быстро перебирал варианты.

Самое родное создание на свете повернулось к нему, в волнении закусив губу.

— Не уходи, — попросила она.

— Я должен.

— Ты никому ничего не должен. — Полина прижалась к нему, положив голову ему на грудь. — Давай убежим. На край света.

Запищал будильник. Марк нервно выключил его и поставил на место.

— У света нет такого края, где они бы нас не достали, — сказал он. — Мне нужно уезжать.

Девушка не выдала и тени отчаяния. Но Марк очень хорошо ее знал.

— Ты снова исчезнешь на полгода, — выговорила Полина. — Будешь составлять базу артефактов, что-то еще с ними делать. Проводить исследования, консультировать, расщеплять «выверт» на атомы. Устраивать вылазки на Дикую территорию. А я буду ждать тебя, молиться, мять в руках листки календаря, зная, что могу не дожидаться. Марк, я живу только в те часы, в которые ты бываешь дома, а все остальное — кошмар и боль. Пока это продолжается, мы не можем даже позволить себе ребенка. И так будет всегда или пока ты не перестанешь быть им нужен. Господи...

Одинокая слезинка скатилась по ее щеке.

— Я могу остановить это, — сказал Марк. — Уничтожить Монолит. Но я не пойду на это.

— И не надо. Тогда у нас тоже не будет покоя.

Солнечный зайчик медленно полз по одеялу. Марк хотел закрыться Заслоном от всего мира, законсервировать себя с Полиной навечно, чтобы не отсчитывать мучительные секунды до момента, когда все же придется собраться и выйти на улицу, где его будет ждать машина, которая увезет его в Зону.

— Как же все было проще поначалу, — признался Марк. — Когда только ты и какой-нибудь, скажем, снарк или излом. Автомат в руках, прорезиненная химза с бронепластинами на теле. И все, решение проблемы стоит у тебя перед глазами. Все остальное — результат твоей подготовки и храбрости, не более того. Но что можно сделать с Коалицией? Зона намного милосерднее. Покинул Зону, и ты чист. Никто не протянет к тебе щупальца, толпы зомби не станут тебя преследовать, даже контролер никогда не посмеет шантажировать. Рассчитывать на милосердие Коалиции не может никто.

Полина обняла его крепче. Сталкер прижал девушку к себе, как ценный приз, который должен был ему достаться по праву, но который вместо этого лишь позволили недолго подержать в руках.

— Да, — повторил Марк. — Я был потрясающе наивен.

Клинч молчал. Литера прижалась к плечу Борланда, слушая разговор.

— Значит, Коалиция, — произнес Кунченко. — Вот кто был твоим врагом. Врагом, против которого у тебя не было приема. Ты покинул Зону, но попал в центр внимания Глока как человек, первым побывавший в центре. Тебя нашли и заставили работать на Коалицию. Теперь мне все понятно. Если ты нужен системе, то система тебя достанет. Борьба бессмысленно, поскольку система вечна. Даже если ты ее сломаешь, на ее месте окажется другая и сломает тебя. Выхода нет.

— Так я думал, — взглянул на него Марк. — Рельсы судьбы вели меня в тупик. Однако прав был Сенатор. Со временем я научился находить нужные ответвления. Или по крайней мере я создал одно из них. «Горизонт событий».

— Ну-ка, еще раз и с самого начала! — заинтересованно сказал Ястреб, стараясь перекрыть шум взлетающего Ми-28. — Уничтожить Коалицию? Как?

— Все просто. — Марк обернулся, выясняя, точно ли на территории ангара больше никого нет. — Подточить ее изнутри по всем статьям. Для начала надо натравить Клинча на Глока. Они и

так в последнее время не ладят.

— Вот оно что. — Ястреб провел рукой по голове, проверяя застарелый рубец. — В этом есть здоровое зерно. Согласен, физически устранить Глока — не выход. Ты этим ничего не изменишь.

— Я знаю. Нужно спровоцировать Глока на безумный шаг, заставить загубить собственную репутацию.

— Какой шаг?

— Такой, который подорвет к нему доверие клиентов. Нужно, чтобы Глок утратил свои позиции на высших уровнях. Сорвался, сделал неосторожность, а в идеале — поломал все сталкерство. Если конвейер собьется хотя бы раз, Глоку этого не простят.

— Это будет непросто.

— Это всего лишь одна из стадий, и не самая последняя, — добавил Марк. — У меня есть целый план, как заставить Коалицию обрушиться. Прежде всего нам необходим внутренний разлад в войсках Периметра. Клинч против Глока. Затем мне нужно уничтожить все научные разработки, особенно те, к которым я приложил руку. Стереть следы своего пребывания. Кроме того, нужно перекрыть кислород сталкерам, чтобы Зона перестала приносить доход. Падишах взвинтит цены на дешевые артефакты. Ветераны заупрямятся, но мы потесним их молодняком, профинансировав «Чистое Небо». Пусть приток добровольцев пока оседает на Кордоне. Разобраться с отношениями группировок — тут ты мне поможешь.

— Что нужно делать?

— Развязать войну.

Ястреб хмыкнул.

— Войну? — задумчиво выговорил он. — С кем?

— С кем угодно. Но сталкерство надо придушить. Не буквально, конечно. Войны группировок — лучший вариант. Война губит торговлю.

— И ты хочешь обойтись совсем без явных убийств? — спросил Ястреб с легкой иронией.

Взгляд Марка был ярче любых слов. Лидер «Долга» кивнул.

— Я понял, — сказал он. — По обстоятельствам.

— По обстоятельствам, — повторил Марк.

— Это будет непросто. В частности, не понимаю, зачем Клинчу идти против Глока. Ему, конечно, очень хочется, но мотивации у нашего майора все же нет.

— Значит, я ему дам мотивацию.

— Да ну? Какую?

— Чего Кунченко хочет больше всего?

— Помимо вечного топлива для «Тайкуна»? — Ястреб поразмыслил. — Чтобы Монолит исчез. Но этого никогда не будет.

— Будет. Я дам ему способ.

— Заставишь Монолит исчезнуть?

— Да.

— Ух ты. Высоко ты замахнулся.

— Не выше, чем должна быть моя семья, — мрачно ответил Марк.

Фонари продолжали освещать пространство.

— Все страньше и страньше, — проговорил Клинч, перебирая обломки Монолита. — Стало быть, Ястреб с самого начала тоже все знал. И Борланд все знал. Один я был маленьким и глупым мальчиком. Так?

— Не так, — возразил Марк. — Единственное из важного, в курсе чего ты не был, это что «Горизонт событий» являлся операцией по развалу Коалиции, а не Монолита. Поход к центру был мне нужен, чтобы Глок почувствовал, что власть ускользает из его рук. Как я и рассчитывал, это заставило его действовать поспешно: тратиться на блокаду в Рыжем лесу, вербовать Падишаха, который в результате всех нас сдал, но был убит Борландом, хоть и по посторонним мотивам. Все это полностью остановило сталкерство, а Коалицию ввергло в расходы, которые и без того раздулись до необъятных величин ввиду перебежки Клинча и моих финансовых диверсий с теми счетами структуры, к которым я смог получить доступ.

— Клиенты оказались недовольны.

— Да.

— А Глок совсем слетел с катушек, когда нанял Сафрона, — думал вслух Клинч. — Это сначала лишило его последней единицы техники, так как «Тунец» при всей своей ущербности мог переломить ход любого сражения, а затем и собственной жизни. Я не хотел убивать его, но Глока никто не просил садиться в вертолет. Да, ты точно хорошо подготовился. Все прошло как по маслу.

— Нет, — ответил Марк. — На тот момент все было совсем нехорошо.

— Поверни лазер на тридцать градусов, — сказал Марк, протирая экран КПК краем белоснежного халата, чтобы сделать разборчивее текст сообщения. — И не переусердствуй.

— Так? — спросил молодой сотрудник, плавно поворачивая рычаг.

— Именно.

Марк покинул отсек, в котором уже шестнадцать часов проводился синтез нового артефакта, имевшего жидкую форму. Полученное сообщение было от Ястреба. Лидер «Долга» хотел срочно встретиться.

Скинув на ходу халат, Марк повесил его на крюк в личной комнате, затем наскоро переоделся в сталкерский защитный костюм, без которого никогда не выбирался в Зону.

— Это Консул, — сказал он в рацию, закрывая дверь комнаты на магнитный замок. — Вертолет мне, живо.

Через десять минут он приземлился в лагере «Долга». Ястреб встречал его со своими людьми.

— День добрый, — вежливо сказал он. — Вас приветствуют «Долговские авиалинии». Пройдемте в мой кабинет?

— Конечно, — ответил Марк, подавая пилоту сигнал глушить двигатели.

Ястреб даром времени не терял. Оказавшись наедине с Марком, он оттащил его в сторону и тихо произнес:

— У нас проблемы. Падишах всех сдал.

— Что?

— Он знает, что Клинч решил уничтожить Монолит. В успех предприятия не верит. Почуял, куда дует ветер, и решил переметнуться к Глоку.

— Вот черт! — Марк тяжело уселся на диван, схватившись за лоб.

— Не горячись, — сказал Ястреб, наливая в стакан воды и давая его Марку. — Время пока терпит. Падишах не знал, что я тоже в деле, так что не нашел ничего лучшего, как сдать Клинча мне. Мне, понимаешь? Наверное, толстяк хотел дополнительно заручиться моей поддержкой, на случай если Клинч начнет ему мстить. Я, конечно, заверил его, что немедленно передам все слова Глоку и обеспечу защиту. Пока что все спокойно. Но нам нужно начинать действовать. И как можно раньше.

— А если устранить Падишаха?

— Нельзя, «Чистое Небо» взбунтуется. Можно, конечно, поручить Лебедеву найти ребят, но он-то сам не знает, что получает деньги от нас. Думает, его Падишах подогревает. Нет, это не выход.

Марк допил воду и отставил стакан.

— У нас все есть, — сказал он. — Можем начать хоть завтра.

— Завтра нельзя. Только после выброса, когда майор подготовит все нужное. Так что пара недель у тебя есть.

— Значит, решено, — подвел итоги Марк. — Давай еще раз по порядку. Моя задача — разрушить аппарат управления Зоной, не трогая при этом рядовых исполнителей — солдатню, сталкеров. Нам это ни к чему. Клинч копит силы, снаряжение, освобождает графики сэров. В нужный момент все мы должны будем собраться и выступить в Зону. В идеале — ночью после выброса. Ты тем временем развяжешь войну кланов. Но пусть в ней участвуют только добровольцы.

— Пусть Кунченко доставит мне Мисс Анаис, — предложил Ястреб. — Она всем нам пригодится.

— Согласен, хорошая идея. Передам. Как только мы выйдем, «Горизонт событий» вступит в силу. Обратного пути не будет. Повторяю, для Клинча весь план залегендирован только как уничтожение Монолита.

— А сам камень уничтожить не станешь? — спросил Ястреб, хлебнув из фляги.

— Вот это и есть спорный момент. Клинч рано или поздно узнает, что поход к центру был провокацией для своеобразного импичмента Глоку со стороны клиентов. Чтобы он сильно не буянил, нужно будет растолковать ему, что он теперь займет место Глока как второй в Зоне человек после своего босса. Но нужно, чтобы он сам принял это решение. Для этого достаточно на глазах майора разрушить Монолит, а затем собрать его заново. Так я смогу позволить майору взвалить эту ответственность на себя. Если он хочет самостоятельно контролировать Зону, то возражать не станет.

Ястреб подумал.

— Неоправданный риск, Марк, — сказал он. — Ломать Монолит исключительно для того, чтобы наглядно показать Клинчу, что альтернатива Зоне — куча мелких независимых кристаллов... Не проще ли карандашом на бумаге нарисовать?

— Ястреб, в этом ключевой момент. Клинч должен переступить психологический порог, принять решение. Именно он должен руководить проектом «Зона». Потому что если после исчезновения структуры Глока к власти придут неизвестные начальники, подобные тому же Глоку, или вообще кто-то из клиентов, то мы вернемся к тому, с чего начинали. Ты продолжишь выживать в Зоне, а я — работать на нового дядю. Мне это даром не надо. Тебе, думаю, тоже. А Клинч, как ни крути, наш человек. Он бы сумел уговорить клиентов позволить ему заниматься Зоной в дальнейшем. Уверен, это подействует. Нож ведь у вас?

— Да. Хранится на «Ростке».

— Отлично. Захвати его, только перед самым выходом. Но есть проблема, которую я пока обойти не могу.

— Какая же?

— Выброс энергии, который последует за ударом ножом. Видишь ли, Монолит нестабилен. Даже Сенатор затруднялся сказать, что тогда случится. Может, ничего, а может, Зона расширится.

— Чудесно.

— Поэтому нам нужен энергетический компенсатор. Что-то такое, что потребует для какого-нибудь процесса очень много аномальной энергии. И я пока ничего не могу придумать. Вероятно, нам придется не уничтожать камень.

— Вот только не надо драматизировать, — утешил его Ястреб. — Что до энергетического компенсатора, то я тут никаких проблем не вижу.

— Да? Как ты намерен решить этот вопрос?

— Очень просто. Нам нужен полтергейст.

— Нам нужен полтергейст, — проговорил Марк. — Так мне сказал Ястреб. Я долго думал над его словами и понял, что он был прав. Полтергейст у Монолита — именно то аномальное образование, которое примет на себя энергию камня, когда с ним соединится нож Сенатора. Побочным явлением станет обратная инкарнация полтергейста, превращение его в человека. Ведь эти существа во всех смыслах символизируют собой круговорот, цикличность. Постоянные действия над предметами, перевод их из одного состояния в другое и обратно, разрушение и восстановление, даже внешний вид — шар. Полтергейст способен заново стать человеком, и случиться это может при раскалывании Монолита. Я проанализировал все полученные от Сенатора знания, а также проштудировал труды Доктора на эту тему. Все сходилось.

— Да, все сходится, — пробормотал Клинч. — Расшатать Коалицию тонкими уколами, толчками, диверсиями. Загубить репутацию ее создателя и одновременно подготовить нового человека на место большого папочки. Пожалуй, соглашусь, что поломать Монолит по сравнению с этим — сущий пустяк. Ты затеял опасную авантюру. Я удивлен, что на твоём пути ничто не сорвалось.

— И смерть Ястреба не в счет?

Кунченко глянул на Борланда, немного посопел носом.

— А это при каких обстоятельствах случилось? — спросил он.

— При достаточно простых, — ответил Марк. — У нас не было полтергейста. Более того, Монолит бы не подпустил к себе его. Так что нам нужен был человек, который бы настолько желал оживления полтергейста, чтобы Монолит захотел отговорить его от своего уничтожения, подарив взамен жизнь близкого человека. То есть Монолит сам бы призвал к себе сгусток аномальной энергии.

— В этом и заключался выбор Ястреба, — произнес Борланд. — Найти кого-то в Зоне, соответствующего следующим условиям: это должен был быть одновременно близкий друг и какому-нибудь полтергейсту, и человеку, которого следовало взять на борт. После гибели целевого смертника полтергейст преобразовал бы его в себе подобного, и затем друг покойного стал бы исполнителем казни Монолита, чтобы оживить товарища. Совершенно дикий план, надо сказать, и я никогда не пойму, как Ястреб решился на такое.

— Ястреб всегда был себе на уме, — сказал Клинич. — Как и все мы, впрочем. Я так понимаю, если бы его замысел не удался на любом этапе, то вы бы просто отказались от уничтожения Монолита.

— Да, именно так. Ястреб заявил, что возьмет этот грех на себя, а мне не следует переживать по этому поводу.

— Но ты не возражал против этой идеи?

— Нет, — ответил Марк, глядя на Литеру. — Это был первый и последний раз, когда я напрямую согласился на убийство ни в чем не повинного человека. И мне становится ничуть не легче при мысли, что я и понятия не имел, кто это будет.

— Да прекращай уже париться, — повторил Ястреб, прислонившись к двери. — Моя идея, значит, мне и убивать. Тебя как-то не заботят неизбежные жертвы, которые будут в течение всей операции. В одних только войнах кланов сколько народу поляжет. «Долг» против «Свободы», «Чистое Небо» против различных ренегатов Кордона и окрестных болот, даже сталкеры в стороне не останутся. И сам подумай, кто вообще может тут стать другом полтергейста? Какой-нибудь барыга, шаман, юродивый, который с помощью мутанта добывает артефакты. Консул, тут нет общества, а есть лишь радиоактивное мясо. Мы все умрем рано или поздно, и с огромной долей вероятности это случится здесь. Не забивай себе голову. Не надо.

— Как хочешь, — вздохнул Марк. — Только сделай это быстро. И будь осторожен с тем, кто будет нести нож вместо тебя.

— Вот и славно. Ты уже решил, как обоснуешь Клиничу наличие нового человека в команде?

— Да. — Марк снова налил себе воды. — Создам иллюзию избранного.

— Чего?

— Пусть майор думает, что исполнителем плана может стать кто-то особенный. Скажем... — Он отхлебнул воды. — Человек, не имеющий сокровенных желаний. Да, ты вполне подходишь под это описание.

— Что, в самом деле? — Ястреб улыбнулся. Сурово, по-мужски.

— После того, как ты открыто вызвался убить невинного, находясь на посту лидера «Долга», я о тебе еще и не такого мнения буду.

Ястреб продолжал улыбаться.

— Твоя воля, — сказал он. — Считай, что этот вопрос мы закрыли.

Литера убрала прядь волос, спадающую на глаза. При виде этого знакомого жеста сердце Борланда застучало сильнее.

— Так оно и случилось, — произнес он. — Марк с Ястребом решили нашу судьбу, хотя на тот момент мы с Литерой еще даже не встретились. Тот заезд в Крыму был... когда? По-моему, всего несколько дней спустя после их разговора.

— Точно, — подтвердил Марк. — Кажется, после этого я снова выбрался в Зону, на этот раз в Бар. Мне нужно было переговорить с парой человек. Удаленно.

Бергамот протирает стаканы, посматривая при этом в экран старого телевизора, по которому показывался один из боевиков далеких 80-х. Допотопный видик стоял здесь же, на полке. В баре был технический перерыв. Это означало, что Ястреб снова пожелал заблаговременно вывести из

заведения всех бродяг. «Свободовцы» заупрямились, но против взгляда проводника из-под нависших бровей они бы не вякнули, даже если бы находились на своей территории. Поэтому Бар был пуст, если не считать самого Бергамота и храпящего в подсобке Сидоровича.

Заскрипела служебная дверь. Бергамот даже не обернулся. Чтобы воспользоваться черным ходом, гость должен был, во-первых, иметь ключ, а во-вторых, уметь перешагивать через веревку самострела, протянутую в нужном месте. Поэтому, как только послышались знакомые шаги, проводник заблаговременно плеснул в граненый стакан «боржомии», которую обожал Ястреб.

— Мир вашему дому, — произнес лидер «Долга». Взяв стакан, он залпом выпил его и отошел в сторону, пропуская Консула.

Бергамот удивленно потер подбородок.

— Марк, — сказал он. — Какими судьбами? Зона не отпускает, да?

— Верно, — ответил сталкер. — Только для всех я Консул.

— Сам выбрал? Или Зона кличку дала?

— Зона всем даст, кто смелый будет, — ответил Марк. — Но мы по делу.

— Точно, — сказал Ястреб. — Отец, нам надо сделать телефонный звонок.

— Куда?

— За пределы Зоны. Но так, чтобы он не был никем отслежен. Я имею в виду — никем. Это можно устроить?

Бергамот положил локти на прилавок и задумался.

— Можно, — ответил он. — Но давай я объясню. Остаться неслышным в Зоне — тяжело, надо сказать. Весьма и весьма. У меня есть только один такой канал, чтобы даже «дарвины» не засекли.

— «Дарвины» все секут. На то они и созданы.

— Если только в них изначально не стоит блокировка сканирования определенных частот, чтобы обмануть пользователя, — догадался Марк. — Ты об этом говоришь?

— Именно, — ухмыльнулся проводник. — Откуда знаешь?

— Догадался.

— Значит, есть способ, — уточнил Ястреб.

— Есть. Но я не закончил. Как я сказал, канал, защищенный от прослушки, у меня всего один. И после его использования он тоже засветится, так что потом у меня не останется ни одного. Я берег его, чтобы, если стану сентиментальным, мог с внуком связаться, спросить, как он там фенакодусов из пластилина лепит.

— Договоримся?

— Конечно. Челноки, которые от меня таскают провизию «Свободе» на Милитари, поговаривают, что на них нападения устраивают.

— Мутанты? — спросил Ястреб.

— Люди, дружище, люди! Или нелюди, если так можно сказать. Какая-то шантрапа караваны грабит.

— А что же, «Свобода» не может решить?

— Может, — лукаво глянул Бергамот. — Только «Свободе» закрытый канал связи не нужен.

— Понял, — сказал Ястреб. — Сделаем. Будет твоим челнокам охрана.

Проводник вышел в подсобку и вернулся обратно с допотопным телефонным аппаратом, на котором красовался дисковый набор номера.

— Милости прошу, — сказал он, ставя задрезбавший телефон на прилавок. — Я буду у себя.

Когда Бергамот ушел, Ястреб сел за дальний столик и надвинул военную кепку на глаза.

Марк снял трубку и торопливо набрал номер через определенные коды, делая нужные паузы.

— Алло?

— Полина. — Марк прижал трубку обеими руками к уху. — Это я.

— Марк? Ты где? Откуда ты звонишь?

— Из Зоны. Нас никто не слушает. Долго объяснять. Слушай, ты должна сделать, что я скажу.

— Все что угодно!

— Через несколько дней я выберусь отсюда. Будь готова к тому, что нам придется

переезжать.

— Хорошо!

— Собери все нужное, минимум вещей. Паспорта не забудь, свой и мой. Дальше вот что ты должна сделать...

Девушка не перебивала его.

— Я поняла, — сказала она.

— Хорошо. До скорой встречи!

— Подожди!

— Что-то случилось?

— Тебя Орех искал. Ты помнишь Ореха?

Марк сел на высокий табурет у прилавка.

— Орех? — переспросил он. — Конечно, я помню Ореха. Он меня искал? Где, как?

— Звонил к нам домой. Хотел с тобой о чем-то поговорить. Мне не сказал ничего.

— Потому что я два года назад просил его ни во что тебя не впутывать. Он что-нибудь передавал?

— Свой номер.

— Продиктуй его мне.

Быстро записав номер на салфетке, Марк повторил его вслух.

— Да, — подтвердила Полина. — Все правильно. Марк, это как-то связано с тем, что ты делаешь сейчас?

— Не знаю, — ответил сталкер. — Хорошо, я сейчас перезвоню ему. А ты сделай, как я попросил.

— Люблю тебя! До свидания!

Повесив трубку, Марк подумал немного. Затем снова снял и набрал другой номер.

— Орех, это ты? — спросил он.

— Ага, — ответил молодой, почти пацанский голос. — Марк, как твои дела?

— Я не могу просто болтать. Ты меня искал спустя столько времени? Зачем?

— Мне показалось, что у тебя возникли проблемы.

— Скажем так, у меня в самом деле проблемы. Но я надеюсь с ними разобраться в ближайшие дни. А с чего ты так решил?

— Борланд в Зоне. Я решил, что ты должен знать.

Марк приложил трубку к другому уху и спросил:

— Борланд снова в Зоне? Когда он туда ушел? Зачем?

— Он угодил в аномалию. В Крыму. Понимаешь? «Воронка» направленного действия. Кто-то нас выискивает, брат.

— Нет, вряд ли. — Марк поразмыслил. — Нет, дело тут в чем-то другом. Я найду Борланда и постараюсь выяснить, что тут творится.

— Я могу чем-то помочь?

— Нет, ты... — Марк немного повернулся на табурете. — Вообще-то можешь.

— Отлично, — довольно произнес парень. — Не могу оставаться в стороне, когда братва в беде. А то кажется, что жизнь проходит мимо.

— Раз ты так настроен, — сказал Марк, — то как насчет того, чтобы снова сюда вернуться? На несколько суток, не больше.

— Если речь о сутках — согласен.

— Предупреждаю, тут безопаснее не стало.

— Учту.

— Я дам тебе координаты точек входа и выхода. Тебе придется сидеть в убежище Рыжего леса, около Припяти, одному. Затем работать по инструкциям, которые я составлю.

— Будет сделано, босс.

— Сиди на связи, я тебе позвоню через двадцать минут.

Марк положил трубку на аппарат, медленно обхватил голову руками. Борланд в Зоне...

— Ястреб, — позвал он.

— Что? — Лидер «Долга» поправил кепку.

— Насколько тяжело зайти в Зону с запада, минуя Барьер?

- Не особо, если знать ходы. А что?
- Надо провести внутрь одного человека.
- Кто такой?
- Просто друг.
- Просто друзей не бывает. Ты ему доверяешь?
- Да.
- Тогда можно...

В полуразрушенном помещении с остатками Монолита было тихо. Литера уже полностью пришла в себя, но продолжала молчать. Борланд сидел рядом с ней, обхватив руками за плечи. Марк стоял на ногах, заложив руки за спину, и не торопясь вел рассказ, а майор Кунченко все еще осматривал черные кристаллы, тускло мерцавшие, когда он касался их.

— Орех был страховкой, — сказал Марк. — На случай, если появятся осложнения с продвижением к Припяти. Ведь никто не предвидел, что туда удастся добраться на «Тайкуне», так что я рассчитывал на продвижение по поверхности с твоими людьми, майор. Этап дороги через блокады «Монолита» был самым опасным, так что я решил, что если Орех разведает подземный путь по картам, полученным от Ястреба, то это нам сильно поможет. В действительности же эта часть плана понадобилась Фармеру и Уотсону, но зато они смогли безопасно доставить сюда нож.

— Я заметил, немало усилий тебе пришлось приложить, чтобы все же уничтожить камень, — произнес Клинич. — Видимо, тебе очень важно было, чтобы я сам решал, собирать его после этого или нет.

- Уверен, ты примешь верное решение.
- Обязательно, — кивнул Кунченко. — Как только буду знать, какое из них верное.

КПК на столе зажужжал. Марк отставил стакан с кофе в сторону, дотянулся до коммуникатора, нажал на кнопку приема. Одновременно глянул на часы. Была глубокая ночь. Марк тяжело вздохнул.

- Ястреб, тебе же было сказано не связываться со мной по этому каналу!
- Марк? — раздался глухой голос лидера клана.
- Да, да, это я. Что случилось?
- Марк, я теперь знаю, как нам создать новый полтергейст. Есть отличный кандидат. Сталкер сел на диване.

— Давай не сейчас, — произнес он.

— Нет времени. Скоро они будут здесь. Слушай, дружище, я все же сделаю это. Мне придется совершить убийство.

- Какое убийство? Ястреб, погоди немного, давай мы...
- Он вошел в здание, Марк.
- Кто вошел?
- Борланд, твой старый знакомый. Он идет за мной.
- Что?!

— Просто следуй своему плану. Борланд заменит меня в этом деле. Так тебе будет удобнее работать. Дай Бог, чтобы я стал единственной необратимой жертвой, потому что, как только я убью подругу Борланда, жить мне останется недолго. Мои собственные люди мне этого не простят.

- Ястреб, ты сошел с ума!
- Марк, я должен убить постороннюю девочку. И я сам отвечу за это.
- Какую девочку?
- Дочку Технаря. Ей около двадцати лет.

— Как Полине? — произнес Марк, чувствуя, как комната плывет перед глазами. — Ястреб, откажись! Не надо! Черт с ним, с Монолитом!

— Нет. Не знаю, что там с Коалицией, но тебе нужно разрушить Монолит. Зону надо хоть немного замедлить, и я всегда был готов сдохнуть за это, верь или нет. Найди Борланда и объясни ему все. Теперь будущее Зоны зависит от вас обоих. Прощай, брат.

Связь прервалась. Марк продолжал сидеть с бьющимся сердцем. Затем в ярости вскочил и

опрокинул стол.

Остаток ночи он глаз не сомкнул.

— Не думаю, что мне когда-нибудь будет приятно вспоминать об этом, — сказал Борланд. — Я не могу ни обвинять Ястреба, ни оправдывать его. Но знаю точно: тогда, на мосту, я был готов поставить для себя точку. И сейчас мне кажется, что я в самом деле ее поставил. Все, что было после этого, виделось мне уже под иным углом, в другом свете. У меня была конкретная цель: вернуть Литеру к жизни.

Он нежно посмотрел на девушку, которая ничем на это не ответила.

Борланд не смутился.

— На мосту Кордона, где вы меня нашли, Падишах рассказал мне, что происходит. Само собой, не больше того, что знал сам, а знал он столько же, сколько и ты, Клинич. На то время.

— Я все думаю, как мне реагировать на то, что вы мне говорите, — произнес Кунченко. — Но у меня есть время, пока вы не закончите рассказывать, чего я еще не знал.

— Дальше ничего особенного не было, — разъяснил Марк.

— Если не считать момента нашей встречи, — добавил Борланд.

— Да, точно, — улыбнулся Марк. — Она была, скажем так, бурной.

Проведя магнитной картой по считывателю, Марк открыл замок и вошел внутрь камеры.

В следующий момент на него обрушился сокрушительный удар, который сбил его с ног. Марк рухнул на пол, обнаружив, что о его спину только что разломался пластиковый стул. Следом в пол вонзилась острая ножка от мебели, но сталкер успел перекатиться и врезать нападавшему по колену.

Борланд навалился на него и начал душить. Марк все же успел заметить, что он был в таком остервенении, что вряд ли мог понять, с кем имеет дело.

Врезав Борланду по шее на месте ранения от дротика с транквилизатором, Марк скинул его с себя.

— Успокойся, придурок! — крикнул он. — Это же я! Не узнал?

— Чего?! — выпалил Борланд, пятясь назад. Он споткнулся об один из обломков и грохнулся, чуть не сломав себе запястье. — Это что, ты?

— Он самый! — рявкнул Марк, быстро вставая и запирая дверь. — Вот теперь нас никто не слышит.

— О черт! — Борланд протер глаза, но тарачился все так же.

— Не ожидал, верно?

— Да твою же мать! Ты что тут делаешь?

— Я попал так же, как и ты. Если не хуже. Можешь мне доверять.

— Да ну? — Борланд поднялся, глядя с опаской. — Точно? Тогда выпусти меня.

— Сядь и давай поговорим, — жестко сказал Марк.

— Дай мне уйти!

— Сядь.

Борланд сел на кровать. Затем, подумав, махнул рукой, лег и сложил руки на животе.

— Ну вас всех к черту, — выговорил он. — Я устал. Говори.

— Это я стрелял в тебя с вертолета.

— Да ну?

— Помолчи хоть немного. Ты и не представляешь, каких трудов мне стоит поддерживать Глока в неведении, что ты тут сидишь. Клинич тоже знает не все, а нам с тобой о стольком нужно поговорить. Но прежде всего: ты хочешь вернуть к жизни Литеру?

— Так и началось мое участие, — проговорил Борланд. — Марку с самого начала удалось меня заинтриговать. В течение следующих дней он организовал мне ускоренный курс лечения, хорошее питание, полный отдых. Постоянно заходил сам, и мы с ним говорили о многих вещах. По истечении пяти суток, к моменту брифинга, я был готов.

— Пять дней, значит, — сказал Клинич. — Достаточный срок, чтобы принять решение. Стало быть, когда я пришел перетягивать тебя на свою сторону, ты уже знал, что согласишься.

— Да. Я знал, чего хочу от этой экспедиции, и своего добился. Хотя поначалу меня одолевали сомнения, действительно ли результат станет таким, каким я ожидал.

— Литера, — в сотый раз за день повторил Борланд, с бутылкой минералки отдыхающий после подтягиваний на привинченном к стене турнике. — Марк, я верю тебе и легенде о полтергейсте. Но давай на минутку забудем про Полину и все остальное, что тебя удерживает в этих стенах. Мне нужно твое честное, беспристрастное мнение. Если полтергейст снова станет вроде как человеком — то кем он будет на самом деле? Прости, но меня берут сомнения насчет того, что этот процесс обратим. Я видел, как Литера умерла. По-настоящему.

Марк устало покачал головой.

— Я ждал этого вопроса, — сказал он. — И могу тебе на него ответить. В таких же мыслях я провел несколько лет, пока думал, стоит ли мне лезть в Зону и снимать Заслон. В таком состоянии я встретил Полину в автобусе и в том же расположении духа пребывал следующие несколько недель, когда глядел на нее. Каждый раз. Наверняка ты решил, что после того, как я вернул себе любимую, для меня настала сплошная сказка. Дело именно в том, что я боялся, что это окажется сказкой. И хотел убедиться, что это реальность. Я проверял Полину как мог и в чем мог. Она — человек. И Литера тоже станет человеком. Таким же, как мы с тобой. Зона способна возвращать в том состоянии, в котором берет. Надо лишь уметь взять свое.

— Спасибо Апельсину, — сказал Борланд, касаясь щеки Литеры пальцами. — Если бы не он, ничего бы у нас не получилось. Таких, как Литера, в Зоне очень мало. Тех, кому удалось вернуться, — больше никого.

— Если подумать, то удивительного и в самом деле ничего нет, — добавил Марк. — Учитывая, где мы находимся. Полтергейст — сгусток энергии и массы, точно такой же, как человек и любое другое живое существо. Если мы смогли принять и уместить в сознании существование полтергейста, то почему должны отрицать обратный процесс? А что до того, где заканчивается жизнь и начинается смерть, — это нам неизвестно. Все это относится к материям, о которых даже народ Сенатора ничего не знает.

— Все хорошо, что хорошо кончается, да? — устало сказал Клинч. Было видно, что майор никак не может решить. — Не знаю, как там, на той стороне, но я предпочел бы не возвращаться.

— Боль, — тихо произнесла Литера.

— Что? — встрепенулся Борланд. — Родная, где боль?

Марк подошел поближе.

— Боль, — повторила девушка, смотря перед собой в никуда. — Но это не страшная боль. А... приятная. Словно рождаешься заново. Идешь туда, где никто не был... Мир, который там, — он не одинаковый, он свой для каждого. Как живешь здесь, так существуешь там. Если делаешь здесь кому-то плохо или больно, все возвращается обратно в том мире. Если делаешь хорошо — тоже. Не забывается ничто — ни добро, ни зло. Это как очищение. Только там я поняла, как жила здесь.

Литера повернулась к Борланду, глядя немного рассеянно.

— Прости меня, — сказала она. — Ты не виноват, что папа умер.

Борланд взволнованно провел рукой по лицу.

— Родная, мне надо очень много рассказать про жизнь твоего отца в Зоне, — признался он. — Господи, ты ведь все эти годы не знала, где он и чем занимается. Я провел все это время в его компании и твердо говорю, что именно Технарь сделал из меня человека. Но об этом мы поговорим позже, когда уйдем отсюда. Нас тут больше ничто не держит.

— Уже уходите? — поинтересовался Клинч. — Значит, вы точно оставляете меня решать участь Монолита?

— А ты бы предпочел, чтобы мы решали ее без тебя? — спросил Марк. — Это ты всегда хотел иметь подобную власть, не мы.

Кунченко покрутил в руке один из кристаллов.

— Да, — согласился он. — Мне еще не попадались люди, которые получали бы любую власть случайно. Да еще и такую огромную власть. Ты — первый из них.

Марк слегка улыбнулся.

Когда дверь распахнулась, Уотсон попытался сдержать себя в руках. После суточного пребывания в застенках Коалиции его самообладание почти исчезло. Хотя его не били и не оскорбляли, если не считать инцидента в вертолете, все равно ожидание и неизвестность слишком сильно давили на психику.

Вошел Консул.

— Готов отправиться на волю? — спросил он.

— Готов, — ответил Уотсон. — Что надо сделать?

Консул прикрыл за собою дверь, сунул руку за спину и вытащил странный кинжал.

— Сейчас тебя отвезут на «Росток», — сказал он. — Там ты отдашь этот нож Борланду. Если увидишь Клинча, то скажи ему, чтобы он никуда не ходил. Так и передай: переговоров не будет и быть не должно. Запомнил?

— Да.

— Повтори.

Уотсон повторил все слово в слово.

— Отлично, — кивнул Консул. — И скажи Клинчу еще кое-что. Глок войны не хочет, так что Клинч может ее не начинать. В случае несогласия Глок ответит ударом на удар. Однако если война все-таки случится, то клиенты будут против. Это очень важно. Скажи Клинчу, что клиенты против войны. Он поймет, что ему делать.

— Я никогда не видел Клинча, — начал оправдываться Уотсон.

Консул только устало рукой махнул.

— Обратишься к Борланду или Аноубису, они помогут. Теперь иди за мной. Времени мало. И еще кое-что для тебя лично. Если окажешься в Рыжем лесу, то запомни, как можно пробраться в Припять под землей. Для этого тебе понадобится помощь моего человека...

Пять минут спустя Уотсон уже летел в Ми-38 в Зону. Проводив вертолет взглядом, Марк наконец ответил на входящий вызов жужжащего коммуникатора.

— Северин! — рявкнул голос. — Ты куда пропал? Ты мне нужен!

— Извини, Глок, я был занят, — сказал Марк, двигаясь через взлетную полосу к лифту. — Сейчас спущусь.

Он выключил связь, прежде чем дойти до лифта. У распахнутых створок стояли два силовика Коалиции. Бекон и Лодочник. Тем примечательнее были их прозвища, что кличками не являлись, это были настоящие фамилии. Силовики внешне не изменились с тех пор, как Марк впервые увидел их в машине, которая забрала его почти от дверей родного дома в Зону. И смотрели все так же насмешливо.

— Северин, тебя хочет видеть Глок, — сообщил Бекон. — И быстро.

— Я как раз к нему иду, — сказал Марк. — Мы только что разговаривали.

— Нет, голуба, — сплюнул Лодочник. — Мы пойдем все вместе.

Марк позволил завести себя в лифт. Как только он поехал вниз, Марк тут же ощутил упирившееся в бок дуло пистолета. Лодочник, стоявший сзади, крепко держал его за плечо свободной рукой.

— Знаешь, Северин, чего я никогда не мог понять? — проговорит Бекон, глядя недобрыми глазами. — Как такая шестерка, как ты, смогла взлететь так высоко, подобно соколу? Ты тут и двух лет не проторчал, а уже зам в научном отделе. Солдатиками крутишь, порою и денежками. В любой момент резервируешь вертоль, летаешь — не хочу. Как такое может быть, а?

— Видимо, надо умело шестерить, — ответил Марк.

Лодочник ударил его в спину, и Марк упал на колени, держась за поручень лифта. Бекон сорвал с него рюкзак, открыл и начал копать.

— Сильно умный, да? — спросил он. — Ну, так знай кое-что. Глок на тебя очень зол, чувачок. Он распорядился привезти в Зону твою благоверную. Чтобы тебе резвее работалось. И поручил нам с Лодкой за ней присматривать.

Марк ничего не ответил, только продолжал дышать со злостью.

— Но мы с тобой договоримся, так ведь? — подмигнул Бекон. — Мы хорошие, нас устроит и финансовое разрешение вопроса. А поначалу — что ты там с собой в рюкзаке таскаешь? Наверняка у тебя есть что-то интересное... Это еще что такое?

Бекон держал в руке черный цилиндр с отходящей пластиковой ручкой. На поверхности мигал красный огонек.

— Это? — Марк выпрямился. — Детонатор.

— От чего?!

Схватив Бекона за руку, Марк сжал его пальцы вокруг детонатора. Раздался взрыв, лифт сильно тряхнуло, и кабина полетела вниз. До нижнего этажа в бункере оставалось немного, но толчок был достаточно сильным, чтобы все попадали на пол.

Не вставая, Марк врезал Лодочнику ногой по лицу, выхватил его пистолет и с близкого расстояния выстрелил Бекону в лоб, разбрызгав мозги по стене кабины. Вскочив, он пустил две пули Лодочнику в грудь.

— От лифта, — сказал сталкер.

Подхватив рюкзак, Марк открыл двери и вышел в пространство бункера.

На верхнем уровне уже раздавались возгласы. Впереди по коридору стояли и глазели на Марка местные системные администраторы.

Марк выстрелил в потолок, заставив всех с воплями разбежаться.

— Хрен вам всем, а не мою семью, — процедил Марк сквозь зубы. Взрывать лифт так рано в его планы не входило, но обратно он мог выбраться и по лестнице в дальнем углу. Это означало, что времени у него еще меньше.

КПК снова завибрировал, однако сталкер и не думал смотреть, кто это. Заглянув в серверную, он оказался перед запертой дверью. Быстро вытащил карту, провел по считывателю.

Ничего.

Очевидно, коды безопасности уже сменились. Не теряя ни секунды, Марк вытащил заряд пластиковой взрывчатки и разместил на замке.

Через минуту половина двери вылетела. Вторая осталась стоять мертво, и Марк протиснулся в образовавшуюся щель.

Ровные ряды стоек с оборудованием содержали все, от чего следовало избавиться. Все наработки Коалиции по артефактам, видам излучения, базы данных сталкеров и служащих Периметра. Были здесь и труды Марка, включая настоящие научные прорывы, созданные в моменты озарения, когда у него случались периоды рабочего энтузиазма. Все эти связи следовало уничтожить.

Марк быстро заминировал основные узлы. Час назад он уже успел вывести из строя запасной дизель-генератор, архивы и пожарную систему. Когда здесь начнется пожар, вся комната будет уничтожена.

Служащим его уровня не был доступен арсенал, но Клинич в свое время быстро решил эту проблему. Однако даже в этом случае у Марка не было доступа к взрывчатым веществам, поскольку с этим на базе было строго. Весь использованный сегодня запас пластида Марк накапливал четыре месяца.

Покинув серверную, Марк бегом направился к лестнице. Было слышно, как со стороны лифта кто-то уже пытается спуститься. Заведомо лишних жертв Марк не желал, но не мог дать врагам время, чтобы разминировать узлы. Поэтому, как только он добрался до лестницы, то тут же вдавил кнопку на другом детонаторе.

Взрывом снесло половину перегородок на этаже. Марка обдало струей горячего воздуха, сталкер укрылся за углом, глядя, как коридор наполняется дымом и крупной пылью.

КПК снова задрожал, и на этот раз сталкер не упустил возможности ответить на вызов Глока.

— Консул на связи, — сказал он, поднимаясь по лестнице.

— Привет, — послышался голос Клинича. — Узнал?

Глава 29

Шептун

— Остальное тебе известно, — закончил Марк. — Я выбрался на башню, чтобы спуститься со стены и добраться до Бара. Но не получилось. Глок все же выследил меня. Благодаря вашей с Борландом помощи я выбрался в Зону. И теперь мы все здесь.

— Мы с Марком решили перестраховаться, — добавил Борланд. — Не подавать вида, что знакомы друг с другом. Конечно, многие видели нас вместе два года назад, но я делал вид, что не знаю ничего о намерениях Консула. Перед рядовым Сажиним пришлось целую сценку разыграть. Так надо было, Клинич. Для сохранения хоть какой-то безопасности.

Майор Кунченко уже не возился с кристаллами. Он стоял прямо, почти по-военному. Было невозможно понять, о чем он думает: то ли привыкает к новой для себя роли, то ли ищет путь к возвращению прежней. Клинич оглядывал стены помещения, и казалось, что майор смотрит намного дальше, на Зону и остальной мир за ней, словно возводя мысленные преграды и сдвигая их по своему усмотрению.

— Только сейчас все, что ты сказал, сложилось как должно, — сказал Клинич. — Если я правильно понял, дело не в деньгах и не во власти? Все это было ради одной девчонки?

— Почему же? — возразил Борланд, помогая Литере встать. — Ради двух.

— Прошу прощения, я ошибся. Ради двух. Теперь вы что станете делать?

— Пойдем домой, — ответил Борланд. — Марк знает точку выхода.

— Не та ли, по которой ушел Фармер?

— Именно та.

— И оставляете меня решать судьбу Зоны.

— Да.

— Годится, — кивнул майор. — Идите.

Для Марка это было слишком неожиданно.

— То есть ты согласен? — спросил он.

— Почему бы и нет? Не скажу, чтобы так стремился забраться на вершину пирамиды, мне ближе участь серого кардинала. Однако короли приходят и уходят. Да. — Клинич с воодушевлением усмехнулся. — Боссом я не стану. И не мечтайте. Но смогу присматривать за теми, кто придет после Глока. Это надежнее, поверьте.

— А Монолит?

— Будет собран.

— Спасибо, майор, — поблагодарил Марк. — Извини, что так получилось с вертолетом.

— Закажу себе новый.

— Только не у Монолита.

— Конечно. У «камовцев».

Марк постоял еще немного, затем наклонился, взял один из фонарей и пошел к выходу.

— Пошли, — сказал Борланд, крепко держа Литеру за руку. — Пора уходить домой.

Кунченко смотрел, как они проходят мимо.

— Если вы мне понадобится... — начал он, но не договорил.

Марк посветил на него фонарем.

— В таком случае я могу разве что посоветовать подумать дважды, прежде чем пытаться нас искать, — ответил он. — Не разочаровывай меня, Владимир.

— Марк, — немного укоризненно произнес Клинич. — Ты меня за дурака держишь? Я все понимаю. Ты думаешь на много шагов вперед, но порою все же недостаточно далеко. А если я тебе тоже понадобится?

— Вот тогда и поговорим, — ответил Марк. — Прощай, майор.

— Прощай, Консул, — произнес Кунченко.

Борланд долго смотрел ему в глаза.

— Хороший ты мужик. Клинич, — сказал он. — Есть в тебе что-то такое. Удачи тебе на войне. На любой войне.

Клинич молча поднял ладонь в знак прощания. Коротко кивнув, Борланд повел Литеру прочь от этого места.

Снаружи Саркофага в пределах видимости не было ни единой живой души. Небеса вновь затянуло тучами, но в этот раз они не казались грозными. Вдалеке пылал Рыжий лес, выпуская на волю стену густого, черного дыма. Припять снова пребывала в затишье.

— Непривычно тихо, — признался Марк. — Только сейчас я вспомнил, что встретил Зону именно такой, когда попал сюда в самый первый раз. Тогда тишина пугала неизвестностью. Зона

тихая, даже во время выброса она тихая по-своему. Суетливы только люди. Отвык я от тишины за это время.

— Да, — подтвердил Борланд. — Голова шумит. Но остался последний рывок. Выбраться отсюда. А там и подумать можно, и поговорить.

— Куда мы идем? — робко спросила Литера.

— К восточному концу Зоны, — ответил Марк, приветливо глянув на девушку. — Там спуск под землю и прямой проход за пределы Зоны. Если мы кого-нибудь там встретим, то только друзей.

— Фармер и Уотсон тоже там, — сказал Борланд. — Они в полном порядке.

Литера засмеялась. Звонко, словно последней ужасной недели не было.

— Что это? — спросил чей-то голос. — Я не слышал таких звуков раньше.

Марк остановился.

— Борланд, это ты сказал? — спросил он.

— Нет. — Сталкер положил руку на пистолет. — Значит, это...

— Контролер? — произнес голос.

Литера толкнула Борланда, показывая в сторону.

Со стороны монумента двигалась человеческая фигура в балахоне. Движения были немного медлительными, в них почти не чувствовалось энергии.

— Тибет, — сказал Борланд. — Контролер Тибет.

— Да, это я, — подтвердил гость. — Монолит чувствовал, что я иду... он снял радиацию. Без нее я ослабел.

Дыхание контролера было шумным и тяжелым.

— Зачем ты здесь? — спросил Марк.

— «Горизонт событий» закончился не так, как надо, — ответил контролер. — Вы должны были уничтожить Монолит.

— Мы это сделали.

— Чтобы собрать снова. Я не позволю.

Борланд попытался оттолкнуть Литеру за спину, все еще чувствуя пальцами рукоятку пистолета. Тибет повернулся к нему.

— У тебя больше нет ножа Сенатора, чтобы противостоять мне, — хищно предупредил он. — Я говорю. Возвращайтесь обратно, убейте человека у Монолита, не дайте собрать камень снова. Монолит должен быть разрушен.

— Нет, — отверг Борланд.

Контролер издал дикий рев. Было похоже, что он возвращается в первичное, звериное состояние.

— Я могу заставить вас! — прорычал он.

— Хорошо, — сказал Марк. — Так заставь.

Вопль ярости был ему ответом.

— В доме Доктора я мог убить тебя, — прошипел контролер. — Мне никто бы не помешал. Ни Доктор, ни Уотсон, ни Шептун, ни даже этот... кот! Я позволил тебе расколоть Монолит, но ты не можешь позволить его собрать.

Марк сунул руку в карман.

— Умеешь читать мысли? — спросил он. — Тогда читай, что я намерен сделать.

Контролер отступил на шаг назад.

— Камень... что?

Сгустившаяся было атмосфера давления на миг рассеялась. Марк быстро вытащил что-то из кармана и отскочил в сторону.

Борланд повалил Литеру на землю, падая сверху. Над ним пронеслось пламя, имевшее вид плоского диска.

Тибет не успел увернуться от охватившего его огня. Балахон затрещал, контролер завыл в бешенстве.

Следом за пламенем его поразили электрические разряды. Тибета отбросило на несколько метров в сторону, он тут же поднялся и начал срывать с себя обрывки горящей одежды.

Выдернув пистолет, Борланд выстрелил ему точно в голову. Раз, другой. Контролер упал

замертво.

Поднявшись, Борланд осторожно приблизился к нему, держа оружие наготове. Изувеченное тело контролера лежало перед ним — дымящееся, постепенно чернеющее и пожираемое языками пламени.

— Оставь его, — сказал Марк. — Он мертв.

— Да, — подтвердил Борланд, убирая пистолет. — Похоже на то.

Литера смотрела на предмет, который Марк держал в руке.

— Что это? — спросила она.

— Черный кристалл, — ответил Борланд, подходя к ней. — Штуковина, создающая управляемые аномалии. Марк не упустил возможности обзавестись камнем снова. Признаться, я ничего другого и не ожидал.

— Именно так, — сказал Марк, ведя всех на восток. — Неизвестно, что нас ждет. Я покончил и с Зоной, и с Коалицией. Но если что-то снова пойдет не так, то на этот раз я буду во всеоружии. Я хочу быть готовым ко всему. Когда Клинч соберет Монолит, он не заметит, что не хватает одного куска. Зато после этого мощь Монолита будет еще меньше, чем раньше. Пусть незначительно, но все же меньше.

Он спрятал камень обратно.

— Не убирай далеко, — посоветовал Борланд. — Эта вещица нам еще пригодится. Нам через всю Припять идти. Хотя лучше в обход.

— Кто это был? — спросила Литера, оглянувшись на труп Тибета.

— Не смотри, ласточка. Это был контролер.

— Но он разговаривал.

— Да, он... — Борланд посмотрел на тело. — Упомянул Шептуна. Очень странно.

— Шептуна? — переспросил Марк. — Не того ли самого? Из «Набата»?

— Я другого не знаю.

— Да, Шептун! — добавила Литера. Ее лицо просветлело, словно девушка вспомнила о чем-то очень приятном. — Он эту неделю жил у Доктора, вместе со своим котом. А сегодня он где-то в Припяти. Можно идти через город, путь теперь свободен! Шептун для нас все расчистил.

— Родная, Шептуна давно нет, — сказал Борланд. — Как он мог жить у Доктора?

— Он мне сам сказал, — ответила Литера.

Борланд озадаченно оглянулся на Марка. Тот хмурился и о чем-то думал.

— Литера, ты уверена? — спросил Борланд. — Может, ты что-то путаешь?

— Ничего я не путаю, — ответила она. Ее большие глаза светились искренностью. — Просто ты его знаешь под другим именем.

— Каким именем?

Марк схватил себя за лоб, подавив смех.

— Я понял, — сказал он. — Борланд, не волнуйся. С Литерой все в порядке.

— Да что тут происходит? — спросил сталкер. — В доме Доктора не было никого, кроме кота Маркуса, Уотсона и... о черт.

— Теперь понял?

— Да... то есть нет. Вы, двое, хотите сказать, что наш оранжевый любитель сладостей, летающий по Зоне, не кто иной, как легендарный Шептун? Последний выживший из первого клана, «Набата», который существовал здесь четыре года назад?!

— Именно так, — сказала Литера. — Для Маркуса не было разницы, кто перед ним — человек или полтергейст. Он видел Шептуна, своего хозяина. И для Тибета не было разницы. И для меня тоже... теперь.

— Хм, — задумался Борланд. — День точно полон на сюрпризы. Узнать, что за этой милой апельсиновой мордой скрывается душа человека, заложившего основы клановой системы? А Клинч уже выехал на его наработках?

— Оставь Апельсина в покое, — сказала Литера, беря его за руку. — Шептун хотел помогать людям и бороться со злом, вот и нашел способ. И он счастлив в своем призвании.

Глава 30

Исход

Было уже утро следующего дня, когда Марк, Борланд и Литера выбрались на дорогу, ведущую до Киева. Зона осталась далеко позади, густой лес скрывал полностью и стену Барьера, и возвышения атомной электростанции. Неподалеку находилось село со звучным названием Новый Мир. В его окрестностях Марк объявил, что они дошли до места.

— Здесь мы и остановимся, — сказал он, взглянув на часы. — Нас заберут минут через сорок.

— Как ты узнал, к какому времени надо разобраться с делами в Зоне? — спросил Борланд. — Неужели у тебя все по минутам расписано?

— Не совсем. Нас тут будут ждать...

— Дважды в сутки, ежедневно, появляясь каждые двенадцать часов. Те же указания, которые ты дал Ореху.

— Точно, — подтвердил Марк. — Осталось немного.

Литера села на траву, снова доставая двухлитровую бутылку с водой, найденную в туннеле Коалиции. Всю воду Марк и Борланд отдали девушке, поскольку после перерождения ей хотелось пить каждые полчаса.

Борланд долго смотрел вдаль.

— Как думаешь? — спросил он. — Клинч соберет Монолит?

— Это уже не наше дело, — ответил Марк. — Пусть делает, что хочет. Но если бы он отказался сразу...

Марк глянул на пистолет, лежащий на ладони.

— Ты убил бы его, — закончил Борланд.

— И затем пришлось бы скрываться всю жизнь, — сказал Марк.

Он спрятал пистолет.

— Я еще ни разу не сталкивался с этой очевидной истиной настолько прямо, — произнес он. — Порою и другом, и врагом могут оказаться самые разные люди. В том числе и случайные.

— А в жизни вообще не бывает людей, кроме случайных, — ответил Борланд. — Если семью не считать.

Марк ничего не ответил. Борланд сел рядом с Литерой, задорно дотронулся до кончика носа девушки.

— Ну? — спросил он. — Как ты себя чувствуешь?

— Уже вполне хорошо, — сказала Литера. — Только устала.

— Ничего, ласточка. Идти больше не надо.

Девушка положила голову на колени. Затем произнесла:

— Марк?

— Да?

— Я вспомнила тебя. Только сейчас.

— В каком смысле? — спросил сталкер.

— Я тебя видела. В своих видениях, когда папа умер. Видела твое лицо. Ты склонился над ним, пытался помочь. Достал артефакт, чтобы папа сумел вылечить меня от лейкемии. Спасибо тебе.

Марк стушевался. Не зная, что делать, он уставился вдоль дороги.

— Да, он такой, — сказал Борланд. — Литера, смотри на этого парня. Перед тобой стоит человек, равных которому по интеллекту и силе воли я не видел никогда. Он уже дважды наносил Зоне мощные удары, после которых все в ней необратимо менялось. Будь я проклят, если лгу, но Марк именно тот представитель великих личностей, которые творят историю.

— Нет, — сказал Марк. — Я не такой. Мне все это не было нужно.

— Друг, ты скромничаешь.

— Единственный, кто тут велик, — это Сенатор.

— В смысле? Разве не ты придумал, как снять купол с Припяти и сломать Монолит?

— Я, но что это меняет? Борланд, сам подумай. Все, что мы с тобой сделали, все, что делали те, кого мы вовлекли в эту войну, — было лишь мелкими шажками на пути к цели, задуманной еще Сенатором. Он хотел все исправить, остановить вторжение Монолита, причем сделать это так,

чтобы никто не получил технологий другой стороны. Его народ не должен был заполучить нас, а людям нельзя было овладевать мощью Монолита. Чем дольше я думаю над этим, тем больше прихожу к мысли, что Сенатор просто старался оставить все как есть. Но он не мог противостоять ни желанию людей поработить Зону, ни намерениям своих соплеменников высвободиться и рассеяться по нашей планете. Борланд, мне страшно. Зона никуда не денется, а два мира вечно будут сталкиваться друг с другом, пока наконец не сойдутся в конфликте. И тогда я не предскажу, что произойдет.

Борланд покачал головой.

— Я не знаю, что сказать, — признался он.

— Сенатор мудро распорядился тем, чем располагал, — Марк устало прислонился к стволу дерева. — Он понимал, что один в поле не воин. У него были лишь знания о своей цивилизации и нож. И он распределил все это между мной и тобой. Зачем? Он же не мог представить, что мы в самом деле захотим всем этим пользоваться. Или все же мог? Знал ли Сенатор, что мы получим стимул сразиться с Зоной?

— Сейчас я могу поверить во все, — ответил Борланд. — Но меня утешает мысль, что не я начинал эту войну, зато сделал все, чтобы ее закончить. Мы выжили и победили.

— Точно ли победили? — усомнился Марк. — Я ни в чем не уверен. Сделал ли я все, на что имел право, или же перегнул палку?

— Вечные вопросы. Мы можем раздумывать над ними остаток жизни, но так и не поймем, что к чему. Так, может, и не стоит ломать себе головы? Что сделано, то сделано.

— Да, наверное, так и есть, — сказал Марк. — Я лишь хотел счастья для Полины. И не знал, как еще можно было добиться этого. Другого способа просто не было. Мне пришлось ударить по интересам очень многих людей во имя личной цели.

— Папа делал то же самое, — тихо произнесла Литера.

— Да, ласточка, он жил именно так, — подтвердил Борланд.

Некоторое время стояла пауза.

— Значит, Технарь поступал правильно, — с горечью подвел итог Борланд. — Поставил семью выше всего остального мира. И теперь его выбор кажется мне самым разумным из возможных. Дай Бог нам всем обрести прощение и покой на этом пути.

Как только стрелка часов пересекла верхнее деление, вдалеке показалось движение. Сперва стала видна крыша автомобиля, затем характерный изгиб фар, и вскоре напротив Марка остановился красный «Форд Фокус 3».

Открылась дверца, и из салона выпорхнула миловидная девушка в синих джинсах, фиолетовой курточке и черной кепке. Марк тут же заключил ее в продолжительные объятия.

— Здравствуй, — зашептал он ей на ушко.

— Привет, — ответила она, смахнув со щеки слезинку. — Все в порядке?

— Да. Идем.

Борланд подвел Литеру к автомобилю.

— Полинка, привет! — сказал он. — Совсем не изменилась. Сколько тебе, двадцать четыре?

— И не надейся! — ответила девушка. — Девятнадцать.

— Ну-ну, — закивал Борланд. — Паспорт врет, значит?

— А то!

— Рассаживайтесь и поехали, — скомандовал Марк. — Полина, что у тебя есть из своей одежды?

— Сейчас. — Девушка обежала машину кругом и открыла багажник. — Полно всякого барахла.

— Достань для Литеры что-нибудь.

— Хорошо! А вам, мальчики, придется довольствоваться тем, что тут найдете.

Литера прижалась к плечу Борланда.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Туда, где ты обещала мне свидание.

Большие красивые глаза уставились на сталкера.

— О! — удивленно произнесла Литера. — «Фиалка», кафе Капитана.

— Точно, — довольно сказал сталкер. — Не передумала?
— Что ты, конечно, нет!
— Да, чуть не забыл, — добавил Борланд. — Меня зовут Алексей.
Девушка коротко рассмеялась, прижав пальцы к губам.
— Алена, — представилась она.
— Надо запомнить.

Борланд открыл заднюю дверь «фокуса», пропуская Литеру.

Пять минут спустя автомобиль уже ехал в направлении Киева. Полина за рулем щебетала о разных событиях, случившихся в последние месяцы, и о будущих планах, Марк слушал ее, не перебивая. Казалось, он чуть не отключался из-за огромной усталости, но неизменно находил в себе силы отвечать на любые вопросы, вкладывая в каждый слог щедрый запас любви.

Литера уже успела привыкнуть к новой блузке и смотрела в окно. Почувствовав на плече прикосновение, она оглянулась.

— Все в порядке? — спросил Борланд.

— Да, — ответила девушка. — Разобралась с прошлым. Меня немного беспокоит только будущее.

Борланд подарил ей взгляд, полный уверенности. Затем вытащил из кармана куртки заостренный черный предмет и показал Литере.

Небольшой кристаллический камень.

— Будущее под нашим контролем, — произнес он. — Я об этом позабочусь.

Литера понимающе улыбнулась. Она протянула Борланду руку, и тот нежно пожал ее. «Фокус» повернул на юг и помчался вдаль. К новым горизонтам.

<http://electrobooks.3dn.ru/>

Сайт любителей чтения

(Цикл «Борланд» — книга 3)¹

¹ Цикл «Борланд»: 1. Песочные часы (2008); 2. Тайна полтергейста (2010); 3. Горизонт событий (2011)